

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2013
№14

2013 № 2 (14)

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Редакционная коллегия
К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский,
Е.С. Галкина, О.В. Кильдюшов, М.Н. Любомудров, О.Б. Неменский,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЕ И ГОСУДАРСТВО

Игорь Шафаревич

Русское национальное государство3

Геннадий Шиманов

Национализм или патриотизм?6

Виктор Дьяков

Зачем русским государство?9

Александр Жучковский

Трудно быть патриотом12

Тема номера. НАЦИОНАЛИЗМ И ВОЙНА

Павел Святенков

«Есть вещи поважнее, чем мир»18

Николай Клёнов

Выход из тупика22

Сергей Сергеев

Русский национализм и войны императорской России52

Тимофей Дмитриев

«Не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов»60

Къабарчи Дзакаре

ИРА против Соединённого королевства89

Елена Галкина

Сирийская трагедия: власть, общество и гражданская война125

РУСОФОБИЯ

Олег Неменский

Технологии дерусификации137

РУССКАЯ ДИАСПОРА

Наталия Холмогорова

«Мы хотим сохранить свое национальное “я”»146

СССР ЖИВ?

Олег Кильдюшов

Неудобное большинство161

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Сергей Коростелев

Российский футбол как арена межэтнической борьбы173

НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО

Сергей Петров

«...Потомки Золотой орды... дики, злы и ненавидят русских»186

ЮБИЛЕИ

Бесстрашие мысли194

ПОЛЕМИКА

Александр Севастьянов

Всадник без головы206

Авторы номера239

Summary240

Игорь Шафаревич

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Сейчас наш народ переживает глубочайший кризис, самое время нам попытаться осознать, какие же созданные историей силы есть в нашем распоряжении, на что мы можем опереться.

Многие малочисленные народы, которые живут среди более многочисленных, часто вырабатывают чувство взаимной поддержки или спайки, когда близость общих стереотипов поведения позволяет лучше оценить человека и делает его более надёжным в сотрудничестве. Так образуются национальные группы в очень многих областях — от сицилийской мафии до контроля над московскими рынками. Но такого чувства сплочённости русские (я думаю, это видно сейчас особенно ясно) не выработали. Другие народы в высшей степени обладают способностью согласованного действия. Особенно эти качества выражены у еврейского народа. Один из ведущих национальных идеологов еврейского народа XIX века Генрих Грец однажды назвал это «чудесной взаимосвязью, нерасторжимо соединяющей членов еврейского мира».

Выработал ли русский народ исторические инструменты адаптации за свою длинную историю? Кажется, что да. Это создание своего национального государства, цель и оправдание которого — защита народа, причём не только его границ, но и его духовной, экономической и даже чисто биологи-

ческой жизни. Конечно, национальное государство — это не специальное русское изобретение, но в России именно этот социальный фактор бывал спасительным, и особенно это ясно было в XIII–XIV веках, когда Россия под монгольским игмом как бы провалилась в такую же глубокую историческую яму, как сейчас. Тогда в летописях задумывались о причинах того, что случилось с Россией, как задумываемся мы сейчас. И ответ обычно был такой, что это кара Божия за распри князей, то есть, на современном языке, — за утрату общегосударственного чувства. И укрепление государства тогда дало выход из того положения, которое, казалось, было безнадежным.

И народ, видимо, осознавал эту роль государства как своего защитника и поэтому многое терпел: и закрепощение (пока это была «крепость земле», а не превращение в частную собственность, в холопа), и другие тяготы тогдашней суровой жизни. И в результате государство дало возможность народу за два-три века вырасти так, что он потом смог сам после Смутного времени восстановить разрушившееся государство.

Поэтому похоже, что и теперь у русских есть лишь одно средство, чтобы снова стать жизнеспособным народом, — это создание сильного русского государства, которого, конечно, опасаются все те, кто желал бы господствовать над русскими или чтобы русская сторона была слабее в мире.

Мне кажется самым существенным фактором то, что государство являет-

В основе текста — выступление автора, состоявшееся в студии «Народного радио» 8 октября 2006 г. (беседа вёл И.С. Шишкин).

ся только инструментом или средством для достижения вполне определённой цели — защиты народа. Но, конечно, любой инструмент, как бы совершенен он ни был, может действовать эффективно, а может действовать неэффективно, может даже быть кем-то использован для совсем непредусмотренных целей.

Марксизм рассматривает государство исключительно как орудие классового господства. Но, например, в XV–XVI веках, наоборот, казалось бы, государство всех защищало. Однако нельзя не признать, что в некоторых условиях государство становится орудием господства определённого правящего слоя. Собственно, иначе не может и быть. Основная часть народа не имеет сил выработать стратегию поведения в целом. Как и в каждом организме, большинство клеток работает просто на то, чтобы организм жил, — это главная его цель.

Глубинной причиной теперешнего кризиса является то, что мы лишены правящего слоя, который свою цель видел бы в защите народа. А как следствие — он не может, да и не хочет укрепления такого средства защиты, как государство. Достаточно вспомнить последний кризис, который мы пережили в конце 80-х — начале 90-х годов. (Собственно, эта ситуация сохраняется до сих пор.) Он происходил под оглушающие крики, какое-то улюлюканье о необходимости покончить с «последней империей», что было очевидной бессмыслицей, потому что Советский Союз распался. Тогда поднимали на щит любого врага, будь то Дудаев или Басаев. Видно было, что без разрушения государства желаемые «реформы» произвести не удастся.

Мне представляется, что механизм образования правящего слоя играет второстепенную роль: формируется ли он наследственно, через выборы, под влиянием денег, захватом власти или через пропаганду в средствах массовой информации и т.д. Принципиаль-

но другое: отстаивает он или не отстаивает интересы народа, укрепляет или не укрепляет государство для его защиты. Современный правящий слой этих функций не выполняет, и, как следствие, мы не имеем и государства, которое защищало бы наш народ. Народ стремительно вымирает, и об этом иногда, время от времени, упоминается для красного словца.

Политические отношения России и Запада состоят из цепи односторонних уступок со стороны России, которые всячески подчёркиваются. Например, закрытие какой-нибудь базы России не сопровождается аналогичным действием другой стороны. Это подчёркивает, что мы делаем уступки не в порядке партнёрства, а обязаны их делать как проигравшая сторона, вроде выплаты контрибуции победителю.

Если взять другую сторону жизни, то недавно президент Белоруссии на одной пресс-конференции в России сказал, что на наши доходы от нефти мы могли бы жить, как в Кувейте, или хотя бы на среднеевропейском уровне. Но Россия вообще должна жить не на доходы от нефти, а от наукоёмкого производства, на что она вполне способна. В то же время большей частью народ живёт в полной нищете. И государство не препятствует этому. Таково теперешнее положение, которое нам необходимо осознать прежде всего. У русского народа нет своего государства, которое бы стояло на страже его жизненных интересов.

Советский Союз был создан как некое временное государственное объединение, к которому, по мере победы мировой революции, будут присоединяться всё новые и новые республики. Когда в 1923 году в Германии созрела, как тогда считали, революционная ситуация, то в газете немецких коммунистов «Rote Fahne» были напечатаны программные статьи Зиновьева, Троцкого, Бухарина и Сталина. В частности, Сталин писал: «Несомненно, победа немецкой революции

перенесёт центр всемирной революции из Москвы в Берлин». То есть это временное государство предполагало также и перемещающуюся столицу — то в Москве, то в Берлине, а потом, может быть, где-то и дальше. Андропов считал главной задачей борьбу с опасными «русистами» — опубликовано его письмо, направленное тогда в Политбюро. И так до следующего силового перелома, уже в начале 90-х годов.

Мне обычно задают вопрос: «Так что же нам делать, что вы предлагаете?» Если такой вопрос понимать как программу каких-то физических действий, то должен сказать, что ответа у меня просто нет. Сейчас реальная и необходимая цель — это осознание активным слоем русских существующей ситуации, идейная готовность к изменениям жизни, чтобы не быть застигнутым врасплох будущими событиями.

По мере углубления кризиса на Западе будут становиться более реальными, более видимыми возможности создания государства в России, которое защищало бы наш народ. Сейчас нам упорно внушается мысль, что идёт глобализация, суверенные государства уходят в прошлое, и, соответственно, даже если русские люди и начнут укреплять государство, то пользы нам будет мало — это тупиковый путь. Конечно, это чистая демагогия! Потому

что, например, в Соединённых Штатах влияние государства всё усиливается, вводятся такие государственные меры контроля над населением, которые лет десять назад были бы немыслимы.

Конечно, в русской истории сильное государство играло такую роль, что очень трудно себе представить, чтобы от этого можно было бы излечиться. Точно так же, как нельзя излечиться от того, что мы — русские. Хотя надо помнить, что государство само по себе может быть и русским, и нерусским, а может быть и антирусским. Может исполнять чьи-то желания, служить какому-то слою. Например, государство играло роль в самом суровом закреплении крестьян, но, с другой стороны, именно через государство происходила отмена крепостного права. В России были созданы сильные и прогрессивные законы по охране труда. Рабочее законодательство России было одним из самых прогрессивных и радикальных в мире в начале XX века. Так что государство может играть такую роль, какую мы ему отведём.

Существенным является то, чтобы это было русское государство, чтобы правящий слой государства в основном состоял из русских. Это даст ему возможность ощущать нужды народа. Иначе он при всём желании этого сделать не сможет, да и желания такого иметь не будет.

Редакция и редколлегия «Вопросов национализма»
поздравляет выдающегося русского мыслителя,
члена редсовета и редколлегии «ВН»
с момента основания журнала
Игоря Ростиславовича Шафаревича
с 90-летием и желает ему здоровья, долголетия и новых
творческих успехов!

Материалы, посвящённые юбилею И.Р. Шафаревича, читайте
на с. 194–205.

ГЕННАДИЙ ШИМАНОВ

НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ ПАТРИОТИЗМ?

...Что вы!.. Как можно!.. Нас приучили шарахаться от русского национализма, как от какой-то скверны. Нам продолбили голову, уча, что мы — державная нация, поэтому нам не к лицу свой русский национализм. Нам нельзя, подобно другим народам, заботиться в первую очередь о себе. Наш долг думать сразу о всех и затыкать собою все дыры в общем доме, в котором русским не оставлено даже угла. Так воспитали нас наши враги, потому что именно в русском национализме правильное отношение русских людей к своему народу.

Национализм — это любовь к своим, верность своим, работа на своих и защита законных интересов своих соотечественников. В национализме здоровое понимание основы всякой общности — деления людей на своих и чужих. Понимание того, что это деление и разное отношение к своим и чужим придумано не какими-то злоумышленниками, оно установлено Творцом. Любить заповедано не чужих, а своих, потому что люди в их нынешнем грехопадном состоянии способны любить чужих, как правило, лишь за счёт сво-

их. По отношению к чужим достаточно справедливости и уважения, если они этого уважения заслуживают. Чужим можно даже помогать, если эта помощь не в ущерб своим. Но помогать чужим, когда они обворовывают и выживают из жизни твой собственный народ, значит соучаствовать в его убийстве.

Свои — это естественная и потому единственно здоровая духовная среда для всякого человека. В славянских языках само слово «свобода» происходит от корня, означающего «пребывание среди своих». Поэтому разрушение твоего народа — это разрушение твоей свободы, разрушение твоего нравственного лица. У кого его нет, тому и горя мало. У того и нет заботы о своём народе. Но разрушение твоего народа — это прежде всего и больше всего духовная катастрофа для твоих детей и детей их детей, обречённых жить в больном мире и дышать его гнилым воздухом с самого их появления на свете. Кто этого не понимает, тот не понимает ничего. При любых знаниях. А кто понимает, тот засыпает с мыслью о своём народе и просыпается с мыслью о нём. И это естественно.

Национализм сродни семейному сознанию, потому что нация в идеале — это большая семья. Но у нас не случайно смешивают национализм с шовинизмом, изображая последний не врагом национализма, не болезнью его, а высшим его проявлением. Что было бы справедливо, если бы высшим проявлением семейного сознания было желание поработить чужие семьи. Но если многие русские смешивают эти понятия по недомыслию,

От редакции. Когда этот номер был уже собран для вёрстки, пришло горестное известие о кончине одного из патриархов русского национального движения известного публициста Геннадия Михайловича Шиманова (1937–2013). В следующем номере «ВН» обязательно обратится к личности и идейному наследию этого замечательного мыслителя. Сегодня же мы в память о нём публикуем фрагмент из его статьи 1998 г. «Письмо в Аргентину», который в наши дни звучит удивительно актуально.

если для них такое смешение лишь отрывок «великой русской культуры» (не знавшей русского национализма) и советской идеологии, соединившей эти понятия в одной статье Уголовного кодекса, то для сегодняшних хищников, терзающих русский народ, это смешение — не заблуждение ума, но вполне сознательная уловка. Это способ поставить вне закона именно русское национальное сознание как потенциально опасное для их господства в России. Ибо склонность к шовинизму и шовинистическая практика вменяются ими не действительно хищным народам, но их жертве, добывание которой изображается как бы законной оборонительной реакцией вольнолюбивых народов на мнимое их угнетение русскими.

Вот как хорошо понимают значение русского национализма враги русского народа и как плохо понимают его значение т.н. патриоты. То есть люди, подменяющие любовь к своему народу любовью к родине, а русскую национальную проблематику — общероссийской проблематикой. Будучи, по дурной российской традиции, пангосударственниками, патриоты предельно политизируют общественную проблематику, не оставляя в ней места фундаментальным для жизни нации темам (осмысление которых как раз и питает здравую национальную политику). В результате работа по самоорганизации русского народа подменяется у них работой по созданию разнообразных политических химер. Пангосударственникам недосуг заниматься такими «мелочами», как возрождение русской семьи и создание русской школы, хотя будущее нации зависит главным образом от этих двух институтов.

Русская семья разрушена ныне до основания, а это значит, что нам не надо никаких врагов, мы и сами, без их помощи, вымрем и растворимся среди других народов, если не возродим её. Но то же самое можно сказать о рус-

ской школе, которой у нас не было ни в советское время, ни до 1917 года. Отсутствие русской национальной школы как раз и было главной причиной всех русских катастроф за последние столетия. Без русской школы у русского народа нет будущего. Но патриоты только делают вид, будто понимают эту азбучную истину. На самом деле, говоря о русской школе, они подменяют её гибридом из советской и дореволюционной школ.

Нашими патриотами не сделано ничего для самоорганизации русского населения в местах его проживания. И даже не выяснено: нужна ли нам русская территориальная община? Если нужна, то как её возродить в нынешних условиях? Как организовать русскую самооборону? Как организовать прямые связи между русскими производителями и русскими потребителями? Каким должен быть современный русский образ жизни? Нужны ли нам русские национальные законы и можно ли их выработать до создания русским народом его национальной государственности? Эти и подобные им вопросы, без решения которых невозможна самоорганизация русского народа, волнуют патриотических «державников» не больше, чем прошлый годний снег.

Патриотизм в том виде, в каком он был сформирован в имперский период нашей истории, а затем модернизирован в советское время, есть сочетание ослабленного или даже фиктивного национального чувства с разнообразными государственными идеями. Поэтому в патриотах у нас были все, кому было только не лень зачислить себя в их ряды. Патриотизм идеологически всеяден. В нём нет организующих нацию идей, они подменены в нём идеей служения своему государству или своей партии, которые решают, что хорошо, а что плохо. И в чём истинное благо России.

Если мы обратим внимание на содержание слова «патриотизм», то об-

наружим, что это всего лишь **чувство**, не более. Это не **национальное сознание**. Патриотизму отказано в праве на национальные идеи, но отказано вежливо, не демонстративно, а почти незаметно, в форме простой констатации факта. Это одна уловка. А вот другая: в патриотизме по воле его толкователей главное место принадлежит не народу, породившему человека, а месту его рождения. Эта отодвинутость народа, конечно, не случайна: национальные идеи связаны не столько с местом рождения человека, сколько с его народом.

Далее: хотя патриотизм определяется как любовь к месту рождения, но это место трактуется расширительно, оно политизируется и растягивается далеко за пределы национальных границ — до границ государственных. И получается, что патриотизм — это любовь не только к своей земле, но и к землям чужим, включённым в состав государства. Любовь, таким образом, расточается в пользу чужих родин. Хуже того. Своя земля (эта «малая родина», ставшая из единственной почему-то «малой») оказывается своей только условно. В соответствии с патриотическим сознанием, она часть общей земли всех сограждан, не только своих по вере и крови, но и чужих. Поэтому каждый из иноверцев и иностранцев может располагаться на ней, как у себя дома. Он имеет на неё те же права, что и коренные жители. А если богат и силен, то куда большие. В этом случае он истинный её хозяин.

Связь русской земли с русским духом в патриотизме уже надломлена и потому рано или поздно должна оборваться. Своя земля оказывается и своей, и не своей. И святыней, и проходным двором для кого угодно. Постепенно она перестаёт быть святыней и становится только проходным двором. А затем и окончательно чужою. Поэтому она сегодня так у нас забро-

шена и замусорена. Такую землю не жалко покинуть. И её покидают. Кто раньше, кто позже.

Превращение Русской земли в нерусскую заложено в патриотической идее, но оно не бросается в глаза. Оно обнаруживается в основном практически, оставаясь в теории замаскированным «любовью к родине». Воспитанным в патриотизме трудно понять, что патриотизм в российско-советском его варианте — это ловушка для простодушных. Это инструмент антирусской политики в руках правящих космополитов. Космополитическое государство использует патриотизм для эксплуатации национального чувства, охолощённого от национальных идей. Поэтому и трактует патриотизм как любовь к месту своего рождения, плавно переходящую в преданность существующему режиму. В силу искусственного характера патриотической идеи любой может повернуть её по-своему. В ней всё поворачивается в любую сторону, всё сжимается или растягивается, высвечивается или исчезает во мраке. Это каучуковое понятие, которому можно придать любую форму. Это сосуд, который можно наполнить любым содержанием.

Вот почему главным героем русской литературы должен стать не российский патриот с его близорукой и бессильной любовью к родине, а русский националист с его зоркой и деятельной любовью к своему народу. Такому герою совсем не обязательно быть гением или сверхчеловеком. Гении и сверхчеловеки уже завели нас в тряси-ну, выбраться из которой невозможно, если не заработают в каждом русском человеке его национальный разум и национальная воля. Дело не в том, какими дарами наделяет кого Господь, а в том, как мы используем эти дары. Служим ли ими Богу и своему народу или не служим.

Виктор Дьяков

ЗАЧЕМ РУССКИМ ГОСУДАРСТВО?

Для того чтобы ответить на вышеозначенный вопрос, есть смысл сначала ответить на другой: кто есть русские и какое место занимают они в современной России?

Бесспорно, это самый многочисленный народ в стране. Причем процент русских в общей численности населения России даже сейчас, после двух десятилетий депопуляции, то есть превышения смертности над рождаемостью, фактически не упал и составляет около 80%. Однако если «приглядеться» к национальной принадлежности обитателей верхних ступеней социальной лестницы, то самая многочисленная и неофициально вроде бы считающаяся главенствующей в стране нация явно не добирает свои проценты.

Бизнес, все равно какой, русские и трети не имеют. В крупном доминируют евреи, в мелком и среднем — кавказцы. Вспомните фамилии самых известных и высокооплачиваемых адвокатов. Опять из десяти фамилий русских будет от силы три. Возьмем наиболее престижную киноиндустрию. Ну, среди актеров еще может быть 50–55% русских (но никак не 80%), а среди продюсеров, режиссеров — и трети не наберется. Следующая наиважнейшая индустрия — телевидение. И здесь, какой канал ни включай, от нерусских фамилий в глазах рябит. И здесь для русских отведена все та же квота — не более трети.

Интересно эти цифры сравнить со статистикой национального состава населения нашей столицы, Москвы, основного политического, экономического и культурного центра страны, колыбели русского народа и государства. В Москве, самом престиж-

ном и удобном для проживания городе России, где имеются наибольшие возможности для развития личности во всех отношениях... так вот, в Москве официально русских свыше 90%. Но есть и теневой неофициальный подсчет, согласно которому русских в столице всего 31% от общей численности жителей. Если поверить этой цифре, то тогда в какой-то степени становятся понятны все вышеприведенные проценты национального состава работающих на центральных радио, телевидении, в киноиндустрии, адвокатуре, бизнесе, в среде преподавателей и студентов самых престижных вузов и т.д. и т.п.

А может быть, расхождение официальных и реальных цифр имеет место не только в Москве, но и по всей России? Высшее руководство, дабы не напрягать ситуацию, дает не подтвержденные ничем цифры, а на самом деле русских в России уже давно не 80%, а много меньше? Где же они есть-то, эти самые русские, если на самых престижных и хлебных ступенях социальной лестницы их явное меньшинство?!

Да нет, все оно верно, как говорится, бумага правильно написана — нас пока что еще действительно 80%. Для того чтобы обнаружить этих не видных на вершине айсберга русских и прочих коренных, надо опуститься в его подводную часть. Отъедьте от МКАДа километров на сто–двести — и вы сразу обнаружите те самые 80% в депрессивных городах и поселках, в вымирающих деревнях и селах. И если в Подмосковье еще можно довольно часто встретить живущих на постоянной основе представителей «пассионарных» народов, то чем дальше на север и восток, тем выше процент русского

и других коренных народов России (в число которых я не включаю народы Северного Кавказа).

Среди шахтеров Кузбасса и Воркуты вы не встретите ни евреев, ни армян, ни азербайджанцев, так же как среди металлургов, вальщиков леса, хлеборобов. Русских здесь будет, пожалуй, даже побольше 80%, а оставшиеся проценты опять же выбирают не «пассионарные», а другие коренные народы России, финноугры и тюрки, которые в основном делят в современной России вместе с русскими низшие ступени социальной лестницы.

Надо отметить, что русский народ не самый обездоленный из коренных. Есть этносы, и не такие уж маленькие, которые вообще не имеют представительств ни в среде крупного бизнеса, ни в центральных СМИ, ни в научной, ни в артистической среде. Их места на социальной лестнице в значительной степени или целиком поглощены представителями некоренных, но пассионарных народов, поселившихся на территории современной России где-то не более века назад. Сто лет назад даже евреи, подданные Российской Империи, в основном жили в пределах местечек, расположенных на территории современных Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, тем более не было здесь армян и прочих кавказцев. И именно они вместо значительной части русских и других коренных народов России, за их счет успешно развивают здесь свои навыки, умения, таланты...

Тут напрашивается такого рода расхожее возражение: народы, состоящие в основном из инертных, безынициативных людей, согласно теории естественного отбора уступают свои места энергичным, инициативным, талантливым — пассионарным. Однако позвольте не согласиться. Господь Бог наделяет способностями все народы поровну. Но чтобы состояться, талантливому еврею или армянину не нужна помощь государства, им помогут их

собственные семьи, родственники, их связи. У нас же, как правило, эти факторы не работают. В результате на современном российском Олимпе оказалось чрезмерно много представителей народов, не только не являющихся коренными, но и имеющих свои независимые государственные образования. Но они настолько успешны здесь, что при таком положении вещей никогда не захотят уезжать на свою историческую родину.

Но почему же так получилось, почему столь большой, стопроцентно грамотный, более того — осознающий себя великим народ позволил себя в своем же доме так основательно потеснить? На поверхности одно объяснение: по своему национальному менталитету в условиях рыночной конкуренции мы не можем соперничать на равных с представителями тех наций, которые как раз в таких условиях, что сложились в постсоветской России, чувствуют себя как рыба в воде.

Да, надо признать, как правило, мы в хитрости и изворотливости уступаем евреям. А кто им в этом не уступает?! Да, мы уступаем кавказцам в жестокости и семейно-клановой взаимовыручке. И опять же, а кто им в этом не уступает?! Это сильные стороны их ментальности, в которых они не имеют равных. Потому, если конкурировать с этими народами, так сказать, с открытым забралом, то мы обречены на роль аутсайдеров, ибо, образно говоря, будем «играть на чужом поле и по чужим правилам». Но мы у себя на родине, и это «поле» наше, и мы на правах хозяев должны устанавливать свои «правила игры». Так почему же сейчас мы не можем установить эти самые «свои правила»?

Одно из самых великих достижений русского народа в союзе со множеством прочих коренных народов России — это создание крупнейшего на планете государства. Наши предки создавали его, имея основной целью защиту от внешних врагов. Эту зада-

чу государство Российское с успехом выполняло на протяжении нескольких столетий. Но сейчас иная ситуация, сейчас внутренний враг, паразитирующий на теле нашего народа, куда агрессивнее и опаснее любого внешнего, ибо он уже захватил значительную часть нашего национального богатства и намеревается захватить еще больше. Потому пришло время менять вектор большой государственной политики, менять государственные приоритеты, потому что именно государство должно стать тем козырем, который поможет русским и другим коренным народам России выстоять в конкурентной борьбе с «пассионарными» этносами.

Да, именно так, потому что никакой честной конкурентной борьбы на российской социальной лестнице нет. Ведь евреи не стесняются использовать к своей выгоде, как я это именую, «мозговую эквилибристику», тысячелетиями выработанную их предками, умение развивать до предела свои умственные способности, что и позволяет им добиваться успехов прежде всего именно в экономических и интеллектуальных видах жизнедеятельности. Кавказцы тоже с успехом используют свои более никому не присущие ментальные особенности, этакую этнически-семейно-криминальную агрессию. Потому и нам должно быть не зазорно в борьбе с ними использовать возможности государства, построенного нашими предками для нас, своих потомков.

Но чем же занимаются сейчас государственные структуры? Невероятно, но устами Президента уже не впервые провозглашено: создать комфортные условия для жизни и деятельности армянской и азербайджанской диаспор. Да, сверхзадача так сверхзадача. Да эти диаспоры и без помощи нашего государства не бедствуют, а живут куда вольготнее и сытнее коренных народов России. Зато ни они, ни их предки не создали и не могут создать такое государство, как наше. У них нет и никогда не было этой ментальной особенности, ведь они не государственные, а семейно-клановые народы, а мы — государственный, так же как и татары, и финноугры, и прочие коренные народы России.

Мы — стержень, становой хребет государства. Мы — государственная нация, и государство нужно нам, но вот государство никак не осознает, что ему в первую очередь нужны мы, а не рвущиеся всеми силами наверх «пассионарные» народы. Так почему же государство заботится о ком угодно, в упор не видя своего кормильца, защитника, создателя, наконец? Лишая официальной поддержки коренные народы России, правительство лишает нас законного ментального преимущества, заведомо ставя нас в проигрышное положение в конкурентной борьбе с пассионарными нациями.

Нужно ли такое государство русским?

АЛЕКСАНДР ЖУЧКОВСКИЙ

ТРУДНО БЫТЬ ПАТРИОТОМ

Иные так расхваливают свою
страну, словно мечтают ее продать.

*Жарко Петан, словенский
писатель*

Слава России! Слава Газпрому!
Слава ОМОНу!

*Артем Акоюн, кремлевский
политтехнолог*

В постсоветской России понятие патриотизма в общественном сознании не единожды претерпело значительные трансформации. Будучи непривлекательным и попросту ненужным в 90-е годы (пока страну лихорадило, общество было занято вопросами «рынка» и элементарного выживания), патриотизм как идея реабилитировался в «нулевые». Связано это было не столько с политически мотивированной государственной пропагандой, сколько с усталостью граждан от бесконечного национального и государственного унижения. Можно сказать, что потребность в восстановлении национального достоинства и породила лимит доверия Владимиру Путину, явившему себя (точнее, явленному политтехнологами) именно в качестве «патриота-государственника» и «сильной руки», по которой так истосковалось в массе своей советское общество, ввергнутое в хаос 90-х. Хотя в то время Кремль еще экономил на дорогих политтехнологиях, а Администрация президента была просто управленческой структурой, а не идеологической и политической «кухней», как сегодня, — власти чутко уловили «дух времени» и удачно для себя провернули «патриотический» культ, удовлетворив заодно и запросы общества, в том числе посред-

ством «сортирного» решения кавказского вопроса.

Однако спустя некоторое время этот процесс пошел вспять, и сегодня в умах мыслящих граждан «патриотизм» вновь переживает не лучшие времена. Только если раньше до этой категории просто никому не было дела и в условиях постсоветской «рыночной лихорадки» быть патриотом было довольно нелепо (в основном это было уделом странных людей с красными флагами и просоветскими лозунгами), то сегодня все возрастающая непопулярность патриотизма связана с тем, что государство плотно взяло его в оборот и накачивает политически выгодным ему содержанием. Содержание это, помимо традиционного с советских времен антизападничества, имеет и солидную «антиопозиционную» компоненту. Сегодня прямо подразумевается, что патриот — это непременно режимный лоялист и пламенный ненавистник оппозиции. Причем быть просто не-оппозиционером недостаточно — нужно еще и публично засвидетельствовать ритуальную ненависть к «врагам государства», которые, конечно же, морально и финансово связаны с «Западом» и в особенности с Госдепартаментом США.

Систематические «игры патриотов» начались после 2004 г., когда в ходе «оранжевой революции» на Украине явственно обозначился политический крах московской политики на постсоветском пространстве и полный упадок морального авторитета и геополитического влияния Кремля в глазах «мирового сообщества». Именно тогда с целью реабилитации в глазах граждан и борьбы с «оранжевой угро-

зой» в собственной стране Кремлем был взят на вооружение истеричный антизападный патриотизм. Администрация президента серьезно озабочилась медийной политикой в нужном ей идеологическом ключе и занялась усиленным накачиванием умов молодежи «патриотизмом». Сама молодежь, объединенная в искусственно созданные организации («Молодая гвардия», «Наши», «Россия молодая»), стала использоваться в цинично-политических целях, в том числе в качестве инструмента для разборок с оппозицией.

«На полную катушку» кремлевский патриотизм стал работать примерно с 2007 г. («мюнхенская речь» Путина, на которую «купились» даже многие его критики), получил изрядную подпитку в 2008-м благодаря событиям в Южной Осетии («маленькая победоносная война») и достиг своего апогея в 2012-м во время путинской избирательной кампании. «Патриотизация» политики все это время происходила прямо пропорционально утрате доверия граждан к политической системе и власти. Если лимит доверия Путину был связан с реабилитацией патриотизма в «нулевые», то с исчерпанием этого лимита исчерпался и массовый патриотизм как таковой.

И вот, несмотря на мощные оппозиционные и антигосударственные настроения, власти стали проводить совершенно разнузданную «государственно-патриотическую» кампанию. «Патриотизм» зашкаливал до неприличия, до тошноты. «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали! — надрывался в Лужниках Путин перед толпой студентов и бюджетников, свезенных в Лужники по разнарядке. — Битва за Россию продолжается, победа будет за нами!» Параллельно «битве за Россию» нарастали политические репрессии против несогласных и разоблачение «анатомии протеста» на деньги грузинских и американских политиков. Ничего кроме безгловости и омерзения

эта «патриотическая» кампания не вызвала.

Дальше — хуже. Активизировались процессы, характеризующие, как я это называю, «евразийский заговор». Под все ту же патриотическую дудку и манипуляцию (значительными все еще) просоветскими настроениями масс стала набирать обороты «евразийская тема» вместе с пропагандой «толерантности». И это не просто «риторика» — сегодня в РФ активно реформируется законодательство с целью упростить получение гражданства «бывшими соотечественниками» и упорно блокируются инициативы введения визового режима со странами Средней Азии и Закавказья (вместе с этим для отвлечения внимания и снятия напряженности ведется показушная борьба с нелегалами и исламскими радикалами — «ноу-хау» властей последних месяцев).

Очевидно, что забота о «дружбе народов» и восстановлении геополитического влияния страны в СНГ является прикрытием для операции по «замене народа». В 2011 г. на московской конференции «20 лет после СССР: что дальше?» об этом лаконично сказал националист Константин Крылов: «Российское государство является машиной по замене народа, который на этой территории проживает. Русские должны постепенно сокращаться, ужиматься, уступая свои места другим народам».

Эта цель откровенно проговаривается штатными пропагандистами Кремля. «Приток азиатского населения очень позитивно скажется на будущей судьбе моей страны. Только не в рабском униженном виде, как это происходит сейчас, а в качестве полноценных граждан... Чем больше в России будет азиатского населения, тем дальше мы будем отходить от Запада» (Максим Шевченко, из интервью сайту «АХПАРК» 08.04.2011). «Мы скатываемся — инстинкт чувствует, что это катастрофа — к национальному государ-

ству. Национальное государство — это деградация по отношению к мультикультурному государству, империи... Нет ничего более поганого, чем национальное государство» (Михаил Леонтьев на радио «Вести ФМ», 29.02.2013).

На «евразийскую» пропаганду, судя по всему, брошены немалые деньги российских налогоплательщиков. К строительству новой Орды и ее идеологическому сопровождению привлечены все возможные силы и средства — от вышеупомянутых платных агитаторов до «искренних патриотов». Характерно вовлечение в «евразийский заговор» православно-патриотического и отчасти левого движения. На ниве «развитого путинизма» сегодня фактически уже подвизаются как бывшие его неумеренные критики — такие, как С. Кургинян, недавно подобострастно жавший руку Путину, или К. Душенов, недавно отсидевший за «разжигание», а сегодня воспевающий «лидера нации», так и умеренные — «Народный собор», «Русская народная линия», деятели бывшего «Института динамического консерватизма», которые ныне аккумулированы в «Изборском клубе».

В этих условиях совершенно естественно, что патриотизм в общественном сознании ассоциирован с государственной пропагандой, направленной на решение политических задач, или видится средством освоения бюджетных средств на различные «патриотические» программы.

Искусственное насаждение патриотизма вызывает, особенно среди молодежи, ровно противоположный эффект. Чем сильнее государство заставляет «Родину любить», чем быстрее из этой «Родины» хочется «свалить» далеко и надолго. Ведь лучшим показателем патриотизма является желание жить и работать в своей стране, однако этого желания у большинства молодежи становится все меньше и меньше. Чем талантливее и предприимчивее молодой человек — тем боль-

ше его стремление получить своему таланту и потенциалу достойное приращение. На Западе же их ждут с распростертыми объятьями.

Статистика показывает, что эмиграция из РФ с каждым годом возрастает. Только из Петербурга (а ведь это, на мой взгляд, — самый комфортный для проживания в РФ город, и экономическая ситуация здесь на порядок лучше, чем в среднем по стране), по данным УФМС, за последние пять лет на ПМЖ в другие страны уехали 15 тысяч граждан. Что ж, это логично и морально вполне оправдано. Потому что мало что изменилось с тех времен (с поправкой на методы и цели управления), когда Игорь Тальков сочинял свои строки: «Не вращайте глобус, / Вы не найдете, / На планете Земля стран таких не отыскать, / Кроме той роковой, / В которой вы все не живете, / Не живете, потому что нельзя это жизнью назвать».

Могу ли я быть патриотом такого государства? Однозначный ответ — нет, не могу, и патриотом РФ не являюсь, а современный «российский патриотизм» воспринимаю с иронией, насмешкой, а иногда и с отвращением. Однако при высказывании своей позиции я неоднократно сталкивался с удивлением и раздражением людей, может, и не являющихся «путинским электоратом», но продолжающих рассуждать в «государственных категориях». Подобная реакция характерна, к сожалению, для тех «россиян», которые не совсем верно понимают, «как тут все устроено». Чтобы это понять, нужно первым делом просто посмотреть на тех, кто у нас сегодня в патриотах ходит. А в патриотах у нас ходят, памятуя об известном афоризме, форменные негодяи. Вот, например, кавказский убийца Расул Мирзаев — образцовый российский патриот. Получивший мизерный срок заключения и уже гуляющий на свободе убийца теперь раздаёт политические комментарии и стоит на страже

российской государственности. Недавно в эфире радио «Русская служба новостей» он заявил, что «некоторые хотят развалить Россию» и «все делают для этого», однако выразил уверенность, что «задуманное у них не получится».

Сегодня среди кавказцев модно быть патриотом и государственным. Хотя, я бы сказал, это не просто мода. Они и есть патриоты и государственники, потому что это их государство. Один из самых маститых патриотов РФ — Рамзан Кадыров. Он тоже любит поговорить про «великую Россию» и «развал страны».

Этот «мем» часто можно услышать от охранителей, которые приписывают такое намерение — «развалить страну» — в основном русским националистам. Под прикрытием деятельности по недопущению «развала страны» эти охранители и их хозяева стремятся во что бы то ни стало не допустить, чтобы русские превратились в нацию, и говорят об этом прямым текстом («Русский народ в тот момент, когда превратится в нацию, прекратит своё существование как народ и Россия прекратит своё существование как государство» — из вышеприведенного выступления М. Леонтьева).

Весьма и весьма печально, что этой антинациональной риторике нередко аккомпанирует и официальная РПЦ, спикером которой является скандально известный протоиерей Всеволод Чаплин. Этот священник не раз допускал проиммигрантские и «антиэкстремистские» (т.е. в пользу ужесточения законодательства против «экстремизма» — читай русского национализма) высказывания, активно поддерживая правящий режим. Так, выступая 17 мая этого года на форуме «Единой России» (!), В. Чаплин сравнил нынешнюю ситуацию в России с 1917 г., понадеялся, что действующая власть сможет справиться с «антипатриотическими» силами, и высказал обеспокоенность тем, что в РФ «ведется глубо-

ко антипатриотическая, антигосударственная пропаганда».

Характерно, что патриот Чаплин воздает пылкие хвалы патриоту Кадырову, более того, утверждает, что критика главы Чечни есть злостное проявление антипатриотизма, ибо Рамзана Ахматовича критикуют только те «люди, которые, находясь в России, критикуют и Россию, считают, что ее народ слишком глуп, чтобы решать свою собственную судьбу... как правило, это люди, которые не друзья ни чеченскому народу, ни русскому народу» (из выступления в мае с.г. на международном форуме «Ислам — религия мира и созидания» в Грозном, посвященном памяти Ахмата-Хаджи Кадырова).

Леонтьев, Шевченко, Мирзаев, Кадыров, Чаплин повторяют друг друга почти слово в слово. Как говорится, «скажи мне, кто твой друг...» Друг государства — это Мирзаев, герой РФ — Кадыров, а враг государства — русский националист, которому и приписываются «антипатриотическая, антигосударственная пропаганда» и стремление «развалить страну». Если же внимательно, вооружившись цифрами и фактами, посмотреть, то станет ясно, что именно деятельность государства, проповедующего патриотизм и «территориальную целостность», ведет к распаду страны, экономическому коллапсу и «великим потрясениям», а русские националисты — фактически единственные, кто в предлагаемых ими мерах и программах этому противостоит.

Эти государственники очень любят цитировать Столыпина: «Им нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия». Надо сказать, при националисте Петре Аркадьевиче многие из этих «патриотов» болтались бы в петле или занимались тяжелым физическим трудом на сибирских рудниках. При Владимире Владимировиче они — привилегированный класс, а русские националисты — враги государства.

В таком государстве как РФ русскому человеку быть государственным и патриотом — это не то чтобы плохо, а просто странно. Недавно Константин Крылов по этому поводу в своем блоге писал: «Нет, я не “отрицаю патриотизм” как таковой, просто быть патриотом не своей страны считаю глупым. Примерно как чеху в XIX веке быть патриотом Австро-Венгрии. “Нашего тут ничего нет”». В этом и есть вся суть вопроса. Современное российское государство — не наше государство. И быть патриотом такого государства как РФ для русского столь же странно, как быть патриотом, например, Папуа — Новой Гвинеи.

Здесь даже не нужно пускаться в теоретические обоснования, приводить определения патриотизма из академических трудов и т.д. Это просто не имеет смысла, так же как бессмысленно наполнять понятие патриотизма каким-то негативным содержанием. Определимся с тем, что быть патриотом — это хорошо и правильно. Но правильно быть патриотом **своего** государства, у русских же его сегодня попросту нет.

В дискуссиях на эту тему я обычно отвечаю, что я, безусловно, патриот России. Но это как, рассуждая с христианских позиций, быть «патриотом Неба», т.е. приверженцем будущей лучшей «вечной жизни». То же и с Россией, которую можно рассматривать точно так же в «духовных» категориях, как некую «высшую ценность» (в славном прошлом и лучшем будущем, в связи с великим предками и будущими русскими поколениями). Но колониальное образование под названием РФ я не считаю Россией — своей страной, своим государством, поэтому и не могу быть его патриотом. Для сравнения возьмите позицию радикального антисоветчика, который не считает Россией СССР, что было характерно для «белой» эмиграции (одна статья И. Ильина так и называется — «Советский Союз — не Россия»). Моё

отношение к РФ — совершенно аналогичное.

Политолог Михаил Ремизов писал о патриотизме как лояльности государству, властной корпорации, «начальству», характеризуя при этом национализм как лояльность нации, солидарность с нацией. Это определение довольно точно описывает ситуацию с патриотизмом и национализмом в РФ. Наиболее ярко ситуация проявляется в спорте. К примеру, в мае этого года телеканал «Россия» транслировал поединок русского тяжеловерса Дениса Смолдарева, представляющего Эстонию, с Ибрагимом Ибрагимовым, представляющим РФ. «Россиянин» остался недоволен результатами боя и решил устроить потасовку прямо на ринге — после почти десятка ударов в голову судья остановил поединок, но оскорбленный в чувствах Ибрагимов пригласил Смолдарева подраться «настоящему» и ударил его головой в переносицу. Вопрос, за кого болели граждане РФ, ставить просто бессмысленно. Разумеется, за русского, гражданином какой страны он бы ни являлся, но никак не за Ибрагимова, несмотря на то что он представляет «нашу страну». Достаточно просто посмотреть реакцию на этот конкретный бой в Интернете, почитать эмоциональные комментарии, чтобы понять: русские мыслят отнюдь не в «государственно-патриотических», а именно в национальных категориях.

Здесь можно вспомнить и Олимпиаду-2012, когда русские горячо болели за гражданина Казахстана Александра Винокурова или гражданина Армении Юрия Патрикеева, искренно радуясь их победам, но с резким неприятием воспринимали участие и победы кавказских граждан РФ. Опять же, опросы и голосования по поводу поддержки кавказских и русских спортсменов свидетельствовали об абсолютной поддержке последних, хотя они являются гражданами других государств.

Иногда с целью эпатировать оппо-

нента я говорю, что моя Родина — это Китай. У политолога Павла Святенкова есть статья под названием «Даже современный Китай — более русское государство». «У русских в современном мире нет своего собственного национального государства. Значит, русские — народ безгосударственный, — констатирует Святенков. — Это кажется вздором и нелепостью, но есть ли на карте мира хоть одно государство, где русские признаны в качестве государствообразующего народа? Таких государств нет. Впрочем, в Китае русские считаются одним из нескольких официальных меньшинств, существуют даже “деревни русских по национальности”. Значит, современный Китай — более русское государство, чем Россия. Вывод парадоксальный, но совершенно логичный».

В РФ принято ругать (с активной подачи госпропаганды) постсоветские государства за ущемление прав русских. Приводится в пример, в частности, Эстония, где некоторая дискриминация русского населения действительно осуществляется. Но вот что любопытно: несмотря на это, русские вовсе не стремятся Эстонию массово покинуть и перебираться на Родину. Именно потому, что нет у них никакой Родины. Видимо, они предпочитают быть немного ущемленными в Эстонии, чем тотально бесправными в РФ.

Вот так и получается, что быть патриотом Китая, Эстонии или Казахста-

на сегодня логичнее, чем быть патриотом РФ. Вероятно, для российского обывателя такая постановка вопроса покажется, мягко говоря, преувеличенной, для русского же националиста, как пишет Святенков — «вывод парадоксальный, но совершенно логичный».

Несколько лет назад (тогда мои взгляды были еще не столь «антипатриотичны» и «антигосударственны») я присутствовал на общественных слушаниях с участием прокурора Ленинградской области во Всеволожске. Меня поразило тогда выступление одного местного жителя. Это был отнюдь не представитель «креативного класса», а по виду скорее простой работяга. Свою гневную тираду о том, как в стране и области «все прогнило», выступающий завершил заявлением, что если на РФ нападет НАТО, то он перейдет на сторону американцев, потому что ему нужен «американский президент и американский прокурор, которые работают в интересах народа, а не эти негодяи».

Поразило меня даже не столько это заявление, сколько то, что почти весь зал выступающему бурно аплодировал. Понятно, что ни он сам, ни аплодирующие ни к каким американцам бы не перешли, а сказано это было демонстративно и в пику «антиамериканизму» властей. Но сам по себе этот эпизод является для меня лучшим аргументом в дискуссиях о патриотизме в РФ.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

«ЕСТЬ ВЕЩИ ПОВАЖНЕЕ, ЧЕМ МИР»

Говорят, эту фразу произнес госсекретарь США Александр Хейг. Для сознания советского и постсоветского человека это страшные слова. Ведь с детства нам внушали, что нет ничего важнее мира.

Автор этих строк пошел в школу в сентябре 1982 года. Через два месяца, 10 ноября, умер Леонид Ильич Брежнев — создатель и олицетворение эпохи «застоя». Сколько помню себя в детском саду, а потом в школе, мы всё время боролись за мир.

Конечно, дети ничего не значили в противостоянии великих держав. Но советская официальная пропаганда всегда настаивала, что Советский Союз — самое мирное государство на планете. В «Книге будущих адмиралов», которая была у меня в детстве, приводилось сравнение военных потенциалов СССР и США. При этом постоянно подчеркивалось, что все виды наступательного вооружения, вроде ядерной бомбы, появились у США раньше, чем у СССР. У американцев было больше авианосцев, ракет, прочей военной техники. Исключение делалось только для водородной бомбы — её Советский Союз создал раньше.

В знаменитой песне «Бухенвальдский набат», которую мы пели в школе, есть слова:

Люди мира, будьте зорче втрое,
Берегите мир, берегите мир!
Берегите,
берегите,
берегите мир!

В другой знаменитой песне — «Хотят ли русские войны?» на стихи зна-

менитого советского поэта Евгения Евтушенко пелось:

Да, мы умеем воевать,
Но не хотим, чтобы опять
Солдаты падали в бою
На землю горькую свою.

Итак, культ отказа от войны был основополагающим в пропагандистском мифе позднего Советского Союза.

Для великого политического философа Карла Шмитта различие друга и врага было основным критерием политического. При этом он считал, что это различие носит не абстрактно-теоретический, а сугубо прикладной характер. В своем эссе «Понятие политического» он пишет: «Понятия “друг”, “враг” и “борьба” свой реальный смысл получают благодаря тому, что они в особенности соотношены и сохраняют особую связь с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды».

Конечно, мы можем спросить себя: зачем такие крайности? Не слишком ли кровожаден высокочтимый в современной политической философии мыслитель? Впрочем, он не утверждал, что для различения друга и врага нужна обязательно война, но видел в войне крайний пример такого различения.

Чем же опасен отказ от различения друга и врага? Если рассуждать прямо, то он опасен утратой способности к сопротивлению агрессии. Государство, отказавшееся от распознавания друзей и врагов, будет завоевано —

просто по той простой причине, что оно не сможет распознать в агрессоре противника. Или же оно должно будет передать решение вопроса о том, кто друг, а кто враг, на рассмотрение иной, вышестоящей инстанции. То есть перестать быть государством суверенным, а стать государством зависимым.

Шмитт пишет: «Если некий народ страшится трудов и опасностей политической экзистенции, то найдется именно некий иной народ, который примет на себя эти труды, взяв на себя его “защиту против внешних врагов” и тем самым политическое господство; покровитель (Schutzherr) определяет затем врага в силу извечной взаимосвязи защиты (Schutz) и повинования».

Эти рассуждения могут показаться «абстрактным теоретизированием». Однако идеологический отказ от войны как средства разрешения конфликтов обезоруживал Советский Союз, делал возможным политическую и даже военную агрессию против него. Одно дело — если противник понимает, что в случае тотального кризиса вы не воздержитесь от прямого военного столкновения. И совсем другое — если он полагает, что вы никогда не пойдете на конфликт (даже если у вас достаточно оружия для того, чтобы воевать и победить).

Первое, что сделали американцы в захваченной ими Японии, — добились принятия Конституции 1947 года, в которой есть «мирная» статья 9: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров».

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на

ведение государством войны не признается».

Таким образом, Япония оказалась в политической зависимости от Соединенных Штатов, каковая сохраняется до сих пор. Япония — экономический гигант, но политический карлик, если перефразировать известное высказывание канцлера ФРГ Гельмута Шмидта.

Аналогичные формулировки содержатся в статье 11 Конституции Италии: «Италия отвергает войну как орудие посягательства на свободу других народов и как способ разрешения международных споров; она соглашается на условиях взаимности с другими государствами на ограничения суверенитета, необходимые для порядка, обеспечивающего народам мир и справедливость; она поощряет международные организации, стремящиеся к этим целям, и благоприятствует им».

Италия также находится в политической зависимости от США, на ее территории располагаются американские военные базы.

Иначе говоря, несмотря на то что общественное мнение, как правило, одобряет отказ от войны, цена этого отказа велика. В лучшем случае это — вассалитет. Мы видели, что на него согласились государства, которые во Вторую мировую войну были на стороне Гитлера — Япония и Италия. В худшем же случае, если подобную философию принимает государство суверенное и в войне не побежденное, она приводит к разгрому и вынужденному принятию на себя вассальных обязательств.

Легко заметить, что именно это и произошло с Советским Союзом. Последний располагал достаточной военной силой, чтобы даже в конце 80-х годов избежать краха. Но Горбачев и его окружение проводили мирную политику, которая привела к развалу СССР, экономическому спаду, гибели многих людей и демографической катастрофе. То есть эффекту, сопоставимому с проигрышем в очень крупной

войне. По данным статистики, спад ВВП после знаменитых «гайдаровских реформ», прошедших под диктат американских советников, превысил спад во Вторую мировую войну, когда значительная часть страны была захвачена гитлеровцами.

Тогда возникает вопрос: а как стало возможным, что руководство СССР поддалось «мирническим» настроениям? Почему США оказались устойчивы против них? Как получилось, что в Америке к власти пришли Рейган и Хейг (тот самый, что сказал про вещи, которые важнее, чем мир), а в Советском Союзе — Горбачев и Шервуднадзе?

И здесь нам придется обратить внимание на разницу в государственном устройстве обеих стран. США — национальное государство. Президента США выбирают граждане, и им есть что терять. Для зануд поясню, что механизм выборов формально косвенный, избиратели голосуют за выборщиков, а уже те — за главу государства. Но в подавляющем большинстве случаев воля избирателей и выборщиков совпадает. За спиной американских политиков стоит их нация — наделенный политическими правами народ. Согласно Конституции, еще и вооруженный.

А у нации всегда есть национальные интересы. А если есть интересы, есть и готовность бороться за них. Вот почему США всегда готовы к войне, которая есть «продолжение политики иными средствами», если вспомнить известные слова Клаузевица. Американский народ и американские элиты в начале 80-х годов приняли решение «добить» Советский Союз. И они пошли на открытый конфликт с ним, избрали Рейгана. И Рейган победил, заодно выведя экономику из депрессии, а США избавив от «вьетнамского синдрома».

Но советское руководство представляло не избирателей, а узкую группу элиты — Центральный комитет КПСС.

Ведь именно он избирал Генерального секретаря и Политбюро. Это были чиновники, которые боялись при любом изменении конъюнктуры потерять свои кресла. У них не было и не могло быть никаких «национальных интересов». Интерес был один — подольше удержаться у власти. Но как? Метод был им известен — не конфликтовать, топить кризисы в потоках слов.

Советский Союз был устроен так, что у него не было граждан — было «население». Которое до принятия политических (и вообще каких-либо) решений не допускалось. Точно так же, как и низшие и средние слои государственного аппарата.

Генсек Горбачев и члены Политбюро были заинтересованы в сохранении своей власти. Поэтому они не пошли на конфликт не только с США, но и с внутренней оппозицией. «У нас нет врагов». Этот лозунг звучал со страниц перестроечной печати. Советские пропагандисты не знали, что против них используют идеи Шмитта и что отказ от различия друга и врага неизбежно означает капитуляцию.

Советская элита пошла на конфликт тогда, когда было уже поздно, — в период ГКЧП. Но даже в этот, решающий для себя момент она не арестовала ни Горбачева, ни Ельцина, не пошла на прямое противостояние, прикрывшись филькиной грамотой «болезни» генсека. И когда выяснилось, что Горбачев — бодр и здоров, фикция ГКЧП рухнула мгновенно — у него не было юридических оснований существовать, ведь источником его власти были распоряжения вице-президента Янаева, захватившего власть под предлогом нездоровья «Горби».

Значит ли это, что мы пропагандируем ведение агрессивных войн? Конечно, нет. Но государство, если оно желает сохранить себя, должно быть готово к вооруженному конфликту. А для этого оно должно опираться либо на нацию, то есть на народ, наделенный правами, на граждан, либо

на аристократию, которая тоже есть сословие, наделенное правами. Второй вариант в современных условиях проблематичен. Значит, нужно делать ставку на первый.

Если в России не будет создана нация, наша страна может оказаться игрушкой в руках элит, которые заключат очередной судьбоносный консенсус, а на деле — продадут страну, потому что побоятся связываться с Западом, сочтут, что «русские не хотят войны».

Современная Российская Федерация возникла из кризиса 1993 года и его силового разрешения Ельциным и двух чеченских войн. Об этом следует помнить. Государство, которое в критической ситуации оказывается не способным пойти на конфликт, не

избежно гибнет. А вот у государства конфликтующего шанс есть.

Ельцин и Путин способны конфликтовать в случае необходимости. Проблема в том, что нации у нас нет, а значит, никто не может гарантировать стойкость их преемников. Очередные Брежневы и Горбачевы могут появиться неожиданно. Поэтому нам необходимо национальное государство хотя бы для того, чтобы гарантировать страну от очередного перестроечного сценария.

Это не значит, что надо стремиться к войне или оправдывать войну. Но готовность к противостоянию и способность дать сдачу, в том числе и с применением военной силы — признак дееспособного государства. Всегда было так и никогда не будет иначе.

Открылся сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
- Анонсы новых материалов
- Интервью с авторами, статьи и рецензии
- Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала

Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

НИКОЛАЙ КЛЁНОВ

ВЫХОД ИЗ ТУПИКА

ДВЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Крупное государство средневековой Европы, плохо знакомое широкой публике. Государство, прошедшее путь от небольшой автономии на крайнем северо-западе евразийской империи Чингизидов в середине XIII века до самостоятельной державы, сравнимой по площади с современной Российской Федерацией в середине века XVII¹. Государство, в котором окончательно сформировался русский этнос². Все

Автор выражает признательность Алексею Конрадову и Роману Романову за существенную помощь в осмыслении исторического материала этой работы; Дмитрию Михайловичу Володихину — за живительную критику и не менее живительную поддержку; Виталию Пенскому и Алексею Лобину — за наглядную демонстрацию образцовых современных исторических исследований.

¹ См., например, о «втором рождении русской нации в Московском государстве» / «зарождении восточнославянских народностей» в работах: *Stokl G. Die Entstehung der russischen Nation // Osterreichische Osthefte. 1960. 8. S. 273; Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Этническое самосознание славян XV в. М., 1995. С. 10–38; Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности. XVI — начало XVIII века. СПб., 2000. С. 109–111.*

² Для читателей, обращающих особое внимание на границы территориальных

это — Великое княжество Владимирское и Московское, Московское царство или просто Русия³.

образований, отмечу, что «идеальные» границы Русского государства к середине XVII в. (включающие в том числе и «временно оккупированные соседями» территории, вроде Водской или Смоленской земель) в значительной мере совпадали с границами современной Российской Федерации. Не входили в представления людей того времени в состав средневекового Русского государства земли Кубани, Приазовья, Ставрополья, республик Северного Кавказа, Алтая, Приморья и Приамурья.

³ Великие князья владимирские как из тверской, так и из московской ветви именовали себя правителями «всёя Руси» с начала XIV в. В форме «государь всеа Русии», «началник и Государь всеа Русии», «всёя Русии император (*totius Rutzsie Imperatore*)» этот титул оказался зафиксирован в международных документах: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. №83. С. 329; Собрание Государственных Грамот и Договоров. Часть V. М., 1984. С. 8–9, 129–131. Желая отделить государственные образования рассматриваемой эпохи от монгольского нашествия до провозглашения Российской Империи, я предпочел использовать для них обобщающее краткое название «Русия». Традиционный термин «Северо-Восточная Русь» в данном случае не годится из-за имплицитно подразумеваемого существования в обсуждаемое время «Руси целой»; термин «Московская Русь» решительно не годится ввиду основанного на

Историки разных стран и разных эпох немало сделали для того, чтобы сохранить для потомков отдельные черты лица этого царства-княжества, но при этом в силу ряда объективных и субъективных причин практически нет обобщающих работ, позволяющих увидеть его, и только его физиономию в целом. В классических монументах исторической науки времен Российской империи средневековое Русское государство XIII–XVII веков оказалось промежуточным этапом на пути от Руси к России, на пути от славного былинного прошлого к яркому имперскому настоящему⁴. Многочисленные оппоненты такой имперской историографии, решительно меняя знаки практически всех оценочных суждений, в целом приняли переходную парадигму истории Руси, живописуя в меру сил превращение владений «первого великоросса» Андрея Боголюбского в «тюрьму народов» императоров и генеральных секретарей⁵.

послезнании выделения одного из центров рассматриваемой общности в ущерб прочим.

⁴ Это видно даже из композиции классических обобщающих курсов истории России: *Андрей Лызлов*. Скифская история. М., 1990; *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1989; *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1988; *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1987. В обобщающих работах с более узкими историческими рамками авторы часто фокусируют внимание на развитии лишь одного из центров Северо-Восточной Руси, как, например, в исследовании: *Борисов Н.С.* Возвышение Москвы. М., 2011.

⁵ *Duchbinski F.H.* Zasady dziejow Polski i innych krajow slowianskich. Paryz, 1859; *Білінський В.Б.* Країна Моксель, або Московія. Роман-дослідження. Книга перша. К., 2010; *Штена П.* Московство, його походження, зміст, форми й історична тяглість. Дрогобич, 2005; *Буровський А.М.* Московія: пробудження зверя. М., 2005; *Авторханов А.Г.* Империя Кремля: Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag, 1988.

Не пытаюсь критиковать подобный взгляд на исторические судьбы Восточной Европы, освященный столетиями историографической традицией⁶, осмелимся отметить: до сих пор никто за недосугом так и не доказал, что нельзя:

— попытаться рассмотреть сферу влияния великих князей Владимирских из рода Всеволода Большое Гнездо (превратившихся со временем в царей и великих князей) как пусть крайне рыхлый, но единый политический и общественный организм;

— проследить за рождением и развитием в огне непрерывных внешних и внутренних войн этой политической общности русских земель.

Где и как зародилась Русия

Можно сказать, что Русия родилась как самоуправляемая территория в составе Монгольской империи (с 60-х годов XIII в. — Золотой Орды или просто Орды из источников того времени) на территориях Новгородской, Ростово-Суздальско-Владимирской, Рязанской и (частично) Смоленской и Черниговской земель⁷ старой Руси,

⁶ Как пример образцового исследования, выбивающегося из грубо очерченной здесь схемы, хотелось бы отметить работу: *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998.

Очень жаль, что так и не был завершен цикл монографий *А.А. Зимина*: Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991; Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988; Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982; Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972; Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической истории России середины XVI в. М., 1960; В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.

⁷ *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV

разрушенной катастрофическим политическим, экономическим кризисом и нашествием степняков.

Разложение старой Руси Рюриковичей набирало ход постепенно. Сначала ушли в прошлое черноморские походы Руси, дохлестывавшие до царственного Константинополя. Затем князья Рюриковичи потеряли циркумпонтийский регион, оставив земли на юг от днепровских порогов печенегам и куманам-половцам. Степняки, во времена Святослава Храброго бежавшие от Киева от одной лишь тени княжеской дружины, постепенно вошли во вкус и принялись ходить к русским столицам как на работу. Отступали Рюриковичи к XIII в. и на западе, где всерьез встал вопрос о переходе Галицкой земли в состав Венгерского королевства. Яркие лидеры, вроде Владимира Всеволодовича Мономаха, на время задерживали процесс деградации, но после их смерти кризис набирал новую силу⁸.

На севере, на границах новгородской и полоцкой земель дела обстояли не лучше. Наглядным символом упадка стало стремительное крушение полоцкой сферы влияния в Прибалтике (простиравшейся в лучшие годы вплоть до Рижского залива⁹) после высадки в

районе современной Риги нескольких сотен пилигримов, прибывших из Германии на 23 судах. Три боестолкновения под крошечным Гольмом в 1203–1206 гг. завершились полным и безоговорочным поражением Полоцка и его балтских союзников¹⁰. Новгород, претендовавший на власть над территорией современной Эстонии, на центральную Финляндию (земля еми) и берега Невы, противостоял претензиям немецких, шведских и датских пришельцев несколько более успешно. Но, суммируя отдельные сообщения о «героической борьбе Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики», мы получаем безрадостную картину череды побед (вроде Сигтунского похода 1187 г.), которые приходится одерживать все ближе и ближе к Новгороду¹¹.

Земли старой Руси, часто побеждая на поле боя, ничего не могли противопоставить организационной хватке средневековой Европы, постепенно готовившейся к рывку эпохи Возрождения. Где-то с XIII в., после грандиозной демонстрации силы в Константинополе, венецианцы и генуэзцы получают доступ к Черному морю, берут под контроль торговлю Египта и Леванта, а на Балтике неупорядоченную локальную торговлю сменяет твердая рука Ганзы — союза северо-немецких приморских полисов (Любек, Штеттин, Штральзунд и другие). Относительно быстрое создание этих зон торговли и их бурный расцвет объясняется тем, что это — именно морские торговые зоны. Морская торговля в новую

веках: пути политического развития. М., 1996. С. 57–63; *Егоров В.А.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 158–160.

⁸ «Слабость Руси XIII столетия была вызвана не столько внешними факторами или так называемым татарским игом, сколько преступным консерватизмом, органически присущим правившим княжеским родам, их нежеланием и неспособностью изменить устаревший, трещавший по всем швам порядок, вопиющей бездарностью большинства князей» (*Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989. С. 208–226).

⁹ В XII в. земли вплоть до устья Двины без особых оговорок считали частью Руси (*fideles per Russiam constituti; in Regno Rusciae*)

все, вплоть до римского первосвященника (*Liv-, Est- and Curlandisches Urkundenbuch nebst Regsten. Reval, 1853. #66, 380*).

¹⁰ *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Пер. С.А. Аннинского. М.; Л., 1938. VII, 7. X, 12–13. Электронный текст: *Monumenta Germaniae Historica*, <http://www.dmgh.de/>

¹¹ *Хрусталева Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2012. С. 68–175.

эпоху оказывается в разы более продуктивна, выгодна и эффективна, чем практически любая сухопутная и речная: венецианская галера XIV в. могла брать на борт до полутора сотен тонн груза, и примерно такую же, если даже не большую грузоподъемность имел ганзейский когг.

Для традиционных трансконтинентальных речных путей по Волге, Дону и Днепру, игравших заметную роль в развитии старой Руси Рюриковичей, настали нелегкие времена. Не случайно именно с начала XIII в., после падения Константинополя, временного завоевания Галича венгерским королем, краха полоцкой и новгородской сферы влияния в Восточной Прибалтике земли Руси в глазах Западной Европы превращаются из партнеров-противников, членов общеевропейского христианского мира, в объект политической и миссионерской экспансии, в очевидную «не-Европу»¹².

Армии Батыя лишь поставили кровавую точку в истории распада Руси: достаточно активные еще в 1230-х политические контакты северных и южных земель Северной и Южной Руси, когда новгородские князья переходили то в Галич, то в Киев, ушли в прошлое в первые десятилетия после нашествия¹³. Но в этом конце можно увидеть и омы-

тое кровью начало: нашествие иноплемеников разрушило «баланс противоречий», на котором базировалось казавшееся безысходным противостояние между интересами государства, концентрированным выражением которого являлся сакральный род облеченных властью потомков Рюрика, — и интересами конкретных земель и населяющих эти земли «людей»¹⁴. В политической жизни это разрушение балансов нашло свое выражение в исчезновении старых устойчивых границ самостоятельных земель¹⁵.

Великий передел XIII–XV вв. начался, когда пепел оставленных туманами Субэдея пожарищ еще не остыл: «Ярославъ [князь киевский в 1237 году, великий князь владимирский с 1238 года, сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо и отец Александра Невского] иде Смолинску на Литву, и Литву победи, и князи ихъ яль, а Смольнянь оурядивъ, князя Всеволода посади на столе, а самъ со множествомъ полона с великою честью иде»¹⁶. В борьбу уже не столько за более почетные столы для своей семьи, а за расширение границ и влияния «своей земли» в последующие десятилетия

¹⁴ Толочко О.П. Русь: держава і образ держави: Історичні зошити. К., 1994. С. 10–25.

¹⁵ «Пределы “земель” были в XII — начале XIII в. относительно стабильны; во всяком случае, переходы стольных городов той или иной земли (кроме четырех... чей статус был особым) под власть князей “чужой” ветви [Рюриковичей] были явлением исключительным и кратковременным. Княжеские усобицы были борьбой не за захват “чужих” земель, а либо за “общерусские” столы (Киев, Новгород, в XIII в. — Галич), либо за перераспределение княжений внутри земли (т.е. между князьями одной ветви)» (Горский А.А. Восточная Европа в XIII–XV вв.: тенденции политического развития // Труды Отделения историко-филологических наук. 2006. М., 2007. С. 356).

¹⁶ Лаврентьевская летопись // ПСРА. Т. 1. М., 1997. Стб. 469.

¹² Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 315–324.

¹³ Нельзя не отметить определенную специфику упомянутых политических контактов на Руси: «Перманентная междоусобная война на Юге Руси исключила возможность объединения сил для отпора монгольскому удару. Показательно, что она продолжалась не только после разорения Батыем Северо-Восточной Руси, но даже тогда, когда монголы захватили Переяславль и Чернигов! Князей-противников, похоже, больше заботила борьба между собой, чем приближающееся нападение внешнего врага» (Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. Ч. 3. С. 179–186; Ч. 4. С. 191).

активно включились литовские князья из рода Гедимина, князья рязанские и смоленские, а в пределах Северо-Восточной Руси — переяславские, ростовские, ярославские, суздальские, тверские и московские¹⁷.

Новые (хотя и не слишком, думается, приятные для гордых Рюриковичей) перспективы для объединения некогда самостоятельных земель Руси под единой административно-политической властью открыло формирование в первые годы после нашествия 1237–1241 гг. механизмов управления завоеванными землями в империи Чингизидов. Вассальные правители, покорившиеся монголам, формировали своеобразную пирамиду «по установленному Чингисханом принципу ранжирования владетелей этих государств: высшим из них считался тот владетель, который первым перешел на сторону монголов и признал верховенство каана над собой. Соответственно этому складывалась и вся иерархия вассальных владетелей (а значит и всего их государства) в империи»¹⁸.

¹⁷ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 104–179; Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 76–79. Стоит отметить, что Владимиро-Суздальская земля, в отличие от многих иных земель Руси, в начале XIII в. активно боролась за расширение собственных пределов, да к тому же продемонстрировала высокую способность к восстановлению после Батыева погрома: доля восстановленных к началу XIV в. укрепленных поселений в Северо-Восточной Руси в 3–4 раза выше, чем в других сильнейших землях — Галицко-Волынской, Смоленской и Черниговской (Куза А.В. Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 120–121. Табл. 20–21).

¹⁸ Храпачевский Р.П. Комментарии // Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 203, 270, 281.

Уже упомянутый выше Ярослав Всеволодович, собиратель смоленских земель, и стал первым — и, следовательно, старшим — из русских князей, прибывших к монголам с изъявлениями покорности. К тому же этот деятельный князь с сыновьями вместе сделал многое для того, чтобы закрепить наконец верховную власть в Великом Новгороде за «старшим» князем своей ветви Рюриковичей, за потомками Всеволода Большое Гнездо. Суть этого «закрепления» можно сформулировать так: в круговороте князей на новгородском столе участвуют почти исключительно родственники владимирского князя (зарождение этой традиции можно отметить в 20-е годы XIII в. и даже ранее), причем новгородское же летописание отдает инициативу во всех властных перестановках князьям и часто подчеркивает обращения новгородцев во Владимирна-Клязьме за новым правителем¹⁹. Можно сказать, что на территории погибшей Руси начала свой тяжелый исторический путь новая, поначалу весьма эфемерная политическая «Северная», Владимиро-Новгородская общность, прото-Русия.

Москва, Тверь, Суздаль: единство и борьба

Разбирая русскую историю успеха, стоит обратить самое пристальное внимание на внутреннюю структуру Руси, на взаимоотношения между её центрами и на взаимоотношения этих центров с Ордой. Это поможет нам понять, как единство и борьба ведущих городов Северо-Востока — Твери, Москвы, Суздаля — и их князей за два века превратили пассивную, расплывающуюся общность «русских людей» в агрессивную, динамичную силу. Такой вывод может показаться странным в ситуации, когда столь часто ту же Тверь рассматривают то как вредную

¹⁹ Янин В.А. Новгородские посадники. М., 2003. С. 194–196.

помеху на пресловутом «московском» пути к «объединению русских земель», то как символ пути, альтернативного «московскому» (на каковом пути, естественно, не было никаких неразрешимых проблем и ждало туманное, но несомненное счастье).

Но я все же попытаюсь доказать, что и Тверь, и Суздаль, выбираясь из кровавого болота XIII в., вышли на дорогу (не исключено, что и единственно возможную), которую историки позднее назовут «московской», и сделали на этой дороге ряд ключевых политических и идеологических «открытий», позаимствованных московскими соратниками/соперниками²⁰. Так, Тверь, заполучив собственного епископа — «Симеона из Полоцка» по сообщению в списке русских епископов в Никоновской летописи — задолго до Москвы успешно «импортировала» к себе церковного иерарха с русского Запада, продемонстрировав отличное понимание тех перспектив, что давал любой земле Северо-Восточной Руси союз с духовной властью.

При этом нельзя по старой традиции однозначно утверждать, что упомянутая дорога к успеху в XIII–XV вв. всегда пролегла через ханскую ставку в Орде. Так, в ходе затяжной междоусобной войны конца XIII в. Андрей Александрович Городецкий, пользовавшийся твердой поддержкой сарайской Орды, четыре раза — в 1281, 1282, 1285, 1293 годах²¹ — приводил кочевников против своей братии. Итог сложно назвать особо благопри-

ятным для последовательного сторонника коллаборационистских практик. В 1285 г. союз Дмитрия Александровича Переяславского — героя Раковора, Михаила Ярославича Тверского и Даниила Александровича Московского нанес ему тяжелое поражение: «...князь Андреи приведе царевича, и много зла сътворися крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братьею, царевича прогна, а боляры Андреевы изнима»²².

В 1296 г. произошло очередное обострение борьбы между добравшимся наконец до великокняжеского стола Андреем — что удалось ему только после смерти грозного Дмитрия Александровича — и московско-тверской группировкой. Осенью этого года новгородцы изгнали наместников Андрея Александровича и пригласили на княжение Даниила. Московский князь ответил на это приглашение согласием. После этого был заключен договор о союзе между Новгородом и Михаилом Тверским. В том же году Андрей Городецкий пришел из Волжской Орды в сопровождении очередного татарского отряда, возглавляемого на этот раз ордынским вельможей Неврюем. Противники Андрея, предугадывая последствия его очередной поездки к сарайскому хану, воспользовались отсутствием непопулярного великого князя с тем, чтобы начать наступление первыми.

Тверской и московский князья успели: «Приде Андреи князь ис татаръ и совокупи вой и хоте ити на Переяславль ратью, да от Переяславля к Москве и ко Тфери; слышав же князь Михаиле Тферьскийи и Данило Московскийи князь, и совокупивъ вой и пришедше и стага близъ Юрьева на полчищи, Андреи в Володимери, и тако не

²⁰ Такой взгляд на сложные отношения, например, Москвы и Твери можно найти в работах: Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 87; Клёнов Н.В. Несостоявшиеся столицы Руси. М., 2011. С. 86–106.

²¹ Датировка событий следует за знаменитой работой: Бефрежков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 286–287, 289, 356.

²² Новгородская четвертая летопись // ПСРА. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 246; Лаврентьевская летопись // ПСРА. Т. 1. М., 1997. Стб. 526; Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 73.

даста пойти Андрею на Переяславль», «и стаща супротив себя, со единой стороны князь великий Андреи, князь Феодоръ Черный Ярославский Ростиславичъ, князь Костянтинъ Ростовский со единого, а съ другую сторону противу стаща князь Данило Александровичъ Московский, брат его князь Михаиле Ярославичъ Тферский, да съ ними Переяславци съ единого. И за малымъ упасль Богъ кровопролитья, мало бою не было; и поделившися княжениемъ и разъехашася въ свояси»²³.

В кровавой кутерьме 80-х и 90-х гг. XIII в. князья Москвы, Твери, Переяславля вместе сумели сделать главное: доказать, что Орда не непобедима, что татар можно использовать против татар, что покорностью, наглостью и крепким войском можно добиться большего, чем одной покорностью.

Конечно, союз Твери и Москвы (как и более поздние в чем-то аналогичные союзы сильных городов и князей Руси) был обречен. И Михаилу Тверскому, и Даниилу Московскому, и стоящим за ними силам быстро стало ясно, что как Тверь, так и Москва, каждая по отдельности, могут стать той архимедовой точкой опоры, опираясь на которую, местный правитель способен перевернуть все основы княжого права и превратить всю Северную и Северо-Восточную Русь в достояние своего рода (и «своего» города!). В этой ситуации Михаил Тверской принимает, казалось бы, абсолютно разумное решение и идет на сближение с сарайским ханом Тохтой и его фаворитом в наших краях — Андреем Городецким, доживающим последние годы своего короткого и невнятного великого княжения. Этим рациональным ходом тверской князь резко увеличил свои шансы в предстоящей в скором времени борьбе за власть и одновременно поставил в довольно затруднитель-

ное положение своего московского соратника-противника.

Однако именно в это время, в начале 1300-х, Даниил Московский совершает целую серию дерзких наступательных акций, практически игнорируя мнение ордынского сюзерена на их счет, существенно округляя границы своей отчины²⁴. Так, в 1302 г. Даниил со своими москвичами без согласования с ханом занял Переяславль, намереваясь, видимо, включить (вслед за прихваченными Коломной и Можайском) в состав Московской земли этот город, а не перейти по обычаю на более почетный переяславский стол.

Эту удивительную успешную наглость Даниила А.А. Горский связывает с появлением на его службе значительного числа служилых людей из княжеств Юго-Западной Руси (среди которых был и отец будущего митрополита Алексия), входивших до 1300 г. в сферу влияния темника Ногая, могущественного степного «сепаратиста», построившего в конце XIV в. на запад от Днепра свою, практически независимую от хана в Сарае, империю²⁵. В зону влияния Ногая входили, без сомнения, бывшие черниговские земли, откуда и могли двинуться на север после 1300-го — года смерти могущественного темника — группы беженцев, умелых, надо полагать, в военном деле. И Москву эти беженцы выбрали именно благодаря успешному сближе-

²⁴ В 1300 г. «Данило князь московьский приходилъ на Рязань ратью и билися у Переяславля (Рязанского), и Данило одолелъ, много и татаръ избито бысть, и князя рязанского Костянтина некакою хитростью яль и привелъ на Москву» (Лаврентьевская летопись // ПСРА. Т. 1. М., 1997. Стб. 486).

²⁵ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2003. С. 30–41. См. также анализ происхождения московской аристократии в исследовании: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 211–212, 230–231, 237–238.

²³ Лаврентьевская летопись // ПСРА. Т. 1. М., 1997. Стб. 484; Симеоновская летопись // ПСРА. Т. 18. М., 2007. С. 83.

нию Михаила Ярославича Тверского со сторонниками сарайского хана Тохты: Даниил Московский остался единственным сильным князем на Северо-Востоке, что мог им дать приют.

Так на первый взгляд успешный «проордынский» дипломатический маневр Твери на границе XIII и XIV вв. и усилил потенциально основного ей соперника, и связал руки тверскому князю, помешав увеличить территорию своей «основной» земли в период предельной слабости как ханской, так и великокняжеской власти: уже с 1300 г., готовя своё близкое восшествие на великокняжеский стол, Михаил Тверской не мог заниматься расширением своей земли за счет владимирских владений. Владимирское великое княжество было одним из самых крупных, а после включения в него в 1276 г. Костромского княжества в результате бездетной смерти костромского князя Василия Ярославича стало самым крупным на Северо-Востоке. Соответственно Михаил, добившись ярлика на Владимир, не просто номинально стал верховным правителем Руси, но и реально получил в свое распоряжение много больший потенциал, чем любой из его потенциальных противников. Однако и все «примыслы» тверских князей времен их борьбы за великокняжеский стол, включая и важнейшее Переяславское княжество, вошли не в состав их отчины, а в территорию Владимирского княжества. Потеряв же великое княжение, Тверь разом потеряла практически все плоды своей долгой борьбы.

Спустя годы в очень похожую ловушку излишне тесного сотрудничества с ордынскими властями попал московский князь Ивана Калита. Этот «расчётливый вассал» Орды сумел приобрести не так и много по сравнению со своим независимым отцом и буйным старшим братом Юрием: Даниил Александрович присоединил к собственно Московскому княжеству Можайск и Коломну; Юрий Данило-

вич, «ослушник двух ханов»²⁶, овладел Нижегородским княжеством и добился, вопреки всем традициям, великого княжения Владимирского, а вот сам Иван Данилович Калита прибавил к территории великого княжения (sic!) по ханским ярлыкам половину Ростовского княжества (конец 20-х — начало 30-х гг. XIV в.) и Дмитров, купил у местных князей Галич, Углич и Белоозеро²⁷. Но все эти приобретения зиж-

²⁶ Юрий Московский де-факто отказался принять признание Ордой Михаила Тверского великим князем владимирским, сражался с великим князем за контроль над Новгородом: «бысть бои на Руськой земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княжене Новгородское» (Псковский апостол // Государственный исторический музей. Синодальное собрание. №722. Л. 180). В 1322 г., уже добравшись до великого княжения, вдруг бросил открытый вызов ханской власти: «князь Юрии, поймавъ сребро оу Михаиловичевъ выходное по докончанию, не шель противу царева посла нъ ступиль съ сребромъ в Новгородъ Великий» (ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 2000. Стб. 41). Уже в Новгороде Юрий в международных отношениях утверждал за собой титул великого князя (rex magnus, mykle konungher), при том что хан его такого титула, безусловно, лишил (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 67–68; *Шаскольский И.П.* Русско-шведские переговоры 1323 г. и Ореховецкий мирный договор // Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987). Яркий и противоречивый образ этого князя, «благодаря твердости и решительности которого (часто граничившей с безрассудством)» Москва сумела выстоять и подняться в нелегкой борьбе за первенство в Руси, отлично разобран в работе: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2003. С. 42–59.

²⁷ *Горский А.А.* Москва и Орда С. 62–63; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. С. 127–139, 209–211; *Горский А.А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь.

дились на зыбкой основе принадлежности великого княжения московским князьям, основе, которая в любой момент могла рухнуть по воле хана. И после смерти сына Ивана Калиты — Ивана Ивановича Красного — владимирский стол 22 июня 1360 г. занял Дмитрий Константинович Суздальский.

Так все нажитое Иваном Калитой ушло на некоторое время из-под власти московского князя вместе с территорией великого княжества Владимирского (с городами Владимиром, Переяславлем, Костромой, Юрьевом-Польским, Дмитровом и купленной половиной Ростова). Но Москва сохранила тогда Можайск, Коломну и «выменянные» при Семене Гордом «места рязанские»; «сохранились» территории, вошедшие непосредственно в состав Московского княжества, — и накопленный потенциал помог всего за три года при князе-малолетке Дмитрии Ивановиче силой оружия вернуть почти все потери²⁸.

Напрашивается удивительный вывод: политика «великой тишины», политика предельно тесного сотру-

дничества с Ордой в среднесрочной перспективе не вела к победе.

С другой стороны, лидеры «длительных политических забегов» княжеских группировок — московские и тверские князья — относительно редко использовали приглашение ордынских вооруженных сил во внутрирусских конфликтах. Тверские князья «отличались» четырежды: в 1270 г. (нашествие на Новгород де-факто не состоялось), в 1272, в 1316, в 1412 гг. Московские князья привели с собой для выяснения отношений с братией ордынским отрядом лишь один раз — речь об относительно небольшом отряде Кавгадыя, приданном Юрию Даниловичу для пущей весомости его претензий на великокняжеский стол и первенство перед его тверским родичем-противником²⁹. Возможно, «лидеры» просто не видели необходимости использовать в своей борьбе разрушительное «ордынское» оружие. Но не исключено, что лидеры и стали лидерами именно потому, что относительно мало использовали наиболее страшные и разрушительные способы политической борьбы.

К тому же все успешные правители, сумевшие серьезно прирастить политические капиталы своей земли, умели при нужде пойти наперекор татарам. Так поступали Даниил Московский и Михаил Тверской, Дмитрий Суздальский³⁰ и Дмитрий Донской³¹.

²⁹ Селезнёв Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М., 2010. С. 43–44, 64, 66, 126.

³⁰ ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 2000. Стб. 85, 92.

³¹ Дмитрий Иванович находился в состоянии периодически обостряющейся конфронтации с Ордой задолго до 1380 г. Так, в 1370 г. после получения Михаилом Александровичем Тверским ярлыка на великое княжение у Мамай, беклярибека хана Мухаммед-Бюлека, москвичи «не тъкмо же не приаша его, но и переимали его по заставамъ и многими пути гонялися за нимъ,

Вып. 5. М., 2004. С. 177–179; Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 13–18.

²⁸ После серии дипломатических столкновений с суздальцами при дворах стремительно сменяющих друг друга ордынских ханов московская боярская олигархия, правившая во время малолетства Дмитрия Ивановича, перешла к решительным действиям в 1363 г.: после того как Дмитрий Константинович Суздальский «приеха въ градъ въ Володимерь и паки седе на великомъ княженъи въ друугые, а съ нимъ князь Иванъ Белозерець, пришелъ бо бе изъ Муротовы Орды съ триьцатию Татариновъ», москвичи «прогна его паки съ великаго княжения съ Володимеря, съ своее отчины, въ его градъ въ Суждаль. Не токмо же се, но и тамо иде на него ратию къ Суждалю и стоявъ рать неколико днеи около Суждаля и взяша миръ межи собою» (ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 2000. Стб. 74).

Исход же борьбы лидеров за первенство в Руси предопределили преимущества геостратегического положения Москвы перед конкурентами. Да, это геостратегическое преимущество Москвы действительно было, причем «выгодное экономико-географическое положение», о котором много говорят со времен Ключевского, к делу отношения почти не имеет: Тверь, Ростов, Ярославль, Владимир относительно торговых путей, а также центров промыслов и земледелия расположены лучше, чем Москва, да и в XIII–XIV вв. в наших широтах громко говорил булат, а не золото. Нет особых оснований напирать и на мифическую особую безопасность Москвы (а равно долгое время противостоящих ей на равных Твери или Суздаля) как раз именно из-за тех самых только что упомянутых торговых — то есть речных — путей, которые легко превращались в дороги войны. Ярославское, Костромское, Дмитровское и Галицкое княжества не только не уступали Москве и Твери в плане безопасности, но даже и превосходили их по этому параметру. А тот же Ростов, умудрившийся в своё время договориться даже с Батыем и располагавший в XIV в. влиятельной колонией «своих» татар³², должен был быть вообще «чемпионом безопасности».

Однако же, судя по скудным данным источников, люди шли не в более «безопасный» «отатарившийся» Ростов, а в ходившие по самому краю ханского гнева Тверь и Москву; как минимум знать того времени со своими людьми искала политической бури, а не тихого прозябания. И вот с этой точки зрения географическое положе-

ние Москвы в юго-западном углу Руси открывало возможности для превращения этих воинственных настроений в территориальные и политические «примыслы», усиливавшие непосредственно её, а не великокняжеский домен, судьбой которого распоряжалась Орда. Интересно, что «Суздальский союз», выдвинувшийся на первые роли в Руси в 1360-х, опирался на юго-восточный угол Руси с центром в Новгороде Нижнем, что также открывало пути для экспансии за установленные пределы старой Владимиро-Суздальской земли³³. Но юго-западное направление, ведущее московских князей к брянским и смоленским местам³⁴, оказалось перспективней и «нижегородского направления» на Поволжье, и уж тем более направления северо-западного, направления «тверского», пересекавшегося с торными путями литовских набегов.

Обобщая сказанное, можно ввести интегральный «фактор успеха» в борьбе за первенство в Руси: сочетание населенности, то есть относительного плодородия земель, с относительной, но не полной безопасностью. Высокая безопасность не породила доста-

³³ Нижний Новгород Орда передала суздальским князьям в 1341 году как раз в видах ослабления чересчур окрепших московских князей: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 141–142, 218.

³⁴ Так, результатом похода 1352 г. московского правителя Семёна Гордого на Смоленск с братьями и «всеми князьями», «в силе тяжце и велице» было (временное) признание Литвой сюзеренитета великого князя владимирского над Смоленским и Брянским княжествами, ранее входившими (с 30-х гг.) в сферу влияния Великого княжества Литовского (*Флоря Б.Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 62–65).

ищуе его, и не стигоша его. И тако едва утече не въ мнозе дружине и прибъже паку въ Литву» (ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 93).

³² *Хрусталева Д. Г.* Русь от нашествия до ига. М., 2008. С. 91; Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Русские повести XV–XVI веков. М.; Л., 1958. С. 98–105.

точного стимула для рискованной, но перспективной наступательной, экспансионистской политики. Дефицит умеренно плодородных земель, как в новгородских пятинах и в окрестностях Твери, тормозил накопление ресурсов для защиты, они же и защищаемые ценности. Плодородные же земли Рязани, Брянщины, Запьянья оказались слишком опасны для формирования ядра, но превратились в стимул для общей экспансии.

И эта экспансия выглядела особенно впечатляюще после кризиса и катастрофы XIII в., нанесших страшный урон демографическому потенциалу русских земель: например, в окрестностях Москвы в первой половине XIII в. число известных археологам сельских поселений уменьшилось втрое, со 129 до 43. Восстановление на этой земле происходило поначалу медленно, и во второй половине XIII в., во времена Дмитрия и Андрея Александровичей, возникло лишь 20 поселений, причем в отличие от прежних больших сел это были маленькие деревни, прятавшиеся в глубине лесов. В XIV в. ситуация резко изменилась — несмотря на жесткую борьбу за первенство Москвы и Твери со всеми прелестями военного времени было основано 185 новых поселений, и их общее число увеличилось в четыре раза (!), намного превысив количество сел и деревень, существовавших до нашествия. В отличие от XIII в., среди новых поселений были села, не уступавшие по размерам селениям домонгольских времен³⁵.

В XIV столетии масштабный характер приобрела и «монастырская колонизация»: было основано более 200 монастырей, то есть больше, чем за всю предыдущую историю Северо-Восточной Руси³⁶. Свидетельством

крестьянского благополучия являются сравнительно редкие упоминания голодных лет: за полвека с 1310 по 1360 г. такие упоминания в летописях встречаются 16 раз (и это при том, что в рассматриваемый период и Русь, и Западная Европа серьезно страдали от низких температур, из-за которых замерзало Балтийское и даже Адриатическое море). Для сравнения напомним, что в 1210–1230 гг. четырнадцать из двадцати (!) лет были годами голода³⁷.

Успешно развивались и русские города. Спасо-Преображенский храм в Твери дал старт достаточно активному процессу каменного строительства в той же Твери, Москве, Нижнем Новгороде. Между 1313 и 1337 гг. в этих городах было построено 7 каменных церквей (что намного превышает аналогичные цифры для второй половины XIII в.), столько же — в промежутке между 1338 и 1362, а за 25 лет между 1363 и 1387 тверичи, москвичи и нижегородцы подняли в общей сложности 16 церквей³⁸.

Таким образом, можно заключить, что на землях Руси одновременно с победой московско-тверской практики «оседания» княжеских династий в «закрепленных» за ними центрах начинается период восстановления вместе с периодом внутренней колонизации, продолжавшийся с короткими перерывами на междукняжеские войны и масштабные внешние нашествия в течение почти всего XIV в.

Наконец, в XIV в. Русия резко активизировала колонизацию внешнюю. Бурные 1360-е начались столкнове-

³⁷ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 273–278, 261–263.

³⁸ Miller D. Monumental building as indicator of economic trends in Northern Rus' in the later Kievan and Mongol periods, 1138–1462 // American historical review. 1989. V. 9. № 2. P. 373.

³⁵ Юшко А.А. Московская земля IX–XIV веков. С. 56, 57, 126, 174.

³⁶ Ивина А.И. Крупные вотчины Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XV века. М., 1979. С. 35.

ниями из-за нижегородских владений в коренных мордовских землях за Пьяной, проходили под аккомпанемент ордынско-рязанских конфликтов, завершились активным русским участием в делах Булгарского улуса и перетекли в войну 1377 г. по всему «фронту» русского наступления на юг³⁹. Эти столкновения суздальцев, рязанцев, москвичей с ордынцами Тагаем, Булат-Темиром, Араб-шахом трудно трактовать иначе как схватку за новые сферы влияния между могущественными кланами в условиях общего ослабления Золотой Орды. В итоге мещерские и тульские земли, где уже в середине XIV в. было зафиксировано присутствие и русского населения, положили начало нашему колониционному натиску на Юг и Юго-Восток после столетий отступления.

Путь меча и путь стрелы: войны за независимость Руси

Но как именно обеспечивали князья Руси экспансионистские проекты своих земель? Благодаря каким военным механизмам (или же стечениям каких обстоятельств) им удалось в 1380 г. на окровавленных берегах Непрядвы подойти так близко к обретению реальной самостоятельности? И почему тогда после Куликовской победы реальной независимости своего государства пришлось ждать сотню лет?

Составить по источникам представление об организации вооруженных сил Руси во второй половине XIV в.

³⁹ ПСРА. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 13–26; ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец, Тверской сборник. М., 2000. Стб. 71, 80, 85, 92, 112–113, 116–117, 119–120; ПСРА. Т. 11. Никоновская летопись. С. 5–6, 9, 19, 21, 24–25, 27–29. Впечатляет появление еще в 1377 г. русских таможенников в Булгаре после совместного похода московских и суздальских сил союза князей Руси (ПСРА. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 24–25).

вполне возможно. И до этапного Батыева нашествия, и непосредственно после него «царицей полей» во всех армиях княжеств Северо-Востока уходящей Руси была тяжелая и дорогая конница, а основным приемом в бою — таранный копейный удар.

В качестве иллюстрации к этому тезису можно рассмотреть два момента из боевой биографии широко известного владимирского князя Андрея Юрьевича Боголюбского. В 1149 г. в битве под Луцком Андрей впереди своей дружины на лихом коне врезался в строй вышедших из города пещев, и «изломи Андреи копие свое въ супротивне своемъ». В итоге горячий князь залез в самую гущу вражеского строя и продемонстрировал нам серьезность своей брони: «двума копиема под ним [был поражен] конь а третьимъ въ переднии лукъ седельнъ и а с города яко дождь камение метяху нань единъ же Немчичъ хоте просунути рогатиною». Броня выдержала, и будущий Боголюбский показал уже навыки владения мечом в дикой свалке: «князь же Андреи вынзе мечь свои и... все радоваху си видивше жива и мужи похвалу ему даша велику зане мужьскы створи»⁴⁰.

В 1151 г., во время позорной для Юрия Долгорукого битвы на Руте, Андрей повторил свой коронный заход на таран уже против конных противников: «Андреи же Дюргевичъ възме конье и еха на передь и съехаси переже всихъ и изломи копье свое, тогда бодоша конь под нимъ в ноздри. Конь же нача совати под нимъ и шеломъ спаде с него и щить на немъ уторгоша Бжьемъ заступлениемъ и млтвою родитель своихъ сохранень бе без вреда»⁴¹.

Подвести итог стоит словами крупнейшего отечественного специалиста по истории холодного оружия А.Н. Кирпичникова: «Русь не была родиной какой-либо формы копья, но

⁴⁰ ПСРА. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 391–392.

⁴¹ Там же. С. 451.

здесь использовались совершенные для своего времени образцы, возникшие на Западе и на Востоке в сочетании с общеславянскими наконечниками. Основными были копья с ланцетовидными, удлиненнотреугольными и пиковидными наконечниками... Находки узколезвийных, бронебойных копий указывают на распространение тяжелого доспеха. Удар таким наконечником достигался самим движением всадника — он стремился таранить своего противника. Для сравнения отметим, что в IX–XI веках укол осуществлялся взмахом протянутой руки. Применение «копьевого тарана» связано с усилением защиты всадника и сопровождалось изменением его верховой посадки на галопе (упор прямыми ногами в стремя). Возникновение мощного напора при ударе копьем отразилось на усилении его деревянной части»⁴².

Не претерпела серьезных изменений на Северо-Востоке такая тактика боя (равно как и вытекающая из применения такой тактики стратегия) и после 1237 г. Более того, Кирпичников утверждает, что со второй половины XIII в. доспех здесь в рамках общеевропейских тенденций «прибавил в весе», причем кольчуга начала уступать позиции различным разновидностям панцирей. Эти данные археологии вполне согласуются с показаниями нарративных источников: на Куликовом поле в 1380 г. «доспехи же русских сыновъ, аки вода въ вся вѣтры колыбашеся, шоломы злаченныя на главах ихъ, аки заря устраниа въ врѣмя ведра свѣтящися, яловци же шоломовъ ихъ, аки пламя огненное, пашется». Дмитрий Донской «всѣде на избранный свой конь и, вземъ копие свое и палицу желѣзную». Во время демонстрационных боев перед строем противники «ударившася крѣпко

копии, едва мѣсто не проломися под ними, и спадше оба с коней на землю и скончашеся»; в ходе самой битвы «силнии плъци съступишася, из нихъ же выступали кровавыа зари, а в них трепеталися силнии мльниа от облистания мечнаго. И бысть трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломления и от мечнаго сѣчения»⁴³.

Непосредственное влияние ордынского нашествия можно отметить лишь на примере угасания традиций стрелкового боя в русских вооруженных силах: Рифмованная Ливонская хроника, описывая события 1242 г., много пишет о луках у русских, как у псковичей, так и в войске Александра Ярославича; в описаниях нападения на Дерпт в 1261–1262 гг. — только одно упоминание русских лучников; в описании битвы у Раковора и последующего немецкого похода на Псков упоминания русских лучников нет⁴⁴.

Вооруженные силы Руси качественно не слишком изменились со времен Батыя. Но в 1360-х радикально изменилась политическая ситуация: в Орде началась «Великая замятня». В определенные моменты государство оказывалось на грани дезинтеграции. В Сарае стремительно менялись практически бессильные ханы (Навруз, Хидырь, Мюрид), в это же время «Мамай князь Ординьский и осилель съ другую сторону Волги, царь бе у него именем Авдуля». Его примеру в том же 1363 г. последовали и другие претенденты: «Булактемерь, князь ординьский, Болгары взялъ и все города по Волзе и улусы, и отня весь Волжеский путь, а иныи князь ординьский, Тагаи имя ему, иже отъ Бездежа, а тои

⁴³ Сказание о Мамаевом побоище // Поле Куликово. Сказания о битве на Дону. М., 1980. С. 110–217.

⁴⁴ Старшая Ливонская рифмованная хроника / Пер. В.И. Матузовой, Е.А. Назаровой // Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. М., 2002. С. 233–234, 243–244, 247–249.

⁴² Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. Л., 1966.

Наручадь, ту страну отнявъ, собе ту пребываше»⁴⁵.

В этих условиях князья Руси начали, как уже было сказано, бить ордынцев⁴⁶. А в 1370-х мы увидели наконец результат долгой и кровавой междоусобной селекции: союз многочисленных князей Руси, пусть зачастую бедных, но привычных к войне, объединенных одной сильной волей — волей великого князя владимирского, московского и новгородского Дмитрия, сына Ивана, сына Ивана, сына Даниила, сына Александра. Этот была грозная и страшная сила. Так, в 1375 г. в большом походе, поставившем на колени гордую Тверь, приняли участие: Дмитрий Иванович Московский и его брат серпуховский князь Владимир Андреевич, суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович с сыном и братьями, ростовские князья Андрей Федорович, Василий и Александр Константиновичи, князь Иван Васильевич Вяземский, ярославские князья Василий и Роман Васильевичи, белозерский князь Федор Романович, кашинский князь Василий Михайлович, моложский князь Федор Михайлович, стародубский князь Андрей Федорович, князь Роман Михайлович Брянский, новосильский князь Роман Семенович, оболенский князь Семен Константинович и его брат тарусский князь Иван.

Как видим, в этот союз, наглядно демонстрирующий реальность существо-

вания Руси в принятом в той работе смысле, входили не только все княжества бывшей Северо-Восточной Руси (включая после 1375 г. и Тверское), но также князья трех верховских княжеств Черниговской земли (новосильского, оболенского и тарусского), Роман Михайлович, считавшийся великим князем черниговским, и вяземский князь⁴⁷. Примерно три года спустя в разгроме этим же союзом ордынцев

⁴⁵ ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 110–111; ПСРА. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 115–116. По итогам этого похода Михаил Александрович Тверской признал поражение в долгой и упорной борьбе за первенство в следующих выражениях: «А вотчины ти нашии Москвы, и всего великого княженя, и Новагорода Великого, блюсти, а не обидети. А вотчины ти нашии Москвы, и всего великого княженя, и Новагорода Великого, под нами не искати, и до живота, и твоим детем, и твоим братаничем» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 9. С. 25–26).

Отдельно хотелось бы отметить зафиксированное в 1370-х усиление влияния Москвы в верховских княжествах Черниговщины/Брянщины, в очередной раз демонстрирующее перспективность последовательно антиордынского курса в Руси XIV в.: разбив в 1362 г. Орду на Синих Водах, Великое княжество Литовское «в награду» получило контроль над Киевщиной и Брянщиной; но линия Литвы на сотрудничество с Мамаем с возобновлением выплаты выхода в 1370-х привела верховских князей в союз князей Руси под предводительством Дмитрия Московского (*Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987. С. 72–73; *Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012. С. 120–127; *Флоря Б.Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 71–73.

⁴⁶ ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 2000. Стб. 70; ПСРА. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 101; *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. М., 1997. С. 256.

⁴⁷ *Селезнёв Ю.В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М., 2010. С. 78–101. Особо хотелось бы отметить Олега Рязанского, задавшего тон в 1365 г. разгромом Тагая из Наручади (ПСРА. Т. 4. Ч. 1. Новгородская 4-я летопись. Вып. 1. Пг., 1915. С. 291).

Бегица на берегах Вожи заметную роль играл Даниил Пронский из Рязанской земли⁴⁸. Наконец, стоит отметить беспрецедентно крепкую власть Дмитрия Ивановича в богатом Новгороде Великом, позволявшую даже посылать в гордый вечевой город собственных наместников, равно как и устойчивый союз с влиятельным в полоцких и псковских краях Андреем Ольгердовичем⁴⁹. На этом крепком фундаменте завершением долгой борьбы встала громада Куликовской битвы.

Вряд ли можно утверждать, что Дмитрий Иванович или его московские наставники-воспитатели, начиная еще в 1360-х долгий путь к первенству в военном союзе князей Руси, уже планировали прорыв из ордынской неволи. Вероятно, на первых порах они не заглядывали дальше ближней цели: закрепления великого княжества Владимирского за династией московских князей. Но аппетит приходит во время еды, и после победы на Куликовом поле Дмитрий отправил к Тохтамышу — новому сарайскому хану, сумевшему восстановить после гибели Мамаева единство Улуса Джучи — своего посланника с подарками, но за ярлыком не поехал, а высланный Тохтамышем посол добрался только до Нижне-

го Новгорода и поспешил вернуться, явно понимая: никто на Руси его не ждет.

А в 1381 г. Дмитрий заключил договор с рязанским князем Олегом, в котором рассматривал лишь потенциальную возможность выплаты дани и, тем самым, признания своего подчинения Орде. Предусматривалась и перспектива войны против некогда непобедимой силы Чингизидов: «А с татары оже будет князю великому Дмитрию миръ и его брату, князю Володимеру, или данье, ино и князю великому Олгу миръ или данье с единого со княземъ с великимъ з Дмитремъ. А будет немиръ князю великому Дмитрию и брату его, князю Володимеру, с татары, князю великому Олгу быти со княземъ с великимъ съ Дмитремъ и съ его братомъ с единого на татаръ и битися с ними»⁵⁰.

Но в 1382 г. все в одночасье рухнуло: повелитель Великой Орды Тохтамыш «со всею силою своею перевезеся Волгу, поиде изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю

⁴⁸ ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 134; Кузьмин А.В. Рязанские, пронские и муромские князья в XIII — середине XIV вв. (Историко-генеалогическое исследование) // Записки отдела рукописей РГБ. М., 2008. Вып. 53. С. 47.

⁴⁹ «...наместники своя тогда [летом 1367 года] послалъ... в Новгородъ въ Великыи» (ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 271); «...прибежа во Псковъ князь Литовьскыи Ондреи Олгердович, и целова крестъ ко псковичамъ; и поиха на Москву из Новаграда къ князю к великому къ Дмитрию, князь же прия его» (ПСРА. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 375).

⁵⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 30. Для сравнения интересно взять текст аналогичного соглашения, соответствующего времени, когда Дмитрий уж заведомо не признавал над собой власти Орды. По договору 1375 г. с Михаилом Тверским: «А с татары оже будет нам миръ, по думе. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с единого всемъ противу их. Или мы пойдем на них, и тебе с нами с единого пойти на них» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 26). В 1375 г. Дмитрий де-факто не признавал себя вассалом Мухаммеда-Бюлека и Мамаева, хотя и допускал, что в будущем возвращение к выплате дани — «по думе» — будет признано разумным. Видно, что великий князь московский придерживался тех же взглядов на свое будущее сосуществование с Тохтамышем.

Русскую»⁵¹. Причем на первом же этапе ордынского наступления выяснилось, что оборонительно-наступательный союз князей Руси, когда «все князи Русии, сославшеся, велию любовь учиниша между собою»⁵², просто не успел сработать. В этой ситуации, не располагая сколь-нибудь серьезными мобилизованными силами, «князь же великий Дмитрие Иванович, то слышавъ, что сам царь идетъ на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня руки противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому».

Тохтамыш тем временем взял и сжег Серпухов и подошел 23 августа 1382 г. к столице, оборону которой после внутренних беспорядков и вечевых собраний возглавил литовский князь Остей. После трехдневной безуспешной осады Тохтамышу удалось 26 августа обманом выманить Остея из города, после чего литовский князь был убит, а татары ворвались в Москву и подвергли ее разгрому. Торжествующий Тохтамыш распустил свои отряды по московским владениям: к Звенигороду, Волоку, Можайску, Юрьеву, Дмитрову и Переяславу. Но взять удалось только последний. Отряд, подошедший к Волоку, был разбит находившимся там Владимиром Андреевичем Серпуховским. После этого Тохтамыш покинул Москву и двинулся восвояси, по дороге взяв Коломну. Как видим, в случае скрытно подготовленного удара крупных ордынских сил катастрофу предрешили принципиальные недостатки военной организации Руси:

— нет общего плана действия русских сил,

— разведка не вскрывает планы стратегического противника,

— провести серьезную мобилизацию вооруженных сил князя Руси не успевают,

— оборону по устойчивым рубежам выстроить не удастся,

— великий князь покидает столицу и практически сразу же теряет контроль над войсками и ситуацией.

Страна и столица в руинах, а об освобождении от «ига» нет и речи. Триумф Куликова поля в 1383 г. удалось превратить «всего лишь» в закрепление великого княжения Владимирского за московским родом. Рязань, Тверь, Суздаль с Нижним Новгородом, верховские княжества — все эти земли выпали из сферы влияния великого князя владимирского, Русия раскололась⁵³. А со временем некоторые отколовшиеся части перешли в сферу влияния великого князя литовского, грозного Витовта Кейстутевича, в последние десятилетия своей жизни небывало близко подошедшего к реализации принципа «*omnis Russia ad Letvines deberet simplicitler pertinere* — вся Русь должна принадлежать Литве»⁵⁴.

⁵³ После 1383 г. «Тверь уважала великое владимирское княжение как достояние Москвы, в то время как Москва со своей стороны уважала независимость Твери... Московский великий князь рассматривал теперь Михаила Александровича Тверского как «брата», а не «младшего брата»» (Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1993. С. 217–233). Рязань «в последние полтора десятилетия XIV и первые годы XV вв. вела более чем активную и вполне независимую от Москвы политику», включавшую и самостоятельные военные походы против Орды и Великого княжества литовского (Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI вв. М., 2011. С. 110–133).

⁵⁴ Герман Вартберг. Хроника Ливонии // Hermann de Wartberge. Chronicon Livoniae. Scriptores Rerum Prussicarum. Т. 2. Leipzig, 1863. S. 80. К 1430 г. в рамках воплощения в жизнь этого лозунга великие рязанские и тверские князья признали себя, пусть на разных условиях, вассалами Витовта: «господину, осподарю моему, великому

⁵¹ ПСРА. Т. 15. Рогожский летописец, Тверской сборник. М., 2000. Стб. 142–146.

⁵² ПСРА. Т. 11. Никоновская летопись. М., 2000. С. 69.

При Василии Дмитриевиче, сыне Донского, по «тохтамышеву сценарию» прошел погром, учиненный войсками князя Едигея зимой 1408/1409. Снова безвестно подошло сильное татарское войско, снова великий князь — на этот раз Василий Дмитриевич, сын Дмитрия «Донского» — «не успе ни мало воинства собрати» и по примеру прошлых великих князей бежал из столицы (опять в Кострому), снова был дотла разорен центр Московской земли, были взяты Коломна, Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец... «И не остана такова места, иже не были Татарове». Отличалась лишь судьба самой Москвы: на сей раз город был лучше под-

князю Витовтоу, са язъ... добиль есми челом, далься есми ему на слоужбоу...»; «А господину моему, деду, великому князю Витовту, мене, князя великого Бориса Александровича тферьскова боронити ото всякого, думою и помочью... Быти ми с нимъ заодинъ, при его стороне, и пособляти ми емоу на всякого, никого не вымая» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 23. С. 60 и далее). О датировке грамот см: *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот. С. 294 и след). Влиятельный в верховских землях клан князей Новосильских после 1425 г. переходит к Витовту на службу (*Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae, 1376–1430. Cracoviae, 1882. 1298. S. 779*). Подробно непростые судьбы бывшей Черниговской земли, входившей в сферу влияния как Руси, так и Литвы разобраны в работах: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. М., 2010. С. 43–82; *Русина О.В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. К., 1998. Мы же отметим для себя очередной характерный эпизод: в ходе этапной русско-литовской войны 1406–1408 гг. прямая военная помощь, предоставленная Ордой, никак не помогла остановить наметившийся литовский натиск на восток, на земли Руси. В очередной раз «проордынская» политика не принесла удачи (ПСРА. Т. 15. Стб. 472–478).

готовлен к осаде, чем в 1382-м, в нем оставался, например, дядя великого князя Владимир Андреевич Серпуховский. И спустя 20 дней внутриордынские проблемы вынудили Едигея отступить от Москвы, вытребовав с её жителей «окуп» в 3000 рублей⁵⁵.

Тяжелейший политический и экономический кризис, поразивший земли Руси в 1430–1450-х — и чуть ли не в первую очередь Москву⁵⁶ — не способствовал изменению сложившейся традиции безнаказанных ордынских набегов. Так, в июле 1439 г. события 1408-го повторились почти полностью, только великого князя, опять бежавшего за Волгу, звали Василием Васильевичем, а ордынско-казанской ратью, разорившей окрестности Москвы и Коломну, командовал Улуг-Мухаммед. Да еще беда пришла с непривычной стороны, с востока, из бывших Булгар, превращавшихся в новое Казанское ханство. Ясно, что сложно говорить о «свержении ига», если великий князь не может в течение нескольких месяцев вернуться в столицу, так как «посады пожджены от Татар, и люди посечены, и смрад велик от них»⁵⁷.

А пожар на восточном направлении не утихал: в 1444 г. все тот же Улуг-Мухаммед идет на Нижний Новгород и Муром; в 1445 г. отряды его сыновей — Махмутека и Якуба — разгромили у Суздаля войско великого князя московского Василия II, взяли его в плен и доставили в Курмыш, где про-

⁵⁵ ПСРА. Т. 15. Стб. 179–186 и 482–484; Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 155–159; Т. 25. Московский летописный свод конца XV века / Под ред. М.Н. Тихомирова. М.; Л., 1949. С. 238.

⁵⁶ *Зимин А.А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991. *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2006. С. 14–170.

⁵⁷ ПСРА. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962. С. 107; ПСРА. Т. 25. Московский Летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 260.

держали почти два месяца и отпустили его с условием выплаты большого выкупа⁵⁸. В 1446–1447 гг. ханом Махмудом были совершены еще два похода на Русь. Напоминал о себе и «южный фронт»: в 1449-м и в 1451-м состоялись похожие по исполнению, но уступающие по масштабу внезапные разорительные набеги на Москву «**скорох татар**» Сеид-Ахмета и царевича Мазовши⁵⁹.

Как видим, после Куликовской битвы «ордынское иго» сложилось на новом уровне как система взаимодействий Степи и Руси, при котором расколота Орда не могла, да и не желала уничтожить своих «северных сепаратистов», не управляла практически их политической жизнью, но могла почти безнаказанно наносить им чувствительные удары, заставлявшие регулярно выплачивать выход и формально признавать верховенство ханов.

Демонтаж этой системы — процесс, а не событие. Это не результат «озарения» гениального полководца, не результат «коварного плана» в исполнении великомудрого политика (хотя и полководцы и политики сыграли свою роль). Это — итог огромного страшного труда всей страны в течение многих лет. Однако, обращаясь к источникам, вполне можно выявить основные вехи этого процесса, выявить ключевые события, что продемонстрировали оформившиеся изменения военно-политических отношений в системе Русия–Орда, что взорвали ордынское иго.

1459 г. «Того же лета татарове Сиди Ахметевы, похваляся, на Русь пошли. И князь велики Василей отпусти противу их к берегу сына своего великого

князя Ивана со многими силами. Пришедшим же татаром к берегу, и не перепусти их князь велики, но отбися от них, они же побегоша....»⁶⁰. Вычленим ключевые слова: *поход татар*, «*похваляся*», *великий князь Иван, сын Василия Темного, внук Витовта Литовского, правнук Дмитрия Донского... и Берез*, то есть берег Оки.

Вскоре мы снова встретим похожий сюжет: где-то в конце июля 1472 г. «злочестивый царь Ординский Ахмут подвижеса на Русскую землю со многими силами». Иван III, ставший к тому моменту уже единовластным правителем, «слышавшее же то... посла воевод своих к Берегу... князя Данила да князя Ивана Стригу». Ахмат в тот раз удачно обошел место основной концентрации русских сил на Берегу — но потерял драгоценное время на осаду героического Алексина и упустил возможность для прорыва русской обороны по Оке. В этот раз основные силы русских продемонстрировали, что скоростью перемещения они не уступают ордынцам: практически за сутки к бродам у Алексина подошли сильные полки Василия Михайловича Удалого и Юрия Дмитровского, практически исключив возможность переправы через серьезную водную преграду. Завершилась же эпопея со стоянием на Оке–1472 весьма характерным эпизодом: запущенная дезинформация о готовящемся ударе касимовских татар по обозам ханского войска заставила потерявшего инициативу Ахмата спешно отступить⁶¹.

⁶⁰ ПСРА. Т. 25. Московский Летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 275–276; ПСРА. Т. 26. Вологодско-пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 217.

⁶¹ ПСРА. Т. 25. Московский Летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 297; ПСРА. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000. С. 129–193; ПСРА. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2000. С. 160–161. Подробный комплексный анализ упомянутых крупных столкновений с Ордой представлен в работе:

⁵⁸ Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. № 40. С. 77; ПСРА. Т. 25. Московский Летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 262–263; ПСРА. Т. 26. Вологодско-пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 197–198.

⁵⁹ ПСРА. Т. 25. Московский Летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 270–273.

Знакомая картина, не правда ли? Снова разведка вовремя «вскрывает» планы противника, в степи работает «сторожа» и оперативная разведка, снова вооруженные силы под командованием лучших полководцев Москвы, демонстрируя завидную оперативность, успевают занять оборону по удобному природному рубежу, снова нерешительные телодвижения противников, снова очевидцы отмечают отличную организацию и вооружение русских армий («железный» строй которых «якоже море колеблющееся, или озеро синющееся»). Размах проделанной работы впечатляет, и не случайно именно со стоянием—1472 ассоциируют обычно прекращение выплаты дани в Орду⁶².

Таким образом, знаменитое стояние на Угре 1480 г. стало лишь третьим эпизодом в череде однотипных попыток одного только Ахмата лично пробить московскую оборону.

А ведь южным направлением разгоревшаяся в середине XV в. война Руси с Ордой и её осколками, как мы уже видели, не ограничивалась. В 1467 г. Ибрагим казанский совершил нападение на Галич, в набеге участвовали и луговые марийцы. Но с этого же 1467 г. начинается череда масштабных московских походов на Казань, сочетавшихся с разорительными «лесными» и особо опасными «речными» рейдами. Так, 6 декабря 1467 г. «князь велики Иван послал на Черемису князя Семена Романовича, а с ним многих дети боярских, дворъ свои, и совоку-

пившиеся вси поидоша из Галича на Николин день декабря 6, и поидоша лесы без пути, а зима была велми студена... и повоеваша всю ту землю, а досталь пожгоша, а до Казани один день не доходили и, возвратишеся, приидоша к великому князю все поздорову»⁶³.

«Князь урус, рыжий, как лис», стал частым незванным гостем на землях Казанского ханства. Заработала машина войны, и создание этой рационально используемой военной машины и стало во второй половине XV в. завершением той специфической системы русско-ордынских отношений, что историки называют «татаро-монгольским игом».

Теперь Москва и Орда поменялись ролями: Москва стала практически недоступной для военного воздействия из степи, сохранив за собой возможность регулярно разорять земли противника. И именно этот процесс изменения военного статус-кво можно назвать «освобождением от татаро-монгольского ига», а никак не локальные степные схватки⁶⁴ и даже не изменение политических конфигураций на просторах Степи.

Разрастающаяся война за независимость пробивалась и в политическое измерение: в 50–70-х гг. XV в. Василий II начинает регулярно именоваться царем при живом легитимном Чингизиде в Большой Орде⁶⁵. Имен-

⁶³ ПСРА. Т. 12. Никоновская летопись. С. 118–119.

⁶⁴ При этом все же стоит помнить, что в 1450–1480-е масштаб схваток, обрисованных выше, не имел прецедентов. Действительно, поход на Москву, возглавляемый самим правящим ханом Орды, — явление не просто редкое, но исключительное. Со времен Батыя единственный подобный пример — это поход Тохтамыша в 1382 г. И вот мы имеем сразу три таких «больших» похода всего за 18 лет после вокняжения Ивана III, к которым необходимо прибавить походы Орды времен «позднего» Василия «Темного».

⁶⁵ См. в «Слове избраном от святых писаний,

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 96–163. Ценные замечания по поводу численности русских и ордынских войск в упомянутых кампаниях содержит заметка: *Курбатов О.А.* Рец.: *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового Времени. М., 2011. С. 522–528.

⁶² *Горский А.А.* Москва и Орда. С. 186–187.

но в эту эпоху происходит первое не санкционированное Ордой наследование великого княжения. Ясно, что в середине XV в. московская элита решила покинуть «союз нерушимый», что сплотился «навек» вокруг Золотого Рода Чингизидов. Иван III заменил классическую формулу княжеских докончаний — «А переменить Богъ Орду» — на лозунг новой политики: «А коли яз, князь велики, выхода в Орду не дам, и мне у тебе [удельного князя] не взяти»⁶⁶.

Все прекрасно понимали, что право «наций» на самоопределение нерушимо, равно как и нерушимы европейские границы. А значит — любые желающие имеют право на свою попытку сепаратизма. Но и любая «центральная» власть имеет полное право втоптать «распускающиеся цветы свободы» в песок, такова жизнь. А значит, неизбежность большой войны со Степью сразу после любой попытки сепаратизма была очевидна всем адекватным представителям московской элиты. И для ведения наступательных («казанские» войны) и оборонительных (стояния на Оке в 1472-м и на Угре в 1480-м) действий в такой большой войне и понадобилось московскому князю дешевое многочисленное маневренное конное войско. А вместе с созданной чуть позднее серьезной артиллерией поместное дворянское ополчение сделало на пару десятилетий объединенную вокруг Москвы Русию одной из могущественнейших держав Восточной Европы.

Это почувствовали все соседи: па-

еже на латыню» // *Попов А.С.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875; *Послание митрополита Ионы в Псков.* РИБ. Т. 6. СПб., 1908. Стб. 674.

⁶⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 12 (духовная Дмитрия Донского), № 19–22, № 24, № 33–35, № 38 против грамот № 64–65, № 67, № 69–73, № 75, № 81, № 82, № 90.

раллельно с набирающими ход «войнами за освобождение» Москва занималась и де-факто отделившимися областями Руси. В 1471 г. грянул гром новгородского похода, разом переключившего баланс сил на политической карте Восточной Европы. Крупнейшие игроки региона не могли остаться равнодушными, и вот польский король и великий князь литовский Казимир IV послал к Ахмату своего посла, татарина Кирея: «многие речи лживие и обговоры от короля на великого князя говорить, а многие дары принесе к нему, тако же и ко княземъ его... от короля, и челомъ бия, глаголя: “Что бы ты, волной царь, пожаловаль, пошоль на московскаго великого князя со всею Ордою своею, а яз отселе со всею землею своею, поне же бо многа истома земли моеи от него”»⁶⁷.

Результат мы уже обсуждали, но прошло совсем немного времени, и соседи увидели прекрасную возможность переиграть проигранную, казалось бы, партию: летом 1480 г. Русия оказалась на грани очередной тяжелой смуты. И, что естественно, именно усиление государства на землях Руси и спровоцировало эту смуту: «А нынеча [князь велики Иван] и zde силу чинит... уже ни за бояре почел братью свою; а духовные отца своего забыл... ни докончания, на чем кончали после отца своего». Так жаловался Андрею Углицкому на сурового старшего брата удельный князь Борис Волоцкий.

И жалобами дело не ограничивалось. Зимой 1480 г. в феврале месяце Андрей и Борис подняли самый настоящий мятеж. Загоняя коней, великий князь успел вернуться из своей непростой новгородской поездки и занять столицу, а мятежники «поидоша изо Ржевы со княинями и детми, и бояре их и дети боярские лучшие и с женами... вверх по Волге к новгородским

⁶⁷ ПСРА. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962. С. 128.

волоstem»⁶⁸. От Селигера же этот революционный обоз вышел к Великим Лукам, к границе с Литвой.

Из Великих Лук мятежники отправили послов к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV. О результате посольства можно судить по тому, что семьи Андрея и Бориса оказались в литовском Витебске. И в сложившейся ситуации, когда на литовской границе стояли довольно сильные мятежные дружины, когда внутренние мятежники совершенно явно могли рассчитывать на поддержку могущественного западного соседа, когда «все людие быша в страхе велице от братии его [Ивана III], все грады быша во осадех» — «того же лета злоименитый царь Ахмат Большая орды по совету брата великого князя, князя Андрея и Бориса, поиде на православное христьянство, на Русь», да еще «король съ царемъ съдиначилися, и послы королевы тогда у царя беша и советъ учиниша приити на великого князя царю отъ себе полемъ, а королю отъ себе»⁶⁹.

Поражение московского войска на Оке или Угре (равно как и прорыв Ахмата в центральные русские области) могло стать, как в 1445 г., началом полномасштабной внутренней Смуты. Крупное сражение могло подорвать военные силы Москвы и оставить её беззащитной перед возможным наступлением Литвы. Опасность угрожала Москве с трех сторон. На южном направлении грозовой тучей нависала Большая Орда Ахмат-хана, при описании которой впервые со времен Кули-

ковской битвы летописцы вспомнили запретное имя Батыея. Удельные князья могли в любой момент подойти из Великих Лук. Королю Казимиру принадлежала Вязьма, и его войска могли достичь Москвы за несколько дней. А ведь этим же летом ливонцы пытались взять Изборск и Псков. Русское государство в очередной раз охватило огненное кольцо фронтов.

Вооруженные силы Руси на угрозу войны по всем фронтам, включая и западный, отреагировали достаточно адекватно: великий князь оперативно «нача отпустить к Оце на Брег своих воевод с силой», а после «Иван Васильевич... поиде сам противу ему [Ахмату] к Коломне 23 июля в неделю». В ответ хан начал пока неторопливое движение на соединение с королем на запад, с правого фланга обходя занятую русскими войсками линию реки: «слышав же царь Ахматъ, что князь великий стоить оу Оки по берегу съ всеми силами, и поиде к Литовьской земле, опходя реку Оку и ожидая к себе на помощь короля или силы его, и знахоре ведяху его ко Оугре реце на броды». Угра также была возможным рубежом обороны — на ней московские полки дважды держали оборону против армии Витовта, но эта река была гораздо мельче Оки и давала татарам возможность «искрасти берег» — отыскать место для переправы. Армии Руси под оперативным руководством князя-наследника Ивана Ивановича Молодого, князя Даниила Холмского и других представителей московской военной элиты прикрыли и этот рубеж, в то время как сам великий князь отъехал в Москву для переговоров с послами мятежных братьев, попутно начав осторожные переговоры с Ахматом, что вызвало недовольство широких кругов гражданского общества. Но урегулирование внутреннего конфликта того стоило⁷⁰.

⁶⁸ ПСРА. Т. 6. Софийская вторая летопись. М., 2000. С. 222. Подробную реконструкцию контактов князей-мятежников с королем можно найти, например, в исследовании: *Pawel Jasienica. Polska Jagiellonow. Krakow, 2005. S. 261.*

⁶⁹ ПСРА. Т. 25. Московский Летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 326 и далее; ПСРА. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 267.

⁷⁰ «Въ то время беша на Москве послы братьи его, княжи Андреевы и княжи

Тем временем на Угре продолжалась перестрелка двух армий: «князь великий Иван Иванович, сынъ великого князя, да князь Ондrei Васильевич Меншой, брат великого князя, ста-ша крепко противу безбожнаго царя и начаша стрелы пущати и пищали, и тюфяки [пушки] на Татар, и бишася 4 дни». Таким образом, бои на Угре в октябре-ноябре 1480 г. стали одним из первых русских опытов применения огнестрельного оружия в полевых условиях (крепостной огнестрел имелся в Москве уже при нападении Тохтамыша за сто лет до того). Попытка ордынцев прорваться через брод у Опакова была отбита: «царь же хотя искрасти великого князя под Опаковым городищем, хотя перелести Угру, а не чая туто силы великого князя. И посла князеи своих и воевод и множество Татар. Прилучи же ся туто множество князеи и боярь великого князя, не дающе перелести Угры»⁷¹.

После боев у Опакова на Угру упали ранние и сильные морозы, сковавшие реки льдом и существенно изменившие стратегическую ситуацию. Этим изменением ситуации и можно объяснить предполагаемое перемещение основных русских сил на один конный переход к Боровску. Но на этом многомесячное стояние на Оке и Угре по сути уже завершилось — «от Угры царь Ахмут побежал месяца ноября в 10 день».

Кризис 1480 г. завершился великим и практически бескровным триумфом

Борисовы, били челомъ о миру; и князь великий Иванъ Васильевич всеа Руси жаловаль братью свою... приидоша же тогда и братиа къ великому князю на Кременецъ, князь Андрей Васильевич болшеи и князь Борисъ Васильевич, съ своими силами къ великому князю на помощь противу царя Ахмата. Князь же великий съ любовью приять ихъ» (ПСРА. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 268).

⁷¹ ПСРА. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000. С. 200; ПСРА. Т. 26; Вологодско-пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 273.

Русского государства и его новых вооруженных сил, вооруженных сил мобильных, готовых быстро собраться и быстро выступить в долгий поход по приказу великого князя, настоящей дворянской конницы, способной отразить масштабные и внезапные атаки степняков.

В годы «образцовой» поместной системы воину этой новой вооруженной силы владимирских и московских князей за его службу давали от государя поместье с крестьянами, но это владение оставалось государственной собственностью. Поместье было небольшим, молодой воин, «новик», получал не больше 150 десятин земли — около десяти крестьянских хозяйств. Помещики регулярно вызывались на смотры, в боевые дежурства по Берегу, в дальние походы на государевых врагов, и если воин вызывал недовольство командиров, то поместье могли отнять; если помещик проявил себя в бою, то «поместную дачу» увеличивали. Военские командиры, бояре и воеводы, получали до 1500 десятин, но были обязаны приводить с собой дополнительных воинов — наемных слуг или боевых холопов — по одному человеку с каждых 150 десятин. Дворянин, получавший отставку по старости или из-за ран, имел право на часть поместья, «прожиток». Если сын помещика поступал в службу вместо умершего отца, то он мог наследовать отцовское поместье — но не все, а лишь в тех размерах, которые полагались «новику»⁷².

Перечисленные выше требования к мобильности и размеру армий, выходявших на борьбу со Степью, диктовали необходимые радикальные изменения всей тактики боевого применения русской конницы. Подготовленный для сражения со степняками, как правило, совсем небогатый даже на фоне боярина из свиты удельного князя вре-

⁷² *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1947. С. 281, 306–318.

мен Куликовской битвы, легкий всадник московской дворянской конницы стал весьма похож на «татарина» из иллюстрированных детских книг по истории.

Вот как запомнилась дворянская конница иностранцам, побывавшим в наших краях после «войн за независимость» 1460–1480-х: «узда самая легкая; затем седла приспособлены у них с таким расчетом, что всадники могут без всякого труда поворачиваться во все стороны и натягивать лук... Обыкновенное их оружие — лук, стрелы, топор... Саблю употребляют те, кто познатнее и побогаче... Хотя они держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть одновременно, однако ловко и безо всякого затруднения умеют пользоваться ими»... Русские «всадники — все стрелки из лука, и луки их подобны турецким»⁷³.

Эти показания надежно подкреплены данными археологии и обследованиями актового материала, содержащего завещания русских дворян того времени с распоряжениями о судьбе принадлежащего им оружия: «шоломы шемохейские», «бехтерци шемохейские», сабли «турские» и прочее в том же духе. Впрочем, все те же источники показывают, что отдельные части нового войска Руси сочетали «восточные» и «западные» виды вооружений и при необходимости вполне были способны на старый добрый слаженный копейный удар⁷⁴.

⁷³ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988. С. 114 и далее.

⁷⁴ Духовная Григория Дмитриева Русинова // Акты Русского государства 1506–1526. М., 1975. С. 198–200; Духовная Василия Узского сына Есипова // Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. №97. С. 91; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1973. С. 4–20. Среди заметных (пусть и не слишком удачных) примеров использования тяжелой кавалерии и тактики копейного удара после «войн за независимость»

Первые подобные дворяне-«помещики» появились на Руси, видимо, во времена Ивана Калиты. Во всяком случае, так можно толковать известный отрывок из завещания Ивана Даниловича: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Борису Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимь, не иметь ли служити детем моим, село отоимут». В духовной великого князя московского Василия Дмитриевича упоминаются служилые люди Тутомлины, имевшие поместья аж под Устюгом⁷⁵. Нужно было только упорядочить стихийно зарождавшееся явление, и перебор с описью земель во владениях великого князя московского можно считать предвестником «войн за независимость» и тесно связанной с ними военной реформы: в 1463 г.: «...не на добро всем князем Ярославским: простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь велики против их вотчины подавал им деревни и села... у кого село добро ин отнял... да отписал на великого князя, а кто будет сам добр, боарин или сын боярский, ин его самого записал»⁷⁶.

отметим вслед за А.Н. Лобиним сражение под Оршей в 1514 г., когда «обремененных доспехами» московских всадников и «треск копий московских» можно проследить и по русским, и по польско-литовским источникам (*Bielski M.* Kronika Polska. Sanok, 1856. Т. II. С. 975; *Салмина М.А.* Рассказ о битве под Оршей псковской летописи и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 524–525; см. также очерк: *Курбатов О.А.* «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск I. Ч. I. С. 227–235).

⁷⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 11, 196.

⁷⁶ ПСРА. Т. 28. Летописный свод 1497 г.

При этом, внедряя новые методы организации и комплектования армии, московские правители проявляли завидную гибкость, сохраняя традиционные, идущие еще от новгородских ушкуйников способы комплектования речных ратей, крайне эффективных на северном и восточном театрах⁷⁷.

Ну а к моменту новгородского похода 1471 г. роль дворянской конницы была, видимо, уже ключевой, что позволило вместо тысячи человек, собранных Василием Темным в ужасном 1445 г., выставить до десяти тысяч хорошо вооруженных и обученных всадников⁷⁸. В это же самое время в Западной

Европе разворачивался первый этап великой военной революции, в ходе которого, как и в Великом княжестве Московском, резко росла численность армий (в Испании эта самая численность увеличилась с 20 тысяч в 1480-м до 150 тысяч в 1550-м), осваивалось огнестрельное оружие, проводились попытки упорядочить и систематизировать наличные вооруженные силы (чем, например, активно занимался во Франции в 1440–1460-х Карл VII)⁷⁹. Даже отклонение от типичного для европейских армий этого времени соотношения 1 к 3 для кавалерии и пехоты на берегах Оки в 1472 г. можно, как мы видели, убедительно объяснить. Особая роль конницы в русских армиях в противовес «правлению» пеших швейцарцев и ландскнехтов на европейских полях XVI в. естественным образом вытекает из грандиозных расстояний на отечественных театрах боевых дей-

Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963. С. 157. Интересно отметить, что эта работа началась в Руси до знаменитой и в чем-то аналогичной «земельной реформы» Мехмеда II в 1470-х.

⁷⁷ В несколько утрированном виде на особую роль этих речных ратей указал У. МакНил: «московские цари распространяли свою власть повсюду, куда судоходные реки позволяли доставить тяжелые пушки» (МакНил У. В погоне за мощью. М., 2008. С. 120). Блестящее изложение истории применения речных ратей в дальних походах, включая описания похода на шведскую Финляндию через Белое море, можно найти в исследовании: Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 64–95, 140–146, 274–277, 293–302, 347–354 и др. См. также: Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV — первая половина XVII в.). С. 45–54, 57–59.

⁷⁸ Вопрос о численности вооруженных сил Руси по завершении военной реформы в 1480–1490-х остается предметом ожесточенных дискуссий. Можно вполне согласиться с оценкой А.Н. Лобина: в начале XVI века крупнейшая армия, действовавшая на важнейшем стратегическом направлении, насчитывала до 15 000 сабель (Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011. С. 83–103). Изложение дискуссии по этому вопросу, в ходе которой, кажется, окончательно ушли в прошлое представления о сотысячных ордах «московитов», см.:

Лобин А.Н. Дискуссия о численности вооруженных сил Русского государства в XVI в. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового Времени. М., 2011. С. 511–521. Для сравнения хорошо бы помнить, что Крымская Орда, крупнейший обломок Улуса Джучи, на пике своего могущества могла выставлять армии заметно менее 50 тысяч бойцов (Михалон Литвин. О нравах татаров, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 65–67, 114, 115). Во время венгерской кампании османов крымский хан Гази-«Бора»-Гирей неоднократно хвалился тем, что привел с собой 150 тысяч войска, и в этой связи Ибрагим-эфенди Печевили ехидно отмечает: «Разве это может быть — сто пятьдесят тысяч? Много что было тридцать тысяч или сорок с чем-нибудь» (цит. по: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. М., 2005. Т. 1. С. 333).

⁷⁹ Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1988; Пенской В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. С. 51–100.

ствий и мобильности основного противника — армий Орды.

Не случайно у нашего ближайшего соседа, воевавшего в тех же краях, — Великого княжества Литовского сформировалось из общих военных традиций Руси преимущественно конное войско, держащееся на уже знакомой нам системе службы с земли. Еще в 1502 г. по решению великого князя с панами радными всякий землевладелец ВКЛ был обязан с каждых 10 служб выставлять одного полностью экипированного конного ратника. Решение сейма от 1528 г., развивающее правила формирования посполитого рушения, гласит: «хтольвек маеть людей своих в ыменьях своих, тот повинен с каждых осмии служб ставити пахолка на добром кони во зброе... на котором бы был панъцер, прыльбица, меч...»⁸⁰.

Таким образом, можно заключить, что революционные военные реформы в Великом княжестве Московском развивались из местных традиций в русле общеевропейских изменений в военном деле в ходе первого этапа великой военной революции позднего Средневековья⁸¹. «Ориенталистский» под-

ход к формированию армий и ведению боевых действий не является чем-то «исконным» для «москвитов». Новая структура формирования и вооружения армии во второй половине XV в. созрела на месте домонгольских военных традиций Руси именно для ведения боевых действий в первую очередь на южном и восточном направлениях в ходе войн за независимость в 1450–1470-х гг.

Но это еще не всё. Во второй половине XV в. были кардинально пересмотрены принципы стратегического управления вооруженными силами Московского государства, причем эта реформа уж совершенно точно не может быть списана на «восточное влияние». Уже в первой большой войне с Казанью 1467–1469 гг., с которой выше я связывал начала пересмотра отношений Руси и Степи, можно было отметить следующие принципиальные новшества:

— великий князь не встает во главе даже крупных воинских соединений, отправляющихся в поход, а осуществляет их общее руководство — и есть основания полагать, что это новое веяние в русском военном деле легло в основу знаменитого института местничества (при великом князе, совмещающем стратегическое и тактическое руководство войсками, нет материала для местнических споров в виде письменных распоряжений о назначениях и гораздо меньше поводов для них);

— непосредственное руководство войсками на оперативном уровне осуществляется воеводами, назначенными «Центром»;

— назначенные воеводы имели перед собой достаточно четкие и ясные стратегические задачи, причем в летней кампании 1469 г. чуть не впервые в отечественном военном планировании была совершена попытка объединить

в котором, как верно отмечает и сам Нефедов, «нет никакого боярства», вряд ли можно признать хоть сколь-нибудь удачной.

⁸⁰ РИБ. Т. 38. Литовская Метрика. Пг., 1915. Стб. 7. Впрочем, «разнарядки» для панов, княжат, землян, шляхты все время менялись... и практически никогда не исполнялись (Пералис войска Велікаго княства Литоускага 1528 г. / Падр. А. Груша, М. Спиридоу, М. Вайтовіч. Мінск, 2003; Документы Московского архива Министерства юстиции. М., 1897. Т. I. С. 507. № 1).

⁸¹ Отдельно хотелось бы подчеркнуть: приведенный фактический материал опровергает распространяющуюся в последнее время тенденцию де-факто сводить реформу вооруженных сил Руси к заимствованию османских или ордынских образцов. См., например: Нефедов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. М., 2002. № 11. Эту широко известную попытку вывести военную систему Руси с её знаменитыми местническими спорами из государства,

одной стратегической идеей действия на абсолютно не связанных друг с другом театрах: основные силы Московского государства наступали на Казань от Нижнего Новгорода по Волге, а в это же время судовая рать с ополчением северных русских городов должна была нанести удар по казанским землям с севера, спускаясь вниз по Каме⁸².

Характерной особенностью «первой наступательной казанской войны» было сочетание упорства в борьбе за достижение стратегической цели с гибкостью в выборе тактики и стратегии наступательных действий. Так, упомянутая выше летняя кампания 1469 г. продемонстрировала проблемы при согласовании русских действий на волжском и камском театрах — и в удачной летне-осенней кампании того же 1469 г. все силы (включая и северян-устюжан) были сосредоточены на одном, волжском направлении.

Для проверки сделанного сильного предположения о перестройке системы управления вооруженными силами стоит проанализировать ход масштабной Новгородской кампании 1471 г. И снова мы видим, что

— великий князь участвует в походе, но отвечает не за оперативное, а за общее, стратегическое управление (ведет переговоры с Псковом и Новгородом, определяет общее направление действий на ключевых театрах);

— снова непосредственное руководство войсками на оперативном уровне осуществляется назначенными воеводами, причем в походе 1471 г. были учтены ошибки прошлого и назначение воевод на вечевых сходках по ходу боевых действий, встречавшееся ранее, было исключено (именно от похода 1471 года сохранился первый прообраз детальной «росписи» воевод по полкам, что легли в основу будущих Разрядных книг);

— снова предприняты попытки организовать согласованные действия на разнесенных театрах — практически одновременно наносятся удары на западный берег озера Ильмень и Старую Русу (отряд князей Даниила Холмского и Федора Хромого), на восточный берег озера Ильмень и долину Мсты (отряд князя Ивана Стриги-Оболенского и татары царевича Данияра), от Пскова по долине Шелони и от Великого Устюга в направлении новгородских «колоний» Заволочья;

— выделен еще и резервный эшелон, с которым наступал сам великий князь⁸³.

Но, быть может, все эти особенности можно проследить и задолго до середины XV в.? Или можно показать, что всё, что я пытаюсь выдать за результат стратегического планирования, лишено практического смысла и является всего лишь спецификой стихийной самоорганизации выросших московских армий?

Предыдущие масштабные походы на Новгород Великий постмонгольского Северо-Востока — походы Михаила Ярославича Тверского, Дмитрия Ивановича Донского и Василия Васильевича Темного принципиально отличаются от кампании 1471-го. Все походы до 1471 г. состоялись зимой, а не летом, развивались вдоль одного операционного направления, а не четырех, и, что самое важное, решительно уступали в скорости развития. Так, армии Дмитрия Донского в 1386 г. для выхода на ближние подступы к Новгороду Великому потребовалось почти 50 дней, тогда как силам первого эшелона в походе Ивана Великого — всего 15–18 суток.

Далее, все перечисленные особенности похода–1471 прямо вытекают из

⁸² ПСРА. Т. 25. Московский Летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 281–285; ПСРА. Т. 37. Устюжская летопись. С. 91.

⁸³ ПСРА. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. С. 286–291; ПСРА. Т. 5. Вып. 2. Псковские летописи. С. 180–185; ПСРА. Т. 43. Новгородская четвертая летопись. С. 188–198.

стратегической обстановки: к тому времени Новгород Великий практически не имел сил для эффективной защиты собственной независимости, однако ЦЕНА, которую придется заплатить за победу над ним, по сути определяла будущее всей Северо-Восточной Руси. В сложном политическом многоугольнике Москва–Литва–Орда–Орден–Новгород–Швеция–Казань решительное усиление одного из центров за счет покорения Новгорода не могло не встретить отпора со стороны всех заинтересованных лиц. Следовательно, затяжная война на Северо-Западе без решительного успеха для той же Москвы с большой вероятностью обернулась бы войной на всех границах, наподобие Ливонской войны XVI в., завершившейся катастрофой куда более сильного Московского царства. На фоне новгородско-литовских переговоров весной 1471-го Москва не могла ждать следующей зимы, и «летний блицкриг» с самыми решительными целями должен был определить для Ивана III его будущее.

И все принципиальные особенности похода на Новгород, как мы видим, «работают» на решение стоящей перед Москвой стратегической задачи. Даже формирование «эшелонов» наступления и дробление основных сил между «группой Холмского», «группой Стриги» и «резервом верховного главного командования», на первый взгляд похожее на бред кабинетного военного теоретика, работает на победу. В летних новгородских болотах, избежать коих по приведенным выше соображениям не представлялось возможным, «собранная в один кулак» московская армия:

1) двигалась бы в лучшем случае со скоростью пеших полков;

2) представляла бы собой на заключительном этапе пути отличную цель для новгородских контрударов с использованием «внутренних» водных путей сообщения (озеро Ильмень и его притоки);

3) очень быстро стало бы жертвой почти неразрешимых проблем со снабжением. Печальная судьба армии Михаила Ярославича Тверского, затерявшейся в новгородских лесах, стала бы для москвичей страшной реальностью⁸⁴.

А вместо этого «июля 14 в неделю порану» на берегах речки Солёной-Шелони состоялось знаменитое сражение между основными силами Господина Великого Новгорода и первым эшелоном вооруженных сил Великого князя Московского. Столкновение это оказалось во многом случайным. «Группа Холмского» (примерно пять тысяч всадников) двигалась по правому берегу Шелони на соединение с псковичами, выступавшими в этой войне союзниками Москвы. Новгородская рать под предводительством Василия Казимира и Дмитрия Борецкого (по явно завышенным летописным оценкам — 40 тысяч воинов), напротив, спешила разбить псковичей, увлеченно грабивших новгородские пределы, до подхода основных сил своего наиболее страшного врага. Но вечером 13 июля обе армии с некоторым удивлением увидели противника, двигавшегося параллельным курсом по противоположному берегу полноводной Шелони. Не сговариваясь, обе стороны решили отложить сражение на следующий день, «бе бо уж вечер». Ночь москвичи с толком использовали для изучения обстановки и подготовке к форсированию речной преграды — и утром ратники Холмского первыми начали переправу на занятый неприятелем берег. Здесь москвичи не в первый и не в последний раз продемонстрировали, что не зря «лизали пятки татарским

⁸⁴ «Князь же Михайло не дошед города ста в Устьянех; и тако мира не возмзя поиде прочь не успев ничтоже... и заблудиша во озерех в болотех; и начаша измирати гладом и ядяху конину а инии с щитов кожу сдирающее ядяху...» (ПСРА. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 95).

ханам» — умения быстро и организованно форсировать водные преграды, используя надутые кожаные бурдюки, было ими позаимствовано именно у степных воинов.

Новгородское войско, уповав на многократное численное превосходство, двинулось в атаку. Нет, новгородцы были не такими уж плохими воинами, они крепко стояли против не самых последних в Европе ребят: шведов и ливонцев. Но это был не век Европы... И москвичи тут же показали, что значит татарский бой удалый, степной наш бой. «Не выдержав» прямого удара новгородской конницы, всадники Холмского начали отходить «в беспорядке» за мелкий приток Шелони — речку Дрянъ. За ними туда рванулась часть поверивших в победу новгородцев. Тут их и ждали внезапно развернувшиеся беглецы вместе со свежими отрядами Холмского. На смешавшихся новгородцев обрушился дождь стрел. Субэдей остановился несколько южнее Шелони, и «Северная столица» до сих пор практически не сталкивалась с таким врагом — стремительной и маневренной конницей, меткой и быстрой стрельбой из лука, степной ловкостью в седле. Огромная новгородская армия перестала существовать, осталась лишь толпа бегущих с поля боя. «Полци же великого князя погнаша по них, колюще и скуще их, а они сами бежаще, друг друга бьюще и топтаще, кои с кого мога». В этот день де-факто закончилась долгая и во многом славная история Господина Великого Новгорода... И в этот же день закончилась яркая история Великого княжества Московского, которое теперь уже практически необратимо превращалось в Русское государство. Только немногие это поняли в тот жаркий и страшный день. И считать этот результат случайностью, а не следствием создания в Москве новой армии и внедрения новых принципов организации военных операций попросту невозможно.

Развитие все тех же принципов применения созданных вооруженных сил видим на «восточном» направлении в 1487 г., во время последнего действия первого акта казанской драмы.

На страстной неделе из Москвы на Казань выступает «конно-речное» войско под руководством все того же Даниила Дмитриевича Холмского, покорителя Новгорода и спасителя России от Ахмат-хана. Как обычно, армия двигалась и по реке, и по берегу. Казанский правитель Али-хан со своими отрядами выступил навстречу русскому войску. Но в нескольких верстах от Казани близ устья Свяги уже татары смогли убедиться, что им попались неплохие ученики. Армия Али-хана была разгромлена наголову, и казанскому правителю пришлось запереться в своем городе. Вот только в те годы прочные городские стены уже не были для русских воевод непреодолимой преградой. В умении брать крепости они не сильно уступали европейцам и османам. Итог был предсказуем: «Иуля 14 на память святого апостола Акыла... князь великий Иван Васильевич на Казани царя посадил из своей руки... Махмеделейма; да с ним посадил наместника своего и боярина Дмитрея Васильевича Шеина»⁸⁵.

Впервые московские улицы увидели пленного татарского хана, первое из «царств Батыевых» признало над собой власть московского князя-царя. 14 июля 1487 г. не принесло твердой власти над Казанским краем — банально не было средств и людей на столь масштабную ассимиляцию. Но оформ-

⁸⁵ ПСРА. Т. 25. Московский Летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 331; ПСРА. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000. С. 218–219; ПСРА. Т. 26. Вологодско-пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 278; ПСРА. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 96; Разрядная книга 1475–1605 гг. Сост. Н.Г. Савич. М., 1977. С. 26–27.

ление политической зависимости Казанского ханства от Москвы породило традицию русского вмешательства во внутриказанские дела и стало началом конца самостоятельного существования ханства.

Но и это еще не все... Новые принципы стратегического планирования масштабных операций прекрасно проявили себя и на «западном» направлении в столкновениях с армиями Великого княжества Литовского. В 1500 г. снова 14 июля между речками Тросна и Ведроша столкнулись армии Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского. На этот раз московским воеводам, возглавляемым Даниилом Щеней, наследником славы Холмского, противостояла армия сильного европейского государства под руководством Константина Острожского, талантливейшего полководца своего времени. И москвичам к тому времени уже было что терять.

Война пятисотого года, развернувшаяся за контроль над просторами Черниговской земли, началась для них более чем благоприятно. Сказалась, видимо, и предвоенная дипломатическая подготовка, и очередное удачное стратегическое планирование. Русские войска, предвосхищая в чем-то планы 41-го, наступали тремя ударными группами. Это привело к тому, что «Юго-Западный фронт» (командующий — Я.З. Кошкин, представитель боярского рода, из которого пошла династия Романовых) во взаимодействии с мятежными северскими князьями занял Северскую Украину, включая Путивль, Чернигов и Новгород-Северский. «Западный фронт» (командующий — Ю.З. Кошкин) взял Дорогобуж и открыл дорогу к Смоленску. И только тогда к театру военных действий подоспела литовская рать Константина Острожского. Точнее, подоспел лишь сам Острожский вместе со двором великого князя литовского, магнатскими отрядами-«почтами» с Подолья и Волыни (включая и собственный отряд

Острожского), а великий князь Александр Литовский «со всеми людьми» (то есть со срочно собираемым «пополитым рушеньем») находился еще у Борисова.

В этой обстановке «свеженазначенный» великий гетман Литовский решил рискнуть и попытаться разгромить относительно небольшие силы «Западного фронта» русских, рассчитывая на превосходство в прямом бою своей заметно более тяжелой конницы. И здесь сказал своё веское слово «Резервный фронт» (командующий — Д. Щеня), созданный в соответствии с новыми стратегическими веяниями в московской армии. В результате непосредственно на театре боевых действий недалеко от Дорогобужа русская армия имела серьезное преимущество перед литовской при общем относительном равенстве мобилизационных потенциалов сторон.

В прелюдии к сражению литовский гетман взял вверх, но затем застыл на несколько дней на берегу помянутой Тросны. Наконец, во вторник 14 июля литовское войско перешло реку — и началось одно из наиболее масштабных сражений средневекового Русского государства. Горячий Острожский, используя сильные стороны литовской военной организации, начал бой лобовым ударом, тогда как осторожный князь Щеня (прирожденный Гедиминович — вот ведь ирония!) вовсе воспользовался предсказуемостью противника в полном соответствии с заветами великих полководцев Степи. В самый разгар страшной шестичасовой сечи, когда литовцы уже вовсю преследовали беспорядочно отступающего противника, в тыл и фланг им ударила, казалось бы, безнадежно разбитая и разбежавшаяся легкая конница москвичей...

«И поможе Бог великого князя воеводам: побиша Литвы бесчисленно и многих воевод живых поймали и на Москву послали к великому князю... князя Константина Острожского, пана

Григория Остиковича... воеводы Виленского да Друцких князей... и иных многих»⁸⁶. Верховские, брянские, черниговские земли вошли в состав Руси (на сотню лет, а то и навсегда), нам же осталось подвести итоги.

— Начиная со второй половины XIII в. действительно можно говорить о Руси, самобытной политической общности, объединяющей несколько земель старой Руси Рюриковичей, но существенно отличающейся от предшественницы.

— Для Руси под властью Орды XIV в. стал веком стремительного, но и кровавого развития, обеспеченного конкуренцией и сотрудничеством ключевых центров земли, и в первую очередь — Москвы, Твери, Суздаля. Причем все попытки безоговорочно коллаборационистских практик в среднесрочной перспективе не вели к успеху; практически все успешные князья этого времени рано или поздно доходили до прямого столкновения с ордынскими сюзеренами; успешные и сильные правители (вынужденные в условиях напряженной политической конкуренции между различными русскими центрами бороться за сердца и умы элит и народа) заметно реже прочих прибегали в политической борьбе

к приглашению на русские земли ордынских воинских контингентов.

— В 1370-х союз князей Руси под предводительством Дмитрия Московского подчинил все территории Владимирской и Новгородской земель; приостановил экспансию Великого княжества Литовского; втянул в свою сферу влияния области Смоленской, Рязанской и Черниговской земель Руси, Мордовии и Поволжья; подошел весьма близко к завоеванию независимости.

— Переход Орды к стратегии неожиданных масштабных набегов разрушил политическое единство Руси, подорвал силы её князей, а кризис первой половины XV в. существенно замедлил процесс восстановления после ударов Тохтамыша, Едигея и Витовта.

— «Свержение татарского ига» — это целая серия войн за независимость, разразившихся с конца 1450-х и ознаменовавших изменение баланса сил в системе Русь—Степь; такое изменение потребовало осуществления в Великом княжестве Московском серьезной военной реформы в середине XV в. «Попутно» резко прибавившие в качестве, количестве и организации вооруженные силы Москвы позволили объединить (на новых условиях, конечно) все земли, входившие в сферу влияния Руси времен её первого расцвета.

* * *

Так русский народ и его государство, зачатые в дыму постбатыевых пожаров, рожденные на поле где-то за Доном, вышли в этот прекрасный и яростный мир, сдав, наконец, свой первый экзамен на зрелость.

⁸⁶ ПСРА. Т. 5. Вып. 1. Софийская 1-я летопись. Изд. 2-е. Л., 1925. С. 84; ПСРА. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л., 1982. С. 99; Разрядная книга 1475—1605 гг. Сост. Н.Г. Савич. М., 1977. С. 60; ПСРА. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004. С. 196; Хроника Быховца. М., 1966. С. 111; *Сигизмунд Герберштейн*. Записки о Московии. С. 66—67.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ВОЙНЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

ЗАМЕТКИ К БУДУЩЕМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

Войны в истории национализма играют чрезвычайно важную роль. Именно в их пламени родились многие нации и национальные государства. Достаточно вспомнить войну за независимость США, войны революционной и наполеоновской Франции, войны за объединение Германии и Италии, многочисленные вооружённые конфликты на Балканах...

В истории императорской России было много войн, ставших значимыми составляющими национальной памяти, но ни одна из них не стала повивальной бабкой Русского национального государства. В то же время на некоторые из них русские националисты возлагали соответствующие надежды. В одних случаях, как в Крымской или Русско-японской войнах, эти надежды разбивались о действительность очень быстро и трансформировались даже в пораженческие настроения, не оставляя серьёзного следа в националистическом дискурсе, в других — напротив, становились этапными периодами в истории русского национализма.

Война предоставляла для русских националистов шанс, которого они, в силу их политической несопоставимости с всемогущим самодержавием, были практически лишены в мирное время¹ — инвестировать во внутрен-

нюю политику России национальный подъём, национальную консолидацию, создаваемые военным временем, и на этой волне попытаться претворить в жизнь свою программу модернизации сословно-династической империи в национальное государство.

Наибольший интерес в этом смысле представляют три войны императорской России: Отечественная война 1812 года, Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Первая мировая война 1914–1918 гг.².

* * *

О Первой Отечественной войне в ушедшем, юбилейном для неё году писали и говорили много. Но о главном содержании этого эпохального исторического события — *рождении рус-*

жизни» (Майорова Ольга. Война и миф: Память о победе над Наполеоном в годы польского восстания (1863–1864) // НЛО. 2012. №118; <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/m20.html>

² В цитированной выше статье О. Майоровой идёт речь о том, как русские националисты пытались придать характер «народной войны» подавлению польского мятежа 1863–1864 гг. Но здесь я не буду рассматривать этот очень важный для истории русского национализма сюжет, ибо уже подробно о нём писал на страницах «ВН» (Сергеев Сергей. Столетняя война с воскресающими мертвецами. Польский вопрос и русский национализм в XIX — начале XX в. // ВН. 2011. №6. С. 63–67).

¹ «Поскольку режим полностью блокировал создание институтов гражданского общества, народная война осталась единственной ареной для участия нации в политической

ского национализма — хранилось практически полное молчание — ибо последний, как известно, в путинской РФ находится под негласным (да и гласным тоже) запретом. Единственные, кто поднимал эту тему и пытался не дать её утопить в юбилейной патоке — сами русские националисты. «ВН», в частности в № 10, опубликовали превосходные статьи Александра Храмова и Аркадия Минакова, поэтому я не буду подробно останавливаться на этом сюжете. Акцентирую только несколько принципиальных моментов.

Важно понять, что «гроза двенадцатого года» породила русский национализм как полноценную политическую идеологию не только (и не столько) потому, что русские покрыли себя тогда неуязвимой воинской славой, что Россия одержала победу над несокрушимой доселе наполеоновской Францией, что после этой победы она стала одним из бесспорных лидеров «концерта» великих европейских держав... Всё это так, однако куда важнее другое: *в 1812 г. произошло не только теоретическое, но и практическое открытие русской дворянской элитой категории нации как сообщества всех русских людей вне зависимости от сословной принадлежности.* До этого, в XVIII в., типично было (например, в текстах Д.И. Фонвизина) понимание нации лишь как корпорации русского дворянства. Разумеется, формально никто не отрицал, что крестьяне — тоже русские люди, но социокультурная пропасть между «благородными» и «подлыми» была столь глубокой, что первые видят в последних сограждан, а не объект эксплуатации (или, напротив, жалости) органически не могли.

И до 12-го года императорская Россия вела немало славных и даже блистательных войн, но ни одна из них не была национальной в точном смысле слова, т.е. общенародной. Во-первых, ни разу неприятель не вторгнулся в само сердце империи, ни разу не топ-

тал собственно великорусскую землю и уж тем более не овладевал её древней столицей, с которой были связаны не только исторические традиции и предания, но и практические интересы влиятельнейших дворянских семейств. Во-вторых, ранее единственным актором были «благородные», «подлый народ» выступал лишь как безгласный поставщик пушечного мяса, теперь же у него появился шанс выступить в качестве самостоятельного исторического субъекта — от его позиции, по сути, *зависело всё.*

12-й год принципиально отличался от предыдущих войн империи. Он стал подлинным катарсическим переживанием для русских дворян, которые впервые ощутили своих противников на войне как экзистенциальных врагов, причем в роли последних выступили французы — вчерашние кумиры, теперь покушавшиеся на самое важное в жизни каждого русского дворянина. Это прекрасно схвачено у Толстого в известных словах Андрея Болконского в разговоре с Пьером перед Бородинской битвой: *«Французы разорили мой дом и идут разорить Москву, и оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все по моим понятиям».*

А вот фрагменты из подлинных писем поэта К.Н. Батюшкова, бывшего до той поры восторженным «галломаном»: *«Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук, всё осквернено шайкою варваров!.. Мщения, мщения! Варвары, Вандалы! И этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии! И мы до того были ослеплены, что подражали им как обезьяны!.. Зла много, потеря частных людей несчетна, целые семейства разорены, но всё ещё не потеряно: у нас есть миллионы людей и железо. Никто не желает мира. Все желают войны, истребления врагов».*

Но ещё важнее другая гамма дворянских эмоций: изначальный страх

перед возможной «пугачевской» реакцией крепостных на гипотетическую отмену Наполеоном крепостного права (слухи об этом ходили упорные, и сам французский император всерьёз на сей счёт размышлял), сменившийся затем восхищением «дубиной народной войны». Это переживание приводило к вполне практическим выводам: *нация — не только «благородные», это прежде всего «подлые», с которыми надо искать взаимопонимание как в социальной, так и в культурной сферах.*

Знаменитый партизан Денис Давыдов, озадаченный тем, что крестьяне нападают на бойцов его отряда, стал разбираться в этой ситуации и выяснил, что первые принимают вторых за французов — форма-то почти одинаковая, да и говорят «не по-нашенски». Тогда он принял такое — воистину культурно-политическое — решение: «...я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным».

Русское дворянство, разумеется, и раньше было подчёркнуто патриотично, но под влиянием событий 1812 г. дворянский патриотизм радикально трансформировался, обрел новое качество. Во всяком случае, среди той части дворянской молодёжи, из которой в дальнейшем вышли первые русские политические националисты, провозгласившие, что *нация — это общество равноправных сограждан, объединённых одной культурой, а не общество сословного неравенства и культурной сегрегации.* Речь идёт о декабристах. Не случайно более ста из них — участники Отечественной войны. Сражаясь с врагами за «своё кровное» плечом к плечу со своими крепостными, впервые разделявшими чувства господ в полной мере, они ощути-

ли себя подлинными хозяевами страны, её гражданами, и позднее переход от «народной войны» против «тирании», навязываемой извне, к борьбе против «тирании», навязываемой изнутри, оказался для них совершенно естественным.

Для самодержавия, будь оно действительно заинтересовано в социально-политической модернизации империи, было бы естественно опереться на эту националистическую дворянскую молодёжь, боготворившую Александра I как победителя Наполеона, в противовес консервативным дворянским кругам, не желавшим прощаться с выгодами крепостного права (кроме всего прочего, внутрдворянский раскол в тактическом плане укрепил бы прочность императорской власти).

Но Александр Павлович, видимо, понимал, что стратегически такая ставка чревата потенциальным ограничением императорского абсолютизма, ибо, разумеется, сама психология, сам этос «детей 12 года» предполагал не безропотное подчинение воле монарха, а стремление к гражданской самодетельности, и, в случае конфликта между интересами Отечества (как они их понимали) и интересами династии, выбор этих молодых людей был очевиден. Пришлось бы считаться с их мнениями и настроениями и в конечном счёте в какой-то мере делиться властью. «Благословенный» же, по остроумному замечанию современника, готов был дать России сколько угодно свободы, при одном только условии — полной неограниченности своих прерогатив.

Несмотря на то что проекты преобразований продолжали разрабатываться в ближайшем императорском окружении и получали монаршее одобрение, они не реализовывались, за исключением тех мер, которые могли только раздражать молодых националистов (конституция, дарованная Польше, например). Основная актив-

ность императора перенеслась на поддержание прочности европейских монархий в рамках Священного Союза, что также вызывало негодование людей декабристского круга.

Характерно и само отношение Александра к культу «народной войны». Как только русские войска пересекли границы империи, государственный официоз отказывается от националистической риторики, её сменяет (вплоть до конца царствования) доктрина христианского универсализма, в которой победа над «двунадесятью языками» приписывалась уже не русскому народу, а Провидению, чьим орудием выступал, естественно, Божий Помазанник. Даже сама память об Отечественной войне, похоже, раздражала Александра (как позднее и Сталина память о Третьей Отечественной войне), он отказывался посещать торжественные мероприятия, посвящённые её событиям, хотя с удовольствием принимал приглашения на презентации, связанные с победами над Наполеоном в Европе. Ему (как и Сталину), очевидно, неприятно было вспоминать о том времени, когда он полностью зависел от воли нации, а не она от его воли.

Результат такой политики известен: разочарование либеральных дворянских националистов в ещё недавно обожаемом властителе, радикализация тайных обществ, трагедия 14 декабря 1825 г., николаевский застой... Таким образом, национальная модернизация, которая логически вытекала из победы в Отечественной войне, драматически сорвалась, что задержало развитие России почти на несколько десятилетий.

* * *

«Великие реформы» Александра II, призванные, наконец, решить задачу национальной модернизации, со второй половины 60-х гг. явно забуксовали, как только очередь дошла до демократизации политических инсти-

тутов — на это, как и прежде, самодержавие идти не собиралось. Между тем — пусть слабое и немногочисленное — русское общество чувствовало естественное желание участвовать в управлении страной; право на это ему объективно давали по европейским нормам, на которые ориентировалась пореформенная Россия (но которые в ней не работали) имущественный и/или образовательный ценз его представителей. Во внутренней политике общество в своих «бессмысленных мечтаниях» наткнулось на глухую, непробиваемую стену, оставалась только внешнеполитическая активность, благо, лазейка для неё была — *славянский вопрос*.

Ещё в конце 50-х гг. на стыке внешнеполитических интересов правительства и панславистских увлечений общества в России стали возникать Славянские комитеты с центром в Москве, всего же к середине 70-х их насчитывалось 14. По сути, это была единственная в империи легальная общественная организация, имевшая некое политическое значение. Тон в ней, разумеется, задавали славянофилы (И.С. Аксаков, А.И. Кошелев, М.П. Погодин, Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский), но и люди иных идейных воззрений, как более консервативных, так и более либеральных (А.Д. Градовский, М.Н. Катков, Н.А. Попов, С.М. Соловьёв, Р.А. Фадеев) охотно участвовали в её деятельности. То есть СК соединяли в едином деле русских националистов разных направлений. Формально задачей СК являлась благотворительная помощь — деньгами и печатной продукцией — развитию просвещения в славянских землях.

Но с 1875 г., в связи с ростом освободительных движений сербов, черногорцев и болгар против турецкого господства, СК стали играть гораздо более важную роль. На собранные ими пожертвования они организовали посылку русских добровольцев во главе с генералом М.Г. Черняевым для уча-

ствия в сербо-турецкой войне (Черняев сделался главнокомандующим сербской армией). Один из активных членов Петербургского СК, молодой кавалерийский офицер Н.А. Киреев формировал болгарские добровольческие отряды для помощи сербам и в 1876 г. геройски погиб в одном из боёв. Фактически, как писал современник, СК от имени русского народа «вели войну в лице нескольких тысяч своих сынов... на свои частные средства, в стране хоть и родственной, но чуждедальной».

Во время Русско-турецкой войны СК снабжали болгарских ополченцев амуницией и медикаментами, их представители оказывали помощь мирным жителям, пострадавшим от военных действий.

Позднее в европейской прессе сложился даже миф, что Восточный кризис 1875–1878 гг. был делом рук СК и особенно И. Аксакова. Нельзя, однако, не заметить, что некоторые основания у этого мифа имелись. Известно, что Александр II крайне неохотно вступил в войну с Турцией в апреле 1877 г., по сути, уступая русскому общественному мнению, а это мнение было сформировано именно СК, чья позиция доходила до образованных русских через пламенную публицистику того же Аксакова и особенно Ф.М. Достоевского — члена Петербургского СК.

Страницы «Дневника писателя», посвящённые славянскому вопросу и войне за освобождение Болгарии, принадлежат к наиболее важным и ярким текстам русского мессианского национализма, приближаясь по страсти и пафосу, с которыми они написаны, к стилистике пророков. Недаром о завораживающем их воздействии впоследствии вспоминали такие довольно далёкие от политических воззрений автора «Братьев Карамазовых» люди как П.Б. Струве и Е.Н. Трубецкой, бывшие в ту пору гимназистами. Вероятно, именно Достоевскому принадлежит самая впечатляющая апология войны в истории русской мысли:

«Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь “братьев-славян”, измученных турками, поднимаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растления и в духовной тесноте (курсив здесь и далее мой. — С.С.)...»

Да, война, конечно, есть несчастье, но много тут и ошибки в рассуждениях этих, а главное — довольно уж нам этих буржуазных нравоучений! Подвиг самопожертвования кровью своею за всё то, что мы почитаем святым, конечно, нравственнее всего буржуазного катехизиса. Подъём духа нации ради великодушной идеи — есть толчок вперед, а не озверение... И чем лучше теперешний мир между цивилизованными нациями — войны? Напротив, скорее мир, долгий мир зверит и ожесточает человека, а не война. Долгий мир всегда рождает жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное — умственный застой. В долгий мир жиреют лишь одни палачи и эксплуататоры народов... Война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетенных, ради бескорыстной и святой идеи, — такая война лишь очищает зараженный воздух от скопившихся миазмов, лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, объявляет и ставит твердую цель, дает и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация. *Такая война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию.* А главное, сознанием исполненного долга и совершенного хорошего дела: «Не совсем же мы упали и развратились, есть же и в нас человеческое!»...

Школы важное дело, конечно, но школам надобен дух и направление, — вот мы и идем теперь запасаться духом и добывать здоровое направление. И добудем, особенно если бог победу пошлет. Мы воротимся с сознанием со-

вершенного нами бескорыстного дела, с сознанием того, что славно послужили человечеству кровью своей, с сознанием обновленной силы нашей и энергии нашей — и всё это вместо столь недавнего позорного шатания мысли нашей, вместо мертвящего застоя нашего в заимствованном без толку европеизме. *Главное же, приобщимся к народу и соединимся с ним теснее*, — ибо у него и в нем одном найдем исцеление от двухвековой болезни нашей, от двухвекового непроизводительного слабосилия нашего...

Самоуважение нам нужно, наконец, а не самооплевывание... *Война осветит столько нового и заставит столько изменить старого*, что вы бы не добились того самооплевыванием и поддразниванием...

В приведённых выше фрагментах «Дневника писателя» за 1877 г. мы видим полный набор националистических чаяний о поистине преображающем магическом воздействии войны на процесс «национализации» Российской империи.

Однако мечтам Достоевского не суждено было сбыться. Освобождение Болгарии нисколько не решило внутрироссийских проблем, очень скоро, напротив, они обострились до такой степени, что жертвой этого обострения стал сам император Всероссийский.

Не переросли во что-то большее, чем амбициозная общественная организация, и СК. Уже в ходе войны правительство стало ограничивать их деятельность, возвращая в изначально заданную сферу благотворительности. А после знаменитой речи Аксакова 22 июня 1878 г. по поводу позорных для России итогов Берлинского конгресса, в которой он, в частности, обвинил российских дипломатов в том, что они — «наши настоящие нигилисты, для которых не существует в России ни русской народности, ни православия, ни преданий», лишённые, как и нигилисты-революционеры, «всякого исторического сознания и всякого жи-

вого национального чувства», Московский СК был закрыт, а сам Аксаков на время выслан из Москвы. С той поры СК прежней роли центра общественного мнения более не играли.

Таким образом, Русско-турецкая война помогла возникновению национальных государств на Балканах (а в их становлении непосредственно участвовали члены СК — подданные империи, обходившейся без конституции, Черкасский и Градовский разработали болгарскую конституцию 1879 г.), но ни на шаг не продвинула национальную модернизацию в самой России.

* * *

Последняя война императорской России — Первая мировая — не случайно получила в русском военно-пропагандистском дискурсе того времени наименование Второй Отечественной. Общество возлагало на эту войну большие надежды. Предполагалось, что после победы Россия должна принципиально измениться, что процесс демократизации российской государственности, начавшийся Манифестом 17 октября 1905 г., но всё время замедлявшийся из-за конфликтов Николая II с Думой, наконец-то придёт к своему завершению. Как и в других случаях, казалось, что война станет тем общим делом, которое снимет противоречия между властью и обществом, что в её крови и огне родится новая Россия.

Для помощи фронту промышленники во главе с А.И. Гучковым создали Военно-промышленные комитеты, деятели земств и городских дум — Земгор (Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов) во главе с Г.Е. Львовым.

Практически весь спектр политических и идейных направлений русской общественности так или иначе поддержал войну, хотя бы с платформы «оборончества», на которой сошлись такие

столпы радикальной оппозиции правящему режиму как социал-демократ Г.В. Плеханов, анархист П.А. Кропоткин, народник В.Г. Короленко. Писатели-политэмигранты А.В. Амфи-театров и М.А. Осоргин вернулись на родину, знаменитый эсер-террорист Б.В. Савинков, почувствовав себя «очень русским», призвал коллег прекратить революционную деятельность и принялся писать военные корреспонденции из Франции для русских газет. Первый переводчик Марксова «Капитала» Г.А. Лопатин сделался членом «Общества 1914 года», ставившего своей целью освободить «русскую духовную и общественную жизнь, промышленность и торговлю от всех видов немецкого засилья».

Но громче всех патриотическая риторика лилась из уст либералов, что естественно, ведь в этой войне Россия сражалась на стороне «демократических держав». Вождь кадетов П.Н. Милюков, рьяно ратовавший за передачу России черноморских проливов, получил даже ироническое прозвище Милюков-Дарданелльский. Настоящей лебединой песней стали военные годы для идеолога национал-либерализма П.Б. Струве — казалось, заработала его концепция Великой России и на практике происходит «внутреннее слияние или спайка... между началом национальным и либеральным». Казалось, само понятие «национализм» начинает приобретать в дискурсе русской интеллигенции позитивные коннотации, наконец-то заняв своё законное (и почётное) место среди прочих прогрессистских ценностей.

На этом фоне красноречиво-маргинально смотрелась пораженческая позиция большевиков с их лозунгом «превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

Никакая предыдущая война императорской России не оказала столь значительного непосредственного влияния на развитие националистиче-

ского дискурса в русской культуре. За годы войны был создан огромный пласт национально-мессианской историко-философской публицистики. Перечислю только некоторые издания произведений наиболее известных авторов: А.С. Глинка (*Волжский*). Святая Русь и русское призвание (М., 1915); Н.А. Бердяев. Судьба России (М., 1918); С.Н. Булгаков. Война и русское самосознание (М., 1914); С.Н. Дурьлин. Лик России. Великая война и русское призвание (М., 1916); В.В. Розанов. Война 1914 года и русское возрождение (М., 1915); Е.Н. Трубецкой. Смысл войны (М., 1914); В.Ф. Эрн. Меч и крест. Статьи о современных событиях; *Его же*. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия» (обе — М., 1915).

А сколько всего было разбросано по журналам и газетам! Один М.О. Меньшиков в «Новом времени» 1914–1915 гг. написал несколько сотен статей под воинственно-оптимистической рубрикой «Должны победить!» Именно тогда дебютировали как национальные мыслители будущий идеолог национал-большевизма Н.В. Устрялов и будущий идеолог евразийства П.Н. Савицкий.

По-разному эти разные авторы трактовали «русскую идею», но все они верили, что, по словам Бердяева, в этой войне «Россия выковывается как нация, обладающая целостным характером и целостным сознанием. Ибо мы только теперь переходим к подлинно историческому, выявленному бытию».

Активно работали как военно-патриотические публицисты и известные литераторы: Л.Н. Андреев. В сей грозный час (П., 1915); Рюрик Ивнев. Как победить Германию? (П., 1915); А.М. Ремизов. За Святую Русь. Думы о родной земле (П., 1915); *Его же*. Укрепля. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе (П., 1916)... В.Я. Брюсов и М.М. Пришвин отправились на фронт в качестве га-

зетных военкоров. В.В. Маяковский, который, по воспоминаниям И.А. Бунина, «в день объявления... войны с немцами... влезает на пьедестал памятнику Скобелеву в Москве и ревет над толпой патриотическими виршами», пишет тексты для народных лубков на военную тему и сотрудничает в газете А.А. Суворина «Новь», на страницах которой в частности заявляет, что «война не бессмысленное убийство, а поэма об освобожденной и возвышенной душе».

Отдельная большая тема — война в тогдашней изящной словесности. Певцами ратного подвига выступили Брюсов, Городецкий, Гумилёв, Клюев, Сологуб... Даже Мандельштам воспел «*великорусский державный лик*». Утончённый эстет С.А. Ауслендер написал сборник патриотическо-мелодраматических новелл «Сердце воина» (П., 1916). Даже сдержанный Блок в черновых вариантах знаменитого стихотворения «Петроградское небо мутилось дождём...» (1914) удалился прямо-таки в ура-патриотизм:

*И теперь нашей силе не видно конца,
Как предела нет нашим краям,
И твердят о победе стальные сердца,
Приучённые к долгим скорбям.*

*Но за нами — равнины, леса и моря,
И Москва, и Урал, и Сибирь,
Не отсюда грозу нам пророчит заря,
Заглядевшись на русскую ширь...*

Но весь этот взрыв националистической экзальтации оказался в результате пустым выхлопом. Война не только не смягчила противоречий между властью и обществом, а напротив, до крайности их обострила. Уже

с 1915 г. либералы переходят в оппозицию правительству, а в 1916 г. там оказываются не только националисты вроде В.В. Шульгина, но и даже правые («правее которых только стена») вроде В.М. Пуришкевича. Что характерно, оппозиция обвиняет власть в предательстве национальных интересов, выступая под знаменем «патриотической тревоги».

Итог известен — погибла не только во многом уже архаическая Российская империя, но и рождавшееся в её лоне Русское национальное государство, которое в результате реформ П.А. Столыпина медленно, но верно из мечты становилось реальностью.

Не будем сейчас обсуждать вопрос — кто более в этом виноват: власть или общество? Лучше задумаемся над тем, что война не может быть действенной стратегией национальной модернизации, когда страна ещё не преодолела социокультурного раскола, заложенного в XVIII в. и искусственно замораживаемого в XIX.

Ведь дело не только в конфликте общества и власти, но прежде всего в позиции подавляющего большинства населения России — собственно «народа», который за столетие этого конфликта так и не был интегрирован в культуру и правовое поле «верхов», а главное, так и не получил своей доли в национальном богатстве и потому оказался совершенно чужд всем тем — когда искренним, когда натужным — патриотическим призывам «господ» о «войне до победного конца». К декабрю 1916 г. почти два миллиона пленных и почти миллион солдат, имевших опыт дезертирства, красноречиво об этом сигнализировали, предвещая грядущую катастрофу...

Тимофей Дмитриев

«НЕ ВОЗЬМУ НИКОГО, КРОМЕ РУССКИХ, УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ»

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР
1920–1930-х гг. и ЕГО ИСПЫТАНИЕ «ОГНЕМ И МЕЧОМ»
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вождь большевиков В.И. Ленин однажды высказался в том духе, что война представляет собой превосходную «проверку на прочность» учреждений, порядков и мероприятий, созданных и осуществленных в мирное время. В ходе войны, писал Ленин, «все политические и социальные учреждения подвергаются проверке и испытанию “огнем и мечом”. Сила и слабость учреждений и порядков любого народа определяется исходом войны и последствиями ее»¹. Это высказывание Ленина с полным правом может быть применено и к национальной политике большевистской партии в области военного строительства, одним из магистральных направлений которой стало создание национальных воинских частей на национальных окраинах бывшей Российской империи. Огром-

ный опыт дала в этом плане Великая Отечественная война, на первых этапах которой широкое участие в боевых действиях принимали как национальные воинские формирования, так и массовые призывные контингенты из кавказских, закавказских и среднеазиатских регионов СССР. Уроки строительства национальных частей и соединений в Красной Армии в 1920–1930-е гг. с учетом особенностей советской национально-культурной политики крайне актуальны и для современной РФ, национальные проблемы в которой не только не сглаживаются, но и имеют ярко выраженную тенденцию к обострению.

I

Французская революция и порожденная ею эпоха революционных и наполеоновских войн (1789–1815) выявили превосходство национальных армий, комплектуемых на основе всеобщей воинской повинности, над армиями многонациональных империй. Войны XIX в. между европейскими державами только подтвердили эту истину.

Настоящим «больным человеком Европы» в этом плане была Австрийская

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ—ВШЭ — проект 2012 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ—ВШЭ «Фундаментальные социокультурные структуры и процессы современности: Культурная система модерна и основные стратегии культурной политики в СССР».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 245.

(с 1867 г. — Австро-Венгерская) империя. Уже современники понимали, что одной из главных причин поражения «королевской императорской армии» Австрийской империи в австро-итало-французской войне 1859 г. являлся ее многонациональный состав, создававший колоссальные дополнительные проблемы как при боевой подготовке воинских частей, так и для управления ими в боевой обстановке. Личный состав императорской королевской армии набирался по городам и весям всей этой обширной центрально-европейской империи, в результате чего в армии говорили на десятке языков и множестве различных местных диалектов. К началу XX в. 29% личного состава армии Австро-Венгрии составляли немцы, 18 — венгры, 15 — чехи, 10 — южные славяне (сербы, хорваты, словенцы и боснийцы), 9 — поляки, 8 — русины, по 5 — словаки и румыны и 1% — итальянцы. В то же самое время офицерский корпус практически полностью состоял из немцев и венгров с небольшими вкраплениями хорватов, чехов и поляков². Это вело к непониманию и розни между командным и рядовым составом, равно как и между отдельными группами солдат, набранных из разных национальных окраин империи.

Новобранцев обучали всего лишь нескольким словам по-немецки, вроде «Ruht!» («Вольно»), «Nabacht!» («Смирно!»), «Abtreten» («Разойтись!»), и поэтому в случаях, не предусматривавших использования простых команд, приходилось прибегать к услугам переводчиков. Если в каком-то полку представители какой-то одной национальности составляли свыше 20% военнослужащих, их язык признавался полковым, и его знание на уровне, необходимом для нормального несения службы, требовалось от

всех офицеров и унтер-офицеров части³. Помимо всего прочего, многочисленные конфликты и напряженность, рождавшиеся на почве межнациональных отношений, равно как напряженные отношения между различными народами и национальностями в самой империи не лучшим образом сказывались на боевом духе австрийской армии. Эти пороки многонациональной императорской королевской армии пышным цветом расцвели в годы Первой мировой войны, ярким свидетельством чему служат бессмертные «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» чешского писателя Ярослава Гашека.

Известный немецкий социолог Макс Вебер, выступая в июне 1918 г. в Вене с лекцией о социализме перед австрийскими офицерами, особо отметил те титанические усилия, которые приходилось прикладывать немецкоязычному офицерскому корпусу Австро-Венгерской империи для поддержания боеспособности вверенных им частей и подразделений. Говоря о взаимоотношениях между офицерским корпусом, унтер-офицерским корпусом и рядовым составом в современной армии, Вебер отметил, что эта проблема наиболее остро стоит в армиях многонациональных государств, комплектующихся по принципу всеобщей воинской повинности. Наиболее показательным примером такой армии и была императорская королевская армия Австро-Венгрии в период Первой мировой войны, что создавало серьезные проблемы для ее боеспособности, начиная с проблем координации действий личного состава частей и соединений и заканчивая массовым переходом на сторону противника, в данном случае — Российской империи, военнослужащих-славян — чехов, сербов, хорватов, украинцев, русинов и т.д. «Если я вообще имею какие-то представления о внутренних взаимо-

² Шарый А., Шимов Я. Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М.: Колибри, 2011. С. 237.

³ Там же.

отношениях в императорской королевской армии, — говорил Вебер, — то это представления о совершенно чудовищных объективных трудностях, которые вытекают для меня уже просто из языковых отношений. Офицеры запаса императорско-королевской армии многократно пытались объяснить мне, каким образом удастся, не обладая реальным знанием языка рядового состава, все-таки поддерживать с ним такой контакт, который необходим как раз для того, чтобы оказывать какое-то влияние, выходящее за рамки служебных отношений»⁴.

В русской армии времен Первой мировой войны таких проблем практически не существовало. В то время она комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности в основном из представителей славянских народов Империи — русских, украинцев и белорусов, тогда как число национальных формирований, вроде знаменитого Кавказского Туземного конного корпуса, набранного из горцев Северного Кавказа, или же созданных непосредственно в годы войны латышских, польских и чехословацких стрелковых частей было сравнительно невелико. Более того, представителей около сорока национальностей, прежде всего Средней Азии, Кавказа, Степного края, Сибири и Крайнего Севера, вообще не брали в армию.

Такая система действовала со времен военной реформы 1860–1870 гг., проведенной военным министром Д.А. Милютиным. Закон о всеобщей воинской повинности, принятый в Российской империи в 1874 г., декларировал призыв в армию православных, протестантов, католиков и евреев. Призыву не подлежали мусульмане (с определенными исключениями), кочующие инородцы, буддисты, а также часть христиан-сектантов, в частности

молокане и штундисты. Кроме того, действовало правило, согласно которому в каждой воинской части должно было служить не менее 75% «русских» — великороссов, украинцев и белорусов⁵. Иными словами, несмотря на то что закон 1874 г. декларировал введение в стране всеобщей воинской повинности, отдельные категории населения Российской империи были от нее освобождены.

Когда в 1916–1917 гг. людские резервы русской армии оказались близки к исчерпанию, так что военному министерству пришлось даже засекретить данные о военнообязанных от своих союзников⁶, царским правительством 25 июня 1916 г. было принято решение о проведении мобилизации людских ресурсов из числа коренного населения в Средней Азии для использования их на трудовых работах в тылу. Однако первые же мероприятия в этом направлении натолкнулись на сопротивление местного населения и, в конечном счете, спровоцировали восстание туземцев. Оно вспыхнуло 4 июля 1916 г. на узбекских землях и в короткий срок охватило значительную часть Степного края и Туркестана. Избегая столкновения с крупными воинскими частями, восставшие нападали на представителей царской администрации и убивали русских колонистов. Несмотря на то что царское правительство бросило на подавление восстания значительные воинские формирования и не стесняясь применяло грубую силу и тактику «выжженной земли» против восставших, восстание с переменным успехом продолжалось вплоть до па-

⁵ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 299.

⁶ Гаврилов А.М., Кутузов В.В. Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. 1914–1918 / Отв. ред. А.А. Симонов. М.: Наука, 1968. С. 151.

⁴ Вебер М. Социализм [1918] // Вебер М. Политические работы (1893–1919) / Пер. с нем. М.: Практис, 2003. С. 300–301.

дения самодержавия в феврале 1917 г. и лишь после этого постепенно сошло на нет после объявленной Временным правительством амнистии. Так бесславно закончилась попытка поставить азиатские народы Российской империи на службу «белому царю»⁷.

После победы большевиков в Гражданской войне ими был взят курс на создание национальных воинских формирований. Это стало одним из магистральных направлений советской национальной политики, выработанной на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. и на IV совещании ЦК РКП(б) в июне того же года. В принятой съездом резолюции «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» было рекомендовано усилить «воспитательную работу в Красной Армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза» и осуществить «практические мероприятия по организации национальных воинских частей, с соблюдением всех мер, необходимых для полной обороноспособности республики»⁸.

Резолюция по национальному вопросу, принятая на IV совещании ЦК РКП(б), подтверждала неотложность мероприятий, принятых на XII съезде, и требовала взять курс на «создание военных школ в республиках и областях для выработки в известный срок командного состава из местных людей, могущих послужить потом ядром для организации национальных воинских частей»⁹. В резолюции ставилась за-

дача создания национальных милицейских частей в Татарии и Башкирии, констатировалось, что в Грузии, Армении и Азербайджане уже создано по национальной дивизии, и предлагалось создать по одной национальной милиционной дивизии в Белоруссии и на Украине. Как провозглашалось в резолюции, «вопрос о создании национальных войсковых частей имеет первостепенное значение, как в смысле обороны от возможных нападений со стороны Турции, Афганистана, Польши и т.п., так и в смысле возможного вынужденного выступления Союза Республик против соседних государств. Значение национальных войсковых частей с точки зрения внутреннего положения Союза республик не требует доказательства»¹⁰.

Выступая на совещании с обоснованием идеи создания национальных воинских частей, И.В. Сталин сказал: «Я думаю, мы значительно опоздали в деле выработки мероприятий в этом отношении. Мы обязаны создать национальные воинские части. Конечно, в один день их не создашь, но сейчас можно и нужно приступить к созданию военных школ в республиках и областях для выработки в известный срок командного состава из местных людей, могущего послужить ядром для организации национальных войсковых частей. Начать это дело и двигать его дальше абсолютно необходимо. Если бы мы имели надежные национальные войсковые части с надежным командным составом в таких республиках, как Туркестан, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, то наша республика была бы много лучше обеспечена как в смысле обороны, так и в смысле вынужденных выступлений, чем это имеет место теперь»¹¹.

ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП(б). М.: Инсан, 1992. С. 285.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 323.

⁷ О среднеазиатском восстании 1916 г. см.: Каффер д'Анкос Э. Евразийская империя: Российская империя с 1552 г. до наших дней / Пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 141–144.

⁸ XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. 696.

⁹ Резолюция IV совещания ЦК РКП(б) по второму пункту порядка дня («Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции») // Тайны национальной политики

Курс на создание национальных воинских частей был составной частью политики «коренизации» в национальном вопросе, провозглашенной на X съезде РКП(б) (март 1921 г.) и перешедшей в плоскость конкретных мероприятий после XII съезда РКП(б) (апрель 1923 г.) и IV совещания ЦК РКП(б) (июнь 1923 г.)¹². Согласно этой политике, ключевую роль в разработке которой сыграл Сталин, для завоевания симпатий к Советской власти на национальных окраинах предполагалось выдвигать на первый план национальные кадры из числа местного населения, создавать национальные системы высшего, среднего и начального образования на местах, поощрять развитие национальных языков, культур и наук в национальных республиках и областях¹³.

Говоря о целях политики «коренизации», Сталин на XII съезде отмечал, что ее главная цель заключалась в том, чтобы сделать советскую власть близкой инациональному крестьянству на западных и восточных окраинах СССР. «Для того, чтобы Советская власть стала и для инационально-

го крестьянства родной, — необходимо, чтобы она была понятной для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт нерусских национальностей»¹⁴. В действительности речь шла не только о приоритетном выдвижении местных кадров и развитии национального языка и школы, но о целом комплексе мероприятий, осуществление которых должно было подтянуть уровень социально-экономического и культурного развития нерусских народов на национальных окраинах Союза ССР до положения его великорусского ядра. Современные исследователи советской культурно-национальной политики 1920–1930-х гг. в связи с этим даже говорят о политике «положительной дискриминации» нерусских народов Союза ССР, а сам Советский Союз этого периода называют «империей положительной деятельности»¹⁵.

Формирование национальных воинских частей проходило в рамках военной реформы, осуществленной в СССР в 1924–1925 гг. После окончания Гражданской войны в условиях экономической разрухи страна не могла содержать большую армию, поэтому с декабря 1920 г. по 1923 г. численность Красной Армии сократилась с 5,5 млн. до 516 тыс. человек, то есть больше чем в 10 раз¹⁶. Одновременно происходил переход к территориально-

¹² Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей состоялось 9–12 июня 1923 г. в Москве. С основным докладом «Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу» на совещании выступил И.В. Сталин. Были заслушаны также сообщения представителей 20 организаций о положении на местах. На совещании были подведены промежуточные итоги проведения политики «коренизации», провозглашенной XII съездом РКП(б), и намечен целый комплекс практических мер по их реализации.

¹³ Основные направления политики «коренизации» были сформулированы в постановлениях по национальному вопросу X и XII съездов РКП(б) и в резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.).

¹⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 240–241.

¹⁵ Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 88–116.

¹⁶ Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории / П.Н. Бобылев, В.П. Бокарев, С.В. Липицкий, М.Е. Мониин. М.: Политиздат, 1987. С. 128.

милиционной системе комплектования армии, что должно было позволить сократить расходы на ее содержание, но в то же самое время обеспечить военную подготовку всего мужского населения Союза ССР и сохранение кадрового костяка РККА. В июне 1921 г. в Петрограде создается первая милиционная бригада, а в январе 1923 г. на территориально-милиционную основу переводится 10 кадровых дивизий¹⁷. Однако полным ходом переход на территориально-милиционный принцип организации и комплектования пошел после издания 8 августа 1923 г. декрета ЦИК и СНК СССР «Об организации территориальных частей и проведении военной подготовки трудящихся». В 1925 г. в Красной Армии было уже 46 стрелковых и 1 кавалерийская территориально-милиционные дивизии¹⁸.

В декабре 1923 г. по решению Реввоенсовета Союза ССР армия перешла на национально-территориальный принцип комплектования. Под руководством председателя Реввоенсовета Союза ССР А.Д. Троцкого была принята первая программа национального войскового строительства в СССР. «Как известно, — пишет Елена Борисёнок, известный специалист-историк по «советской украинизации», — Троцкий был сторонником создания в республиках национальных армий, которые должны были составить общесоюзную Красную Армию. Это должно было продемонстрировать нерусским народам последовательность советской власти в решении национального вопроса. К тому же, по мысли Троцкого, такие армии могли бы пригодиться для мировой революции»¹⁹.

¹⁷ Отчет Народного комиссариата во военных и морским делам за 1923/1924 год. М., 1925. С. 52.

¹⁸ Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1958. С. 96.

¹⁹ Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. М.: Европа, 2006. С. 112.

Тем не менее центральное руководство Союза ССР во главе с И.В. Сталиным относилось к этой идее довольно настороженно, резонно видя все те минусы в плане национал-сепаратизма, к которым могли привести создание национальных армий в союзных республиках. Опасаясь, что такие армии легко смогут стать легкой добычей в руках националистов, оно дало согласие на формирование лишь отдельных национальных воинских частей²⁰.

Первоначальная программа 1924 года по национально-войсковому строительству выполнена не была. Уже в марте 1924 г. она была пересмотрена в сторону сокращения, а центр тяжести в формировании национальных частей был перенесен в восточные республики Союза ССР. При непосредственном участии М.В. Фрунзе и благодаря работе специальной комиссии под руководством Ф.Э. Дзержинского был разработан и в 1924–1925 гг. осуществлен компромиссный вариант военной реформы, отходивший от крайностей построения Красной Армии по милиционно-национальной модели, принятой в 1923 г. В конце 1924 г. Реввоенсовет Союза ССР принял новый 5-летний план (1924–1929) национального строительства РККА, одобренный впоследствии III съездом Советов. В его основу был положен принцип единства советских вооруженных сил. Более того, Фрунзе прямо указывал на опасность тенденции к «превращению национальных формирований в ядро национальных армий» и заявлял о несоответствии такой позиции «классовым интересам рабочих и крестьян»²¹.

²⁰ Історія українського війська (1917–1995). Львів, 1996. С. 231–232; Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. С. 112.

²¹ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 153; Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. С. 112.

Уже к весне 1925 г. национальные воинские части составляли 10 процентов общей численности Красной Армии. Эти воинские формирования были территориально-милиционными по своему составу, поскольку они на 70 процентов состояли из населения коренных национальностей национальных окраин Союза ССР. К 1928 г. территориальные части составляли свыше 70 процентов стрелковых войск и 12 процентов кавалерии РККА²². Согласно официальным советским оценкам, «военно-национальное строительство не только расширило мобилизационные возможности страны, но и укрепило дружбу советских народов, способствовало развитию экономики и культуры национальных республик»²³.

Эта политика получила законодательное оформление и подтверждение в постановлении III съезда Советов о Красной Армии (1925), одобдившего работу Реввоенсовета Союза ССР в области национального строительства и поручившего Советскому правительству «обеспечить выполнение намеченной программы национальных формирований, как отвечающей интересам всех народов Союза ССР, в деле защиты общего их социалистического отечества». В резолюции съезда было «с особым удовлетворением» отмечено «создание национальных формирований на Востоке, являющееся фактором национального и культурного роста угнетенных в прошлом народов и соответствующее установлением межнационального мира». Вместе с тем в постановлении выражалась озабоченность тем, что «строительство национальных войск может быть обеспечено лишь <...> путем создания необходимой для этого базы как в отношении образования прочных кадров командного и политического состава,

так и в смысле подготовки населения к отбыванию воинской повинности на общих началах»²⁴.

Несмотря на сокращение программы национально-войскового строительства, реализация ее шла сложно. Характерный пример таких проблем представляет собой украинизация 1920-х гг. Красной Армии на Украине. В соответствии со скорректированной программой 1924 г. в Украинской ССР предполагалось в течение пяти лет «украинизировать» четыре территориальные дивизии. В рамках осуществления программы национально-войскового строительства предполагалось комплектовать эти дивизии рядовым и командно-политическим составом из числа украинцев, использовать украинский язык при несении воинской службы и в партийно-политической работе, а также украинизировать военные школы. Эта политика принесла свои плоды: к середине 1920-х гг. большинство красноармейцев Украинского военного округа по своему этническому происхождению были украинцами²⁵.

Тем не менее «украинизация» в Красной Армии шла со скрипом. Мало кто из командно-политического состава владел украинским языком, а подготовка говорящих на украинском языке военных кадров не покрывала имеющихся потребностей. В 1925 г. в украинизированных дивизиях 40,9 процента командиров и 37,1 процента политработников не владели украинским языком. В 1926 г. выпуск командно-политических кадров из украинизированных военных школ смог покрыть только потребно-

²⁴ Постановление III съезда Советов о Красной Армии (20 мая 1925 г.) // Хрестоматия по истории СССР / Отв. ред. Д.А. Чугаев. М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1963. С. 637.

²⁵ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 155; *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. С. 113.

сти двух территориальных дивизий в кадрах²⁶.

В мае 1927 г. Реввоенсовет Союза ССР утвердил шестилетний план национально-войскового строительства на 1927–1933 гг., согласно которому национальными должны были стать еще две территориальные дивизии. Однако и здесь положение дел оказалось далеко не идеальным. Проведенная в 1929 г. проверка показала, что командный состав с трудом изъясняется на украинском языке, тогда как на низовом уровне политика «украинизации» в Красной Армии приводила к многочисленным трениям на национальной почве между красноармейцами — русскими и украинцами. Доходило до того, что русские красноармейцы демонстративно отказывались «розмовлять» на «петлюровской мове», которую они пренебрежительно звали «китайской грамотой», а красноармейцы-украинцы требовали «всё украинизировать»²⁷. Правда, в начале 1930-х годов, после хлебозаготовительных трудностей и голода на Украине и в южных районах РСФСР, а также перехода к форсированной индустриализации, политика «украинизации» была постепенно свернута²⁸.

Что же касается судьбы национальных воинских частей, то в конце 1930-х гг. в связи с переходом к комплектованию армии на основе всеобщей воинской повинности и отказу от организационного постро-

ения РККА по территориально-милиционерскому принципу ЦК ВКП(б) и СНК СССР в марте 1938 г. приняли постановление «О национальных частях и формированиях РККА», согласно которому национальные воинские части и соединения, а также военные училища и школы РККА преобразовывались в общесоюзные, с экстерриториальным принципом комплектования, а граждане национальных республик и областей должны были призываться на воинскую службу на общих со всеми другими национальностями основаниях²⁹. Как подчеркивалось в той части постановления, в которой излагалась мотивация соответствующих изменений, «Красная Армия и Военно-Морской флот полностью перешли от территориальной системы к экстерриториальным постоянным кадровым формированиям, вследствие чего самостоятельные национальные части находятся в противоречии с общегосударственным принципом строительства Красной Армии и Военно-Морского флота и не позволяют гражданам национальных республик и областей выполнять их почетные функции граждан СССР по защите государства»³⁰.

Проведя преобразование национальных воинских частей постепенно (так, осенью 1937 г. национальные воинские части были передислоцированы в европейскую часть СССР), советское руководство не только избавилось от потенциальной «пятой колонны» в лице националов, но и создало условия для перехода к кадровой системе комплектования и боевой подготовки РККА. Вслед за этим было принято решение о призы-

²⁶ «Українізація» 1920–30-х років... С. 155–156; *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. С. 113.

²⁷ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 160, 162; *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. С. 113.

²⁸ *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. С. 209–238; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 291–423.

²⁹ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА» (7 марта 1938 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 95–96. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 382–383.

³⁰ Там же. С. 383.

ве на действительную воинскую службу карел, финнов, литовцев, латышей, эстонцев, немцев, поляков, болгар и греков, прежде в армию и во флот не призывавшихся. Призыву не подлежали только юноши из числа этих национальностей, проживавшие на территориях Эстонской, Латвийской, Литовской ССР, Северной Буковины и Бессарабии, не так давно присоединенных к СССР³¹. Ликвидация национальных воинских частей вынудило советское партийное и военное руководство принять срочные меры по обучению призывников из национальных республик русскому языку, которым те владели очень плохо (или же не владели вовсе)³².

Таким образом, отказ от национальных воинских частей был обусловлен как переходом от смешанной системы военного строительства (территориально-милиционной и кадровой) к единой кадровой системе, так и политическими соображениями советского партийного руководства. Этот переход был вызван прежде всего резким обострением международной обстановки в 1930-е гг. и медленным, но верным сползанием мира к новой мировой войне. Существовавшая в Советском Союзе смешанная система строительства вооруженных сил, когда большинство дивизий были территориально-милиционными, не способствовала высокому уровню боевой подготовки войск, которые отличались низкой мобильностью и не могли в кратчайшие сроки осваивать

новые виды техники и вооружений, поступавшие в войска.

В этих условиях Реввоенсовет СССР разработал ряд мероприятий, направленных на повышение обороноспособности страны. В мае 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило, а Совнарком СССР утвердил этот план, в центре которого лежала идея перехода к кадровой системе комплектования и боевой подготовки частей и соединений Красной Армии. Если до 1935 г. 74 процента дивизий РККА были территориально-милиционными и только 26 процентов дивизий — кадровыми, то к началу 1936 г. кадровыми стали 77 процентов дивизий³³. В течение 1936–1938 гг. оставшиеся 23 процента дивизий также были переведены на кадровые принципы комплектования и боевой подготовки. Благодаря этим преобразованиям в период с 1933 г. по осень 1939 г. численность личного состава РККА и ВМФ возросла с 885 тыс. до более чем 2 млн. человек³⁴.

В Конституции СССР 1936 г. были сняты все социально-классовые ограничения на службу в рядах вооруженных сил. В статье 132 Конституции провозглашалось, что «всеобщая воинская обязанность является законом. Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР»³⁵. 1 сентября 1939 г., в день начала Второй мировой войны, Верховный Совет СССР принял Закон о всеобщей воинской повинности, который подытожил переход к единой кадровой системе. Закон провозглашал: «Все мужчины — граждане СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, со-

³¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об очередном призыве в 1940 г. в Красную Армию, Военно-Морской флот и войска НКВД и увольнении в запас рядового и младшего начсостава, выслужившего срок действительной воинской службы» (31 августа 1940 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 29. Л. 2–3. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 560–561.

³² ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 9.

³³ Советские Вооруженные Силы: История строительства. М.: Воениздат, 1978. С. 195.

³⁴ Там же. С. 144.

³⁵ *Сталин И.В.* Доклад о проекте конституции Союза ССР. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 61.

циального происхождения и положения обязаны отбывать военную службу в составе Вооруженных Сил СССР». В отличие от закона о воинской службе 1925 г., предполагавшего ограничения в комплектовании Красной Армии социально-классового толка, и в полном соответствии с новой Конституцией 1936 г. закон предусматривал принцип всеобщей воинской повинности, согласно которому на действительную воинскую службу призывались все граждане СССР, достигшие 19 лет (а окончившие полную среднюю школу — с 18 лет). Все новобранцы теперь проходили действительную службу только в кадровых частях, которые формировались по экстерриториальному принципу³⁶.

Накануне войны благодаря принятию закона о всеобщей воинской обязанности, увеличению срока службы и призыва в армию и на флот некоторых категорий военнообязанных из запаса численность Вооруженных Сил СССР увеличилась с 1513 тыс. человек в 1938 г. до 5,3 млн. человек к июню 1941 г.³⁷ Проблема, однако, заключалась в том, что качество нового состава Вооруженных Сил СССР, причем призванного не в последнюю очередь из национальных республик, было крайне низким. В первую очередь это касалось владения русским языком. Процессы «национализации» школы и культуры на национальных окраинах, приоритетного развития языка и письменности туземных народов не прошли даром: многие призывники из республик Средней Азии и Кавказа просто-напросто не владели в достаточной степени русским языком.

Характер процессов воспитания и образования подрастающих поколений в Союзе ССР в 1920–1930-е гг. в значительной степени определялся

национально-территориальным характером построения СССР как «союза равных» национальных республик и национально-территориальных образований, что вело к тому, что приоритет в системе образования отдавался изучению местного языка и культуры прежде всего так называемых «титовых наций», тогда как изучение русского языка, литературы, истории и культуры России отходило на второй план³⁸.

³⁸ Выступая на октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. по вопросу о преподавании русского языка в школах национальных республик и областей СССР, Сталин не без раздражения заметил: ничего ясного от Наркомата просвещения по поводу того, как преподают русский язык в национальных республиках и областях, мы не смогли добиться. «Где со второго класса начинают изучать русский язык как обязательный предмет, где с третьего, где с четвертого, а где и вообще не вводили» (Стенограмма выступления И.В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в школах (12 октября 1937 г.) // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 299). В свою очередь, в докладной записке наркомата просвещения РСФСР П.А. Тюркина секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову (2 февраля 1938 г.) отмечалось, что «1. Русский язык в подавляющем большинстве национальных школ совершенно не преподается. Так, из 728 школ Туркменской ССР русский язык преподается всего лишь в 321 школе; из 667 начальных школ Киргизской ССР русский язык изучается только в 189 школах, по данным 255 неполных средних школ Казахской ССР русский язык преподается лишь в 39 школах и только в 7 средних школах (из 75 школ). Отнюдь не лучше обстоит дело с преподаванием русского языка в школах Таджикской, Узбекской и др. республик. 2. В большинстве школ, где в данное время проводится обучение детей русскому языку, уровень преподавания его остается крайне неудовлетворительным, и в результате этого успеваемость учащихся — крайне низкой» (Докладная записка наркомата просвещения РСФСР П.А. Тюркина секретарям

³⁶ Советские Вооруженные Силы. С. 144–145.

³⁷ *Перечнев Ю. Г. Уроки «блицкрига»*. М.: Московский рабочий, 1985. С. 27.

Об этом совершенно недвусмысленно говорят официальные партийные документы второй половины 1930-х гг., когда процессы национализации и коренизации из источника легитимности новой власти стали на глазах превращаться в источник новых проблем и вызовов для нее. Это привело к отказу в этот период от политики коренизации, на смену которой пришла политика русификации, продиктованная как новыми социально-экономическими императивами, лежавшими в плоскости форсированной индустриализации, так и потребностями укрепления обороноспособности страны.

Новый вектор политики партии и правительства в национальном вопросе задал не кто иной, как И.В. Сталин, выступивший в октябре 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) с программной речью, посвященной проблемам изучения

русского языка в национальных республиках и областях. Сталин не стал скрывать, что пристальный интерес руководства страны к этому вопросу был продиктован прежде всего задачами укрепления Вооруженных Сил СССР, повышением их боеготовности и мобильности, потребностями освоения новой боевой техники, а также переходом к кадровой армии, комплектуемой на основе принципа всеобщей воинской повинности. Результаты проведения политики «коренизации» в области военного строительства и образования Сталин на пленуме оценил резко негативно, сказав о частях, сформированных на национальных окраинах СССР: «Это не армия».

Говоря в выступлении на пленуме о реализации положения Конституции СССР 1936 г. о всеобщей воинской повинности, Сталин развил свою мысль: «Мы встали перед вопросом о том, что призываемые в армию, например в Узбекистане, Казахстане, в Армении, в Грузии, в Азербайджане, не владеют русским языком. При таком положении приходится их оставлять на месте, и тогда наши дивизии и бригады превращаются в территориальные. Это не армия. Мы не так смотрим на армию. Мы считаем, что каждая боевая единица — состоит ли она из полка, из бригады, или из дивизии — она должна быть не местной армией, а армией всего Союза, составлять часть всей армии нашего Союза. Ее можно передвигать и нужно передвигать в разные районы. Украинцы, призванные на Украине, необязательно должны стоять на Украине. Интересы государства могут подсказать: набранных на Украине перевести, скажем, на Кавказ или в Сибирь и т.д. Иначе у нас не будет армии. У нас будет территориальная и национальная армия, которую никуда не передвинешь и которая не составляет части той армии, которая является армией СССР, а не каких-либо отдельных армий»³⁹.

ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову об итогах совещания по вопросам преподавания русского языка в национальных школах союзных республик (2 февраля 1938 г.) // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 347–348). Не лучше обстояли дела и с преподаванием русского языка на Украине, где он исторически занимал особое место. Вот что говорил о положении русского языка на Украине первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев в своем выступлении на XIV съезде КП(б)У, в котором он подвел итоги большевистской политики «украинизации» следующим образом: «Враги делали все для того, чтобы вытравлять русскую школу из Украины, чтобы вытравлять русский язык из украинских школ. <...> Во многих украинских школах изучали немецкий, французский, польский и другие языки, но только не русский. Враги всячески отрывали культуру украинского народа от русской культуры» (Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева XIV съезду ЦК КП(б)У (13 июня 1938 г.) // Политическое руководство Украины. 1938–1989 / Сост. В.Ю. Васильев, Р.Ю. Подкур, Х. Куромия, Ю.И. Шаповал, А. Вайнер. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 42–43).

³⁹ Стенограмма выступления И.В. Сталина

Выход Сталин видел в обязательном преподавании русского языка в национальных республиках и областях и в подготовке закона о преподавании русского языка в школах народов СССР. «Есть у нас один язык, — отметил в своем выступлении Сталин, — на котором могут изъясняться все граждане СССР более или менее, — это русский язык. Поэтому мы пришли к тому, чтобы он был обязательным. Хорошо было бы, если бы все призываемые в армию граждане мало-мальски изъяснялись бы на русском языке, чтобы, передвигая какую-нибудь дивизию, скажем, Узбекскую в Самару, чтобы она могла с населением объясняться. Вот отсюда и родилась абсолютная необходимость при всеобщей воинской повинности, при условии призыва всех граждан, абсолютная необходимость обладать красноармейцам одним каким-нибудь языком, на котором они могут изъясняться во всех краях и областях Союза. Этот язык — русский»⁴⁰.

В соответствии с решением пленума ЦК ВКП(б) было подготовлено и 13 марта 1938 г. принято специальное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»⁴¹. Одно-

временно с массированным внедрением русского языка закрывались национальные школы, педучилища и институты, а также реорганизовывались учебные заведения на территориях, включенных в 1939–1940 гг. в состав СССР⁴². Однако драгоценное время, необходимое для полноценной постановки преподавания русского языка в школах национальных республик и областей, было упущено, да и инерция советской политики «положительной дискриминации» нерусских народов оказалась необычайно велика, так что переломить ее не удалось даже «кремлевскому горцу» (О. Мандельштам)⁴³.

Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 310–335. В своей статье Блитстейн особо подчеркивает инструментальный характер предпринятых мер (в национальных школах в 1938–1953 гг. русский язык всегда оставался предметом изучения, а не предметом обучения) и, возражая тем исследователям, которые видели в введении преподавания русского языка в национальных школах «русификацию», подчеркивает, что «хотя все эти изменения увеличивали количество часов на изучение русского языка в нерусских школах, предложения более радикальных изменений в политике были отклонены по прошествии более десяти лет проволочек и сомнений. В значительной степени это было следствием равно серьезного отношения режима к образованию на родном языке и поддержки этого принципа со стороны чиновников союзных республик» (Указ. соч. С. 327).

⁴² ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 9.

⁴³ Насколько далеко зашла инерция политики «коренизации» к концу 1930-х г., свидетельствует тот факт, что даже эти, по существу продиктованные исключительно инструментальными соображениями мероприятия властей по организации преподавания русского языка в нерусских школах встретили настороженное отношение со стороны старых партийных деятелей, для которых «борьба с великорусским шовинизмом» стала краеугольным камнем советской национальной

на пленуме ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в школах (12 октября 1937 г.), С. 298.

⁴⁰ Там же. С. 299.

⁴¹ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» (13 марта 1938 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 103–107. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 391–394. Об истории введения преподавания русского языка в национальных школах в 1938 г. см.: Блитстейн П.Э. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина /

В мае 1940 г., за год до начала войны, нарком обороны СССР маршал С.К. Тимошенко докладывал советскому руководству о результатах призыва в армию всех граждан призывного возраста — уроженцев Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии: «Часть новобранцев, прибывших в войска, оказались совершенно не владеющими русским языком и не понимающими русской разговорной речи, вследствие чего большое количество времени было потрачено командованием частей на усвояемость новобранцами разговорной русской речи и командного языка, что, безусловно, отражалось на бое-

политики. Сразу после прошедшего 7 марта 1938 г. совещания ЦК ВКП(б) как супруга покойного вождя большевизма Н.К. Крупская пишет Сталину письмо, в котором выражает озабоченность тем, не приведет ли это нововведение к росту «великорусского шовинизма». После ритуальных фраз: «Мы вводим обязательное обучение русскому языку во всем СССР. Это хорошо. Это поможет укреплению дружбы народов» — Крупская переходит к главной теме своего письма. «Меня очень беспокоит, — пишет она, — как мы это обучение будем проводить. Мне сдается иногда, что начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм. Например, я считаю вредным введение преподавания письма и чтения на первом году обучения не только на материнском, но и на русском языке, считаю вредным введение единого букваря для всех народностей, букваря, переведенного с русского» (Н.К. Крупская — И.В. Сталину, 7 марта 1938 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179). Если вспомнить о том, что Эрнст Геллнер писал о значении унифицированного общенационального языка и культуры, транслируемых молодым поколениям с помощью неспециализированной и стандартизированной системы обучения, для современного индустриального общества, то станет явной не только антикварная озабоченность Крупской «великодержавным шовинизмом», но и явно «антимодернистский» характер ее замечаний (Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. С. 72–76).

вой и политической подготовке частей армии»⁴⁴.

За политику «коренизации» в образовании, равно как и за затянувшуюся борьбу с «русским великодержавным шовинизмом» пришлось заплатить дорожную цену на полях сражений Великой Отечественной войны.

II

В Советском Союзе начиная с первых послевоенных лет официальная советская пропаганда, в том числе и устами первых лиц партии и государства, твердила, что война показала крепость советского многонационального государства и стала наглядным свидетельством советского патриотизма и братской дружбы народов СССР. Вот только несколько наиболее показательных образцов подобной пропаганды.

Уже спустя несколько месяцев после окончания Великой Отечественной войны нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов в докладе на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1945 г. говорил: «Дружба народов Советского Союза окрепла за годы войны. Наше многонациональное государство, с его различиями в языке, быте, культуре и истории, стало еще более сплоченным, и еще более сблизились советские народы друг с другом. Никакое другое многонациональное государство не выдержало бы тех испытаний, через которые мы прошли в годы войны. Только наше государство, где нет места эксплуатации человека человеком, где нет противостоящих друг другу классов, а рабочие, крестьяне и

⁴⁴ Докладная записка наркома обороны СССР С.К. Тимошенко секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о призыве в армию уроженцев Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, не владеющих русским языком (26 мая 1940 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 125. Л. 45. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 552.

интеллигенция в качестве равноправных граждан управляют как местными делами, так и государством, — только такое государство, а отнюдь не старая дворянско-купеческая Россия, могло выдержать нашествие врага в трудные 1941–1942 годы, разбить своими силами зарвавшегося врага, выбросить его из пределов своей территории и, кроме того, оказать могучую помощь другим народам в деле их освобождения от иноземных поработителей»⁴⁵.

В свою очередь Сталин, выступая на предвыборном собрании избирателей г. Москвы в феврале 1946 г., уделил особое внимание проблеме многонационального характера Советского государства и его роли в победе, одержанной в Великой Отечественной войне. Наша победа означает, сказал Сталин в своем выступлении, что «победил наш советский государственный строй, что наше Советское многонациональное государство выдержало все испытания войны и доказало свою жизнеспособность».

Как известно, видные деятели иностранной печати не раз высказывались в том духе, что Советское многонациональное государство представляет “искусственное и нежизненное сооружение”, что в случае каких-либо осложнений развал Советского Союза является неотвратимым, что Советский Союз ждет судьба Австро-Венгрии.

Теперь мы можем сказать, что война опровергла эти заявления иностранной печати как лишённые всякого основания. Война показала, что советский многонациональный государственный строй с успехом выдержал испытание, еще больше окреп за время войны и оказался вполне жизнеспособным государственным строем. Эти господа не поняли, что анало-

гия с Австро-Венгрией несостоятельна, ибо наше многонациональное государство выросло не на буржуазной основе, стимулирующей чувства национального недоверия и национальной вражды, а на советской основе, которая, наоборот, культивирует чувства дружбы и братского сотрудничества между народами нашего государства. <...>

Теперь речь идет о том, что советский государственный строй оказался образцом многонационального государства, что советский государственный строй представляет такую систему государственной организации, где национальный вопрос и проблемы сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве»⁴⁶.

Сталину вторили вожди рангом пониже: так, Г.М. Маленков, выступая на информационном совещании представителей ряда коммунистических партий в Польше (сентябрь 1947 г.), утверждал, что «ставка гитлеровцев на то, что в ходе войны советское многонациональное государство развалится, что между народами, населяющими нашу страну, возникнут трения и разногласия, оказалось битой. Война показала нерушимость союза советских республик, прочность и несокрушимость дружбы народов нашей страны. Все народы нашей страны во главе с великим русским народом объединились вокруг большевистской партии и советского правительства и встали на защиту своей национальной независимости и свободы, на защиту завоеваний социализма в нашей стране. Дружба народов нашей страны, сложившаяся в результате победы нового общественного строя, в результате правильной национальной политики нашей партии,

⁴⁵ 28-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад В.М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1945 г. // Правда, 7 ноября 1945 г.

⁴⁶ Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года // Сталин И.В. Соч. Т. 16. 1946–1952. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 8–9.

явилась источником силы и прочности Советского Союза»⁴⁷.

Однако «истинная, а не воображаемая правда вещей», если использовать выражение замечательного итальянского политического мыслителя Николо Макиавелли из его «Государя», была довольно далека от той благостной картины, которую рисовала официальная советская пропаганда⁴⁸. Именно в годы Великой Отечественной войны со всей силой обнажились проблемы, порожденные ленинско-сталинской национальной политикой и национально-военным строительством Красной Армии в 1920–1930-е гг. Когда пришла пора испытания «огнем и мечом» (Ленин), на поверхность вышли многие недостатки Красной Армии, связанные с особенностями ее территориально-милиционной и национальной организации и комплектования в 1920–1930-е гг.

⁴⁷ Маленков Г. О деятельности Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) // Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М.: ОГИЗ, 1948. С. 129–130.

⁴⁸ Понятие «настоящей, а не воображаемой правды вещей» Макиавелли развивает в XV главе своего знаменитого сочинения «Государь». «Поскольку я намереваюсь написать нечто полезное для того, кто способен это понять, — говорит здесь Макиавелли, — мне показалось правильнее следовать настоящей, а не воображаемой правде вещей (alla verit' effettuale della cosa, che alla immaginazione di essa). Многие воображали себе республики и княжества на деле невиданные и неслыханные, ведь между тем, как люди живут, и тем, как они должны были бы жить, огромная разница, и кто оставляет то, что делается, ради того, что должно делаться, скорее готовит себе гибель, чем спасение, потому что человек, желающий творить одно только добро, неминуемо погибнет среди стольких чуждых добру» (Макиавелли Н. Государь / Пер. с итал. М.А. Юсима. М.: Эксмо; СПб.: Митгард, 2006. С. 331–332).

Гибель кадровой армии мирного времени в приграничных сражениях лета—осени 1941 г., необходимость масштабного пополнения действующей армии новыми резервами, чтобы компенсировать колоссальные потери людского состава, — все эти факторы и обстоятельства, вместе взятые, заставили советское руководство прибегнуть к массовой армейской и трудовой мобилизации местного населения в республиках Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Казахстана⁴⁹. Одновременно в 1941–1942 гг. предпринимались попытки воссоздания национальных воинских частей, которые благодаря однородности своего национального состава и отсутствия проблемы слаженности боевых коллективов из-за пестроты языкового и этнического состава были призваны быстро восполнить колоссальные потери Красной Армии в личном составе.

Так, 13 ноября 1941 г. было принято постановление Государственного комитета обороны о формировании национальных войсковых соединений из числа рядового и командного состава местных национальностей в национальных республиках РСФСР (Башкирской, Калмыцкой, Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской) и в республиках Средней Азии (Туркменской, Узбекской, Таджикской, Казахской и Киргизской). В целом в соответствии с постановлением предполагалось сформировать 19 кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад⁵⁰.

⁴⁹ Только безвозвратные потери Красной Армии и Военно-Морского флота в летне-осенней кампании 1941 г. составили 3 137 тыс. человек, из них 2 335 тыс. пропало без вести или было взято в плен (Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах: В 2 т. / Коллектив авторов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. Т. 1. С. 7).

⁵⁰ Постановление Государственного комитета обороны № 894сс от 13 ноября 1941 г.

Очень скоро, однако, обнаружилось, что призыв значительных контингентов местного населения из национальных республик, не говоря уже о формировании на их основе национальных воинских частей, не только не решает проблемы пополнения кадрового потенциала фронта и тыла, но скорее служит источником новых серьезных проблем, крайне отрицательно сказывающихся на боеспособности частей Красной Армии на фронте и работе военного производства в тылу.

Уже первые годы войны показали, что формирование воинских частей из местных национальностей в Закавказье, на Кавказе и в Средней Азии не оправдывает возлагавшихся на них советским военно-политическим руководством надежд: части эти отличались низкой боеспособностью, в них был велик процент «самострелов», дезертирства, бегства с поля боя и перехода на сторону врага. Однако и в тех случаях, когда речь шла не о национальных воинских частях как таковых, но о пополнении частей действующей армии призывниками с Кавказа, Закавказья и Средней Азии, положение дел было не намного лучше. Официальные документы с фронта в 1941–1942 гг. буквально пестрят сообщениями о тех проблемах, с которыми приходилось сталкиваться командованию частей и подразделений Красной Армии в их попытках сделать минимально боеспособными части и соединения, где значительную часть военнослужащих составляли призывники с Северного Кавказа, а также из Закавказья и Средней Азии. Для того чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

Так, в докладной записке руководителя группы агитаторов ГлавПУРККА Ставского заместителю начальника

ГлавПУРККА И.В. Шикину о результатах поездки на Закавказский фронт (4 декабря 1942 г.) отмечалось следующее: «Даже среди руководящего командно-политического состава довольно свободно и безнаказанно гуляет “теория”, что якобы кадры нерусской национальности не умеют и не хотят воевать. Пренебрежительно-насмешливые клички по отношению к народностям Кавказа имеют широкое хождение (“Сыны Кавказа”, “братья славяне” (?), “кучерявенькие”, “черненькие” и т.д.). Даже среди ряда несомненно авторитетных руководящих работников армий неправильные разговоры на данную тему не только не находят должного отпора, но и снисходительно поощряются.

Нам приходилось, к примеру, слушать такую постановку вопроса. Скажем, при неудаче той или иной военной операции — “Эх, если бы не эти сыны Кавказа”, при разборе фактов перехода на сторону врага — “Ну конечно, это опять кучерявенькие”, при получении нового пополнения — “Ни за что ни возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов”, при общих разговорах на эту тему — “Воевать они не умеют и не хотят, говорят, что русского языка не знают. И есть у них 2 русских слова, которые только от них и слышишь: «я — балной» или «Курсак (живот) болит»”.

Сплошное охаивание качеств и преданности Родине целых народов (азербайджанцев, армян, грузин, узбеков и т.д.) проникает и в среду бойцов. Отношение к бойцам нерусской национальности, особенно не знающим русского языка, подчас бывает недопустимо высокомерным, грубым, способным только озлобить и оттолкнуть»⁵¹.

⁵¹ Докладная записка руководителя группы агитаторов ГлавПУРККА Ставского заместителю начальника ГлавПУРККА И.В. Шикину о результатах поездки на Закавказский фронт группы агитаторов ГлавПУРККА (4 декабря 1942 г.) // ЦК ВКП(б)

«О формировании национальных войсковых соединений» // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 25. Л. 103, 104. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 660–661.

Такого рода настроения вовсе не были исключением и не ограничивались кругом рядового, младшего и среднего командного состава. Подтверждением этого может служить еще один эпизод из той же истории, на этот раз связанный с боевыми действиями в Крыму зимой–весной 1942 г. Прибыв на Крымский (до 28 января — Кавказский) фронт 20 января 1942 г. в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования, заместитель наркома обороны СССР, начальник Главного политического управления Красной Армии А.З. Мехлис сразу же озаботился пополнением порученного ему заботам фронта личным составом. На что, помимо всего прочего, прежде всего обратил внимание могущественный заместитель наркома обороны? Правильно, на национальный состав прибывающего боевого пополнения. 24 января он получает согласие члена ГКО Г.М. Маленкова на немедленную отправку на Крымский фронт 15-тысячного пополнения из русских и украинцев.

В переговорах по аппарату прямой связи Мехлис поясняет: «Здесь пополнение прибывает исключительно закавказских национальностей. Такой смешанный национальный состав дивизий создает огромные трудности». Мехлис напрямую связывается с теми лицами, от которых зависела отправка на вверенный ему фронт новых пополнений. «Дано согласие направить сюда пятнадцать тысяч русского пополнения, — в тот же день телеграфирует он начальнику Главного управления формирования и укомплектования Е.А. Щаденко. — Прошу вас отправить его особой скоростью, дать пополнение именно русское и обученное, ибо оно пойдет немедленно в работу»⁵².

и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 706.

⁵² Рубцов Ю.В. Alter ego Сталина. Политический портрет А.З. Мехлиса. М.: Звонница-МГ, 1999. С. 205.

А уже 16 февраля, затребовав из Северо-Кавказского военного округа (СКВО) для организации на Крымском фронте нового наступления несколько дивизий, Мехлис недвусмысленно потребовал от командующего СКВО генерала В.Н. Курдюмова очистить части округа от «кавказцев» (выражение самого Мехлиса) и заменить их военнослужащими русской национальности⁵³. Правда, начавшееся 27 февраля наступление войск Крымского фронта закончилось практически ничем, несмотря на большие потери в живой силе и технике.

Товарищ Мехлис и высокопоставленные политработники Красной Армии смотрели на происходящее, скажем так, с высоты птичьего полета. Однако не менее интересны и свидетельства тех, кто воевал на передовой, на «передке», как было принято говорить в годы войны. Вот что писал о межнациональных отношениях в Красной Армии в первый период войны (1941–1943) известный советский поэт Борис Абрамович Слуцкий, с осени 1942 г. — инструктор, с апреля 1943 г. — старший инструктор политотдела 57-й дивизии:

«Война принесла нам широкое распространение национализма в сквернейшем, наступательном, шовинистском варианте. Вызов духов прошлого оказался опасной процедурой. Оказалось, что у Суворова есть оборотная сторона, и эта сторона называется Костюшко. Странно электризовать татарскую республику воспоминаниями о Донском и Мамае. Военное смешение языков привело, прежде всего, к тому, что народы (“от молдаванина до финна”) — перезнакомились. Не всегда они улучшали мнение друг о друге после этого знакомства.

Оглядевшись и прислушавшись, русский крестьянин установил бесспорный факт: он воюет больше всех, лучше всех, вернее всех.

⁵³ Там же. С. 207.

Конечно, никто не учитывал отсутствия военно-исторических традиций у евреев, казахов, узбеков — большинства народностей Союза, новизну для них солдатского ремесла — факт основополагающего значения. Забыли также отсутствие машинных, индустриальных навыков у казаха, киргиза, мордовского либо чувашского мужика. Между тем башкир, простреливший себе руку, обмотав ее наспех портянкой, сплошь и рядом испытывал ощущение степного полудикого человека, внезапно попавшего в ад — в ад сложных и шумных машин, непривычных для него масс людей, неожиданной для него быстроты в смене впечатлений. И он противопоставлял свои способы спасения мефистофельской опытности военюристов и военврачей.

Добавим непривычку большинства южан к климатическим стандартам этой войны. Результатом этого неучета и забвения явилось определенное противоречие, возникшее между русскими и многими иными. Лейтенанты пренебрегали своими непонятливыми солдатами.

Уже к концу первого года войны военкоматы выволокли на передовую наиболее дремучие элементы союзных окраин — безграмотных, не понимающих по-русски, стопроцентно внеурбанистических кочевников. Роты, составленные из них, напоминали войско Чингиза или Тимура — косоглазое, широкоскулое и многоязычное, а командиры рот — плантаторов и мучеников сразу, надсмотрщиков на строительстве вавилонской башни на другой день после смешения языков.

Офицеры отказывались принимать нацменов. Зимой 1942 года в 108-ю дивизию подбросили пополнение — кавказских горцев. Сначала все были восхищены тем, что они укрепляли на ветке гривенник, стреляли и попадали. Так в то время не стрелял никто. Снайперов повели в окопы. На другой день случайная мина убила одного из них. Десяток земляков собрался возле его

трупа. Громко молились, причитали, потом понесли — все сразу. Начались дезертирства и переходы. Провинившиеся бросались на колени перед офицерами и жалко, отвратительно для русского человека, целовали руки. Агали. Мы все измучились с ними. Нередко реагировали рукоприкладством. Помню абхазца с удивительной японской фамилией, совсем дикого, который ни в какую не хотел служить. Трудно было пугать прокуратурой людей, не имевших представления об элементарной законности. Абхазец по-детски плакал, выпрашивал супу на дальних кухнях. Командиры рот в наказание получали его поочередно. Бить его, впрочем, считалось зазорным.

Наша низовая пропаганда часто ошибалась на этих дорогах. Восхваляли все русское и мало говорили о своих героях-нацменах — прорусских и антинемецких. Часто политработники подпевали шовинизму строевых офицеров и солдат.

Шовинизм распространялся не только на Восток и Юг, но и на Север и Запад. Нежелательным элементом считались поляки, эсты, латыши, хотя отчисление их из дивизий объяснялось формированием соответствующих национальных соединений. На южных фронтах недоверчиво относились к молдаванам, калмыкам»⁵⁴.

Если сделать скидку на ритуальное поминание Слуцким к месту и не к месту опасностей «русского шовинизма», то из его воспоминаний складывается весьма примечательная картина. Создание кадровой многомиллионной армии, формируемой по экстерриториальному принципу, равно как и необходимость компенсировать колоссальные потери, понесенные Красной

⁵⁴ *Слуцкий Б.А.* Теперь Освенцим часто снится мне... / Сост., вступ. статья и комментарии П.З. Горелика. СПб.: Журнал «Нева», 1999. Цит. по: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/SLUWAR.HTM>

Армией в годы войны, привело к тому, что русские впервые познакомились в массовом порядке с представителями других «братских» народов, как было принято говорить в ту пору, народов СССР, прежде всего азиатских и кавказских. И знакомство это, как довольно откровенно признается в своих мемуарах Слуцкий, произвело на русских не слишком благоприятное впечатление, равно как и боевые и моральные качества новых однополчан. Лучшее, чем Слуцкий, итог отношениям народов СССР в Красной Армии в первые годы войны не подведешь: «Был интернационализм, потом стал интернационализм минус фрицы; сейчас окончательно рушилась светлая легенда о том, что *“нет плохих наций, есть плохие люди и классы”*. Слишком уж много стало минусов. Все это привело к объективному и субъективному размазыванию клубочка национализма»⁵⁵.

Новая эпопея в истории национальных военных формирований Красной Армии началась с момента битвы за Кавказ, точнее, ее оборонительного этапа (25 июля — 31 декабря 1942 г.). Здесь советское партийное и военное руководство приняло решение сформировать воинские части и соединения из уроженцев республик Северного Кавказа и Закавказья, надеясь на то, что все они в патриотическом порыве грудью станут на защиту своей родной земли. Как писал командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев, «нам предстояло решить и другой, не менее важный вопрос — пополнить войска округа подготовленным к боевым действиям личным составом. Людские резервы в Грузии, Азербайджане, Армении были, но многие из лиц призывного возраста плохо владели русским языком. Поэтому возникла необходимость формировать национальные части. Командные кадры для них в республиках Закавказья имелись. <...> Мы

сформировали девять национальных дивизий — грузинских, азербайджанских и армянских»⁵⁶. Во время одной из встреч со Сталиным в ноябре 1942 г. тот поинтересовался, как сражаются национальные дивизии, на что Тюленев ответил ему, что «части армянских, грузинских и азербайджанских национальных дивизий сражаются с врагом умело и мужественно, а все народы Кавказа самоотверженно помогают фронту»⁵⁷.

Скажем прямо: генерал Тюленев, а точнее, литературные записки его мемуаров, мягко говоря, лукавили, выдавая воображаемую «правду вещей» за настоящую. Истинная правда вещей и в самом деле превзошла ожидания советских вождей и генералов: результаты формирования национальных дивизий в Закавказье были более чем плачевными. Отличись и «командные кадры» из республик Закавказья. Начальник политотдела Северной группы войск Закавказского фронта бригадный комиссар Надоршин доносил начальнику Главпура Щербакову: «В результате запущенности воспитательной работы с личным составом, плохого изучения и знания людей, в результате отсутствия элементарной работы по сколачиванию подразделений и подготовке их к участию в боях состояние большинства национальных дивизий до последнего времени было плохое. В частях этих дивизий имелись массовые случаи дезертирства, членовредительства и измены Родине. Две национальные дивизии — 89-я армянская и 223-я азербайджанская — по своей боевой подготовке и политикоморальному состоянию личного состава были признаны небоеспособными и отведены во второй эшелон.

223-я дивизия, не вступив еще в бой и только находясь на марше для занятия участка обороны, показала свою

⁵⁶ Тюленев И.В. Через три войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1972. С. 158, 159.

⁵⁷ Там же. С. 194.

небоееспособность. На этом марше из частей дивизии дезертировало 168 человек одиночками или группами, унеся с собой оружие и боеприпасы.

89-я дивизия с первых же дней боев при незначительном столкновении с противником дрогнула, растеряла много людей, техники и оружия и также показала себя неспособной выполнить хоть сколько-нибудь серьезную задачу. Несмотря на то что дивизия имела 10 месяцев (!) для боевой учебы, это время было использовано нерационально. Вместо кропотливой и упорной работы по повышению боевой выучки личного состава и подготовки его к предстоящим боям здесь занимались бесплодной шумихой и парадностью. <...> С людьми не работали, их не воспитывали и об их бытовых нуждах не беспокоились. Были случаи, когда бойцы на передовых позициях днями не имели питьевой воды, не получали горячей пищи. Поэтому не удивительно, что большая часть их попала под влияние враждебных элементов, безнаказанно орудовавших в дивизии.

В первом бою много командиров взводов, рот и батальонов потеряли управление своими подразделениями. Разведки организовано не было, взаимодействия и взаимосвязи между подразделениями в бою не было. В результате этого дивизия понесла большие потери. Много бойцов разбежалось, а более 400 человек перешли на сторону противника. <...>

Аналогичное положение вскрыто сейчас и в 392-й грузинской дивизии. В этой дивизии только за 4 дня, с 9 по 13 октября, изменили Родине и перешли на сторону врага 117 красноармейцев и командиров»⁵⁸.

Крайне низкая боееспособность дивизий РККА, сформированных из уроженцев закавказских республик, стала причиной острого конфликта между Военным советом Закавказского

фронта и Военным советом 44-й армии и Северной группы войск Закавказского фронта, в которые эти дивизии входили. Командующий Северной группой войск генерал-лейтенант И.И. Масленников, будучи по совместительству заместителем наркома внутренних дел СССР А.П. Берия (последний в качестве члена ГКО дважды в 1942 г. выезжал на Северный Кавказ и по сути дела координировал усилия военных и гражданских властей по его обороне) дважды выступал перед руководством страны с предложением о реформировании армянской и азербайджанской дивизий как небоеспособных и неустойчивых в стрелковые бригады с одновременным сокращением их личного состава по крайней мере вдвое⁵⁹. Правда, и здесь не обошлось без советской «политкорректности»: предлагая реформировать азербайджанскую и армянскую дивизии, Военный совет Северной группы войск ничего не говорил о грузинской дивизии, которая воевала ничуть не лучше. Понятно, что соотечественники И.В. Сталина и А.П. Берия по определению не могли воевать плохо.

Приведенные документы свидетельствуют, что в условиях призыва больших людских контингентов с Северного Кавказа, из Закавказья и Средней Азии командирам и политработникам РККА приходилось прилагать поистине титанические усилия и использовать разные методы убеждения и принуждения для того, чтобы заставить бойцов-националов идти в бой.

⁵⁹ Безугольный А.Ю. Национальные формирования в политических дискуссиях в период обороны Кавказа // Сборник статей, посвященных 70-летию со дня рождения А.С. Схакумидова. Майкоп, 2004; Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. С. 207–208, 231–232.

⁵⁸ Цит. по: Бешанов В.В. Год 1942 — «учебный». Минск: Харвест, 2003. С. 456–457.

Здесь сказывался целый набор причин: и плохое знание русского языка, и различия в социально-психическом складе выходцев из различных регионов Союза, равно как и нежелание многих призывников из отдаленных кавказских и азиатских регионов жертвовать своей жизнью ради непонятных целей, поскольку идущая далеко на Западе война не воспринималась ими как непосредственная угроза для себя и своих близких. Именно поэтому среди призывников из азиатских и кавказских национальных республик и областей наблюдалось особенно много случаев дезертирства, членовредительства, уклонения от участия в боевых действиях и даже перехода на сторону врага.

Как отмечают современные исследователи, «такие факты невозможно объяснить одной-двумя причинами. Срабатывал целый комплекс факторов, обусловленных прежним опытом жизни нацменьшинств в тисках советской власти. Внутренние мотивации определяли и формы поведения людей на фронте. В недрах национальных регионов, как известно, бытовало разное, в том числе и весьма неоднозначное, отношение к коммунистическому режиму, вплоть до полного его неприятия, и вполне естественно, что среди националов, разделявших такую позицию, немецкая агрессия нередко расценивалась (особенно на первых порах) как “наименьшее из зол”. Этим объясняется и феномен возникновения т.н. национальных легионов в составе немецкой армии, в которых воплотились попытки гитлеровского командования внести раскол между советскими народами»⁶⁰.

Весь этот круг проблем, порожденных в том числе большевистской политикой «коренизации», а также национально-военным строительством 1920-х — первой половины

1930-х гг., послужил причиной того, что в первые годы Великой Отечественной войны советскому политическому и военному руководству приходится прилагать колоссальные усилия и затрачивать большие материальные и символические ресурсы ради обеспечения боеспособности и поддержания морального духа воинских частей, в которых воевали военнослужащие разных национальностей. В 1942–1943 гг. советскому руководству пришлось в экстренном порядке выправлять ситуацию.

По оценке современных историков, основные организационные и агитационные усилия были направлены «на агитационно-пропагандистскую кампанию среди нерусских национальностей — для повышения степени их гражданской ответственности, пробуждения патриотических чувств и т.д. Верховная власть чутко реагировала на усиление немецкой пропаганды в среде мусульманских народов, немедленно предпринимая адекватные действия для нейтрализации подобной пропаганды. В этих целях Кремль считал возможным даже привлекать на свою сторону прежде не востребуемых (а зачастую и гонимых) религиозных лидеров, которые выступали с обращениями к верующим и патриотическими призывами. Широко использовались и такие формы агитации и пропаганды, как издание пропагандистских брошюр, разбрасывание листовок, организация митингов в национальных регионах, радиообращения на национальных языках и проч.»⁶¹.

О серьезности возникших в Красной Армии проблем свидетельствует то, что ГлавПУРККА было вынуждено издать специальную директиву №012 начальникам политуправлений фронтов и округов о воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской националь-

⁶⁰ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 11–12.

⁶¹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 12.

ности от 17 сентября 1942 г.⁶². Итоги проведения этой директивы в жизнь подвел в своем выступлении начальник Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербаков на совещании агитаторов среди бойцов нерусских национальностей 5 августа 1943 г.⁶³. В ходе Отечественной войны, сказал Щербаков, Красная Армия стала подлинно многонациональной. Все, что мы имеем сейчас на этой войне, не свалилось с неба, а является результатом двадцатипятилетней работы партии большевиков по осуществлению ленинско-сталинской национальной политики. На борьбу с немецкими захватчиками поднялись все народы Советского Союза. «Причем достаточно вспомнить тот факт, — заявил Щербаков, — что царская Россия попыталась мобилизовать даже не в армию, не давать в руки оружие нерусским национальностям, а на подсобные работы, на рытье окопов, и встретило отпор со стороны казахов, киргизов, туркмен, т.е. имело дело с восстаниями народов. Теперь же все эти народы бьются бок о бок с русскими, защищая Советский Союз»⁶⁴.

Однако в то время как товарищ Щербаков рассказывал свои благодарным слушателям о «правде вещей воображаемых», «истинная правда вещей» подталкивала советское военно-политическое руководство совсем к другим шагам. Начиная уже с 1941–1942 гг. предпринимались меры по прекращению призыва в армию представителей тех национальностей, политическая лояльность, равно как

и боевые качества которых в ходе ведения современной войны вызывали серьезные вопросы у советского руководства. В этот период был издан целый ряд совершенно секретных постановлений ГКО, приказов Народного комиссариата обороны (НКО) и директив начальника Главного управления формирования и укомплектования войск РККА (Главупраформа), направленных на ограничение на призыв и службу в армии в отношении неславянских и неевропейских народов СССР, среди которых оказались часть закавказских народов, народы Средней Азии и все коренные народы Северного Кавказа⁶⁵.

Первоначально, в сентябре 1941 г., эти ограничения коснулись ряда народов, которые советское руководство считало исторически и этнически родственными населению пограничных Закавказью Ирана и Турции. К их числу были отнесены аджарцы, хевсур, курды, сваны и т.д. В начале апреля 1942 г. в штаб Северо-Кавказского военного округа поступила директива начальника Главупраформа армейского комиссара первого ранга Е.А. Щаденко, в соответствии с которой было предписано всех военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава чеченцев и ингушей уволить в запас и отправить по месту жительства с отметкой в военном билете: «Уволен в запас до особого распоряжения». Если призыв военнообязанных чеченцев и ингушей в действующую армию был прекращен с апреля 1942 г., то в отношении коренных народов Дагестана подобная мера была принята в августе 1942 г.⁶⁶.

В условиях все расширяющихся ограничений на призыв военнообязанных из числа коренных народов Северного Кавказа в действующую

⁶² Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). М., 1996. С. 173–174.

⁶³ Стенограмма выступления начальника Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакова на совещании агитаторов среди бойцов нерусской национальности // РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 967. Л. 1–15. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 760–767.

⁶⁴ Там же. С. 761.

⁶⁵ Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кричко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 127.

⁶⁶ Там же. С. 127, 128, 129.

армию органам военного учета приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям, которые позволили бы, с одной стороны, фиксировать, а с другой стороны — вуалировать весьма двусмысленную ситуацию с призывом на Северном Кавказе в условиях, когда представителей других, некоренных народов из этих регионов продолжали, как и прежде, призывать в действующую армию. Изобретательные специалисты военного учета придумали особую категорию, которая так и не была официально утверждена, но на практике широко применялась в целях учета военнообязанных и призывников, а именно — понятие «европейские национальности» в противоположность «местным», «горским» и еще шире «кавказским» национальностям. В этот импровизированный список «европейских национальностей» попали четыре народа — русские, украинцы, белорусы и евреи⁶⁷.

Несмотря на широко развернутую в 1942 г. агитационно-пропагандистскую кампанию среди бойцов нерусских национальностей, вопрос о боеспособности призывных контингентов из числа коренного населения Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья и в последующем продолжал серьезно беспокоить руководство Государственного комитета обороны, которое в конце 1943 г. решило разрубить этот туго затянувшийся гордиев узел одним ударом. Ради этого советское руководство было вынуждено пойти на беспрецедентный шаг — полностью отказаться от призыва на действительную воинскую службу и направления в действующую армию военнообязанных из числа местного населения из республик Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа. В октябре 1943 г. все северокавказские горцы директивой начальника Главупраформа № М/1/1493 от 9 октября 1943 г. были освобождены от призыва. При этом

наряду с «местными национальностями» Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Карачаевской и Черкесской автономной областей впервые были освобождены от призыва «коренные национальности» Северной Осетии и Адыгеи. Этой же директивой освобождались от призыва призывники 1926 г. рождения из числа «местных национальностей» Закавказья и Средней Азии — грузины, армяне, азербайджанцы, казахи, узбеки, таджики, туркмены, киргизы⁶⁸.

В итоге в ходе Великой Отечественной войны отказ от призыва в действующую армию затронул *все* коренные народы (на Северном Кавказе — в 1941–1942 гг., в трех республиках Закавказья — в ноябре 1943 г.). Тогда же — в ноябре 1943 г. — был прекращен призыв в действующую армию призывников «коренных национальностей» из республик Средней Азии. Общее число национальностей СССР, не призывавшихся в армию, в конце 1943 г. достигло 43⁶⁹, что практически один к одному совпадало с числом (45 национальностей) не призывавшихся в армию в царской России⁷⁰. Круг замкнулся. Полностью отказавшись в 1943 г. от призыва на воинскую службу всех коренных народов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, высшее советское военно-политическое руководство было вынуждено по сути дела молчаливо признать, что они оказались не в состоянии участвовать в современной «войне моторов» на равных с другими народами СССР. Сыграли свою роль

⁶⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 370. Л. 75. Цит. по: Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 155, 157.

⁶⁹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 731. Л. 57. Цит. по: Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 165.

⁷⁰ Кирсанов Н.А. В боевом строю народов-братьев. М.: Мысль, 1984. С. 29.

и соображения политической лояльности, точнее, ее явного или мнимого отсутствия, однако им вряд ли можно приписать определяющую роль.

Следует оговориться, что осенью 1944 г. был возобновлен призыв в армию призывников «местных национальностей» закавказских народов. «Призывники закавказских национальностей 1926 г. рождения поступили в войска вместе с призывниками так называемых “европейских” национальностей 1927 г. рождения, после интенсивного обучения общеобразовательным предметам, русскому языку, военному делу, а также проведения необходимых военно-лечебных мероприятий»⁷¹. Но в следующем году постановлением № ГОКО–6784сс от 25 октября 1944 г. от призыва были освобождены призывники 1927 г. рождения Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской союзных республик, Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской автономных социалистических республик, Адыгейской и Черкесской автономных областей⁷².

В данном случае примечательно, однако, то, что проблема создания боеспособных воинских соединений на национальной основе не стояла так остро применительно к европейским народам СССР, — в частности, применительно к литовцам, латышам и эстонцам, чья лояльность по отношению к советской власти отнюдь не была однозначной, равно как и к казакам Дона и Кубани, сильно пострадавшим как от большевистского террора в годы Гражданской войны, так и от сталинской коллективизации 1929–1932 гг. и голода 1932–1933 гг. Первыми воинскими формированиями,

созданными по постановлениям Государственного комитета обороны после начала войны, были латышская (август 1941 г.), эстонская (ноябрь 1941 г.) и литовская (декабрь 1941 г.), сформированные из числа мобилизованных военнообязанных, эвакуированных из прибалтийских республик при отступлении советских войск, партийно-советского актива, бойцов рабочих и истребительных батальонов, милиционеров и работников НКВД местных национальностей. Будучи в ходе войны преобразованными в 130-й стрелковый Латышский ордена Суворова корпус, 8-й стрелковый Эстонский стрелковый корпус и 16-ю стрелковую литовскую Клайпедскую Краснознаменную дивизию, эти национальные воинские части прошли всю войну, приняли активное участие в освобождении от немецко-фашистской оккупации своих республик и закончили войну в Курляндии⁷³. То же самое можно сказать о 5-м гвардейском Донском казачьем Краснознаменном Будапештском кавалерийском корпусе и 4-м гвардейском

⁷¹ Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кричко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 161.

⁷² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 324. Л. 106–116. Опубликовано: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/6784.html>

⁷³ О боевом пути этих воинских соединений см.: Петренко А.И. Прибалтийские дивизии Сталина. М.: Вече, 2010. Правда, по поводу боеспособности прибалтийских национальных формирований у советских военачальников также было свое мнение, не всегда лестное для них. Командующий Калининским фронтом генерал (в будущем — маршал Советского Союза) А.И. Ерёменко писал в дневнике 28 июля 1943 года: «Для дезориентировки противника мы пустили 8[-й] Эстонский стрелковый корпус в направлении Великие Луки. Это особо привлекло противника, враг набросился на это направление, усилив свою разведку. Этот корпус как раз пригоден для таких дел, чтобы издали показывать его врагу; а в бой, серьезный бой его пускать нельзя, он малобоеспособен (он для боя хорош только тогда, когда противник будет отступать — бежать)» (*Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко. Дневники, записки, воспоминания. 1939–1945. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 159.*

Кубанском казачьем Пражском кавалерийском корпусе, сформированных на добровольческой основе из казаков Дона и Кубани в 1942 г. и закончивших свой боевой путь в 1945 г. (первый — в австрийских Альпах, второй — в Чехословакии)⁷⁴.

Отказ от призыва в национальных республиках советское военнополитическое руководство пыталось компенсировать такими суррогатными мерами, как запись в действующую армию на добровольной основе. Однако и здесь дела шли с большим скрипом. Если в 1943 г. в Дагестане и удалось набрать некоторое число добровольцев (в войска было отправлено 4315 человек местных национальностей при наряде 4850 человек), то в Чечено-Ингушетии эта кампания полностью провалилась, и ее пришлось свернуть. «Добровольцев очень мало», — отмечал военный комиссар республики К.А. Бронзов. В результате местному партийно-советскому руководству пришлось прибегнуть к принудительной мобилизации, которая, естественно, не вызвала у горцев особого энтузиазма. На добровольно-принудительной основе в Чечено-Ингушетии удалось набрать чуть более 4 тысяч человек местных национальностей (при наряде 3 тысячи), из которых в войска было направлено всего 1850 человек, остальных же пришлось распустить по домам⁷⁵.

Столкнувшись с невозможностью использовать призывные контингенты из числа местного населения Се-

верного Кавказа и Средней Азии на фронте, в действующей армии, советское руководство попыталось найти им применение на трудовых работах в тылу. Однако посылка трудовых контингентов, прежде всего из Средней Азии, на заводы, фабрики и шахты РСФСР оказалась отнюдь не лучшим решением. Суровые условия труда и быта, непривычный климат, отсутствие традиционных продуктов питания и привычных предметов бытового обихода делали свое дело, да и отношение местного русского населения к «националам» из Средней Азии было далеко от благостных стереотипов сталинской «дружбы народов». Отсутствие у рабочих из Средней Азии квалификационных знаний и навыков, необходимых для работы на оборонных предприятиях и в строительных организациях, вело к тому, что они не выполняли производственные нормы, получали низкую зарплату, среди них был высок процент смертности и дезертирства с «трудового фронта».

Значительное число рабочих из Средней Азии было отправлено обратно по заключениям медицинских комиссий. Например, в докладной записке пропагандиста Усубалиева секретарю ЦК КП(б) Киргизии Оленчикову о положении киргизов, узбеков и казахов, мобилизованных на работу в шахтах г. Копейска Челябинской области (20 сентября 1943 г.), отмечалось: «Для рабочих-нацменов создали нечеловеческие условия»; «из Киргизии сюда всего прибыло 1468 чел. Из них в течение 1942/1943 г. умерло 300 чел. и 600 чел. уехали по болезни и сбежали»⁷⁶. Отношение местного

⁷⁴ Весь этот комплекс вопросов об удачных и неудачных примерах военнополитического строительства времен Великой Отечественной войны требует дополнительного комплексного исследования, в том числе с привлечением современных разработок в области культурной антропологии и социологии культуры.

⁷⁵ Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кричко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 165–172.

⁷⁶ Докладная записка пропагандиста Усубалиева секретарю ЦК КП(б) Киргизии Оленчикову о положении киргизов, узбеков и казахов, мобилизованных на работу в шахтах г. Копейска (20 сентября 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 371. Л. 97, 98. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 776.

населения к рабочим из Средней Азии также, судя по этой записке, оставляло желать лучшего: «Здесь в Копейске киргизов, узбеков и казахов за людей не считают, их называют “бабай”, “баран” и “собака”. Если по улице идут националы, то русские ребята в них кидали камнями и всячески оскорбляли. В 1942 г. здесь начиная от детей до стариков, женщин и мужчин, все русские проводили национализм (великодержавный шовинизм), они нарушали Сталинскую конституцию, издевались над нацменами, создали нечеловеческие условия. Например, в прошлом году (ночью) одного нацмена русские ребята избили до смерти, который был ни в чем не виноват»⁷⁷.

В итоге и на «трудовом фронте» в 1943 г. местным партийным и советским органам РСФСР пришлось принимать срочные меры, направленные на повышение производственной квалификации рабочих из Средней Азии, улучшению их повседневных условий жизни, а также постановке среди них агитационно-массовой работы на родном языке⁷⁸.

III

Таким образом, «истинная, а не воображаемая правда вещей» и на фронте, и в тылу с точки зрения отношений между национальностями СССР и их участия в войне оказалась намного более сложной и противоречивой, чем готовы были признать советские идеологи и пропагандисты. Однако горькие уроки первых лет Великой Отечествен-

ной войны, связанные с неоправдавшимися надеждами на массовое создание боеспособных воинских соединений на национальной основе, мало чему научили советских вождей.

Война еще не окончилась, а на состоявшемся в январе 1944 году пленуме ЦК ВКП(б) по докладу В.М. Молотова было принято решение о создании национально-республиканских вооруженных сил⁷⁹. В соответствии с решением пленума ЦК ВКП(б) в феврале 1944 г. Верховный Совет СССР принял решение о преобразовании Наркомата обороны и Наркомата иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские и образования в союзных республиках наркоматов обороны и иностранных дел. Эта, с позволения сказать, «новация» «гениального вождя всех времен и народов», продиктованная, помимо всего прочего, желанием советского руководства представить в создававшейся тогда ООН все 16 союзных республик, в официальной биографии Сталина, опубликованной вскоре после войны и отредактированной им самым тщательным образом⁸⁰, названа «новым шагом в разрешении национального вопроса в СССР, дальнейшим развитием ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей успешное развитие национальной

⁷⁷ Там же. С. 776–777.

⁷⁸ Соответствующие документы партийных и советских органов, относящиеся к 1943 г., об «улучшении политической работы и бытового обслуживания» среди рабочих из Средней Азии, в частности в Москве, Московской, Ярославской, Свердловской, Челябинской и Удмуртской областях, опубликованы в: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 746–749, 776–783.

⁷⁹ Стенограмма выступления В.М. Молотова на заседании пленума ЦК ВКП(б) о расширении полномочий союзных республик и преобразовании Наркомата обороны и Наркомата иностранных дел из союзных в союзно-республиканские наркоматы. 27 января 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 48. Л. 1–26, 31. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Рогова, Дж. Каддио. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 791–798.

⁸⁰ Правка в макете второго издания книги «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» (1947) // *Сталин И.В.* Соч. Т. 16. 1946–1952. М.: Писатель, 1997. С. 70–90.

государственности всех народов Советского Союза»⁸¹. Правда, в первые послевоенные годы эта идея реализована не была, а после смерти Сталина его наследники благополучно забыли о ней⁸², несмотря на то что в 1944 г. в Конституцию СССР и союзных республик были внесены поправки, которые создавали соответствующие законодательные условия для создания подобных частей⁸³.

⁸¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1951. С. 212.

⁸² Правда, надо оговориться, что несостоявшийся претендент на роль вождя СССР А.П. Берия некоторое время в период междуцарствия (март — июль 1953 г.), наступившего после смерти И.В. Сталина, носился с идеей создания национальных воинских подразделений и даже введения системы национальных, правда, не военных, а гражданских, наград (для Грузии — ордена Шота Руставели, для Украины — ордена Тараса Шевченко, для Азербайджана — ордена Низами и т.д.). Впоследствии на процессе по делу Берия эти инициативы, выдержанные вполне в духе «ленинско-сталинской национальной политики», также были поставлены в вину опальному руководителю. Об отношении Берия в послевоенные годы (1945–1953 гг.) к формированию национальных воинских частей сохранились любопытные свидетельства его сына Серго: *Берия С.А. Мой отец — Лаврентий Берия*. М.: Современник, 1994.

⁸³ 1 февраля 1944 г. сессия Верховного Совета СССР приняла закон, вносящий поправки в Конституцию СССР, в соответствии с которыми на конституционном уровне были закреплены решения пленума ЦК ВКП(б) о создании национальных воинских частей и соединений в союзных республиках СССР. Закон СССР от 1 февраля 1944 г. «О создании войсковых формирований союзных республик и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата обороны из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат» устанавливал, что «союзные республики организуют войсковые формирования республик», дополнял Конститу-

то, чего не стали делать советские вожди после смерти Сталина — создавать республиканские воинские формирования, — сделал в 1960-е гг. Иосип Броз Тито в Социалистической Федеративной Республике Югославия (СФРЮ). Будучи реализован в социалистической Югославии, опыт создания местных сил самообороны по территориальному принципу в начале 1990-х гг. сыграл крайне пагубную роль в распаде этого государства и возникшей в его ходе многолетней гражданской войны 1991–1995 гг.

Вооруженные силы Югославии состояли из регулярной Югославской Народной армии (ЮНА) и из сил территориальной самообороны. В военно-административном отношении СФРЮ делилась на военные области, включающие военные округа и военные секторы, и территориальную оборону, войска которой формировались по территориально-производственному принципу и находились в ведении республиканских (краевых, местных) органов власти⁸⁴. Более того, после вторжения в августе 1968 г. войск стран — участниц Варшавского Договора в Чехословакию в Югославии была взята на вооружение концепция «общенародной обороны». «Ее основой, — пишет современный историк, — стали подразделения Территориальной обороны, сформированные в республиках, городах и т.д. Местные органы власти и предприятия должны были формировать отряды “вооруженного ополчения”, в распоряжение которых передавались стрел-

цию СССР статьей 186, согласно которой «каждая Союзная республика имеет свои республиканские войсковые формирования», и постановлял «преобразовать Народный комиссариат обороны из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат».

⁸⁴ *Ратников А.Н.* Югославия // Советская военная энциклопедия / Под ред. Н.В. Огаркова: В 8 т. Т. 8. М.: Воениздат, 1980. С. 627.

ковое оружие и легкая артиллерия. Считалось, что части Территориальной обороны могут быть поставлены под ружье и начать боевые действия в течение нескольких часов. Фактически в Югославии бралась за основу концепция партизанской войны. В начале 1990-х годов части Территориальной обороны сыграли одну из главных ролей в развале страны, фактически обратив имеющееся у них оружие против армии»⁸⁵.

Как показывает в своей книге о войне в Югославии Олег Валецкий, непосредственный участник этих событий из числа русских добровольцев и один из лучших специалистов по истории войны на Балканах, захват складов вооружений национально-территориальных формирований и наличие соответствующих структур мобилизации и управления позволило сепаратистам сперва в Словении и Хорватии, а затем и в Боснии и Герцеговине в обозримые сроки создать боеспособные воинские подразделения, способные сражаться с частями Югославской народной армии. Так, к примеру, говоря о боевых действиях в Словении в 1991 г., Валецкий подчеркивает, что «словенское руководство не сидело сложа руки и смогло создать “специальные” (специального назначения) силы в МВД и в армии, создаваемой на базе ТО (территориальная оборона — составная часть ЮНА, в основном находящаяся в резерве и разворачиваемая местными органами гражданской администрации для содействия ЮНА во время войны с “иностранными агрессорами”, в том числе для ведения партизанской войны). Эти силы послужили ей как главные ударные отряды по борьбе с ЮНА и с местными сторонниками югославской власти, внезапно ставшей “оккупационной”»⁸⁶.

Так одно из звеньев ленинско-сталинской национальной политики, будучи реализовано на Балканах, стало важнейшим из условий, подготовивших югославскую трагедию. Впрочем, о том, что в случае серьезных национальных конфликтов любые попытки сохранить единство Югославии при помощи армии, в которой значительная часть командных постов принадлежала сербам, обречены на провал, писал еще в 1969 г. известный югославский политический деятель и диссидент Милован Джилас в своей книге «Несовершенное общество». Говоря о кризисе идеи югославянства, лежавшей в основе объединения южных славян в одном югославском государстве, Джилас отмечал, что эта идея обладала притягательностью в глазах как политических и интеллектуальных элит, так и народных масс лишь до той поры, пока она мобилизовала южных славян на борьбу с могущественными врагами. «Югославию ее народы, — писал Джилас, — создали и отстаивали в борьбе против захватнических империй — сначала Турции и Австрии, а затем Германии и Италии. Сейчас не только больше нет империй, представляющих для них опасность, но и никто не оспаривает права даже самых отсталых народов на собственную государственность и культуру. С распадом и расслоением коммунистической партии не только ослабла сила, сплавляющая Югославию изнутри, но гаснет сама идея югославянства — та, что провела наших предков через все тяготы долгой национальной борьбы, а мое поколение подвигла на революцию, которая совершалась в схватке с немецкими и итальянскими фашистскими работодателями»⁸⁷.

Учет таких факторов, как исчерпанность идеи югославянства, по-

⁸⁵ Матонин Е.В. Иосип Броз Тито. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 374.

⁸⁶ Валецкий О. Югославская война, 1991–1995 годы. Изд. 2-е, доп. М.: Крафт+, 2008. С. 11.

⁸⁷ Джилас М. Несовершенное общество [1969] // Джилас М. Лицо тоталитаризма / Пер. с сербо-хорватского. М.: Изд-во «Новости», 1993. С. 505.

строенной на противостоянии могущественным внешним врагам, равно как и упадок идеологической гегемонии и эрозия организационного единства партии югославских коммунистов позволил Джиласу еще в конце 1960-х гг. прийти к выводу, что тогдашнее югославское государство, как и прежде⁸⁸, не сможет выдержать испытания сколько-нибудь серьезным кризисом. «Дальнейший идеологический распад, — подчеркивал Джилас, — как и обострение внутриобщественных и межнациональных отношений, могут, с возникновением некоего

⁸⁸ Имеется в виду Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 3 октября 1929 г. — Королевство Югославия), созданное 1 декабря 1918 г. в составе Сербии, Черногории, Воеводины, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Славонии, Далмации, Словении и погибшее в апреле 1941 г. как в результате агрессии гитлеровской Германии и фашистской Италии, так и внутренних межнациональных противоречий, прежде всего между сербами и хорватами.

серьезного кризиса, разбудить амбиции военной верхушки, которая вознамерится “спасать государство” — вопреки тому, что многонациональность Югославии гарантирует крах любой военной диктатуры, что в 1929 году при короле Александре уже было продемонстрировано»⁸⁹.

Джилас, писавший эти строки в 1969 г., оказался провидцем. В 1991 г. на карте мира не стало еще двух многонациональных государств, — СССР и СФРЮ, которые в течение десятилетий объявлялись официальными пропагандистами образцом решения национального вопроса на социалистической основе, в том числе и в области строительства вооруженных сил. С их уходом с исторической сцены завершилась и история военного-национального строительства в двух крупнейших социалистических «федерациях» XX века.

⁸⁹ *Джилас М.* Несовершенное общество [1969]. С. 506.

**rosndp.org —
официальный сайт Национально-
Демократической партии**

На этом портале вы всегда можете узнать свежие новости о деятельности партии, о проводимых НДП гражданских кампаниях и ознакомиться с партийной программой. Кроме того, данный сайт предлагает вашему вниманию регулярные публикации об актуальных событиях в политической, общественной и экономической жизни страны.

КЪАБАРЧИ ДЗАКАРЕ

ИРА против Соединённого Королевства

Некоторые думают, что сейчас ИРА в бегах. На самом деле ИРА всегда в бегах. И всегда учится.

PIRA, вторая половина 1970-х гг.

Ирландская история представляет особый интерес для российского читателя. Дело в том, что хотя ирландское общество и является совершенно иным — «западным» явлением, многие детали исторического опыта наших народов весьма сходны. Не в таком концентрированном виде, как русские в РСФСР, но не менее трагично Ирландия в ходе своей истории пережила гражданские войны, уничтожение национальной культуры, голодомор, изгнание аристократии, алкоголизацию, насаждение «загадочной кельтской души», массовую экономическую эмиграцию и тому подобное. Однако современная Ирландия, несмотря на утрату национального языка и части территории, в целом смогла преодолеть последствия этих событий. Например, в настоящее время при существенном потреблении алкогольных напитков в Ирландской республике нет ни одного алкоголика.

Что же касается непосредственно содержания нашей статьи — противостояния PIRA¹ силовым структу-

рам британского государства, то тут никаких параллелей проводить невозможно.

В рамках сколь возможно краткого очерка мы попытаемся ознакомить читателя с организационными и политическими методами сторон конфликта за суверенитет над Северной Ирландией. Для большей ясности взят только период 1977–2005 гг., когда противостоящие стороны достигли наибольшей эффективности в своей организационно-политической деятельности, что привело к невозможности победы одной из них и закрепилось в официальном признании ничьей и переходе к исключительно политическим методам борьбы.

Условия среды противостояния

Находящаяся под британским суверенитетом Северная Ирландия² (население 1,5 миллиона человек) в середине прошлого века официально представляла собой самую бедную страну в Западной Европе. Уровень жизни ниже, чем в Сицилии или в Португалии. Норма — двухэтажные дома на четыре семьи с удобствами во дворе. Несмотря на этнические чистки в прошлом, за счёт демографических процессов численность ирландско-католической общины приближалась к сорока процентам населения.

¹ «Временная» (Provisional) в названии означает верность Временному парламенту Ирландской республики, провозглашённого в ходе освободительной войны в 1919 г., чтобы отличаться от других организаций с таким же названием и официальной армии

признанной международным сообществом Ирландской республики.

² Северная Ирландия представляет собой шесть графств (чуть менее 60% территории) исторической провинции Ольстер (Улад).

Экономика, по сути, находилась в руках протестантской общины, состоящей в основном из потомков шотландских переселенцев. Протестанты контролировали большую часть бизнеса и все профсоюзы. Открыто существовала система сегрегации католиков и протестантов, обеспечивавшая ограничение доходов католиков. Таким образом, католики находились в положении гастарбайтеров на собственной земле.

Интересы католиков в официальной политике пыталась представлять Социал-демократическая и трудовая партия. Католические частные и общественные организации, территории компактного проживания именовались «националистическими». Лица и организации, неформально признававшие необходимость вооружённой борьбы за воссоединение Ирландии, именовались «республиканцами» и «республиканскими» соответственно. Аналогично всё протестантское именовалось «юнионистским» (то есть ориентированным на Соединённое королевство — United Kingdom или коротко Союз — Union), а лица, признававшие необходимость физического избавления от угрозы воссоединения страны, — «лоялистами».

Хотя протестанты составляют конгломерат из нескольких сект, включая Церковь Ирландии (филиал господствующей в Британии англиканской церкви), они имели возможность координировать свою нецерковную деятельность через политико-мистическую организацию «Оранжевый орден», куда принимали всех протестантов. Поэтому взаимная борьба нескольких протестантских партий, ориентированных на различные группы избирателей, никогда не принимала фатального характера.

Католическая церковь и церковные ордена, в первую очередь ирландский орден Св. Колумбана, дистанцировались от политики. Однако по отношению к Британии это были иностранные организации с центрами за пределами

административного воздействия протестантского самоуправления и коронной (королевской) бюрократии. Таким образом, даже при полном британском контроле на местах католические церковные организации могли хотя бы формально воздерживаться от участия в пробританской пропаганде и быть местом общения католиков различного социального положения и взглядов.

Значительную в информационном плане силу имело крайне малочисленное правозащитное движение, начатое в 1960–1970 гг. межконфессиональной левой организацией NICRA (Североирландская ассоциация за гражданские права), методы которой были полностью скопированы с американского движения за права негров. Собираемые правозащитниками факты быстро становились достоянием американской прессы и в дальнейшем могли оказывать серьёзное влияние на мировое общественное мнение.

Правительство независимой Ирландской республики (население порядка 4 миллиона человек) не признавало британского суверенитета над Северной Ирландией, что в тот период было зафиксировано в Конституции республики. Тем не менее планы оперативного применения вооружённых сил независимого государства (численностью порядка десяти тысяч военнослужащих) строились на основе представления о невозможности военной победы над британским контингентом, даже в случаях, когда вмешательство в конфликт было бы нельзя избежать (при переходе британцев к тотальному геноциду католиков на Севере острова или при вторжении на территорию республики).

Кроме того, в республике были достаточно влиятельны группы, считавшие, что победа или заметный успех католической общины Севера над британской короной может привести к изменению баланса сил в ирландской элите. Жители Северной Ирландии по ирландскому законодательству

пользуются всеми правами граждан республики, в том числе избираются в парламент. В целом ирландская элита осознавала, что серьёзные политические потрясения могут полностью прекратить иностранные инвестиции (в том числе британские), что вполне реально грозило крахом экономики острова. Возможности полной компенсации вывода иностранных инвестиций из экономики за счёт иностранных же инвестиций «в войну» в течение всего конфликта были крайне сомнительны.

Стратегии. Соединённое Королевство

В начале «Волнений» (завершение 1960-х годов) британцы неожиданно для себя открыли различия между ирландцами и массой других (преимущественно азиатских и африканских народов), находившихся в колониальной зависимости от них. Безотказно действовавшие в колониях методы оказались контрпродуктивны в Северной Ирландии. Погромы католиков лоялистами и расстрел войсками из боевого оружия правозащитной демонстрации в сочетании с удержанием низкого уровня жизни не дали ожидаемой массовой деполитизации и заикливания на экономике. Наоборот, произошло организационное оформление лагеря радикальных республиканцев, а приток целевых средств из-за границы в нищую страну фактически поставил партизан в положение источника социальной защищённости.

Поэтому ко времени начала нашего повествования перед британскими силами безопасности стояли куда менее амбициозные стратегические задачи:

— расколоть (разобщить) повстанческое движение;

— отсечь повстанцев от массовой поддержки (устойчивого притока новых кадров);

— добиться от мирового общественного мнения признания конфликта внутритританским межэтническим

противостоянием, в котором британское правительство играет роль защитника мирного населения от действий обеих сторон (а не столкновением двух субъектов международного права — инсургентов и британской короны за власть над Северной Ирландией).

Участники конфликта с британской стороны имели и свои собственные стратегические цели, органично сочетавшиеся с государственной политикой.

Британские спецслужбы в результате хотели:

— убедить элиту Соединённого королевства в необходимости систематических закупок гигантских объёмов электронных средств разведки (британское руководство на тот момент было настолько уверено в абсолютном превосходстве своей агентурной разведки над любым противником, что недостаточное внимание к другим каналам осведомления грозило «неожиданным» отставанием в сегментах получения и обработки информации электроникой);

— добиться расширения сообщества британских спецслужб за счёт создания органа, ориентированного не на политические, а на гражданские объекты.

Лоялистские группировки в результате хотели:

— обеспечить сохранение протестантской идентичности при любых условиях, включая ликвидацию британского суверенитета над Северной Ирландией;

— добиться определённой самостоятельности в организационном плане, исключающей или смягчающей возможности ущемления интересов протестантской общины британскими властями в ходе международного политического торга.

Стратегии. PIRA

Конечно, руководство PIRA не вообразило, что вооружённые стрелковым оружием и самодельными фугаса-

ми повстанцы сбросят в море одну из самых сильных армий НАТО.

Однако вполне реалистичным представлялось нанести такой политический и экономический ущерб, который привёл бы британцев к рассмотрению вопроса о целесообразности сохранения суверенитета над Северной Ирландией. Параллельно предполагалось также добиться авторитета у широких слоёв населения Ирландии, включая не только католиков.

Для этого, в частности, надо было разрушить экономическую основу власти пробританской юнионистской верхушки.

Вместе с тем руководство PIRA сознавало свою критическую зависимость от средств, поступавших из США³. Соответственно, опасения, что возможности американских ирландцев по финансированию повстанцев могут измениться, периодически порождали желание ускорить события.

Однако опыт показал, что никакие «20 фугасов за час» (реальный случай в Белфасте — «Кровавая пятница» в июле 1972 г.) вообще не производят впечатления на британский истеблишмент. Впечатление производят только систематически повторяющиеся операции, причиняющие реальный ущерб экономике и стимулирующие отток инвестиций.

Британская элита достаточно открыто (насколько это возможно в демократической стране) демонстрировала равнодушие к жертвам среди рядовых граждан (тем более среди «пьяных шотландских гопников Северной Ирландии»). Но удары по экономическим объектам опосредованно, а в случае с банковским и крупным ритейловым бизнесами — и непосредственно били по её карману.

³ Это, как показала история, было не до конца обосновательно. Прекращение вооружённой борьбы (вопрос — случайно или нет) совпало с прекращением финансирования из США.

Система

Закономерно британцы построили свою систему противодействия терроризму вокруг самой своей сильной стороны — агентурной работы.

Достаточно быстро было создано единое командование всеми силами безопасности, действовавшими в Северной Ирландии, и обслуживавший его единый разведывательный центр — FRU (Force Research Unit — Войсковое подразделение исследований). Ведущую роль в этом центре играла внешняя разведка — MI6, так как основным источником угрозы была иностранная поддержка террористов.

Агентура

Западные спецслужбы, как правило, используют имеющихся агентов только в одной роли: получение информации, активные мероприятия (разовые воздействия на объекты и среду словом или действием) и влияние (управление объектами). Но FRU действовал не только так. Часть новых агентов сначала давали информацию о деятельности подпольных ячеек, затем участвовали в разоблачении подпольных групп в суде и/или по телевидению (активные мероприятия), после чего по программе защиты свидетелей получали новые персональные данные и скрывались. В стиле британского юмора новое явление получило название «supergrass» — «сверхстукач». Такой подход характерен скорее для полиции, но спецслужбы и армия в Северной Ирландии фактически и превратились в гигантские полицейские силы, в которых собственно полиция была лишь частью структуры.

Патрулирование и дозоры

За счёт привлечения армии пешими патрулями были охвачены территории, на которых ранее полиция боялась даже появляться.

Огромное количество пеших патрулей, их непредсказуемые маршруты не только демонстрировали господство

сил правопорядка на улице, но и обеспечивали маскировку встреч оперативных работников с агентурой. Схемы патрулирования заранее отработывались в учебном центре на территории ФРГ. Каждая рота готовилась действовать в заранее известном районе, который и изучала до начала командировки. В занятиях в Германии принимали участие сотрудники полиции, с которыми предстояло взаимодействовать в Ирландии.

Блокирование и проверки

Другим приёмом использования войсковых группировок для прикрытия встреч с агентурой было блокирование отдельных городских кварталов или посёлков с последующими адресными проверками внутри блокированной зоны.

Первоначально такие операции проводились как первый этап ликвидации зон, недоступных для полицейских («no go areas»), но после ликвидации таких зон масштабные облавы стали проводиться фактически только для обеспечения встреч с агентурой и установки специальных технических средств.

КПП

Опыт показал, что устройство контрольно-пропускных пунктов (КПП — «блокпостов») на дорогах общего пользования — это ровно то же самое, что расстановка мишеней для тревожных групп PIRA.

Поэтому такие КПП устраивались только на короткое время (не более десяти минут) для реализации оперативной информации или для обеспечения моментальных контактов с агентами. Стационарные же КПП в пунктах постоянной дислокации войск и полиции, а также на границе представляли собой мощные фортификационные сооружения, где контакт личного состава и проверяемых был максимально опосредован техникой.

Наружное наблюдение

Служба наружного наблюдения по численности была сопоставима с численностью патрулировавших улицы солдат и полицейских в форме. Отсутствие языкового барьера позволяло даже низкоквалифицированным разведчикам наружного наблюдения из военнослужащих пехотных батальонов действовать более-менее конспиративно.

Огромное количество наружников давало массив информации для последующего изучения («покупка нескольких крупиц золота в куче мусора»). Многочисленность также позволяла разгрузить высококвалифицированных разведчиков наружного наблюдения из состава полиции, спецслужб и спецназа от второстепенных и демонстративных задач.

В наружном наблюдении широко использовалась легкомоторная авиация и вертолёты (беспилотников тогда не было).

Информация системы наружного наблюдения увязывалась с информацией, полученной патрулями и наблюдательными постами на вышках в местах постоянной дислокации и на границе. Взаимодействие конспиративных наблюдателей с наблюдателями в форме — важный момент, так как патрули (дозоры) и вышки могут работать там, где нахождение разведчиков наружного наблюдения приведёт к расшифровке — на больших открытых пространствах, в сельской местности и ночью.

В приморских районах для задач наблюдения несколько раз задействовались подводные лодки.

Однако, по мнению британского командования, в таком виде система наблюдения, в целом решая задачи по уточнению агентурной информации, скрыванию негласного аппарата PIRA и перекрёстной проверке службы, не в полной мере решала задачи по расследованию террористических актов и противодействию тревожным

группам PIRA. Для решения этих задач были закуплены десятки (а затем и сотни) камер наружного наблюдения. В Северной Ирландии и столице королевства были фактически созданы системы уличного телевидения. Хотя североирландское телевидение безопасности («security TV») всегда несколько уступало лондонскому, за достаточно быстрый промежуток времени практически все пересечения и ответвления мало-мальски значимых дорог были поставлены под видеоконтроль. Любые объекты, потенциально интересные PIRA (банки, органы власти и т.п.) и подступы к ним также оборудовались видеокамерами. Например, в Южном Арма до 40% территории (в зависимости от погоды) находилось под постоянным наблюдением.

Закладки

Контроль установленных объектов PIRA вёлся при помощи различных радиозакладок.

Первоначально это были радиомаяки, которые монтировались в образцы оружия PIRA во время конспиративного вскрытия схронов и в автотехнику, принадлежащую установленным бойцам PIRA. В дальнейшем развитие спецтехники позволило использовать в таких мероприятиях и подслушивающие устройства.

При проведении оперативно-технических мероприятий в домах и квартирах британцы старались буквально утыкать объект микрофонами, с целью перекрыть все площади, где было физически возможно вести разговор. Это стало реально, так как компьютерные средства обработки информации FRU шли буквально нога в ногу с развитием компьютерной отрасли в Британском содружестве. К тому же прямая корреляция между количеством микрофонов и объёмами полученной информации (в целом не связанная с количеством приборов, а объясняющаяся изначально высокой британской культурой подслушива-

ния) позволяла оправдывать массовые закупки спецтехники.

Наличие сильной агентурной базы было хорошим подспорьем для использования специальных технических средств. Например: PIRA использовала конспиративную квартиру, содержатель которой вообще никогда не покидал её на срок, позволявший установить устройства. Для британцев не составило труда организовать ему выигрыш в радиовикторине — призом была суточная туристическая поездка.

Радио

Британцы широко использовали радио для связи с агентами (развитие техники позволило снабжать радиопередатчиками даже малограмотных и пожилых агентов), организации взаимодействия в ходе решения задач наружного наблюдения (в том числе с агентурой), а также для оперативной помощи агентам-вербовщикам непосредственно в ходе вербовочных мероприятий. Два последних типа названных задач стали возможны в связи с совершенствованием скрытых гарнитур.

Нельзя не упомянуть состязание между британской промышленностью и подпольными мастерскими PIRA по производству радиоблокираторов — и, наоборот, устойчивых и надёжных радиовзрывателей. Победа по очкам, наверное, должна быть присуждена британской промышленности, которая всё-таки преуспела в регулярном пероснащении дозоров и патрулей работающими переносными радиоблокираторами (те же модели устанавливались и на технике).

Захват повстанцев

Основным способом реализации оперативной информации был захват террористов с целью их дальнейшей вербовки. Возможность осуждения их судом рассматривалась как важная, но вторичная задача. Улики, пригодные для представления в суде, да и сами

судебные заседания рассматривались в первую очередь как средства давления на вербуемых, а затем уже как показатели, пригодные для демонстрации общественности.

В подразделениях, осуществлявших агентурную разведку, значительную роль играл личный состав, занимавшийся изучением психологии объектов разработки и динамики психологического климата в группах PIRA. Основной задачей было выявление и уничтожение потенциально «невербуемых» бойцов PIRA на самых ранних этапах их карьеры.

Получившие оглушительную известность в прессе операции британского спецназа (полицейских и армейской Специальной авиационной службы — SAS) по физическому уничтожению террористов были единичны, играли вспомогательную роль и проводились только по членам PIRA, которые рассматривались как потенциально «невербуемые» или же обладающие информацией, дальнейшее распространение которой признавалось нецелесообразным. Даже в случае необходимости уничтожения террористов (или потенциальных террористов) британцы предпочитали использовать активные агентурные мероприятия («самоподрыв», «случайная стрельба по своим», «автокатастрофа» и т.п.) или прибегать к услугам агентов-боевиков из «лоялистов».

Спецназ действовал только в случаях пикового дефицита времени. Негативный психологический эффект, связанный с использованием спецназа (самооценка террористов и их международный рейтинг автоматически повышались в связи с гласным задействованием самых дорогих профессионалов) всегда перевешивал затраты на агентурные мероприятия. Повышение рейтинга террористов от самого факта задействования спецназа было хуже, чем ошибки в опознавании цели (как, например, в церковном дворе в Данлой, графство Антрим, когда на

тайник вышел и был убит не террорист, а любопытствующий подросток). Ошибки можно было списать на намеренную жестокость без ущерба для имиджа службы.

Пехота в боестолкновениях

Разумеется, во время боестолкновений с партизанами не церемонились и стреляли в них на поражение.

Специальная «жёлтая карточка», имевшаяся у каждого солдата, чётко разъясняла, в каких случаях (включая сомнительные) он может стрелять — армия обещает, что он не подвергнется судебному преследованию. Для поддержания уверенности в солдатах британские сухопутные войска ввели ставку «летающего юриста». Это был дежурный адвокат, готовый в любое время вылететь на вертолёте для оказания юридической помощи.

Однако традиционная для британской армии плохая огневая подготовка в сочетании с тактикой, используемой бойцами PIRA (см. ниже), в большинстве случаев приводила к отсутствию поражённых целей. Хуже того, прошедшее в ходе конфликта перевооружение британской пехоты с самозарядных винтовок на автоматы увеличило количество выпускаемых впустую пуль (на радость журналистам всего мира).

Решение приняли традиционно британское — при ситуациях самообороны в линейных частях основными стрелками стали снайперы, которым сохранили самозарядные винтовки и дали ночные прицелы, а в спланированных операциях, где вероятность применения оружия была высока, работали только хорошо подготовленные стрелки (спецназовцы).

Война лоялистов

Лоялистские группировки вели против PIRA свою партизанскую войну с основной задачей представить конфликт как межэтническое столкновение.

После ввода войск и организационного укрепления PIRA устройство по-

громов представляло коронные силы безопасности не в лучшем свете (как не способных защитить население), да и стало делом небезопасным (из-за возможности прямого столкновения с формированиями PIRA). Поэтому лоялисты сосредоточились на адресных ликвидациях установленных бойцов PIRA, а также терактах против католического населения.

Лоялисты принципиально не атаковали подразделения PIRA или принадлежащие ей объекты, а только бойцов вне службы или мирных граждан католического исповедания. В ликвидациих использовалось стрелковое оружие, а против мирных — ещё и взрывчатка и холодное оружие.

Из-за пьянства и в целом нездорового климата в лоялистских группировках во время акций происходили всякого рода накладки — например, несколько раз боевики не уничтожили имевшиеся у них карточки с полицейскими ориентировками на жертв, а также убивали не тех, кого планировалось.

Пропаганда

Пропагандистская война велась британцами на двух уровнях.

На глобальном уровне предполагалось представить конфликт как этническое противостояние внутри Северной Ирландии, как анахроническую безумную месть ирландцев-католиков ирландцам-протестантам за события пятисотлетней давности.

Основным инструментом здесь было Би-би-си, но применялись и заказные публикации в мировой прессе. Основным приёмом было замалчивание и искажение позиции PIRA. Для британских радио- и телестанций существовали запреты на передачу голосов республиканцев и лоялистов — их разрешалось давать только в изложении.

На региональном уровне — в Ирландии британцы старались показать несерьёзность и слабую организованность PIRA, а также оттолкнуть обы-

вателя сценами жестокости. Основной целевой аудиторией здесь было население Ирландской республики, а приёмами — заказные юмористические публикации, а также газетные и телевизионные материалы, демонстрировавшие несовместимость PIRA и «приличного общества».

Подполье

Определяющую роль в тактике PIRA играло то, что нахождение отрядов вне населённых пунктов было невозможно.

Командиры PIRA на практике знали, что уровень дозорно-наблюдательной службы и следопытства противника не позволял существовать группе численностью больше двух человек более двух суток даже в горных лесах. Поэтому в лесу находились только единичные высокоподготовленные боевики, за которыми силы безопасности вели персональную охоту. Остальные были подпольщиками в населённых пунктах.

Фугасы

Главным оружием ирландского подполья был фугас — самодельное взрывное устройство (СВУ), основным поражающим элементом которого является ударная волна («фугасное действие»). Применялись и огнемётные фугасы, начинённые различными самодельными суррогатами напалма — средство причинения экономического ущерба с высоким коэффициентом «стоимость-эффективность». Осколочные и камнемётные СВУ применялись только в сельской местности по военным объектам с целью минимизации случайных жертв.

Тактика применения фугасов отличалась изощрённой разнообразностью. Бесспорными лидерами были занос на объекты сумок с СВУ и установка заминированных автомобилей, однако достаточно часто встречались различные оригинальные приёмы с использованием дистанционно управляемых

устройств и «тайгер-киднеппинга» (негласный захват заложников с целью принуждения к закладке СВУ). В магазинах применялись заминированные видеокассеты.

«Двойные взрывы» — второй (третий, четвёртый) взрыв в районе теракта с целью поражения сапёров и полицейских применялись буквально несколько раз, так как практика показала полное равнодушие Короны к потерям полицейских при одновременном повышении рвения органов правопорядка после таких взрывов. Впрочем, одна из самых известных операций за всю историю PIRA — «Воррингпойнтская засада» («Нэрроу вотер», уничтожены 18 военнослужащих, включая комбата) была организована по принципу «двойного взрыва». Командование бригады «Южный Арма» ювелирно точно рассчитало возможное расположение командного пункта группы реагирования, где и был заложен второй фугас (363 кг в ТНТ).

Предупреждения

В случае нанесения удара по гражданскому объекту PIRA всегда посылала предупреждение.

Предупреждения осуществлялись в устной форме путём звонка по телефону на горячую линию полиции (современных технологий опознания голоса — как, впрочем, и общедоступных синтезаторов голоса — тогда не существовало), а также в СМИ и правозащитные организации.

Опытным образом было доказано, что широкое оповещение общественности было абсолютно необходимо. В случае отсутствия такового правоохранительные органы объявляли, что не получили предупреждения или получили невнятное. В результате эвакуация объекта не проводилась, и гибли мирные жители.

Такая жестокость была оправдана, так как успешные (без гибели мирных жителей) теракты против банковского сектора и торговых центров вынужда-

ли владельцев снижать цены и повышали рейтинг террористов среди широких слоёв населения Соединённого королевства.

Стрелковое оружие

Наиболее часто стрелковое оружие применялось двумя способами — для психологического усиления действия фугасов и обстрелов (включая снайперские).

Обстрел места взрыва обычно осуществлялся с огромных (свыше пяти-сот метров) дистанций из одной единицы автоматического оружия. Остальное доделывали британские военнослужащие, открывавшие огонь во все стороны, причиняя потери себе и мирным жителям.

Засады

Огневые засады PIRA применяла крайне редко (в отличие от своего противника).

Фактически они были возможны только при ликвидации отдельных особо опасных противников из числа оперсостава и лоялистов или на редкие подразделения, действовавшие вне системы дозоров (КПП, группы захвата). Любая попытка устроить засаду на патруль или дозор, особенно ночью или в сельской местности, когда армия не стеснена в применении тяжёлого оружия и имела абсолютное превосходство в средствах наблюдения, была равносильна самоубийству. Британская система взаимной поддержки патрулей и применения мобильных резервов на вертолётах и лёгкой бронетехнике оставалась непросчитываемой и непреодолимой для партизан в течение всего конфликта.

Тут нельзя не упомянуть об известном случае лобового столкновения подразделения PIRA и британской колонны с участием БРДМ. Этот эпизод стал довольно популярным не только потому, что кто-то выложил архивную запись в Интернет. На основании этого опыта британцы разработали типовой

приём партизанских действий — нападение на моторизованную колонну с ходу (вариант импровизированной засады). До этого на основании математических расчётов считалось, что так действовать невозможно (хотя вероятность удобных ситуаций, особенно при прорыве из окружения и деблокирующих действиях, весьма велика). К сожалению, британцы очень быстро распространяют опыт по миру, и некоторым россиянам довелось испытать этот приём на себе.

Суть эпизода: группа PIRA поспешно выдвигалась на позицию обстрела, так как получила информацию о колонне, расположившейся вне видимости постов британской армии. Предполагалось устроить показательный кинообстрел. В это время колонна начала движение по дороге навстречу. Во время пересечения открытого поля бойцы PIRA и кинооператор столкнулись с выехавшим из-за поворота головным охранением колонны, включавшим БРДМ. Вместо того чтобы пытаться спрятаться на открытом месте, боевики, вооружённые гранатомётами (в дополнение к АКМ), открыли огонь из РПГ с колена и попытались ещё сократить дистанцию. Одновременно автоматчики отступили на одну линию с гранатомётчиками, очистив сектор стрельбы. Бесспорно, в пользу PIRA сыграло то, что сектор наблюдения наводчика уничтоженного БРДМ удачно был ограничен редко посаженными деревьями, при том что выстрелы РПГ между ними прошли совершенно беспрепятственно, а также то, что против одной машины работали сразу два РПГ.

В дальнейшем подобные случаи нападения на открытой местности на бронетехнику автору неизвестны (по крайней мере, удачные), хотя случаев нападения на автомобильные колонны было много. По мнению экспертов, для этого приёма критичной является минимальная дистанция между сторонами (менее 100 и более 20 метров) — уве-

личиваются шансы поражения машин с первого выстрела и одновременно минимизируется время на открытие огня для живой силы на движущейся технике (что в данном эпизоде не спасло нападавших от потерь).

Этот эпизод примечателен ещё и тем, что в объектив попали относительно подготовленные боевики (хотя и не вполне осведомлённые о способах удержания РПГ при стрельбе). Правила PIRA обычно запрещали снимать для пропаганды что-либо существенно выходящее за пределы сюжетов «первый полевой выход» и «первый бой».

Правило двух магазинов

При применении стрелкового оружия ирландские партизаны строжайше придерживались того, что сейчас повсеместно распространено под названием «Правило двух магазинов». То есть *«обнаружил себя — два магазина автоматическим огнём — скрылся»*. Они, правда, были склонны называть его «Правилом одного магазина» (в смысле один запасной магазин на один заряженный автомат). Один из двух магазинов часто оставался нерасстрелянным, так как резервировался на случай неожиданностей. Известны обстоятельства, которые заставили бы бойцов PIRA добровольно отклониться от этого правила (включая десятикратное численное превосходство над британцами).

Такая строгость легко объясняется. Это была уже не первая война ирландских подпольщиков с британцами (в одном двадцатом веке — третья). Опыт знакомства со скрупулёзной британской следственной системой однозначно утверждал, что даже вынесенные с поля боя убитые и раненые серьёзно повышают угрозу раскрытия группы.

Гибель даже одного-единственного бойца вызывала приостановку операций и расследование. PIRA всегда старалась установить системную причину потери, выяснить произошедшие в результате изменения в информиро-

ванности противника и принять меры к исключению аналогичных ситуаций в дальнейшем.

Обстрелы

Остановимся несколько подробнее на организации обстрелов.

В начале конфликта они проводились методом «свободной охоты». Два бойца на угнанной машине патрулировали район ответственности подразделения. Сидящий сзади был вооружён автоматическим оружием. При обнаружении цели с любой стороны сразу открывался огонь, и тут же начиналось движение на отход. Автомобиль бросали, как только убеждались в отсутствии преследования. Создание британской системы наблюдения положило конец «свободной охоте».

Дольше просуществовали тревожные группы. Такая группа заступала на дежурство (как правило, суточное) в одной из конспиративных квартир подразделения. В районе ответственности командиром заранее намечались возможные участки организации обстрела (места возможного появления одиночных солдат, временных КПП или заслонов), пути скрытного выдвижения к ним, позиции и пути отхода. Разведка подразделения, самостоятельно или при помощи местных жителей обнаружив противника, немедленно вызывала тревожную группу. По сигналу тревожная группа на одной-двух машинах под прикрытием разведки выдвигалась на позиции. От поступления сигнала до первых выстрелов, как правило, проходило не более десяти минут.

Теоретически тревожные группы создавались как мера противодействия операциям по ликвидации свободных от полиции районов и для противодействия погромщикам-лоялистам. На практике оказалось, что британцы осуществляли блокирование района операции заслонами, и выдвижение разведывательно-поисковых групп и групп захвата на адреса происходило

с такой скоростью и одновременно, что тревожные группы в самом лучшем случае успевали произвести пару выстрелов. Погромщики же, узнав о наличии тревожных групп, отказались от данного вида проявления лояльности.

Снайперы

Создание британцами системы наблюдения вызвало к жизни новый вид обстрелов — «снайпер один выстрел» (или одна очередь).

Вопреки ирландскому фольклору, снайперы действовали только в группе. Для организации одного снайперского выстрела никогда не задействовалось менее четырёх человек. Наиболее ответственную роль (после стрелка) играл квартирмейстер группы (Q), на него возлагалась организация доставки оружия из схрона до места обстрела и его последующая эвакуация. Остальные бойцы с чётко распределёнными и отрепетированными ролями занимались обнаружением цели, подачей сигнала на начало действий по одной из подготовленных схем, организацией охранения и перемещения стрелка, а также подготовкой данных для стрельбы.

Обычно использовалось оружие калибра 7,62 мм (.308, 300), редко 5,56 мм с доступной на коммерческом рынке оптикой. Дистанция наиболее удачных выстрелов колебалась между 200 и 300 метрами, хотя предпочтительнее считались дистанции между 400 и 600 метрами (известны выстрелы и с дистанции свыше километра). Что касается использования только появившихся крупнокалиберных (12,7 мм) винтовок фирмы «Баррет», то тут информация противоречива. Такие винтовки у IRA бесспорно имелись. Британцами были изъяты минимум две, включая один из первых вариантов «буллпап», который был выпущен очень небольшой серией. Британская армия официально утверждает, что 12,7 мм пулями было убито семь солдат. Сами ирландцы го-

ворят, что существенно больше. Кто тут прав, даже по прошествии стольких лет без специального исследования понять нельзя. Скажем только, что по массо-габаритным характеристикам данное оружие плохо подходило для войны, которую вело ирландское подполье.

Иногда снайперы стреляли из автомобилей (легковых или малогабаритных фургонов). Для 12,7 мм винтовок это теоретически облегчало доставку к месту обстрела, но изготовление характерных для PIRA камуфлированных бойниц и скрытых лёжек в багажниках под их размеры представляется совершенно невозможным. Дульное пламя от патрона 12,7 спрятать в автомобиле никак нельзя. Следует отметить, что в таких автомобилях из уважения к британским контрснайперам сторона, обращённая к противнику, бронировалась.

Характерной ошибкой снайперов PIRA, в основном тренировавшихся в подземных звукоизолированных тирах на территории Республики Ирландия, были неправильные поправки на ветер.

Миномёты

Фортификация мест постоянной дислокации британских сил безопасности обесмысливала применение по ним самодельных или промышленных артиллерийских снарядов и ракет. Многослойная установка щитов из рабицы и металла делала британские объекты странными на вид (особенно это относится к наблюдательным башням), но зато исключала применение кумулятивных боеприпасов. Осколочно-фугасный боеприпас, способный пробить такие стены, был бы абсолютно неприемлем для партизан по параметру конспиративной транспортабельности.

PIRA нашла выход из этого положения. Последовательно были разработаны четыре модели кустарных миномётов (Mk10, Mk11, Mk13 и Mk17), поражавшие незащищённые цели за

стенами сверху. Изготавливались они из водопроводного и газового оборудования (боеприпас делали из газового баллона и начиняли удобрениями) и приводились в действие электрическим способом, что обеспечивало дистанционное управление и замедление (выстрел в установленное время). Редкие экземпляры Mk13 «Казармобой» («Barrack buster») метали 190-литровую бочку с горючим. Наиболее распространённая модель Mk10 (вес заряда 10,9 кг, дальность 300 м) была применена PIRA для неудачного покушения на премьер-министра Соединённого королевства Джона Мейджора. Миномёт, установленный в угнанном фургоне, автоматически выстрелил по крыльцу резиденции премьера на Даунинг-стрит 10.

Технология оказалась настолько удачной, что ирландцы даже экспортировали её борцам за независимость Басконии.

Налёт

PIRA использовала и такой способ боевых действий как налёт.

Основными объектами налётов были банки, в которых осуществлялись экспроприации. Также налётам подвергались и другие относительно слабозащищённые объекты. Один классический налёт из этой серии мы и рассмотрим.

План по уничтожению налётами застав армии и полиции в районе ответственности бригады «Восточная Тирон» в 1985–1987 гг. разработал комбриг Патрик Джозеф Келли. Планировалось постепенно уничтожить все заставы, не имеющие огневой поддержки из других опорных пунктов или своих выносных постов.

По схеме, разработанной Келли, группа автоматчиков каким-либо способом (хитростью, скоростью и т.п.) приближалась к периметру заставы и прижимала защитников огнём. Одновременно группа взрывников забрасывала тяжёлое (не менее 100 кг в ТНТ)

СВУ на территорию. Под прикрытием взрыва нападающие отступали.

Слабым местом этого дерзкого плана была идея повторять одинаковую схему в течение длительного времени. Весь опыт PIRA говорил, что ничего нельзя повторять даже два раза подряд.

Операция 8 мая 1986 г. против малочисленной заставы у села Логхолл началась с того, что три машины наружного наблюдения бригады «Восточная Тирон» заняли позиции на пределе видимости от периметра заставы. Практически сразу после этого (ровно в 7:00) экскаватор, принадлежащий фермеру Питеру Маклу, проломил стену заставы ковшем, в котором находилась бочка с 90 кг пластита. Боевик-экскаваторщик поджёг оба огнепроводных шнура бочки карманной зажигалкой. Владелец экскаватора вместе с семьёй в это время находился дома в обществе автоматчиков бригады «Восточная Тирон». Одновременно перед воротами резко развернулся угнанный ранее фургон «тойота», из которого выпрыгнули семь бойцов во главе с комбригом и начали обрабатывать автоматическим огнём все предполагаемые места нахождения противника на заставе.

СВУ взорвалось, практически полностью уничтожив здание заставы. Комбриг, вооружённый дробовиком, под прикрытием огня попытался заглянуть в ворота с целью уничтожить оглушённых защитников.

Проблема нападавших состояла в том, что на заставе находился только один военнослужащий SAS, который поспешил укрыться ещё при появлении экскаватора. Зато в непосредственной близости у них в тылу расположилась в замаскированных парных окопах усиленная группа SAS, которая открыла огонь из автоматов M-16, винтовок G-3 и двух пулемётов FN MAG. Экипажи наружного наблюдения бригады (которые не были вооружены) наблюдали, как несколько бойцов SAS вышли

из окопов и добились раненых, по крайней мере двое из которых пытались сдаться.

В это время мимо них проехал возвращавшийся с ночной смены мирный Энтони Хьюз (католик). Через несколько секунд он въехал в сектор огня одного из парных постов SAS, стороживших тыл засадной группы. Спецназовцы решили, что это разведчики PIRA решили помочь своим товарищам. В машину попало порядка 40 пуль. Энтони погиб, пытаюсь развернуться, его брата Оливера врачи спасли. Как выяснилось позднее, трое спецназовцев также получили ранения разлетевшимися обломками здания.

Командование PIRA всегда одобряло инициативные действия по нападению на противника, даже неудачные. За оригинальные, новые решения даже поощряли вне зависимости от успеха. Не требовалось обязательно достичь положительного результата, главное — действовать. Наказать за инициативу могли только если нарушалась конспирация или погибало много мирных. Но план комбрига Келли не был импровизацией, кроме того, он содержал явное нарушение конспирации — повторение одной схемы. Тем не менее вышестоящие командиры позволили ему так действовать более года. Трудно не связать это с тем, что Патрик Джозеф Келли был ярким политическим оппонентом Руководства Армии (выступал за категорический отказ партии Шинн Фейн от участия в выборах). С другой стороны, бригада «Восточная Тирон» всегда выделялась среди соединений PIRA особенной дерзостью. Расследование, проводившееся центральным аппаратом PIRA в течение полугода, привело к выводу, что операция была выдана агентом противника, который входил в состав группы нападения и был убит. Однако в музее «Логхолльских мучеников» в настоящее время экспозиция посвящена всем погибшим, и следов этой версии в ней нет.

Силы. Соединённое королевство

Армия

Становым хребтом британских сил безопасности в Северной Ирландии была армия. Объединённое командование группировки (его рабочий орган назывался «Дивизионный комитет по действиям» — «Division action committee») возглавлял его армейский генерал. «Разведывательным главнокомандующим» (Intelligence Supremo), чьим аппаратом был FRU, также был армейский генерал. Единственная британская спецслужба в составе Министерства обороны в большей степени занимается контрразведкой, чем разведкой, поэтому работа в окружении воинских частей не была в новинку для британских генералов. Они хорошо понимали эту конкретную специфику и имели стаж участия в оккупационных мероприятиях и колониальных войнах.

Командующий войсками в Северной Ирландии в 1988 г. генерал-лейтенант Вотерс с удовольствием (и детальным знанием обоих процессов) в официальном документе сравнивал борьбу с подпольем с традиционной охотой на тигров. Начальник британского генштаба так и не смог отговорить его отказаться от этой неполиткорректной аналогии.

В каждом полицейском районе (полицейский район — два-три графства) существовала TCG (Tasking Control Group), осуществлявшая координацию (определение приоритетности разведывательных операций и исключение действий друг против друга) всех сил Короны. Тактические решения принимались Районным комитетом по действиям, включавшим все силы безопасности в районе.

Роль внешней разведки MI6 и контрразведки MI5 была ведущей и определяющей. Слово гражданского «Научного советника» при командующем группировкой было решающим. Количество штатных сотрудников этих

служб непосредственно в Северной Ирландии можно оценить как приближавшееся к двум десяткам. По отношению к объединённой группировке центральный аппарат MI6 играл роль непосредственного руководства, а MI5 руководила работой по своей линии.

Армия была организационно представлена тремя бригадными штабами в Портадауне, Дерри и Лисбурне. Штабы располагались в удобных местах дислокации без всякой связи с активностью противника. Общая численность войсковой группировки в описываемый период колебалась между 15 и 10 тысячами военнослужащих.

Основная нагрузка по патрулированию, организации оцеплений и проверке документов лежала на одиннадцати батальонах территориального полка обороны Ольстера (UDR). Эта часть набиралась исключительно из благонадёжных жителей Северной Ирландии, то есть в подавляющем большинстве протестантов. Вне службы им выдавалось оружие для самообороны, которое военнослужащие были обязаны хранить дома в полной готовности. Первоначально это были старые винтовки Ли-Энфильд, а затем пистолеты Вальтер ППК. Известны случаи, когда это оружие попадало в руки лоялистских группировок. Да и сами военнослужащие иногда попадались на участии в последних. Несмотря на традиционную воинственность ирландских протестантов, количество офицеров запаса не позволяло укомплектовать одиннадцать батальонов полноценным командованием. Нередки были случаи, когда батальонами командовали возрастные лейтенанты, но нарекания по их службе со стороны британского командования неизвестны.

В регионе постоянно находились не менее четырёх регулярных батальонов британской армии. В этой роли по ротации побывали все части, имевшиеся в британской пехоте. Исключение составляли части, набиравшиеся в Ир-

ландии из католиков и гуркхи (от них служили только офицеры или отдельные подразделения). Срок ротации составлял пять с половиной месяцев. Кроме патрулирования, на регулярные батальоны падала основная нагрузка по проведению масштабных операций, охране границы, огневому прикрытию и оцеплению в операциях по задержанию.

В каждой пехотной роте была создана команда наружного наблюдения численностью до взвода. Подчинялась она заместителю командира роты, которому была поручена организация разведки в роте (взаимодействие патрулей и наружного наблюдения, обмен информацией с начальником разведки батальона). Для обеспечения передачи объектов разведки прибывали за полмесяца до основного состава роты. Их срок ротации таким образом составлял шесть месяцев.

Начальники разведки батальонов участвовали в пополнении и соответственно пользовались сами общими базами данных разведки, по которым отслеживалось передвижения автомобилей и лиц. Если какое-либо отслеживаемое лицо или автомобиль исчезали из базы, объявлялась общая тревога в связи с возможной подготовкой теракта.

Не менее роты армейского спецназа (SAS) также постоянно по ротации присутствовало в Северной Ирландии. Ещё некоторое количество военнослужащих SAS было прикомандировано к отряду наружного наблюдения в непосредственном подчинении FRU («14-я рота») и составляло его костяк. «14-я рота» по британской традиции была ответственна не только за наружное наблюдение, направленные микрофоны и негласную фото- и киносъёмку, но также и за негласные обыски и установку специальных технических средств. Отдельные военнослужащие SAS по окончании контракта оставались в Северной Ирландии и поступали на службу в полицейский спецназ.

Полиция

Королевская ольстерская полиция (Royal Ulster Constabulary — RUC) численностью свыше 8 тысяч сотрудников была организована по типовой британской схеме. В такой схеме самой многочисленной является Патрульно-постовая служба (Uniformed Branch), затем следуют Уголовный розыск (Criminal Investigations Department — CID) и Спецотдел⁴ (Special Branch — SB). SB занимается борьбой с экстремизмом, а также охраной особо важных объектов и лиц (включая свидетелей). Так как спецслужбы в британской системе не обладают полицейскими полномочиями (до второй половины двадцатого века они вообще формально не существовали), то на Спецотдел возлагается также реализация материалов спецслужб в ситуациях, требующих публичности (аресты, дознание, представительство правоохранительных органов в суде). Много лет возглавлявший Спецотдел Ольстера Брайан Фицсиммонс «не скрывал» своего мнения, что Ирландия объединится, как только ИРА прекратит военные действия. Такие приёмы, характеризующие блестящее умение Спецотдела работать с агентурой (в данном случае заронить в души противников мысль о том, что в чём-то являешься их единомышленником), постоянно встречаются в описаниях конфликта.

Оперативное отделение Спецотдела делилось на три направления: республиканцы, лоялисты, левые. Обслуживающие отделение — на четыре направления: наружка, прослушка, негласный обыск, негласная фото- и видеосъёмка.

Отличие ольстерской полиции от

⁴Так принято передавать это название на русском языке в настоящее время. Раньше переводили как «Особый отдел». Представляется, что наиболее правильным было бы «Особая служба», но здесь мы будем придерживаться общепринятого термина.

полиции метрополии состояло в военизированном характере её деятельности (часть личного состава находилась на казарменном положении). Вся полиция была вооружена качественным импортным (американским и немецким) оружием. В британской армии это могли себе позволить только разведка и спецназ. В ходе конфликта в полиции был создан свой спецназ: один отряд (около 30 бойцов) в центральном управлении в Белфасте и по одному в каждом районном управлении. Ещё один отряд (наиболее подготовленный) находился в прямом подчинении Спецотдела.

Лоялисты

Лоялистские группировки теоретически находились в подполье. Общая низкая (по западным меркам) дисциплина лоялистских группировок, а также территориальная привязка лоялистов к определённым улицам и кварталам существенно затрудняла их конспирацию.

Полиция проводила с лоялистами воспитательные мероприятия по соблюдению конспирации, периодически отправляя лоялистов в тюрьму за преступления, получившие широкий общественный резонанс. Открыто освобождать преступников от ответственности затруднительно даже для властей Великобритании.

Так как совершение общеуголовных преступлений (особенно вымогательства) и торговля наркотиками были исключительными источниками финансирования лоялистов, то для того, чтобы осуждение одной группы не дискредитировало всё движение и связанные с ним политические партии, лоялисты использовали разные названия, раскалываясь на множество группировок, групп и шаяк. Крупнейшими были UDA и UVF, контролировавшие по нескольку районов в Белфасте, Дерри и сельских графствах. Иногда попавшая под суд группа исключалась из организации задним числом.

Чтобы управлять всем этим аморфным конгломератом, существовало подпольное объединённое командование лоялистов (Combined Loyalist Military Command), имевшее свой разведорган, на конспиративной основе осуществлявший обмен информацией между FRU и группировками.

Сличая информацию, полученную от своей агентуры среди лоялистов и этого органа, FRU мог оценивать настроения руководства лоялистов и предупреждать возможное двурушничество с их стороны. Наличие прямого информационного обмена легализовывало информированность британского командования в глазах лоялистских главарей и затрудняло выявление ими агентуры в своих рядах, чем ограничивалась их самостоятельность.

Сильной стороной лоялистов было наличие у них каналов поставки наркотиков в Республику Ирландия. Используя наработанные на поставке наркотиков знания местности и способов нелегальной доставки материалов, лоялисты несколько раз осуществляли теракты за границей. В свою очередь британское командование могло использовать эту возможность как рычаг давления на руководство Республики Ирландия.

Вооружены лоялисты были плохо. В основном у них имелось оружие английского производства времён Второй мировой войны, полученное в сороковые годы с армейских складов ещё их родителями. В восьмидесятые годы лоялистские группировки UDA и UVF вскладчину купили нескольких сот единиц стрелкового оружия через неизвестного посредника (по утверждениям журналистов — южноафриканскую компанию «Армскор») в Ливане или Израиле. Было приобретены несколько сот чешских автоматов Vz58, свыше десятка РПП-7, пистолеты Браунинг, десятки тысяч цинков с патронами и гранаты. Когда оружие было доставлено в Северную Ирландию, британское командование решило, что

существует реальная опасность его захвата PIRA. Лоялисты не были способны обеспечить полноценную охрану, конспирацию и раздельное хранение оружия. Поэтому две трети его были немедленно изъяты полицией.

Силы. PIRA.

Руководство и командование

Высшим органом власти PIRA был съезд (Convention), который в условиях войны собирался нерегулярно в связи с очевидной опасностью нарушения конспирации. По Конституции Армии съезд должен был, по возможности, собираться раз в два года. На съезд направлялись делегаты от каждого подразделения, включая штабы всех уровней. При том, что на съезде формально все были равны и процветала демократия, вне съезда организация управлялась командованием и подчинялась беспрекословной дисциплине, характерной для западных тайных организаций. Руководство (Executive) Армии избиралось на съезде в количестве 12 человек. Руководство собиралось не реже одного раза в шесть месяцев. Задачи руководства состояли в постоянной экспертной оценке действий командования Армии и готовности в случае потерь немедленно заменить командование. Повседневное командование Армией осуществлял назначенный Руководством Совет (Council) Армии, который можно уподобить Ставке верховного главнокомандования. В Совет Армии по должности входил начальник штаба PIRA (командующий), осуществлявший непосредственное руководство боевыми действиями. Главный штаб располагался в Дублине, столице Республики Ирландия. Штаб состоял из:

- отдела Генерального адъютанта (заместителя командующего, входил в Совет Армии), осуществлявшего руководство операциями;

- отдела Генерального квартирмейстера (по должности входил в Со-

вет Армии), обеспечивавшего поставки оружия;

- финансового отдела, ответственного за поступление и распределение денежных средств;

- инженерного отдела, ответственного за проектирование и изготовление фугасов;

- отдела боевой подготовки;

- отдела паблисити, ответственного за пропаганду;

- разведывательного отдела.

Нумерация и старшинство руководителей отделов, именовавшихся директорами, автору неизвестны.

Все нижестоящие штабы были организованы по этому же принципу, а в управлении подразделений имелись отдельные исполнители с такими же обязанностями. Отделы штабов были крайне малочисленными и даже на высшем уровне не достигали десятка человек.

Бригады

Территориальные органы PIRA именовались бригадами. Командир бригады мог быть членом Совета Армии. Полноценными бригадами на всём протяжении конфликта могли именоваться только бригада «Белфаст», бригада «Восточная Тирон» и бригада «Южный Арма», а также бригада «Дублин» (в республике Ирландия). Предполагалось иметь по бригаде в каждом графстве, но дефицит квалифицированных кадров никогда не позволял другим бригадам вырасти за пределы организационного ядра. Численность активных бойцов полнокровных бригад достигала сотни человек, плюс к тому на каждого активного бойца приходилось около десяти помощников, которые, не будучи активными бойцами, также находились под присягой и получали зарплату.

Все бойцы PIRA по ирландской традиции именовались «добровольцы» (volunteer), а командиры ещё и «офицер командующий... [название подразделения]» (Officer commanding) или по

должности (адъютант, квартирмейстер).

Политические организации

Уникальной на тот момент особенностью ирландских подпольных армий было наличие у них представительства в публичной политике. Так, PIRA была представлена партией Шинн Фейн («Мы сами»).

Часто эту систему описывают как военное и политическое «крылья» движения, но это неверная аналогия (порождённая практикой конспирации). На самом деле суть системы в том, что в партии Шинн Фейн сколь-нибудь значимый пост могло занимать только лицо, имеющее опыт применения революционного насилия. Большинство бойцов PIRA являлись одновременно членами или даже активистами Шинн Фейн. Это позволяло им в случае ареста избегать щекотливых процедур, чреватых разоблачением. Дело в том, что в Приказах по строевой части (General orders) PIRA, подлежащих исполнению во всех без исключения ситуациях, был записан строгий запрет участия в процедурах, в том числе принесении клятв, которые могли бы означать признание суверенитета британской Короны на ирландской земле.

Точно такие же положения имелись в уставе Шинн Фейн. Таким образом, пленные бойцы могли избегать косвенного признания своего членства в преступной с точки зрения британского закона организации, ссылаясь на свои политические убеждения как членов партии Шинн Фейн. От Шинн Фейн была польза также и в том, что она могла официально представлять PIRA на переговорах с британцами и, даже не принимая участия в выборах (долгое время Шинн Фейн официально не участвовала в выборах в «незаконные» парламенты Соединённого королевства и Республики Ирландия), официально заниматься пропагандой. При отсутствии Шинн Фейн пропаганда PIRA ограничивалась бы рассылкой пресс-релизов,

подписанных «П. О'Нейл, Дублин». А Шинн Фейн вполне официально владела СМИ, использовала агитаторов, проводила встречи с избирателями, с зарубежными политиками и журналистами для создания широкого паблисити вооружённого сопротивления. При Шинн Фейн функционировала организация помощи заключённым «Зелёный крест» и различные заграничные НКО по сбору средств на избирательные кампании. Крупнейшими такими НКО были американские NORAID и FOSF. Эти организации вполне открыто собирали средства в ирландских пабах и на концертах ирландской музыки по всему миру.

В странах с большими ирландскими диаспорами — Великобритании (шесть миллионов), Австралии (шесть миллионов), Канаде (четыре миллиона), Аргентине (миллион) и США (тридцать восемь миллионов) существовало общее убеждение, что таким образом финансируется вооружённая борьба PIRA. Однако те, кто непосредственно принимал участие в этих сборах, утверждают, что правительства настолько жёстко контролировали эти деньги, что потратить хоть сколько-то значимую сумму не на заключённых или пропаганду Шинн Фейн было абсолютно невозможно. Вооружённая борьба PIRA финансировалась анонимными дарителями в США, путём достаточно сложных финансовых транзакций, которые маскировались под оптимизацию налогов и зарубежные инвестиции. Этнические музыкальные группы «повстанческого» (rebel) направления, в первую очередь американские «Wolf Tone» и «Irish Brigade», если и играли в этом какую-то роль, то только создавая благоприятный климат для таких транзакций в личном общении с сотрудниками американских правоохранительных органов.

Для сравнения: NORAID собирала

⁵ Зелёный — традиционный цвет, символизирующий Ирландию.

100–300 тысяч долларов в год, а PIRA из разных источников (включая собственный бизнес и военный налог) получала по различным оценкам от 5 до 10 миллионов долларов в год (из них 80% уходило на операционные расходы).

Дети, женщины и комитеты

Были при PIRA и формально безобидные, но строго запрещённые британскими законами как террористические, организации — скаутская «Фианна эйренанн» и женская Cumann na mBan. От отдельной женской организации, при том, что в подразделениях PIRA до трети составляли женщины, толку было мало. А вот скауты оказались очень полезны. В связи с возрастом они легально располагали свободным временем и имели вполне безобидный юношеский интерес к боевой подготовке. В свою очередь PIRA, организуя для них такую подготовку, могла не торопясь изучить и отобрать наиболее перспективных кандидатов в свои ряды.

Далеко не все прошедшие подготовку в рядах «Фианна эйренанн» подростки стали потом бойцами PIRA, некоторые даже поступили на службу в британскую армию. Также и далеко не все дети, кидавшие камни в британских солдат, вместе с женщинами препятствовавшие арестам, блокировавшие протестантские парады и принимавшие участие в демонстрациях, были членами «Фианна эйренанн». Намного большее значение в таких ситуациях имела соседская и этнорелигиозная солидарность, которая координировалась с PIRA через подпольный квартальный «комитет гражданской самообороны» (формально не входивший в структуру Армии, но подчинявшийся командиру, ответственному за район).

Поражение первой половины семидесятых

Пэдди-фактор

К началу описываемого нами периода PIRA была если не разгромлена, то

находилась в очень тяжёлом положении. Руководители PIRA, в том числе нынешний вице-премьер Северной Ирландии и один из самых результативных командиров в прошлом Мартин МакГиннес, сомневались в возможности продолжения дальнейшей борьбы.

Британские военные откровенно презрительно отзывались о «Микках» и «Пэдди»⁶, которые подрывались на собственных фугасах, а при аресте выдавали важнейшую информацию в «безобидных» разговорах (между собой и даже с дознавателями), сами не понимая, как это произошло. Со свойственным британцам юмором в качестве универсального объяснения провалов PIRA приводился «Пэдди-фактор» — расхлябанность и небрежность, якобы свойственные загадочной кельтской душе. Срок нахождения на свободе комбрига PIRA не превышал полутора месяцев с момента назначения. То, что не смогли сделать массовое интернирование и чрезвычайные законы в начале конфликта, медленно, но верно делала кропотливая агентурная работа и циклопическая система наблюдения. В тюрьмах находилось больше бойцов, чем на свободе.

Тюрьма

Крупнейшим местом концентрации заключённых, связанных с PIRA, была тюрьма Мэйз (ирландцы называли её Лонг Кеш), вмещавшая свыше двух тысяч заключённых. Мэйз состояла из, если пользоваться советской терминологией, зоны помещений крытого типа и зоны менее строгого режима. Обе зоны были разделены на локалки, в которых содержались заключённые по групповой принадлежности. Группирование заключённых по группам и подгруппам принято на Западе, чтобы избежать «тюремных войн». Кроме Лонг Кеш, небольшие группы заключённых PIRA содержались во многих

⁶ Ирландские уменьшительные формы от имён Майкл и Пэтрик.

тюрьмах Великобритании, включая по несколько человек в небольших тюрьмах на 100–200 мест, таких как Брикстон в Лондоне. Заключённые боевики PIRA и других республиканских группировок не признавали себя уголовными преступниками. Они боролись за статус военнопленных или политических.

Наиболее сильным средством этой борьбы была голодовка.

Смысл голодовок

Борьба за статус, в том числе голодовки со смертельным исходом, применялись ирландскими повстанцами на протяжении всей истории движения, причём, как правило, без достижения декларируемой задачи. Однако британцы расценивали голодовки как серьёзную проблему и неоднократно пытались добиться от католической церкви признания их формой самоубийства (без успеха). Почему? Смерть голодающих не производила никакого впечатления на британские власти, но зато являлась сильным мобилизующим фактором для националистов, которые сплывались вокруг республиканских структур. В результате голодовки 1981 г., закончившейся гибелью всех десяти голодавших, двое впоследствии умерших заключённых — Боби Сэндс и Киран Доэрти — были избраны в Британский и Ирландский парламент соответственно. Избрание в парламент и последующая гибель, более чем многолюдные похороны каждого из десяти голодающих позволили раскрутить в мировой прессе мощнейшую кампанию. Боби Сэндс стал иконой республиканского движения. Если бы кампания была поддержана европейской прессой в течение хотя бы десятилетия, у Сэндса вполне были шансы сравниться с Че Геварой.

Как и подавляющее большинство командиров (не говоря уже о рядовых добровольцах) PIRA, Боби Сэндс был простым рабочим без образования. Как и большинство своих товарищей,

читать он начал уже в тюрьме. Далеко не все командиры PIRA даже высшего ранга смогли закончить школу. Боби Сэндс тоже не смог. Его послания и стихи, написанные в тюрьме, подкупают искренностью. Можно предполагать, что широким массам он мог бы быть не менее симпатичен, чем путешествующий аристократ Че Гевара. Тем более что благородная смерть во главе отряда обречённых (Сэндс был избран и утверждён командиром голодающих) смотрится куда более симпатично, чем расстрел. Однако европейская пресса кампанию не поддержала, и культ Боби Сэндса не вышел за пределы ирландского республиканства. Вообще у PIRA не ладилась серьёзные отношения с левым движением (как и у её предшественников), номинальным членом которого она была.

PIRA и левое движение

PIRA и все предыдущие варианты ИРА конструировалась как левая организация. С прицелом на то, что работать организация должна была в Европе, где левые совершенно доминируют. Соответственно в официальной идеологии PIRA восхвалялись марксизм, феминизм и освобождение Палестины. При том, что PIRA отчаянно нуждалась в диверсификации источников денег и особенно оружия, богатые европейские левые в общем отказывали ей в помощи. Та же история, в ещё более странном виде, повторялась и в соцлагерем. Особенно забавные отношения были с Кубой. Кастровский режим финансировал представительство PIRA на своей территории, но её борьбе не мог помочь ничем, кроме пропагандистской литературы. Даже палестинцы, очень сильно обязанные PIRA обучением взрывотехнике, за двадцать лет интенсивных контактов не смогли обеспечить своим учителям никаких серьёзных поставок — всё становилось немедленно известно израильтянам, а от них заинтересованным полицейским структурам.

Учитывая, что европейские подпольные торговцы оружием вели себя абсолютно таким же образом, «левый» образ PIRA выглядел весьма сомнительно. Финансируясь из США, эта революционная организация была вооружена практически только американским оружием (исключение составляли отдельные трофеи и единичные образцы из древних немецких поставок). Новейший по тем временам автомат Армалайт AR-18, обошедший M-16 на конкурсе Минобороны США, сделался даже символом PIRA (каким-то образом большинство произведённых образцов оказались в Ирландии). По позднейшим оценкам ФБР, в семидесятые годы только по одному каналу («поставки Джорджа Харрисона») PIRA получила не менее двадцати пяти тысяч единиц стрелкового оружия из США.

Лицо ИРА как члена левого движения спас полковник Каддафи. Раз в несколько лет он направлял ирландцам корабль, загруженный оружием и боеприпасами, а также передавал по несколько миллионов долларов. За всё время конфликта только два таких корабля были перехвачены. Особенно ценным в поставках Каддафи было то, что он направлял небольшими партиями практически все образцы оружия, какие только у него были в наличии. В основном он располагал оружием производства стран Варшавского Договора, но были и западные образцы, закупленные ещё при короле или мелкими партиями для особых задач уже при Джамахирии. Например, бельгийские пулемёты и автоматы. Немедленно после начала поставок Каддафи, руководство PIRA стало популяризовать образцы производства стран Варшавского Договора в пропагандистских фильмах и настенной живописи⁷ (которая была и до сих пор

остаётся одним из сильнейших средств рекламы — аналог билбордов). В итоге PIRA стала несколько менее выделяться на фоне других революционных организаций своего времени. В начале 1990-х гг. Каддафи прекратил поставки и представил правительству Великобритании списки переданного оружия и боеприпасов.

Причины вежливых отказов левых и особенно советских вождей в реальной поддержке PIRA непонятны с точки зрения общепринятых представлений о левом движении. Конечно, у PIRA были грешки против марксистских догм. Некоторые командиры PIRA регулярно присутствовали на мессах и даже стояли рядом со священником, благословляющим выходящих после окончания службы. Значительное место в символике PIRA играли кельтские орнаменты с неизбежными «соляными знаками»⁸. Но африканцам, южноамериканцам и азиатам советские прощали намного большее. А тут ведь речь шла о революционерах, сражавшихся с одним из основных официальных империалистических хищников прямо в его логове.

В ответ на советскую холодность PIRA тоже проявляла некоторый характер — боевикам было запрещено читать и распространять пропагандистские издания советского блока (исключая издания классиков марксизма-ленинизма) и самостоятельно контактировать с коммунистическими партиями. Возможно, такая бдительность была связана и с тем, что предшественница PIRA — Официальная ИРА вышла из вооружённой борьбы чересчур всерьёз увлечьшись марксизмом. Последовавшая за отделением PIRA от Официальной ИРА междоусобная война унесла жизни не менее

⁷ Уничтожить настенную живопись властям трудно — требуется судебное вмешательство в дела частного собственника стены.

⁸ Интересно, что в качестве эмблемы ирландского социализма обычно используется ковш Большой Медведицы, а при редком использовании пятиконечной звезды она часто бывает зелёного цвета.

десяти человек. Официальная ИРА так и не вернулась в республиканское движение. Возможно, поэтому, как вспоминал отсидевший 18 лет в Лонг Кеш Энтони МакИнтайр, заключённые боевики прямо говорили, что «в нашем Движении марксизмом занимаются в тюрьме».

Положение бойцов PIRA в тюрьме

Британские власти никак не боролись с изучением заключёнными боевиками марксизма, если не сказать — прямо способствовали этому. С марксизмом за время заключённого боевика конкурировал только гэльский язык, который давал некоторые преимущества — для понимания переговоров гэлоязычных боевиков полиция требовался переводчик, а сами занятия ввиду сверхсложности гэльского способствовали развитию аналитического мышления. Британцы, тем не менее, в двадцатом веке борьбу с гэльским языком полностью прекратили, совершенно справедливо полагая, что лучше пусть националисты потратят время на изучение гэльского языка, чем на постижение нюансов политической или вооружённой борьбы. В Лонг Кеш освоивших гэльский язык переводили в специальные корпуса для предпочитающих общаться на гэльском. Этим экономились силы весьма малочисленного гэлоязычного оперсостава, занятого на расшифровке и слуховом контроле разговоров (надзиратели гэльским не владели).

Вообще, британцы резонно не питали надежд на перевоспитание республиканцев в тюрьме. Поэтому содержание было достаточно щадящее и даже лучше, чем у общеуголовных заключённых. Британцы не могли изводить узников-республиканцев на глазах мирового сообщества и предпочитали не создавать им условия для закалки характеров, одновременно исключая их влияние на других заключённых.

Время нахождения своих оппонен-

тов в заключении оперативники британских спецслужб использовали для глубокого изучения личностей боевиков, установившихся паттернов взаимоотношений между ними, а также экспериментов по формированию психологического климата в коллективах PIRA. Благо технические возможности для этого были. Используя известный эффект появления у человека, открывшего для себя мир чтения, «Идей», британцы пытались продвинуть Лонг Кеш на роль своего рода «think tank» PIRA. Для этого, как казалось, было достаточно не досматривать родственников после свиданий и обеспечить другие возможности контакта. Но стратегические идеи PIRA формировались где-то далеко за пределами британского контроля. Фактически единственное, что в методах PIRA имело прямое тюремное происхождение, — это анализ методов дознания и следствия. В то же время нельзя отрицать, что тюремное свободное время использовалось командирами PIRA для обобщения и анализа имевшегося у них опыта и советов более информированных доброжелателей. Реформа PIRA, выведшая армию из кризиса, связывается с выходом из тюрьмы Джерри Адамса. При том, что PIRA/Шинн Фейн — организация западного, далеко не вождистского типа, многое, очень многое в её судьбе связано с именем этого человека.

Джерри Адамс

Джерри Адамс (гэльск. Геероид МакАдхаимх):

— вступил в ИРА (через «Фианна эйренанн») в 1965 г. (16 лет);

— комбат-2 бригады «Белфаст» в 1972 г. (23 года);

— адъютант бригады «Белфаст» в 1972–1973 гг.;

— комбриг «Белфаст» в 1973 г. (24 года);

— старший камер (включая ту, где сидел Бобби Сэндс) в Лонг Кеш в 1973–1977 гг.;

— начальник главного штаба 1977–1978 гг. (28 лет);

— член Совета Армии с 1977 г.

Основным источником авторитета Джерри Адамса была непримиримость к врагам и изменникам, соединённая с чуткостью и умением прощать первую ошибку. Не последнюю роль играл также его навык ориентироваться в международной конъюнктуре. Как и все без исключения члены PIRA, Джерри Адамс никогда не признавал своё членство в организации. Максимум, чего от него добились публично (уже в новой роли президента Шинн Фейн), предъявляя фотографии в форме, — «коротко состоял по молодости, но отошёл». Вообще, что-то рассказывать о членстве в PIRA, даже сейчас (через семь лет после её официальной ликвидации) решаются только люди, по каким-либо причинам покинувшие организацию.

В ходе конфликта многим казалось странным, что британские спецслужбы не убивали заведомо опасного и невербующего Адамса, а продолжали всё более изощрённые попытки его завербовать или как-то использовать иначе. Вопрос выяснился уже после войны. Младший брат Джерри Адамса, Лиам, был объявлен в розыск по обвинению в педофилии. По требованию брата он сдался властям и дал показания на себя и отца.

Реформирование PIRA

Реформируя PIRA, группа в составе Джерри Адамса, Ивара Белла и Брайана Кинана сумела пролоббировать решение в Руководстве и Совете Армии и в дальнейшем с железной волей единовременно перестроить всю организацию. В основу реформы был положен принцип приоритета контрразведывательной деятельности и ужесточения конспирации. Обе темы были хорошо знакомы Джерри Адамсу по предшествующему опыту.

В частности, он был председателем военно-полевого суда по делу Джин МакКонвиил, матери десяти детей,

приговорённой к смертной казни. МакКонвиил была протестанткой, вышедшей замуж за католика и переехавшей в националистический квартал. После смерти мужа она отчаянно нуждалась в средствах и поэтому привлекла внимание разведки PIRA в качестве «слабого звена» в своём квартале. Возможно также, её рассматривали как кандидата на вербовку для подставы противнику, на основе лояльности детям-католикам при наличии подходов через родственников в протестантской общине. В ходе проверки в её доме были установлены подслушивающие устройства. Которые и зафиксировали радиопереговоры в качестве конспиративного наблюдателя за передвижениями установленных членов PIRA с центром приёма информации FRU. Передатчик был изъят, а МакКонвиил вынесено предупреждение.

Британские кураторы Джин МакКонвиил бесспорно осознавали, что PIRA продолжит наблюдение за их агентом, но настояли на продолжении дальнейшей связи. Такое наплевательское отношение говорит о том, что МакКонвиил скорее всего не была выдана замуж спецслужбами (как это обычно бывает) с целью внедрения в националистическую общину, а была завербована позже на компроматной (насильственной) основе. После того как PIRA зафиксировала ещё один передатчик, МакКонвиил была в декабре 1972 г. арестована у себя дома группой из двенадцати (для ускорения обыска) разнополых (для соблюдения этических норм при проведении обыска) боевиков и вместе с передатчиком доставлена в военно-полевой суд на территорию Республики Ирландия. В целях конспирации в ходе транспортировки боевики PIRA постоянно передавали МакКонвиил от одной группы к другой. Когда через двадцать лет встал вопрос о выдаче тела для похорон, найти его оказалось невозможно. Тело обнаружили случайно через 31 год на территории графства Лаут.

Протоколы

До реформы контрразведывательная деятельность PIRA проводилась разведорганами подполья только по наличию каких-либо характерных признаков или проявлений агентурной работы противника (как в случае с Джин МакКонвилл). Постоянные контрразведывательные мероприятия фактически сводились к ежедневному протоколированию деятельности подразделения командирами. Ежедневно и еженедельно командиры анализировали эти протоколы (объекты и участники обозначались условными наименованиями, которые периодически менялись) с целью выявления признаков провала. В случае выявления таковых назначалось расследование. Случаи попадания этих документов в руки противника неизвестны (но это не значит, что этого не было). Очевидно, таких минимальных пассивных мер было недостаточно. Теперь контрразведка была выделена в отдельную линию активной и агрессивной работы.

Организационная реформа Джерри Адамса

1. Усиление централизации.
2. Усиление бдительности и обеспечение условий для этого.
3. Усиление конспирации мероприятий.
4. Создание контрразведывательного аппарата.
5. Активизация разведывательного аппарата.

Усиление централизации

Любое объединение тем менее прочно на разрыв, чем менее в нём связей. Силовая структура не может существовать в «сетевой» форме, если есть вероятность последовательной концентрации всех сил противника против одной из ячеек «сети». Положение PIRA ярко свидетельствовало о постоянной возможности такой концентрации и о фактах периодического сосредоточения британских сил по отдельным подраз-

делениям (районы дислокации которых были противнику хорошо известны). Значит, организация находилась перед выбором: распасться на мелкие звенья, которые неизбежно будут подчинены противником по мере обнаружения, или сплотиться для дальнейшей борьбы. Разумеется, PIRA выбрало второе.

ASU

В бригадах было ликвидировано батальонное звено. Формально, для пропаганды, оно сохранялось, но батальонные командиры не назначались, а батальонные штабы расформировывались. Ротные командиры теперь отвечали только за первичный отбор кандидатов в Армию, поддержание порядка и сбор военного налога на контролируемых территориях. Боевые подразделения подчинили непосредственно комбригу. В бригадах была введена специализация боевых подразделений ASU (Active Service Unit — «подразделение акционирования», «подразделение действительной службы» из 4–10 бойцов). Каждое ASU работало строго по одной из специальностей: обстрелы; фугасы; наружное наблюдение; разведка при помощи специальных технических средств. Для сложных операций (налёты, конспиративное проникновение на особо защищённые объекты, операции за рубежом) решением вышестоящих инстанций формировались разовые ASU из специально отобранных бойцов (flying columns — «летучие колонны»).

Мероприятия сетевого типа — бывшие раньше одним из основных инструментов поддержания дисциплины, регулярные строевые смотры (сборы) рот, батальонов и бригад были прекращены. Целостность структуры поддерживалась участием командиров вышестоящего уровня в сборах ASU и проведением сборов специалистов по линиям работы: например, казначеев ASU у финансиста бригады, инженеров бригад у инженера командования, квартирмейстеров бригад у Генераль-

ного квартирмейстера и т.п. Всех бойцов знали только командир и адъютант, которым они подчинялись. Такая система налагала чудовищную нагрузку на командиров и их водителей, потому что в случае их вербовки британцам становились известны все их подчинённые.

Если с командирами, обладавшими, как правило, высоким уровнем морально-волевых качеств, британцам было справиться тяжело, то проблема водителей так и не была решена PIRA до окончания конфликта. Группы охраны и контрнаблюдения (которыми командиры PIRA пользовались редко) можно было периодически менять, но набрать в нищей стране достаточное число квалифицированных шофёров, способных освоить и с устойчивым результатом применять контрприёмы против наружки, оказалось невозможно. В результате у командирских водителей постепенно накапливалось много лишних знаний о дислокации и даже личном составе подразделений PIRA. Постоянно же обходиться без водителей командиры не могли, так как при падавшей на них физической и моральной нагрузке это было элементарно опасно.

Отбор

Прежде чем попасть в ASU по серъёзной специальности, бойцы предварительно проходили стажировку, занимаясь поддержанием порядка и сбором военного налога. Затем уже боец, если не был серьёзно засвечен, мог попасть в подразделение, ориентированное на непосредственную борьбу с силами безопасности. Смысл данной процедуры — в фильтрации людей с недостаточно устойчивой психикой, которым нельзя было отказать в членстве по причине заслуг их родителей и предков перед Движением.

Бойцы, чьё происхождение не вызвало у органов безопасности желания немедленно по окончании средней школы начинать их оперативную проверку, сразу направлялись в наиболее

конспиративные подразделения бригад, а после «боевого крещения» — и в отделы вышестоящих штабов. ASU формировались по экстерриториальному принципу. Бойцы, воюющие вместе, не могли проживать или работать рядом. Это было необходимо, чтобы исключить засечки начала операций британской системой наблюдения по признаку «вдруг все куда-то пошли». Каждое ASU имело свою систему точек сбора на конспиративных квартирах и в укрытых от наблюдения местах, которые задействовались в зависимости от сигнала на конкретную, заранее отретепетированную схему действий.

Командование

Между бригадами и главным штабом появилось ещё одно управленческое звено в виде Северного командования в Северной Ирландии и приграничных графствах Республики Ирландия и Южного командования в остальных графствах Республики Ирландия. Северное командование отвечало за проведение боевых операций, а Южное за тыловое обеспечение, включая финансирование (не только сбор военного налога, но и различные виды бизнеса). Отношения между ними, где это было возможно и целесообразно, были переведены на безличный обмен. Учитывая, что штабы были крайне малочисленны, а командиры всех степеней по западной традиции часто лично принимали участие в операциях «летучих» отрядов (доставка крупных грузов, фугасы мощностью в центнер и выше и т.п.), такая мера централизации только усилила конспирацию, но не вызвала излишней бюрократизации.

Усиление бдительности и обеспечение условий для этого

С началом реформы во всех подразделениях были прочитаны лекции о смысле проводящихся организационных мероприятий и их связи с необходимостью усиления бдительности. В барах были развешаны плакаты,

в красочной форме напоминаящие о наличии у противника системы наблюдения и способах её работы. До этого считалось нормальным по окончании рабочего дня собираться в барах для открытого обсуждения новостей, пения песен и рассказов о подвигах героев прошлого. От таких разговоров очень недалеко до обсуждения своих подвигов и разглашения тайн.

Амнистии

Были введены регулярные амнистии для агентов противника, в ходе которых они могли сдать без опасения наказания. Хотя эта мера и снижала страх перед наказанием для добровольцев, колебавшихся в плену, она одновременно служила регулярным напоминанием всем бойцам о возможном наличии агентов противника в их рядах. Амнистия существенно облегчала обратную перевербовку агентов и ведение оперативных игр с англичанами.

Изменение способов экспроприаций

Было резко сокращено число экспроприаций банков. При слишком частых ограблениях банков и инкассаторских машин у вышестоящего руководства не было возможности точно проверять размеры похищенных сумм. В то же время британцы всегда официально и по оперативным каналам объявляли завышенные суммы экспропрированного. Как следствие, могли назначаться безрезультатные расследования, порождающие взаимное недоверие между боевиками. При том, что зарплата рядового боевика составляла 10–20 фунтов в неделю (40–50 для семейных)⁹, а сдавать полагалось всю захваченную сумму полностью, этот

⁹ Обе суммы были недостаточны в качестве единственного дохода. Предполагалось, что боевики работают или получают пособие. Возможно также, что незначительная зарплата была и скрытым стимулом участия в операциях — в ходе операций все расходы оплачивались.

казалось бы «детский» приём провоцирования подозрений мог быть достаточно эффективен.

Вместо ограблений банков экспроприации стали проводиться в форме похищения с целью выкупа (преимущественно банкиров, но лошадь Ага-хана тоже пострадала). При похищениях командование само могло устанавливать и контролировать суммы (обычно от 50 тысяч до миллиона фунтов). Зарплаты самих командиров не превышали зарплат школьных учителей. Никто из них так и не стал богатым человеком. Те дачи и костюмы, которые некоторые из них купили после войны на доходы от написания книг, рассмешили бы начальника ЖЭКа в провинциальном городе РФ. Раз в год (к Рождеству) все добровольцы при отсутствии взысканий получали премию. У командира бригады и выше её сумма могла доходить до шести тысяч фунтов. В ходе реформы нарушения конспирации стали основным источником взысканий.

Добровольцы

Большой поток добровольцев, порождаемый нападениями лоялистов, позволял отобрать исключительно кандидатов без корыстной мотивации. Труднее было обучить их диверсионному делу и конспирации. По оценкам самих республиканцев, численность боевиков-профессионалов в Армии никогда не превышала тридцати человек.

Зелёная книга

«Зелёная книга», основной учебник ИРА, был приведён в соответствие с социальными реалиями и поставлен на службу поддержанию бдительности. Из него были безжалостно выброшены все темы, неподъёмные для самостоятельного усвоения сельскохозяйственным рабочим, с трудом окончившим школу. После многолетней эмиграции из Ирландии всех, кто мог рассчитывать хоть на какое-то трудоустрой-

ство в странах Британского содружества или США, ставить более высокую планку контингенту читателей было бы абсурдно. Лицам же с высшим образованием в Северной Ирландии (в большинстве это были школьные учителя и университетские преподаватели) было достаточно сложно поступить в ИРА, так как такие люди автоматически привлекали внимание британских спецслужб. «Зелёная книга» была переписана живым, понятным и даже пригодным для заучивания наизусть языком.

Окончательный вариант учебника может быть разделён на три части по содержанию (оригинал представляет собой целостный текст, разделённый только на абзацы). Первая часть — изложение юридического обоснования положения «PIRA является единственной законной властью на острове Ирландия». Вторая часть последовательно излагает, с какими ограничениями связано членство в Армии, в том числе при попадании в заключение. Ненавязчиво, но постоянно указывается на способы сокрытия любой информации, касающейся Армии, в любых жизненных обстоятельствах. Стоит отметить, что при описании опасностей разглашения тайн Движения в алкогольном опьянении нет никаких прямых призывов к полному отказу от алкоголя (хотя многие добровольцы и особенно командиры PIRA вообще его не употребляли). Подробно описаны все варианты воздействия, включая незаконные, которым доброволец может подвергнуться при задержании и заключении на оккупированной территории и в Республике Ирландия. Есть сведения, что эта информация регулярно обновлялась.

Меры воздействия, которым он может быть подвергнут на конспиративных квартирах противника, были понятны добровольцу без всяких «Зелёных книг» — из ежедневной практики. С момента попадания в руки правоохранительных органов «Зелёная книга» рекомендовала полное

молчание. Опыт свидетельствовал, что профессиональные дознаватели могут извлекать полезную информацию абсолютно из любых сообщений, даже заведомо ложных, сличая её с уже проверенными фактами и анализируя психологическое состояние задержанного.

Третья часть состоит из Постоянно действующих строевых приказов PIRA, описывающих порядок формирования и функционирование военно-полевого суда.

Доброволец становился полноценным членом движения не сразу после принятия присяги, а только после получения «Зелёной книги», когда он становился «greenbooked». После этой процедуры его боевые товарищи получали моральное и юридическое право спросить с него за разглашение информации о PIRA. Интересно, что следы левой идеологии проявляются в «Зелёной книге» только в двух местах. В одной фразе в первой части — «вступая в Армию, ты должен сознавать, что конечной целью борьбы является строительство единой, социалистической, демократической республики». Во второй части, в описании типовых процедур при полицейских допросах, содержательная сторона словесного унижения пленного добровольца со стороны полиции фрейдистски объясняется латентным гомосексуализмом полицейских.

Наказания

Были приняты меры по усилению дисциплины населения в националистически настроенных кварталах. Вываливание в пухе и перьях назначалось за аморальные поступки, не повлекшие непосредственных тяжёлых последствий. Такие, как разговор с британским военнослужащим или первая попытка продать наркотики. Интересно, что оказывать первую помощь раненым британским солдатам не запрещалось, а разговаривать запрещалось очень строго. В случае лимита времени

для мужчин это наказание могло заменяться побоями. Если суд PIRA приговаривал кого-либо к вываливанию, то приговорённый (-ая) после окончания разбирательства в тёмное время суток доставлялся в место прохождения людских потоков в течение дня, где в обнажённом виде фиксировался (обычно у столба уличного освещения или ограды). Затем приговорённого обливали клейким составом и осыпали перьями из разрезанной подушки.

Перелом коленной чашечки (kneecapping) назначался за более серьёзные поступки, например, за самовольное снятие наказанного с позорного столба или продажу наркотической дозы. В этом случае приговорённому ломали колено путём сбрасывания на зафиксированную ногу тяжёлого твёрдого предмета (камня, блока) или просверливали чашечку электродрелью. Для экономии времени часто применялся прострел из огнестрельного оружия. В случае наличия серьёзных улик допрос подозреваемого тоже мог осуществляться путём постепенного переламывания костей описанными способами. Это старинное, ещё византийское по происхождению наказание почему-то вызывает особенное раздражение у британских сил безопасности. Принимались отдельные оперативные планы по борьбе с ним. Разумеется, PIRA (и другие современные организации) применяла его не как эффективное средство стимуляции покаяния, а как эффективный механизм наружной рекламы своей системы правосудия (наказанные напоминали о ней каждым своим выходом из дома). Оба описанных наказания могли применяться и при исключении из рядов PIRA в зависимости от тяжести проступка.

Отношение к наркотикам

PIRA никогда не прибегала к торговле наркотиками и применяла жёсткие дисциплинарные наказания к тем, кто пытался этим заниматься внутри организации или проживая в национали-

стических кварталах. Надо отметить, что это никак не связано со взглядами данной организации на наркотики как социальную или медицинскую проблему. Хотя, конечно, в рекламных целях это могло увязываться. Борьбы PIRA с наркоторговлей было частью борьбы за ужесточение дисциплины и бдительности. Руководство PIRA было убеждено, что ирландская наркоторговля в любых формах является каналом действия британских спецслужб. Возможно, это убеждение развилось после того, как все попытки PIRA обложить налогом различных наркоторговцев в Республике Ирландия каким-то образом переродились в оперативные игры с британскими спецслужбами и лоялистами.

Усиление конспирации мероприятий

Понимание необходимости сохранения проводимых мероприятий в тайне и уничтожения косвенных улик всегда присутствовало в рядах PIRA. Иначе организация не смогла бы существовать. Перчатки наряду с чёрным беретом (а также балаклавой¹⁰ и тёмными очками) стали символическими предметами республиканского движения. На гроб павшего добровольца клали национальный флаг (запрещённый в то время в Соединённом королевстве), перчатки и берет. Символически это отсылало к рыцарству, но происходило из постоянной необходимости предотвращать появление криминологических доказательств.

Соккрытие улик и конспирация

Реформа Адамса вывела меры по конспирации за пределы простого сокрытия улик на организационный уровень. Соккрытие улик также было дополнено активными мерами — грузовик, нагруженный взрывчаткой, уничтожил здание криминалистической лаборатории Королевской ольстерской полиции.

¹⁰ На Западе принят также термин Templar mask — «тамплиерка».

Для всех способов осуществления оперативно-боевых мероприятий PIRA были разработаны типовые процедуры, ограничивающие возможность активного агентурного воздействия противника на их результат.

Обучение

Любое обучение бойцов за пределами закрытых помещений на территории Северной Ирландии было запрещено. До этого проводились учебные выходы в горы с пением песен у костров под гитару. С момента реформы каждое учебное мероприятие планировалось как отдельная операция, включая работу квартирмейстера по доставке «пособий». На обучение свежих добровольцев выделялось три месяца (одно занятие в неделю). Если поведение новичка соответствовало «Зелёной книге», то после этого трёхмесячного испытания он мог отправиться на недельный тренировочный сбор в лагере на юге острова.

Такой срок объясняется не столько необходимостью проведения проверки разведорганами (основная её часть проходила до этого), сколько необходимостью уточнить способности новичка к самостоятельному осмыслению материала и соблюдению конспирации вне службы. Требования по соблюдению конспирации не позволили PIRA ни разу применить имевшиеся у неё несколько ПЗРК (переносных зенитно-ракетных комплексов)¹¹. Ни один из кандидатов в преподаватели ПВО не смог пройти проверку, а экспериментальный метод боевики не могли себе позволить.

Организационное ужесточение конспирации

Основным принципом ужесточения конспирации стало чёткое деление любой задачи на этапы, выполняемые разными исполнителями (группами).

При этом каждый исполнитель получал информацию, не превышающую по объёму необходимую для выполнения его задачи. Это облегчало протоколирование и упрощало выявление вредительских действий при последующем разборе.

В ходе операций стали применять специальные подразделения зачистки криминалистических доказательств и специализированные конспиративные квартиры («washing houses»), на которых уничтожались следы на телах и одежде с учётом того, что противник исследует даже фильтры и шланги стиральных машин. Была напечатана книга объёмом в 9000 слов (под сорок страниц без иллюстраций) с указанием способов уничтожения криминалистических следов.

Наиболее доходчивым примером конспиративной процедуры может быть описание алгоритма изготовления и установки фугаса.

В ходе реформы PIRA отказалась от неустойчивых самодельных взрывчатых веществ типа нитробензола. Причина — они создавали дополнительные сложности при попытке отличить самоподрыв от «самоподрыва». Подавляющее большинство крупных СВУ стало начинаться довольно-таки инертными удобрениями с промежуточным зарядом из чехословацкого пластита «Семтекс». Запасы удобрений могли приобретаться самостоятельно квартирмейстером бригады либо быть получены из схронов бригады «Дублин» или других приморских графств Южного командования.

Схроны Южного командования представляли собой подземные склады большого размера — иногда площадь в десятки квадратных метров. Обычно их маскировали под жилыми и хозяйственными постройками, а входы устраивали в местах, где был мотивирован подъезд автомобилей — например, в магазинах или оптовых складах. Кроме оружия и взрывчатки, Южное командование накапливало на складах

¹¹ Все три сбитых за время конфликта вертолёта — следствие пулёмётного огня.

любые прекурсоры для партизанских инструментов.

При вскрытии объекта PIRA в Килкок (графство Килдар) ирландская полиция обнаружила полицейские радары, из которых мастерили «прицелы» для фугасов. Не брезговали и бытовыми электроприборами, скотчем или полиэтиленовой плёнкой. В полиэтиленовой плёнке и скотче боевые подразделения PIRA испытывали постоянную нужду, так как дешёвых прозрачных пластиковых ёмкостей в современных количествах тогда не было. К примеру, патроны россыпью непосредственно перед операцией квартирмейстер ASU извлекал из схрона не в пластиковой бутылке, а в заваренном или заклеенном полиэтиленовом пакете. Крупная закупка таких предметов в районе боевых действий немедленно привлекала внимание полиции.

Но вернёмся к истории фугаса. Итак, груз удобрений и пластика доставлялся в распоряжение одной из боевых бригад. Если ирландская полиция (Гарда) не получала предварительной наводки, эта часть операции проходила без особых сложностей. Производства боевых бригад, на которых изготавливались фугасы и самодельные миномёты, в основном находились по ту же сторону границы — в приграничных графствах Республики Ирландия. Однако и в этом случае мог применяться безличный обмен (один положил в тайник — другой забрал) в случае отсутствия срочности или доставка высшими командирами PIRA в случае, если сроки поджимали. Высшие командиры PIRA постоянно находились в разъездах (командир даже не самого высокого ранга имел доступ к двадцати-тридцати конспиративным квартирам). Спецотдел Гарды не располагал ни достаточным числом сотрудников, ни техническими средствами, чтобы следить за ними постоянно.

Несмотря на пресловутую «кельтскую душу», пароли и условные словесные сигналы при личной передаче

и визуальные сигналы при безличной передаче соблюдались безупречно. Оказавшись в распоряжении боевой бригады, полученная взрывчатка отправлялась в схрон или непосредственно на производство. Для улучшения детонации селитренные удобрения размалывались промышленными кофемолками с производительностью свыше двадцати килограмм в час. То есть изготовление фугаса редко занимало более суток. Размалывание удобрений было самой трудозатратной операцией, так как детонаторы и таймеры обычно изготавливались заранее.

На производствах были заняты по три–пять человек. Нормальной считалась производительность по две тонны/СВУ в неделю. Размеры и схема СВУ рассчитывались бригадным инженером. Он мог быть единственным добровольцем с высшим или средним техническим образованием в бригаде. Но даже и на этой должности возможно было нахождение самоучки. Затем в разукomплектованном виде СВУ по частям переправлялось через границу и рассредоточивалось по схронам бригады. Схроны бригад и ASU представляли собой небольшие землянки и заглублённые или замурованные ёмкости, замаскированные с учётом возможности применения противником миноискателей и служебных собак. На каждый схрон назначался строго ограниченный срок его использования. Квартирмейстер был обязан периодически менять схроны. Сборка устройства могла проходить последовательно в нескольких местах (при наличии возможности конспиративной транспортировки) или последовательно несколькими исполнителями на дистанционно охраняемом (ASU наружного наблюдения) объекте.

Если использовался часовой механизм, то к СВУ прилагался заранее сверенный таймер, отсчитывавший время параллельно со взрывателем фугаса в кармане у старшего группы подрывников (что серьёзно разгружало психику). При использовании угнанного

или взятого в долг под залог семьи владельца автомобиля добровольцы PIRA практически всегда использовали перчатки, не ограничиваясь «очисткой» автомобиля перед отходом. Эта привычка неоднократно играла с ними злые шутки — британцы на основании нечётких признаков выявленных системой наблюдения и/или прослушивания устанавливали временные КПП на возможных маршрутах и тщательно досматривали все машины, где водитель был в перчатках.

В случае установки фугаса на коммерческом объекте исполнители, после расчеховки СВУ, из ближайшего телефона-автомата делали предупреждения и покидали район взрыва. После известного эксцесса со взрывом ресторана Ла Мон рассылку предупреждений стали планировать как отдельную операцию. В случае с рестораном Ла Мон неизвестные лица в промежутке между доразведкой и акцией сломали все телефоны-автоматы в районе запланированного взрыва. Предупреждение удалось передать только за пару минут до сработки таймера. Взрыв заряда пластита, обрушившего через высокое окно содержимое целой гирлянды канистр смеси бензина и жидкости для стирки на десятки гражданских лиц (из них двенадцать сгорели живьём), нанёс сильнейший удар по репутации PIRA в мировом общественном мнении. Видеозапись подрывов не применялась, так как местное телевидение являлось надёжным средством объективного контроля. В то же время полицейские телеоператоры старались заснять как можно больше лиц в районе происшествия с целью дальнейшей проверки по имевшимся учётам.

Создание контрразведывательного аппарата

До реформы контрразведывательные мероприятия проводились разведывательными органами штабов по решению командира. Теперь контрразведка была выделена в отдельную ли-

нию работы. При главном штабе PIRA было создано Подразделение внутренней безопасности (Internal Security Unit — ISU), а в разведывательных органах нижестоящих штабов были назначены отдельные исполнители, ответственные за контрразведку. ISU быстро заслужило кличку «расстрельная команда» («nutting squad»). Подразделение обеспечивало полный цикл расследования — от оперативной проверки до представления обвинения в суде и исполнения приговора. Считается, что от четверти (по официальным данным) до трети (по британским данным) потерь PIRA за время конфликта — это приговорённые по обвинению в измене. Свыше половины — дело рук ISU. Из общего числа разоблачённых за время конфликта британских агентов 70% были разоблачены после создания Подразделения внутренней безопасности.

Журналисты обычно обращают внимание на странную организационную особенность ISU. Личный состав подразделения практически не менялся (кроме руководителя). Это исключало обычное для проверки на утечку мероприятие — сравнение информированности противника в зависимости от присутствия тех или иных сотрудников. Например, Фредди Скапатиччи работал заместителем начальника ISU в течение всего времени существования подразделения. Учитывая, что британцы потратили немало усилий на дискредитацию ISU и лично Скапатиччи, это может показаться странным. Хотя официальная глубокая проверка, проводившаяся уже после войны, сняла со Скапатиччи все обвинения, от разнообразных «утечек», вбросов, аналитических газетных статей и прочих активных мероприятий британских спецслужб остался очень сильный осадок.

Скапатиччи

Идея вбросить идею, что Скапатиччи является их агентом, пришла британцам, когда лоялисты, которые

должны были его убить, по ошибке убили другого итальянца¹², не имевшего отношения к республиканству. Так как «пьянство» и «глупость», являясь наиболее распространёнными уловками спецслужб по прикрытию своих мероприятий, в то же время были естественно присущи лоялистам, всякая их ошибка вполне убедительно могла быть представлена как оперативное мероприятие по прикрытию. Проанализировав последовавшие «утечки» со стороны британцев с 1978 г., можно косвенно установить причину, по которой в ISU не осуществлялась ротация — Скапатиччи был основным действующим лицом оперативной игры с британскими спецслужбами.

Мероприятия по дискредитации Скапатиччи были направлены на то, чтобы, во-первых, представить его роль в игре двурушничеством, а во-вторых, уронив авторитет ISU в глазах рядового состава PIRA, лишить руководство Армии этого важнейшего инструмента. Переводить Скапатиччи в другое подразделение означало для руководства PIRA лишиться возможности получать информацию о направленности интересов противника по каналу игры. Что касается других сотрудников подразделения, то имеющаяся информация позволяет предполагать, что на связи у части из них состояли источники, близкие к секретам FRU или даже какой-либо спецслужбы в Лондоне, поэтому перевод их в другое подразделение мог представлять угрозу потери этих важных контактов. PIRA не была госорганизацией признанного международным сообществом субъекта, и поэтому любое изменение на канале связи могло вызвать потерю доверия. Возможно также, что у PIRA не было других добровольцев, способных их заменить. Остальных сотрудников нельзя было менять, так

как это могло косвенно указать противнику, кто в ISU является ценными кадрами.

Конечно, изложенное не отменяет того, что бывший сотрудник ISU Рой МакШейн, ответственный за разоблачение и уничтожение по меньшей мере двух агентов ольстерской полиции, уже после войны, в феврале 2008 г., в должности водителя Джерри Адамса был разоблачён как агент MI5.

Активизация разведывательного аппарата

Разведка PIRA никогда не пыталась изображать из себя спецслужбу: специально собирать информацию о мотивах и намерениях. Такая информация накапливалась попутно. Разведывательные подразделения собирали информацию только о возможных целях партизанских ударов и передавали её наверх. Никаких заданий по разведке не ставилось. С появлением контрразведывательной линии работы, под руководством ответственных за контрразведку сотрудников, агенты, доверенные лица и неактивные члены PIRA стали собирать информацию о доходах и контактах членов организации. Использовались источники в тех же кругах, что и ранее, — налоговики, социальные работники, соседи. Было добавлено только новое направление. Есть сведения, что ответственные за контрразведку использовали агентурные методы и внутри организации, однако уверенно утверждать этого нельзя. С самого начала республиканского движения было принято, что боевик обязан докладывать о любом поведении, которое кажется ему подозрительным, или выносить его на обсуждение подразделения.

Организация информации

У каждого начальника разведки имелось пять папок по темам: «Военные (включая спецслужбы)», «Полиция», «Объекты экономики», «Граждане», «Неформальные вооружённые

¹² В ISU, по понятным причинам, предпочтительнее были кадры ирландского происхождения.

организации». В папках концентрировалась постоянно обновляемая детальная информация по возможным целям в названных сферах. Никакая деталь, никакая фраза, никакой штрих не считались лишними. Кроме того, имелась карта (или схема), на которой отражались подходы к объектам, известные маршруты и посты наблюдения противника, включая секторы, контролируемые техническими средствами.

Предложения по конкретным операциям обычно можно было подготовить на основе перекрёстного анализа папок. Например, установить, где и с кем живёт («Граждане») полицейский («Полиция»), куда ходит вне службы («Экономика»), в чём конкретно виноват («Неформальные вооружённые организации»), наметить маршруты для разведки (карта) и т.д. Имелись подборки описаний машин (владелец, марка, цвет, особые приметы — трещины, царапины, номерные знаки) для использования «машин-двойников» при установке фугасов и разведке объектов, а также резерв документов прикрытия. Информация пополняла папки начальника разведки без указания источника. В случае необходимости восстановить источник можно было только по памяти или протоколу.

Система наблюдения PIRA

Подчинённые начальнику разведки ASU наружного наблюдения вели наблюдение за объектами, а также за районами местонахождения схронов подразделения (соединения), как правило, не зная их конкретного расположения. Установка ложных целей для миноискателей и устройство участков, обработанных составами против собак, проводилась квартирмейстерами в перерывах работы наружного наблюдения. Сводка наружного наблюдения докладывалась раз в сутки. Существовала также система тревог, согласно которой боевики условными сигналами оповещали о тех или иных действиях противника по телефону или визу-

ально: «временный КПП в таком-то районе», «колонна движется по такой-то дороге» и т.п. После подтверждения сигнала подразделение действовало по заранее отработанной схеме.

Технические средства

В июне 1979 г. Королевская ольстерская полиция захватила три конспиративные квартиры PIRA в пригороде Белфаста — Андерсонстаун. В результате была вскрыта оперативная база разведывательного подразделения бригады «Белфаст». Было обнаружено различное оборудование для прослушивания и дешифрования переговоров, вёдшихся по открытым линиям телефонной компании «Бритиш телеком». Как выяснилось, PIRA подслушивала открытые линии штаба и места жительства британского командующего и ещё десятков лиц. Из найденных материалов стало ясно, что PIRA известны детали полицейских операций по наружному наблюдению, параметры используемых технических средств и полицейские условные наименования объектов. Это был единственный подобный захват, и приходится он на самый начальный период действий PIRA по новой системе.

Резидентуры

Главный штаб PIRA имел постоянные и временные резидентуры за границей. По несколько постоянных резидентур находилось в Англии, Шотландии и США. В европейских странах, в том числе в Испании, действовали, насколько это известно, только временные резидентуры. Отсутствие постоянной резидентуры в Испании и, как следствие этого, чрезмерное доверие союзникам-баскам¹³ привело к гибели трёх отборных бойцов (в том числе одной женщины) во время операции на Гибралтаре в марте 1988 г. (засада

¹³ MI6 имела возможность вербовать басков на условиях работы только против PIRA и т.п. организаций.

SAS на оживлённой улице). Неуспешность операций в Африке (Киншаса) и США (Вашингтон) также объясняется отсутствием помощи на местах. В первом случае — из-за отсутствия резидентуры, а во втором — из-за невозможности привлечь местных сотрудников по политическим причинам. При этом резидентуры в Британии обеспечивали в среднем по десять терактов в год. Непосредственно все акции осуществлялись прибывавшими из Ирландии «летучими отрядами» главного штаба PIRA.

Способы активизации разведки

Как можно заметить, вышеописанная система в целом устраивала командование PIRA и не имела значительных ресурсов повышения эффективности. Тем не менее в ходе реформы Джерри Адамса, когда сомнению были подвергнуты буквально все устоявшиеся алгоритмы действий, обнаружился некоторый резерв повышения её качества. Руководство PIRA осознало, что она не является государственной организацией со стабильными перспективами. Проанализировав эту ситуацию, руководство PIRA пришло к выводу, что не стоит переигрывать в респектабельность и необходимо дополнить компроматные и материальные основы вербовок отработанным методом «тайгер-киднеппинга».

В дальнейшем стандартным методом вербовок стало предварительное похищение членов семьи или ценностей вербуемого с последующим переходом на предъявление компрометирующих материалов или сразу к закреплению сотрудничества на материальной основе. Такой подход позволял на эмоциональном уровне быстро и надолго внушить вербуемому представление о силе организации и тем расположить его к долгосрочному сотрудничеству. Конечно, для решения частных задач, типа выведывания отдельных значимых фактов, продолжали использоваться более простые способы

разведки, хорошо зарекомендовавшие себя ранее. Например, наличие определённого количества кадров из бывших семинаристов позволяло опрашивать пленных-католиков под видом исповеди.

Разведка против раскольников

Другим не использовавшимся ранее резервом было изменение отношения к раскольническим республиканским группировкам. В целом позиция PIRA по раскольникам диктовалась вполне очевидной логической последовательностью. Лишенные зарубежного финансирования, раскольнические группировки вынуждены обращаться к торговле наркотиками (сбор военного налога с нищего ирландского бизнеса не способен обеспечить даже повседневную деятельность групп сопротивления, не говоря уже о серьёзных боевых или разведывательных операциях), после чего неминуемо попадают в сети британских спецслужб. Поэтому PIRA считала необходимым сначала нанести удар по наркоторговле в районе действия раскольников, а затем, подорвав их экономическую основу и публичную репутацию, предложить выбор между добровольным самороспуском и физическим уничтожением. Однако теперь руководители PIRA решили не уничтожать раскольников, а ставить их под контроль с целью использования для получения информации о функционировании негласного аппарата спецслужб Великобритании и проведения «чёрных» операций (активных мероприятий).

Не всегда это получалось. Так, группировку Организация освобождения ирландского народа (IPLO) в 1992 г. пришлось всё же уничтожить. Наибольшего успеха удалось достичь в отношении старейшей раскольнической группировки INLA (Ирландской национально-освободительной армии) и её подкрышной Ирландской республиканской социалистической партии. Не менее двух из семи членов

Совета INLA были британскими агентами и не менее трёх — агентами PIRA. Внешне военно-политическая жизнь INLA сильно напоминала страдания от шизофрении: организация была раздираема междоусобицами, взаимные обвинения в измене делу социализма и республиканства, неподчинение приказам, параллельно ведущиеся наркоторговля и борьба с ней постоянно мешались в кровавом калейдоскопе. Вопреки всему этому INLA каким-то волшебным образом могла сохранять работающую инфраструктуру, подобную инфраструктуре PIRA: тыловые базы и «дома отдыха» в Дублине и контролируемый район Дивис Флэтс («Планета инлашников») в Белфасте. Секрет волшебства был элементарен: британские спецслужбы и PIRA, борющиеся руками членов INLA за контроль над этой организацией, были в то же время одинаково заинтересованы в поддержании её существования.

Разведка против лоялистов

Наибольшую славу в прессе получили операции разведки PIRA по вербовке агентуры среди лоялистов. Член объединённого командования лоялистов Джимми Крейг был разоблачён в качестве агента разведки PIRA. Интересно, что выплата вознаграждения ему осуществлялась путём разрешения рэкетируют протестантские строительные компании, работавшие в католических районах. Некоторые эксперты считают, что необходимость создания достаточно многочисленного полицейского спецназа была связана с тем, что британцы уже не могли полагаться на лоялистов во всех ситуациях.

Но успех проникновения разведки PIRA в лоялистские структуры не имел прямого политического эффекта. Хотя количество успешных ликвидаций бойцов PIRA действительно вроде бы сократилось, лоялисты продолжали убивать гражданских лиц и покушаться на политиков-националистов. Это никак не связано с тем, что офицер

разведки PIRA, отвечавший за ведение агентурной разведки по лоялистам, по кличке «Ястреб» подозревался в работе на спецотдел ольстерской полиции. Предполагаемые информаторы PIRA очевидным образом должны были проявлять немалое рвение в убийствах, чтобы не навлечь на себя подозрения. Пытаться же оказать какое-либо влияние на лоялистское командование изнутри лоялистских структур, чтобы добиться сокращения числа убийств, было бы ещё более неумно. Для всех лоялистов было очевидно, что только убийства, осуществляемые параллельно с мирными переговорами между общинами, могут доказать общественному мнению, что PIRA потерпела поражение и не может выйти из переговоров, несмотря на демонстративные нарушения с британской стороны.

Разведка против ирландской полиции

PIRA без сомнения имела агентуру в рядах полиции Республики Ирландия. Британская сторона уже в 2012 г. пыталась преследовать в судебном порядке троих сержантов-детективов ирландской полиции за сотрудничество с PIRA, но успеха не имела, хотя один из подозреваемых всё-таки был осуждён за изготовление фальшивых документов.

Были, конечно же, и обратные примеры. В июне 1996 г., в самый разгар мирного процесса, два оперативника Спецотдела Гарды выполняли задачу по охране почтового фургона в графстве Лимерик (находится на противоположной стороне острова от Северной Ирландии). Неожиданно их автомобиль был блокирован джипом «мицубиси-паджеро», из которого выпрыгнули три человека в камуфляже и масках. Было применено три автомата АКМ. Офицер Джерри МакКейб, отец пятерых детей, скончался на месте, его напарник и друг Бен О'Салливан, попытавшийся вмешаться, был ранен. 100 тысяч фунтов в почтовом фургоне

не никого не заинтересовали. «Паджеро» нашли неподалёку, ещё в миле в закрытом от наблюдения закоулке обнаружился «лансер» — оба автомобиля были очищены от следов.

Убийство оперативника, популярного среди населения (большой плюс для офицера Спецотдела), вызвало шквал возмущения. Несмотря на то что PIRA сделала два официальных заявления, отрицавших её причастность, Гарда провела массовую операцию, вскрыв два схрона Южного командования, ещё один схрон выдал разгневанный пенсионер. По мнению журналистов, приказ на ликвидацию отдал адъютант Южного командования. Очевидно, главный штаб PIRA мог одобрить такую акцию против оперативника ирландского Спецотдела, который ко всему прочему был ещё и другом видного политика — бывшего министра юстиции Республики Ирландия Деса О'Малли, только в одном случае. Если покойный существенно выходил за рамки приличий, когда принимал участие в официальном обмене информацией с правоохранительными органами Великобритании.

История для тех, кто не понял

В ночь на 27 августа 1979 г. боец бригады PIRA «Восточная Тирон» Томас МакМэн заложил двадцатитрёхкилограммовый радиофугас в рыбацкой лодке адмирала флота, графа Бирманского, лорда Луиса Маунтбеттена (Баттенберга).

Подрывник основывался на данных наружного наблюдения — лодки ночью не охраняют. По данным наблюдения, охрана, выделявшаяся Спецотделом Гарды во время посещения графом республики, была малочисленна и не решала даже самые элементарные задачи по предварительному осмотру.

На обратной дороге МакМэн был арестован Гардой во время проверки документов.

Радиофугас взорвали не установленные следствием лица. Так как СВУ было изготовлено в мастерской бригады «Южный Арма», можно с некоторым основанием утверждать, что действовал «летучий отряд» главного штаба PIRA.

Кроме семидесятидевятiletнего лорда, погибли его четырнадцатилетний внук, пятнадцатилетний рулевой и восьмидесятитрёхлетняя свекровь дочери адмирала. Местные рыбаки достали из воды тяжёло раненных — дочь и зятя Маунтбеттена и ещё одного внука. Адмирал на самом деле тоже выплыл, но тяжесть ранений была такова, что до берега его не довели.

Никто, включая саму PIRA, не счёл нужным представить убедительное описание мотивов, повлекших это убийство. Конечно, лорд был членом королевской семьи и теоретически мог быть целью ИРА. Но очевидно, что эта угроза никогда не рассматривалась всерьёз. Маунтбеттен много лет регулярно отдыхал в своём поместье на территории республики, у ИРА были возможности исполнить эту задачу на много более картинными способами. Вместо этого его убили, не считаясь со случайными жертвами, словно торопились, боясь, что иначе лорд умрёт своей смертью.

Ещё более интересен в этой связи тот факт, что лорд Маунтбеттен был последовательным сторонником создания независимой объединённой Ирландии. Граф Бирманский прославился как лучший британский *деколонизатор* (или, как говорят некоторые, *неоколонист*). Самым крупным его достижением было создание Индии и Пакистана. Он не считал необходимым цепляться за политическую власть в колониях, предпочитая предоставить деколонизируемым побыстрее и побольше политической власти в обмен на сохранение в стране как можно большего числа как можно более разнообразных сторонников и сочувствующих Британии.

ЕЛЕНА ГАЛКИНА

СИРИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Недавно Интернет облетел жуткий видеоролик, поразивший не только простого обывателя, но и выдавших виды военных журналистов. Сирийский повстанец издевается над трупом пораженного врага, над солдатом армии Асада. Он вырезает сердце убитого, на камеру делает символический надкус и призывает других бойцов Сирийской свободной армии последовать его примеру. Вскоре выяснилось, что была не постановка, такой человек действительно существует: это некий Абу Саккар, командир одного из отрядов вооружённой оппозиции. Руководство оппозиционных сил немедленно выразило категорическое осуждение варварского действия, но сам актер заявил, что не сожалеет о своём поступке: в смартфоне убитого повстанцы нашли видео изнасилования им мирной жительницы и её дочерей¹.

Технический прогресс дал всему миру возможность в режиме реального времени наблюдать, как Сирия, ещё несколько лет назад дышавшая спокойствием и гостеприимством, погружается в кровавую бездну, как рушатся жилые кварталы и горят на улицах танки, а люди теряют человеческий облик от горя и зла, окружившего их со всех сторон. Гражданская война охватила страну ещё два года назад, а те-

перь неумолимо входит в стадию войны всех против всех, и скоро, возможно, хаос разорвёт границы и распространится на весь аш-Шам — Левант².

Такая скорость социальной деструкции поразительна для страны, которая имела репутацию одной из самых стабильных в регионе, и нуждается в осмыслении. Популярная в России версия об «импорте» Арабской весны в САР некоей широкой коалицией США, ряда стран ЕС, Турции и монархий Залива, при всей своей поверхностной универсальности, не объясняет главного в этом феномене: если Башар Асад пользовался поддержкой абсолютного большинства населения, почему же так быстро разрозненным отрядам повстанцев удалось захватить полстраны? Поэтому ниже будут рассмотрены внутренние факторы, по разным причинам ускользающие от внимания большинства российских экспертов.

* * *

В начале Арабской весны — зимой 2011 г., когда президент Бен Али уже покинул Тунис, в Египте ушёл в отставку Мубарак, а в других странах региона³ проходили массовые акции

² Такое развитие событий считает вероятным один из лидеров оппозиции, социолог Бурхан Гальюн, см., например, запись в его блоге на Facebook от 03.06.2013: Где арабы и что происходит в Сирии? *نيأ تيروس يف يرجي امم برعلال*

³ Под регионом в этой статье подразумеваются страны Ближнего Востока

¹ Syria's Cannibal Commander Abu Sakkar: Why I Ate my Enemy's Heart// International Business Times. May 15, 2013 // <http://www.ibtimes.co.uk/articles/467780/20130515/syria-rebel-abu-sakkar-bites-heart-interview.htm>

протеста, Сирия действительно выглядела островком стабильности. Попытка оппозиции провести «день гнева» 4–5 февраля полностью провалилась. В марте акции уже удалось провести, но вся первая половина 2011 г. знаменовалась отсутствием призывов к отставке Башара Асада с поста президента и свержению существующего строя, а реформы правительства были направлены на либерализацию политического пространства⁴.

Не были очевидны и внутренние социально-экономические предпосылки превращения малочисленных акций оппозиции в кровавое противостояние, через два года охватившее всю страну. Уровень бедности был одним из самых низких на Ближнем Востоке и в Северной Африке (не считая нефтяных держав)⁵, количество голодающих оставалось крайне незначительно и снижалось год от года, и это несмотря на очень динамичный рост численности населения — в 1,41 раза с 2000 года⁶. Несмотря на некоторую либерализацию экономики и повышение доли частного сектора, правительство Асада-младшего не ориентировалось на рекомендации МВФ, не делало резких шагов, сохраняло программы поддержки малоиму-

и Северной Африки, за исключением нефтяных монархий Залива и Ливии.

⁴ *Ахмедов В.М.* Сирия — некоторые проблемы национальной безопасности в условиях «Арабской весны» (март 2011 — январь 2012 гг.) // Новая Сирия / <http://new-syria.ru/новости/новости-сирии/4827/сирия-некоторые-проблемы-националь/>

⁵ Arab Human Development Report 2009. Challenges to Human Security in the Arab Countries. N. Y.: UNDP, 2009. P. 11. В Сирии и Ливане — 30 и 28,6% соответственно, для сравнения, в Египте — 41%, в Йемене — 59,5.

⁶ Credit Suisse Global Wealth Databook 2012. P.28. В других странах Арабской весны темпы роста уже стали заметно ниже: в Египте за 2000–2012 гг. население увеличилось на 24%, в Тунисе — на 11,1%.

щих, из бюджета продолжали дотироваться цены на продовольствие, цемент, дизельное топливо и мазут⁷. Рост ВВП Сирии до кризиса 2008 г. составлял 4–5%, в 2010 г. — 3,2% в год⁸. В целом социально-экономические и демографические показатели САР до 2011 г. — средние цифры для стран региона, включая Иорданию, Алжир, Марокко, т.е. тех государств, которым удалось пока избежать серьёзных волнений. С учётом «социальной подушки» это практически гарантия стабильности.

Неудивительно, что события в Сирии долго не воспринимались как коренные изменения и ведущими аналитическими центрами стран Запада. Так, Credit Suisse Research Institute в исследовании «От Весны к Возрождению» (ноябрь 2011), посвящённом экономическим аспектам политических трансформаций в арабском мире, вообще не рассматривал Сирию⁹.

Видимая социально-экономическая стабильность, объективно высокий рейтинг президента Асада и правящей партии, безусловная лояльность армии и спецслужб в первой пол. 2011 г. — все эти факторы заставили многих экспертов искать причины дестабилизации вне страны. В рамках данной гипотезы Сирию обычно ставят в один ряд с Ливией — другой жертвой импорта революции всеисильными Штатами и их сателлитами¹⁰.

⁷ *Филоник А.О.* Сирия: реформы и политика // Восточная аналитика. 2001. №2. С. 177–178.

⁸ International Monetary Fund. World economic and financial surveys. Regional economic outlook / Middle East and Central Asia. Apr. 11

⁹ From Spring to Revival: Regime change and economic transformation. Credit Suisse Research Institute. November, 2011.

¹⁰ См., напр.: *Шарипов У.З.* Битва за Сирию // Обозреватель-Observer. 2012. №8, 9, 10. Рецепты Арабской весны: русская версия / Алексей Васильев, Николай Петров. М.: Алгоритм, 2012. С. 173.

Однако по ряду параметров Сирия и Ливия настолько существенно отличаются друг от друга, что согласиться с импортом революции как главной причиной событий в САР не представляется возможным. По индексу развития человеческого потенциала Джамахирия образца 2010 г. находилась на высоком 53-м месте, на 2 позиции выше Саудовской Аравии и на 13 позиций выше РФ, между тем как Сирия — на 111-м (Египет — 101, Тунис — 81), доход на душу населения в Ливии равнялся \$17 тыс. по паритету покупательной способности, в Сирии — менее \$5 тыс.¹¹. Количество автомобилей на каждую тысячу населения в Ливии 2004 г. превышало 230 (больше, чем в Омане и ОАЭ), в Сирии — около 50, по региону меньше было только в Египте, Йемене и Иордании¹².

Наиболее близки эти страны были по количеству абонентов сотовой связи (в 2005 г. Ливия — 155 человек из 1 тыс., Сирия — 155, Египет — 184, ОАЭ — 1 тыс.)¹³. Но причина сходства крылась совсем не в области экономики. Об этом косвенно свидетельствует количество пользователей Интернета в 2008 г.: Ливия — 5,1% населения, Сирия — 17,3%, Египет — 16,6%, ОАЭ — 65,2%, Иран — 32%, РФ — 31,9%¹⁴.

Таким образом, Ливия была закрытым идеократическим обществом с очень высоким уровнем жизни и социального обеспечения и отсутствием верифицируемых на данный момент социально-экономических предпосылок для созревания революционной ситуации внутри страны. Социальная структура Ливии, за несколько десятилетий совершившей технологиче-

ский — но не социокультурный — рывок из племенной архаики в модерн, создавала предпосылки для быстрого распада и возвращения в архаику под влиянием внешних факторов, но никак не для демонтажа режима изнутри.

Сирия же развивалась по пути, очень сходному с соседними авторитарными имитационно-демократическими режимами. Значение «социальной подушки» оценить проблематично, потому что САР не предоставляла международным организациям данных о населении, живущем менее чем на \$1,25 в день (порог нищеты). Впрочем, в Египте таких тоже было очень мало, около 2%, существовали дотации на основные продукты питания.

Режим Башара Асада нельзя отнести к диктаторским и/или тоталитарным. Скорее, он был типологически близок «довесенным» Египту и Тунису, с их огромной ролью армии и спецслужб в структуре госуправления, авторитаризмом, коррупцией и nepотизмом, пронизывающими все этажи власти, большой долей безработной молодёжи, самозанятого населения и неформального сектора экономики.

Политическую и экономическую либерализацию в 1990–2000-х проводили практически все авторитарные режимы региона. Одни были более последовательны и успешны, отдав часть своих полномочий парламенту, допустив проведение относительно открытых выборов с полноценным или хотя бы существенным участием нерадикальной оппозиции (см. Марокко, Иордания). В Египте после массовых акций протеста и реформ 2005 г., приведших к избранию в нижнюю палату парламента почти сотни представителей нелегальной оппозиции (1/4 всего состава), власть фактически отказалась от дальнейших преобразований и вернулась к репрессивным механизмам.

В Сирии политические реформы были провозглашены давно, но так и не реализовались. Альтернативные президентские выборы в 2007 г. не состо-

¹¹ Human development report 2010. P. 144–145.

¹² Arab Human Development Report 2009. P. 46.

¹³ Ibid. P. 240. Более поздние сведения найти не удалось.

¹⁴ Human development report 2010. P. 212–213.

ялись, как и свободные выборы в парламент. Вдохновлённые обещаниями представители интеллигенции либерального и социалистического толка, создавшие в 2005 г. Движение Дамаскской декларации, вместо легального участия в политической жизни страны подверглись преследованиям спецслужб — необоснованным допросам и арестам.

Подобное разочарование ждало не только леволиберальные силы, но и исламистов. Крайне жестоко подавив мятеж «Братьев-мусульман» в городе Хама в 1982 г. и запретив деятельность организации (смертная казнь за членство), с середины 1990-х правящий режим стал подавать сигналы к смягчению отношений, когда Хафез Асад помиловал и освободил около 2,5 тыс. политзаключённых, подозревавшихся в принадлежности к «Братьям». Башар Асад продолжил эту политику, что было воспринято исламистами как приглашение к диалогу, особенно на фоне риторики президента о демократизации и политическом плюрализме. Лидер сирийских «братьев» С. Байнуни несколько раз предлагал властям сотрудничество на условиях легализации и взаимных гарантий, но власти дали понять, что не планируют предпринимать такие шаги¹⁵.

На фоне нагнетавшегося в социально-активной части общества раздражения пустыми обещаниями властей происходил рост популярности ислама, особенно у молодёжи. На частные пожертвования возводились новые мечети, девушки всё чаще надевали хиджабы — и в бедных, и в элитных районах. Этому способство-

вала не только доступность иностранных СМИ, в частности катарского канала «Аль-Джазира», но и когнитивный диссонанс, вызванный политической властью. В стране, где за членство в ассоциации «Братья-мусульмане» приговаривают к смерти, находилась штаб-квартира ХАМАС, которое является ответвлением «Братьев», — правительство финансировало это движение в Палестине, его члены официальными СМИ преподносятся как герои и образцы для подражания. Кумулятивный эффект данных факторов можно наблюдать в настоящее время, когда «Братья-мусульмане» за короткое время смогли стать одной из самых влиятельных сил в оппозиции.

Правительство Асада начало реальные политические реформы только в 2012 г. В феврале была принята на референдуме новая конституция, в которой отсутствовала старая статья о руководящей роли партии Баас в обществе и государстве, пребывание президента на посту ограничивалось двумя сроками по 7 лет, но в остальном конституция оставляла президенту очень большие полномочия и не давала перспектив для оппозиции¹⁶. В мае 2012 г., когда правительственные силы пролили уже немало крови мирных демонстрантов, когда в ряде населённых пунктов действовали формирования Свободной сирийской армии, были проведены выборы в парламент, в своё время обещанные на май 2011 г. К тому моменту большая часть оппозиции уже считала диалог с Асадом принципиально невозможным. Реформы опоздали навсегда.

* * *

Отдельно надо отметить, что межконфессиональные противоречия, которым столь много внимания уделяет

¹⁵ *Ахмедов В.М.* Арабский национализм и исламский радикализм на Арабском Востоке. Перспективы и пределы сотрудничества в светеновых геополитических реалиях в регионе // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин, Н.Ю. Ульченко. М.: Крафт+, 2005. С. 257–258.

¹⁶ *Сафронова М.А.* Проект новой конституции Сирии: «за» и «против» // Институт Ближнего Востока / http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

пресса, на момент начала протестных акций были сильно преувеличены.

Семья Асадов принадлежит по происхождению к шиитской религиозной группе алавитов, составляющих значительное конфессиональное меньшинство в стране. Численность сирийских алавитов обычно оценивается примерно в 12–15% всего населения, или около 3 млн. человек¹⁷. Но поскольку вопрос о конфессиональной принадлежности отсутствовал в переписях с 1960 г., точное количество алавитов неизвестно, и некоторые исследователи полагают, что в реальности их может быть значительно больше¹⁸. Такими же приближительными являются данные и о других этнорелигиозных общинах: около 60% сирийцев — арабы-сунниты, 9% — курды-сунниты, 9% — православные христиане, 4% — армяне-христиане, 3% — друзы, 2% — исмаилиты. Около 1% совокупно составляют евреи, езиды, а также преимущественно сунниты — ассирийцы, черкесы и сирийские турки¹⁹.

Режим Асадов неверно называть «алавитским». Дело не только в том, что его идеологией является светский баасизм и арабский национализм, но и в том, что алавиты как этноконфессиональная группа не получили реальных преимуществ, и попытки алавитов выражать свою идентичность обычно подавлялись. Управление рядом административных и силовых структур, а также в последнее время многие отрасли крупного бизнеса действительно принадлежали нескольким алавитским

кланам, связанным с правящей семьёй. Но остальные алавиты, в большинстве своём феллахи, оставались одной из самых малообеспеченных групп населения. Их положение не менялось, за исключением политики последовательной модернизации села (электрификация, водоснабжение, строительство дорог и т.д.), которая отразилась не только на алавитях, но на всех обитателях сельской местности.

При этом правящая династия успешно манипулировала их положением незащищённого меньшинства, которое может защитить только режим Асадов²⁰. В 1970-е гг. алавитам казалось, что баасизм под контролем их единоверцев позволит преодолеть вековую бедность и интегрироваться в общество новой Сирии на равноправной основе. Но последовала оккупация Ливана, убийства высокопоставленных сирийских чиновников, в основном алавитов, и затем — кровавая схватка режима с «Братьями-мусульманами» с 1979 (год Исламской революции в Иране) по 1982 г., завершившаяся бомбардировкой, штурмом и резнёй в г. Хама²¹. «Братья» начинали восстание с риторикой, заимствованной у иранских исламистов: Хафез Асад, например, именовался «шахом», а мятежники надеялись на помощь революционного Ирана. Но после катастрофы в Хаме и жёстких репрессий против «братьев» статус алавитов в общественном восприятии изменился. Они воспринимались уже как меньшинство, неразрывно связанное с режимом Асадов. Богословы и пропагандисты поясняли, что алавиты являются кяфирами (неверными) как для суннитов, так и для шиитов²². В такой ситу-

¹⁷ Goldsmith L. Syria's Alawites and the Politics of Sectarian Insecurity: A Khaldunian Perspective // Ortado u Etütleri. Vol. 3. No 1, July 2011. P. 35.

¹⁸ Winckler O. Arab Political Demography: Population Growth, Labor Migration and Natalist Policies. 2nd ed. Eastbourne: Sussex Academic Press, 2009. P. 34

¹⁹ Van Dam N. The Struggle for Power in Syria: Politics and Society under Asad and the Ba'ath Party. N. Y.: I.B. Tawris & Co Ltd., 2011.

²⁰ Goldsmith L. Op. cit. P. 36–38.

²¹ На основе сравнения данных 1979 и 1983 гг. демограф О. Винклер оценил число погибших примерно в 20 тыс. человек (см.: Winckler O. Op. cit. P. 72).

²² Abdallah U. F. The Islamic Struggle in Syria. Berkeley: Mizan Press, 1983. P. 48, 211.

ации алавиты оказались в положении меньшинства, обречённого, при падении режима, на жестокую месть.

Впрочем, алавиты чувствовали связь с правящей династией не только этноконфессиональную, но и вполне материальную — через неформальную экономику. Постепенно складывалась система своеобразной клиентелы, аналог которой можно наблюдать и в современной России: высокопоставленные алавиты патронировали благотворительные проекты на своей малой родине, получая взамен безоговорочную поддержку земляков, относящихся к чиновнику как к кормильцу и благодетелю²³.

При светском характере политической системы вторичное обособление алавитов могло привести в итоге к превращению этой группы в привилегированную этносоциальную общность, выполняющую функцию самого надёжного из столпов режима. Запрос на такое развитие событий в алавитском сообществе был; во многом с этими надеждами было связано их желание видеть преемником «дяди Хафеза» только представителя семьи Асадов²⁴. Но реальность не соответствовала ожиданиям.

В последние десятилетия происходил процесс медленной «суннизации» правящего и близких к власти кланов. Их представители обретали родственные узы с высокопоставленными суннитами. За этим следовало и «вымывание» алавитов из правящей верхушки. Хафез Асад в своё время старался соблюдать этноконфессиональный баланс на уровне министерских портфелей, но его ближний круг состоял в основном из родного племени кальбийя и собственного клана. Алавиты

одобряли такую политику и, пожалуй, не ждали большего, воспринимая Асада-старшего, «дядю Хафеза», как главу не только государства, но и алавитского сообщества. При Башаре Асаде алавитская часть элиты сузилась почти до размеров президентской большой семьи. К тому же он не мог являться предметом общинной гордости, в отличие от его отца, самостоятельно добившегося высшей власти в стране. Модернизация села замедлилась, а где-то и совсем прекратилась, оставив жителей с недостроенным водопроводом и спортклубом, закрытым из-за нехватки финансирования.

К середине нулевых многие алавиты уже оценивали режим скептически. Особенно сильно ударила по авторитету Башара Асада странная насильственная смерть популярного министра внутренних дел алавиты Гази Канаана. По официальной версии, 12 октября 2005 г. он застрелился, не выдержав прессинга мировых СМИ в связи с расследованием убийства ливанского премьера Рафика Харири. Но в алавитском сообществе широко распространилось подозрение, что в смерти Канаана, которого всё больше воспринимали как альтернативу Асаду-младшему, виновны спецслужбы президента (*мухабарат*). «Самоубийство» брата министра в ноябре 2006 г. превратило это подозрение в уверенность.

В то же время суннитская оппозиция делала сознательные шаги навстречу алавитам, понимая, что страх перед расправой за 1982 г. во многом не даёт им отказаться от поддержки Асада. «Братья-мусульмане» пересмотрели свой взгляд на алавитов. Их лидер Али Байнуни в 2006 г. заявил в частности, что «режим пытался спрятаться за спину этого сообщества, мобилизуя его против сирийского социума. Но я уверен, что среди алавитов есть противники режима и пострадавшие от него. Поэтому я уверен, что все силы нации, включая сынов алавитско-

²³ *Shadid A.* Death of Syrian Minister leaves Sect adrift in Time of Strife// Washington Post, October 31, 2005.

²⁴ *Sachs S.* Assad Patronage Puts a Small Sect on Top In Syria// New York Times. June 22, 2000.

го сообщества, должны участвовать в действиях по изменению Сирии»²⁵.

Конечно, сложно было поверить в эти заявления после десятилетий «братских» обвинений алавитов во всех бедах Сирии. Перспектива суннитской мести в случае падения династии Асадов как ожидание никуда не исчезла, тем паче неразрывность судьбы режима и религиозного сообщества культивировалась официальными СМИ²⁶.

В целом поддержка Башара Асада его единоверцами на начало 2011 г. была далеко не безоговорочной. Известный алавит-диссидент Ареф Далия, бывший декан экономического факультета Дамасского университета и политический заключённый, стал после начала Арабской весны одним из лидеров Национального координационного комитета. Но всё же это исключение из правила.

«Весенние» волнения принесли в алавитскую общину ощущение надвигающейся катастрофы и вновь консолидировали её вокруг правящей фамилии. В отличие от мятежа «Братьев-мусульман» тридцать лет назад, современная оппозиция не выдвигала ни одного антиалавитского лозунга, пытаясь найти сторонников и в этой части общества с помощью слогана «Здесь нет ни суннита, ни алавиты, ни курды, ни арабы — все мы пришли за свободой»²⁷. Не заметно было враждебности к алавитам и среди рядовых активистов протеста в социальных сетях.

Но, несмотря на плачевный уровень жизни большинства алавитов, оппозиции не удалось выполнить одну из главных идеологических задач — разорвать социально-психологическую

связь между религиозным сообществом и режимом, дать алавитам убедительные гарантии, что репрессий после смены власти не будет. Объективно таких гарантий некому было дать — слишком слабым и рыхлым выглядело сопротивление до перехода в фазу гражданской войны (да и сейчас отсутствие согласия и внятной единой структуры — главная проблема оппозиции). Официальные же СМИ, по отзывам сирийцев, последовательно и весьма убедительно рисовали картины войны всех против всех, распада САР на микрогосударства эпохи французского мандата — и тем самым упорно будили зверя религиозной и межнациональной дезинтеграции.

Что касается социальных страт, то для крупной и средней традиционной буржуазии раздражителем стала проводимая Асадом-младшим «тихая» приватизация государственных активов в пользу своих родственников, прежде всего кузена Рами Махлюфа, а также слухи о её масштабах, соответствие которых действительности на данный момент не верифицируемо. Также вызывала возмущение и «золотая молодёжь» в целом, ровесники Асада, которым на кормление передавались государственные проекты и взаимодействие с иностранными инвесторами. Однако долгое время «базар» крупнейших городов, Дамаска и Алеппо, оставался нейтрален к противостоянию. Лишь летом 2012 г. он высказал свою позицию — приостановкой коммерческой деятельности в знак протеста против действий режима.

Главная ошибка Башара Асада и его окружения состояла в том, что необходимые реформы не были проведены в первой пол. 2011 г., когда кредит доверия оппозиции, протестной молодёжи, бизнеса ещё не был исчерпан. Вместо демократизации режим начал использовать жёсткие репрессивные методы: появились многочисленные подвергшиеся пыткам (в том числе подростки), погибшие, пропавшие без вести в тюрь-

²⁵ Al-Jazeera, эфир 17 августа 2006 г., см.: Goldsmith L. Op. cit. P. 51.

²⁶ Goldsmith L. Op. cit. P. 49.

²⁷ International Crisis Group. The Syrian People's Slow-motion Revolution. July 6, 2011, Middle East/ North Africa Report № 108, 8.

мах, под страхом репрессий страну стали покидать беженцы. Причём в подавлении мирных демонстраций, большинство участников которых составляли сунниты, власть использовала части, укомплектованные алавитами. При этом участники протестных акций характеризовались официальной пропагандой как иностранные наймиты, не имеющие поддержки граждан, а когда начались вооружённые столкновения, в правительственных масс-медиа был создан образ повстанцев как суннитских фанатиков-исламистов, мечтающих о введении шариата и ущемлении прав иноверцев. Причём исламистов иностранных — реципиент информации не должен усомниться в том, что Асада поддерживает вся страна. Такая пропаганда ожидаемо вызвала ответ оппозиции, часть которой вернулась к традиционному определению ненавистного режима как алавитского.

* * *

Между тем ранее разрозненная оппозиция структурировалась. 20 августа 2011 г. в Дамаске состоялся учредительный съезд Национального координационного комитета сил за национально-демократические перемены. Ещё раньше, в конце июля 2011 г., проявила себя Сирийская свободная армия — вооружённые формирования, созданные, по официальной версии данной организации, из офицеров и солдат, отказавшихся служить режиму Асада. Прежде монолитная и преданная президенту армия действительно дрогнула: в стан ССА начался исход высших офицеров, в том числе генералов. Всё это структуры, в которых до сих пор доминируют светские силы, либеральные и социалистические. Именно противодействие руководства ССА и сейчас является основным препятствием на пути «Братьев-мусульман» к установлению контроля над сирийским сопротивлением.

В октябре 2011 г. в Стамбуле был

образован новый орган оппозиции — Сирийский национальный совет, в который вошли и внутренние силы, и многочисленные эмигранты, боровшиеся ещё против Асада-отца. Эта структура в качестве легитимного представителя стороны конфликта была признана рядом стран мира, в том числе США, ЕС и многими арабскими странами.

12 ноября 2012 г. на основе старых оппозиционных структур в Дохе была создана Сирийская национальная коалиция, на конец мая 2013 г. получившая дипломатическое признание более 20 государств. Катар, КСА, ОАЭ, Бахрейн, Оман и Кувейт считают Коалицию единственным легитимным представителем Сирии, Турция, Франция, Великобритания, США, Испания — единственным легитимным представителем сирийского народа. 26 марта 2013 г. СНГ как законный представитель Сирии получила место в Лиге арабских государств.

Однако, несмотря на отчаянные призывы многих оппозиционеров, эти государства не спешили оказать военную помощь повстанцам. Показательно, что их позиция в части поставки оружия повстанцам изменилась только к лету 2013 г., когда военный конфликт интернационализировался. Это также кардинально отличает ситуацию в Сирии от ливийской (изначально многие инсургенты надеялись, что состоится интервенция по ливийскому сценарию). Основные региональные и международные игроки, оказывающие поддержку оппозиции, по разным причинам пока придерживаются мнения, что победу в противостоянии повстанцы должны одержать без военного вмешательства извне.

Тем временем гражданская война всё отчетливее приобретает этноконфессиональную окраску. Примерно с конца 2011 г. и защитники режима Асада, и его противники систематически совершают преступления на религиозной почве. По данным ООН, правительственные войска и милиция

шабиха²⁸ избивают, насилуют, убивают суннитское мирное население, повстанцы творят то же самое с алавитами, организуют террористические атаки на алавитские районы и шиитские святыни²⁹. Примерно в то же время определение режима Асада как алавитского становится общепринятым в оппозиционной риторике, а радикальные салафитские группы начинают упражняться в более резких выражениях.

В такой ситуации официальная пропаганда только усилила антисуннитские акценты. За год до верифицированного варварского акта Абу Саккара сирийские службы транслировали рассказы и даже видеосюжет о некоей женщине из Хомса, которая не только пила кровь алавитов, но и расчленила их трупы, специально доставленные к ней боевиками. Постоянно транслировались сообщения о создании в разных районах салафитских «имаратов», а также тема финансирования оппозиции заклятыми врагами Сирии, типа пачек шекелей, найденных в убежище инсургентов³⁰.

Таким образом Асад добился гарантированной искренней преданности алавитов. Но преднамеренное манипулирование религиозной напряжённостью со стороны президента привело и к другим последствиям: ожесточению конфликта и радикализации повстанцев³¹. В стране, где салафиты имели

минимум сторонников, появилась и набирает силу Джабхат ан-Нусра, связанная с иракской аль-Каидой. По последним доступным оценкам (начало 2013 г.) эта организация в Сирии насчитывает около 5 тыс. бойцов и уже контролирует ряд населённых пунктов³². Она стала одной из самых боеспособных групп в Сирии, во многом благодаря наличию в рядах ветеранов партизанской войны из других стран.

Неудивительно, что за последний год известны (к счастью, пока малочисленные) случаи насилия и унижения повстанцами по религиозным мотивам не только алавитов, но и христиан. Этнические чистки христианского населения до сих пор оцениваются экспертами как маловероятные³³, но сами христиане предпочитают по возможности покидать территории, занятые оппозицией.

Отдельно необходимо упомянуть курдскую проблему. История взаимоотношений династии Асадов и курдов была непростой и многогранной, поэтому как у правительства, так и у оппозиции были надежды и попытки использовать курдов в своих интересах. В июле 2012 г. был сформирован Верховный курдский комитет Сирии. Таким образом, курды показали, что занимают самостоятельную позицию и будут действовать консолидированно исключительно в своих интересах.

22 февраля 2013 г. ССА и курдским отрядам удалось договориться о прекращении огня в городе Рас аль-Айн на границе с Турцией (провинция Ха-

²⁸ Шабиха (араб. «призрак») — нерегулярные вооружённые формирования сторонников Башара Асада, состоящие в основном из жителей прибрежной (алавитской) зоны. Активны с 2011 г., но основаны, по легенде, в 1980-е гг. Намиром Асадом, кузеном президента.

²⁹ United Nations. Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic, 4.

³⁰ International Crisis Group. Syria's Phase of Radicalisation. April 10, 2012. Middle East Briefing № 33, 4.

³¹ Sectarian Violence in Syria's Civil War:

Causes, Consequences, and Recommendations for Mitigation / By Ambassador Frederic C. Hof, Alex Simon. The Center for the Prevention of Genocide, United States Holocaust Memorial Museum, 2012. P. 16.

³² Benotman N., Blake R. Jabhat al-Nusra A Strategic Briefing. Quilliam Foundation. 8 January 2013. Retrieved 2013-03-31.

³³ Gusten S. Christians Squeezed out by Violent Struggle in North Syria // New York Times. February 13, 2013.

сака, большинство жителей — курды). Оппозиция захватила город в середине ноября. После отступления армии Асада возникли противоречия уже между повстанцами и курдами; Курдский комитет призвал ССА покинуть провинцию, выразив поддержку борьбе с авторитарным режимом, но рекомендуя сохранить территорию в качестве зоны безопасности для беженцев. Этого не произошло. Среди курдов начали циркулировать слухи, что ССА настраивает против них Турция³⁴. Тогда сторонам удалось прекратить конфликт, но точечные столкновения между курдами и силами Асада, курдами и повстанцами вспыхивают вновь и вновь. Судя по всему, курды сейчас полностью контролируют территории на северо-востоке Сирии и ревностно охраняют свои анклав в крупных городах.

Такое положение вещей категорически невыгодно СНК как официальному лицу оппозиции. Коалиция, в том числе и влиятельные в ней «Братья-мусульмане», прилагает титанические усилия, доказывая свою принципиальную толерантность и приверженность плюрализму. Но пока её публичная деятельность на этом поприще состоит в значительной степени из извинений за деяния рядовых повстанцев, что лишней раз демонстрирует мировому сообществу слабый контроль умеренной верхушки над повстанческими отрядами. Следовательно, права этнических и религиозных меньшинств СНК до сих пор гарантировать не может и неизвестно, будет ли на это способна вообще.

«Братья-мусульмане» играют тем временем свою партию. Их задача — восстановить организацию «на земле» после трёх десятилетий изгнания. 25 апреля 2013 г. в интервью Financial

Times Рияд аш-Шакфа, координатор сирийского братства в изгнании, заявил о возвращении штаб-квартиры и официальных отделений в Сирию³⁵. В начале мая появились сообщения, что «Ихван» наладили прямой контакт с некоторыми оппозиционными группами в Дамаске, снабжают их наличными деньгами и участвуют в координации действий³⁶.

При этом, как обычно, Ассоциация категорически отрицает планы установления в Сирии исламистского режима или монополизации оппозиции, хотя такие опасения всё чаще слышатся со стороны светских оппозиционных сил. Более того, весной 2013 г. некоторые повстанцы обвиняли «Братьев» в сознательном затягивании конфликта, задержке победы оппозиции с целью обеспечить себе доминирование на постасадовской политической сцене. «Антибратские» настроения особенно сильны именно в столице. Попытки этой организации взять под контроль военную и гуманитарную помощь, которую оказывает повстанцам Национальная коалиция, встречают глухое сопротивление светских сил, которые руководят сопротивлением на местном уровне.

Но сама Коалиция, получившая недавно признание ЛАГ как законная сирийская власть, состоит в основном из людей, прямо или косвенно связанных с «Братьями». 18 марта 2013 г. премьер-министром переходного правительства Коалицией был избран Гасан Хито, курд и натурализованный гражданин США, имеющий отношение к американской организации БМ.

³⁵ Exiled Muslim Brotherhood plans return to Syria // Financial Times. 25.04.2013 // <http://www.ft.com/cms/s/0/00a7865a-ad86-11e2-a2c7-00144feabdc0.html#axzz2SSStX4MhN>

³⁶ Muslim Brotherhood opens direct link to rebels in Damascus // The National. 06.05.2013 / <http://www.thenational.ae/news/world/middle-east/muslim-brotherhood-opens-direct-link-to-rebels-in-damascus#ixzz2ST2QaouD>

³⁴ Абдурасулов А. Сирия: теперь повстанцы воюют с курдами // KURDISTAN.RU. Новостной сайт о событиях в Курдском регионе / http://kurdistan.ru/2013/01/22/news-18024_Siriya_teper_povsta.html

Президентом самой СНК с момента её создания был Моаз аль-Хатыб, бывший имам мечети Омейядов в Дамаске. В апреле 2013 г. он добровольно сложил с себя полномочия, что было подано проповстанческими СМИ как знак протеста против недостаточной поддержки оппозиции международной группой «Друзья Сирии»³⁷. Однако по другой версии, не раз высказанной в арабских интернет-источниках, по крайней мере частично этот шаг был вызван интригами БМ по установлению контроля над Коалицией и недопущению в руководящий орган представителей низового сопротивления. Словно в подтверждение этого варианта, некоторые представители Сирийской свободной армии якобы от лица объединённого командования делали заявления, что они покинут Сирийский национальный совет, и обещали не допустить приватизации революции «Братьями».

С другой стороны, объективно осложнял положение сирийской оппозиции теракт на Бостонском марафоне 16 апреля, совершённый чеченцами. Сейчас широко известно, что чеченцы принимают активное участие на стороне оппозиции: в западных СМИ эта тема широко транслировалась с февраля. Понятно, что поддержка правительством США повстанцев, среди которых — в массовом сознании американцев — доминируют исламисты и чеченские террористы, убивающие не только российских солдат в Чечне, но и спортсменов в Бостоне, явно не вызовет отныне поддержки в американском обществе.

В этих условиях СНК приняла, возможно, оптимальное решение, и новым её главой в апреле 2013 г. стал Джордж Сабра, ветеран борьбы с режимом

Асадов, социал-демократ и член нелегальной Народно-демократической партии, бывшей до 2005 г. Коммунистической. В отличие от своего предшественника, Сабра является христианином по происхождению. Заподозрить его в связях с «Ихван» крайне сложно — ни один из эпизодов его биографии не даёт для этого ни малейших оснований. Это кадровое решение можно прочитать и как «мирное послание» для алавитов и христиан со стороны Коалиции, в то время когда другая сторона успешно пытается расколоть сирийское общество по конфессиональному признаку.

* * *

Сценарии дальнейшего развития событий день ото дня становятся всё песимистичнее.

Наступление, начатое правительством в апреле 2013 г., призвано решить проблемы безопасности и снабжения прибрежного алавитского анклава. Поэтому сражение за приграничный городок Кусейр стало таким ожесточённым, поэтому именно в этой битве на стороне Асада впервые официально участвовала Хизбалла. Да, оттуда шёл в Сирию поток оружия для ССА, но после разрешения на поставку оружия со стороны США и ЕС это уже не так актуально³⁸. Зато, если планировать обособление алавитского региона, Ку-

³⁷ Группа объединяет более 90 государств, от США и Великобритании до Армении и Украины, а также 7 международных организаций, включая ООН, ЛАГ, ССАГЗ, ЕС.

³⁸ Повстанцы и их союзники так долго ждали этого решения Штатов, что известие о поставке оружия на 60 млн долларов людьми, воспитанными на антиамериканизме, было встречено ликованием, а неофициальный духовный лидер «Братьев-мусульман» и «архитектор Арабской весны» Юсуф аль-Кардави публично поблагодарил США и выразил надежду, что и впредь Америка будет идти верным путём, не опасаясь Израиля (Скандал: Аль-Кардави поблагодарил Америку за то, что она делает в Сирии на пути Аллаха: *لعل عفت ام نال الكيرم اركشي يواضر رقا: فتح يضيف: http://www.youtube.com/watch?v=et6_hTxdPqM*).

сейр жизненно необходим для обеспечения территориальной целостности первого.

Башар Асад и его окружение понимают, что возвращение власти надо всей Сирией крайне маловероятно. Жестокое подавление мирных демонстраций, бомбардировки городов, бесчинства шабиха в отношении суннитов — достаточно, чтобы убедить большинство населения в том, что дальнейшее правление Асадов на этой земле невозможно. Но сохранение господства над частью территории, населённой лояльными от отчаяния алавитами, вполне реально, особенно если заручиться силовой поддержкой внешних союзников — Хизбаллы, Ирака и особенно Ирана, которому и такого «шиитского тракта» будет достаточно, чтобы реализовать проект газопровода до Средиземного моря³⁹.

Победа повстанцев на территории всей страны, в условиях углубляющегося этноконфессионального разлома, в ближайшее время настолько же призрачна. В самом оптимистичном для мятежников варианте можно предположить захват Дамаска и бегство/пленение/гибель Асада и его ближайших сподвижников. В этом случае алавитам Дамаска придётся бежать в прибрежные цитадели — Латакию и Тартус, в котором находится пункт материально-технического обеспечения ВМФ РФ.

Ни у одной из сторон практически нет шансов сохранить единую Сирию без ширококомасштабного вмешательства извне — социальная деструк-

ция зашла слишком далеко. Но есть огромный риск, что интервенция приведёт страну в состояние полного хаоса failed state с расползанием конфликта на весь Левант, а возможно, и дальше. Ни один из региональных и мировых лидеров резонно не желает брать на себя ответственность за развязывание войны, которая может стать зачином Третьей мировой.

Самый безопасный и перспективный вариант — контролируемая передача власти за столом переговоров. Но здесь есть одна проблема: оппозиция категорически требует отставки Башара Асада, в то время как последний в принципе не рассматривает такого варианта. Даже в последних проектах выхода из кризиса, выходящих из-под пера официального Дамаска, и речи не идёт об отставке Асада и досрочных президентских выборах. Асад, вероятно, введён в заблуждение ближайшим окружением, убедившим президента, что происходящее в Сирии — заговор Запада и международных террористов. По крайней мере, такую версию высказал Лахдар Брахими, спецпосланник ООН и ЛАГ по Сирии⁴⁰, и интервью Асада этой версии не противоречат. Он не раз заявлял, что готов стоять до конца, и конец этот очевиден для главы государства, лишившегося как поддержки значительной части элиты и народа внутри страны, так и международной легитимности для большинства стран мира.

Сколько ещё продлится кровавое противостояние? Все стороны конфликта признают, что сейчас судьба Сирии находится в руках великих держав.

³⁹ Ирак разрешил строительство газопровода из Ирана в Сирию на своей территории // Радио Голос России. 20-02-13 / http://rus.ruvr.ru/2013_02_20/Irak-razreshil-stroitelstvo-gazoprovoda-iz-Irana-v-Siriju-na-svoej-territorii/

⁴⁰ Syria's Assad deluded by his inner circle, U.N. envoy Brahimi says // Reuters / <http://uk.reuters.com/article/2013/02/28/uk-syria-crisis-brahimi-idUKBRE91R12B20130228>

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

ТЕХНОЛОГИИ ДЕРУСИФИКАЦИИ

В статье «Русофобия как идеология» («ВН». № 13) я попытался описать русофобию не как определённого типа отношение к России и русским, а как цельный комплекс идей и исторических трактовок, который имеет свой вполне прослеживаемый генезис и развитие. Однако у этого явления есть и другая сторона — русофобия как практика, то есть целенаправленные действия по подавлению и уничтожению чего-либо русского, причём именно как русского. Вряд ли можно определить единую систему таких практик, скорее это набор очень разнообразных методов устранения русскости в самых разных её аспектах и проявлениях. Но многовековая история их применения позволяет говорить о систематичности этих методов, а значит, важность их описания несомненна.

Русская идентичность с давних столетий становилась помехой для различных политических сил, не заинтересованных в сохранении той исторической памяти и того культурного багажа, который она несла и передавала из поколения в поколение. Само утверждение русского самоназвания среди всех восточных славян в XIII–XIV вв. было вызвано фактом распада древнерусской политической общности и осознанием трагичности этого события. Единственным хранителем наследия Древней Руси оставалась Русская Церковь, членство в которой на многие столетия стало главным критерием русскости. Это сделало этническую идентичность на удивление глубоко укоренённой и широко распространённой. В отличие от западных культур, в которых осознание себя «англичанами» или «французами» даже в XIX в. было свойством

преимущественно высших слоёв общества, здесь русское имя было усвоено также и крестьянским населением.

В каждом селе священник говорил о «нашей русской вере», о «Русской церкви». Широкие народные массы и в Московском государстве, и на Западной Руси знали, что они люди «русской веры» и живут на «Русской земле», ярким свидетельством чему служат сохранившиеся до наших дней листы с пограничными «расспросными речами». При этом человек, перешедший в другую веру, уже не виделся русским, его воспринимали как представителя другого народа. И даже разделение на две митрополии в XV в. не нарушило этой идентитарной системы¹. Столь сильная идентичность, основанная на исторических корнях давно ушедшей эпохи и давно распавшейся общности, естественно мешала утверждению любой власти, не считающей себя русской.

Православие как главный хранитель и маркер русской идентичности оказалось главной мишенью для политики по её искоренению. Так было и в XVI в., так же было и в XX. Польские власти Речи Посполитой создали такие условия, что с конца XVI в. на протяжении нескольких десятков лет Православная Церковь оказалась под полным запретом. Но и появившееся тогда западнорусское униатство было скорее попыткой сохранения восточнохристианского обряда и церковнославянского языка, чем сменой веры. На протяжении

¹ Подробнее об этом см.: *Неменский О.Б.* Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом: Сб. ст. / Под ред. О.Б. Неменского. М., 2008.

нескольких сотен лет униатская церковь на Западной Руси сохраняла русское самосознание, из среды её священников вышли многие деятели русофильского движения XIX столетия. Лишь в самом его конце, стараниями главным образом митрополита Андрея Шептицкого, униатство было перенаправлено с сохранения русскости на борьбу с ней, приняв альтернативную — украинскую — идентичность. Однако к тому времени эта церковь уже давно не могла похвастаться своими представителями в среде аристократии.

К середине XVII в. высший слой западнорусского общества фактически перестал существовать, так как преимущественно принял католицизм, усвоив вслед за ним и польскую идентичность. Сохранение русскости в условиях общества с неполной социальной структурой, её выживание только в крестьянских и мещанских слоях не могло быть благоприятной средой для развития культуры. Дерусификация Западной Руси началась с её обезглавливания, и лишь с наступлением века участия в политике широких народных масс потребовался новый проект, специально направленный на лишение русской идентичности крестьянства и тонкого слоя мещан. Речь об украинстве.

* * *

Украинство идейно основано на русофобии, но имеет форму особой национальной идеологии. Собирая все наработанные к концу XIX в. русофобские трактовки русского прошлого, оно вместе с тем предлагает восточным славянам Юго-Западной Руси иную идентичность, не просто освобождающую их от русского имени, но и противопоставляющую их всему русскому. Это по сей день самое мощное идеологическое оружие дерусификации, о чём свидетельствуют его огромные успехи: десятки миллионов людей на Русской земле, отрицающих русское самоназвание и какую-либо положительную общность с другими русскими.

Как оказалось, для этого даже не обязательно выучивать украинскую литературную норму и отказываться от русского языка, достаточно просто называть себя украинцем. Благодаря форме национальной идеологии украинство смогло вооружиться западными технологиями nation-building'a, то есть создания наций: декретируемой сверху общей идентичностью, особой литературной нормой языка, а также системой всеобщего образования, обучающей всё население и этой норме, и особой версии истории. Всё это дополнялось очень жёсткой репрессивной системой.

Утверждение украинства началось с 1890-х гг., однако значимость австрийской политики в этом вопросе нередко преувеличивают. Во-первых, она касалась только жителей территорий, составляющих даже далеко не все области современной Западной Украины. Во-вторых, её успехи были частичны — судя по результатам межвоенной польской переписи, украинским именем готовы были называть себя немногим больше половины восточнославянского населения государства.

Основной вклад в дерусификацию западнорусских земель внесла национальная политика Москвы советского времени. Именно в Советской Украине была проведена массовая украинизация, и она только на первых порах называлась «коренизацией», реально же утверждение украинского самосознания, обязательное обучение украинскому языку и особой версии украинской истории не прекращалось до конца существования СССР (и тем более позже). Именно Советский Союз, присоединив в 1939–1945 гг. Галичину и ряд других областей современной Западной Украины, смог провести там тотальную украинизацию, начав с полного разгрома старорусского движения, всех институциональных основ местной русской жизни. Даже современная независимая Украина за прошедшие двадцать с лишним лет своего развития демон-

стрирует гораздо меньшую эффективность дерусификаторских программ, чем это было при СССР. И это неудивительно: политика дерусификации требует очень сильной авторитарной власти, каковая невозможна в современных условиях.

В ходе реализации политики по уничтожению традиционной идентичности очень большое значение имеет обучение населения новой версии истории. Изменение исторического самосознания является неперенным условием для смены самоназвания. Новая схема истории, основанная на представлении об извечном существовании особого украинского народа, должна была полностью истребить память о собственной русскости. Как свидетельствует опыт наших дней, смена исторического мышления даже важнее, чем языка: украинская идентичность вполне русских по культуре и языку миллионов жителей современной Украины основана именно на усвоении иной модели прошлого.

Схожим с украинством образом в Советском Союзе использовалась идеология создания белорусской нации. В отличие от украинства, она не отрицает русскую идентичность, но лишь конкретизирует её. Однако в условиях оставления «чисто» русского самоназвания только восточной части восточнославянского населения, а также утверждения за белорусским самоназванием национального статуса, аналогичного украинскому, дерусификационные практики и здесь приобрели немалый масштаб.

Интересно, что коммунистами не была никак использована схожая идеология казачийства, по аналогии с украинством лишаящая русской идентичности казачество и предлагающая ему особый национальный проект. Однако это было связано более всего со слабостью разработки данной идеологии на начало 1920-х гг., а также с осознанием опасности, которая исходила от воинственного казачества по отношению к новому режиму.

Лишение в XX в. русского самосознания многомиллионных масс западнорусского населения через навязывание ему нерусских национальных идеологий — самый большой дерусификаторский эксперимент в истории, впечатляющий и быстротой реализации, и глубиной последствий. Примечательно, что эта политика опять же совмещалась с жёстким запретом на православную религиозность, почти полным разгромом Православной Церкви. На этот раз не в пользу католицизма, а в пользу официального атеизма, но суть одна: масштабная дерусификаторская политика не могла иметь успеха без борьбы с народной воцерковлённостью.

* * *

Отрицание старой русской идентитарной системы (русский тот, кто русской веры) должно было подкрепляться новой, не имеющей религиозно-церковных оснований. И это уже касалось в равной степени всех русских людей — и на Западной Руси, и на Восточной. Ленинская и сталинская национальная политика проводилась в ту эпоху, когда европейская наука была увлечена расологией. За этническими различиями виделись кровно-биологические основания. Новый дискурс идентичности насаждался в первую очередь через анкетную и паспортную систему, «пятую графу». Т.н. «национальность» наследовали от родителей, по крайней мере от одного из них. Она была полностью оторвана от культуры и языка, став якобы биологической характеристикой. Примечательно, что на Западе после Второй мировой войны произошёл отказ от расологических критериев национальной идентичности, однако в Советском Союзе эти понятия утвердились. За десятилетия внедрения в общественную систему они глубоко укоренились в культурном сознании, стали банальными.

Для современных русских и представителей многих других народов постсоветского пространства характерно

обсуждать «проценты крови» той или иной «национальности» в своём организме и хвастаться знанием пары фраз на «родном языке». Понятие «родной язык» при этом полностью разведено с тем языком, на котором человек с детства лучше всего разговаривает. Оно привязано к якобы биологической «национальности». В результате по всему постсоветскому пространству идёт процесс усиленного обучения людей их «родному языку».

«Если ты “украинец”, то твой родной язык украинский, независимо от того, знаешь ты его или нет. Но ты должен его выучить, ведь он для тебя родной» — такие формулировки трудно перевести на какой-нибудь западный язык, они будут звучать анекдотично. Но в условиях господства советского идентитарного дискурса они понятны, а требование вполне логично. Само по себе то, что этот дискурс сохранил свои господствующие позиции и через четверть века после распада СССР, свидетельствует о том, что он полностью вошёл в массовое сознание: советская политика по смене критериев идентичности оказалась абсолютно успешной.

Утверждение этих критериев — не просто смена одного дискурса другим. Если прежний (традиционный) подход имел сильнейшее консолидирующее значение, объединяя общество, то новый характеризуется мощным дезинтеграционным воздействием. На деле он является ещё одной технологией дерусификации, причём её приложение многопланово.

Во-первых, благодаря нему даже единое в культурно-языковом отношении общество разделяется на носителей разных «национальностей», что является естественным следствием высокой социальной мобильности советского времени. «Национальность» становится личной оригинальной характеристикой каждого человека, теряя свою общественную природу. В результате любая попытка использовать ту же русскую идентичность в целях консо-

лидации общества (хотя бы попросту выступить от имени «нас, русских») тут же наталкивается на разнообразие личных самоопределений. Важно отметить, что это разнообразие чаще всего никак не связано с культурой и родным (домашним) языком — обыкновенно мы имеем дело с обществом, в культурно-языковом плане вполне гомогенным. Но общей идентичности, отражающей эту гомогенность, у него нет, оно её лишено. Ещё ярче это свойство господствующего дискурса идентичности проявляется при заявлении попыток политического использования русского самоназвания.

Во-вторых, люди теряют цельную идентичность и на личном уровне. Если спросить современного русского человека, кто он, то ответы будут примерно такие: «я на четверть русский, на четверть мордвин, ещё на одну восьмую еврей, и т.д.», «а у меня мама белоруска, а папа украинец, так что я не знаю, кто я», «мать вроде наполовину русская, а отец вообще неизвестно, так что трудно сказать, кто я» и т.д. За время введения советской национальности люди успели многократно создать «смешанные» семьи, в результате псевдобиологическую идентичность приходится делить на доли, отказывая себе в цельном самосознании. Более того, естественный выход из этой ситуации, который очень часто встречается, — вообще отказ от самоопределения. И действительно, все эти доли настолько далеки от фактических реалий, что даже внимательно относящиеся к ним люди воспринимают самоопределение скорее как занимательную игру, не придавая ей серьёзного значения.

Это же, кстати, является основой и для испуганного отказа от любых предложений по социальной и политической актуализации идентичности: предлагающие это видятся как неонацисты с черепомерками. Что естественно, ведь господствующий в обществе дискурс идентичности ровно тот же самый, который в своё время породил нацизм.

В таких условиях любые призывы к русской консолидации воспринимаются большинством русских как предложение вступить на ту же дорожку, по которой в ещё памятное время пошла к своему краху Германия. Национализм при таких понятиях оказывается тождественен нацизму, то есть преступной идеологии, победа над носителями которой составляет русскую национальную гордость.

Так утверждённые коммунистами критерии определения идентичности подрывают возможность публичной постановки вопроса о задачах русской консолидации и национального самоопределения.

Советский дискурс идентичности также успешно блокирует русский ассимиляционный потенциал. Помимо различного рода государственных и местных программ по поддержанию самосознания иноэтничных мигрантов, для их потомков (особенно по мужской линии, сохраняющей фамилию) действует фактический запрет на смену идентичности. Даже в третьем поколении, будучи человеком, выросшим в русской культуре, носителем русского языка и российского гражданства, он будет помнить о том, что он на самом деле «не русский». А это нередко побуждает людей увлечься изучением «родного языка» или обернуться к «вере предков», сознательно проводя свою (и, обыкновенно, своих детей) дерусификацию.

Расологические корни господствующего дискурса идентичности ещё более работают в случае сильного отличия внешности человека от славянского типа. Выпускник российского детского дома с явными монголоидными или негроидными чертами не может осознать себя русским, и даже если захочет — общество с этим не согласится. Такой человек обречён быть «не знаю кем».

Эта же проблема в ещё более крупном масштабе встаёт на уровне культурной и деловой элиты общества. Здесь «многосоставность крови» ещё

гораздо большая, а процент русской «составляющей» значительно меньше. Фактическая ликвидация слоя русской культурной элиты в первой половине XX в. и (в целом вполне естественный) наплыв в новую элиту талантливых выходцев из других народов делает русскую «биологическую» идентичность для неё трудно применимой.

Само по себе разнообразие иноэтничных предков для высших слоёв общества нормально и даже традиционно. Старая имперская элита имела несколько этнических «автономий» вроде иноверных поляков или остзейских немцев, но, по большей части будучи православной, она считала себя русской — независимо от осознания иноэтничных корней. Современная элита, будучи в целом русской и по языку, и по культуре, при действующих критериях идентичности в основном не может осознавать себя русской. Одно из наиболее частых препятствий в наше время — наличие еврейских предков. И хотя мало кто из формально «евреев» в современной России является иудеем или же знает хотя бы несколько фраз на идише или иврите, а по понятиям еврейской культуры чаще всего даже не может претендовать на признание себя евреем (по женской линии), всё же при господствующих критериях идентичности он имеет достаточно оснований, чтобы не считать себя русским. Так этот советский дискурс оборачивается денационализацией элиты, фактическим лишением русского народа своего высшего культурного слоя.

* * *

Одной из попыток обойти расщепляющие общества свойства биологизаторской идентичности стала теория политического единства многонационального общества и вытекающие из неё проекты создания «советского народа», а в последние годы и российско-го, т.е. «нации россиян». При всей схожести этих проектов есть и важное различие: советский народ мыслился как

некая невиданная «новая общность людей», а потому не отрицал и не замещал «национальности». Проект же «российской нации» строится по модели западного «гражданского национализма», то есть предполагает замещение или же по крайней мере преобладание новой россиянской идентичности над русской.

Советский проект с треском провалился, а россиянский за уже немалое количество лет так и не дал заметных результатов, тем не менее им соответствует определённый спрос. При типичной трудности самоопределения своей «национальности» выход нередко находится именно в принятии на себя как основного гражданского (или ностальгически-гражданского) имени. Формула «я россиянин» или «все мы советские люди» нередко работает как палочка-выручалочка для тех, кто по «национальности» «не знаю кто».

Сам по себе проект российской нации является ещё одной дерусификаторской технологией, имеющей форму национальной идеологии, то есть в целом весьма схож с украинством и т.п. Неслучайно он полностью признаёт украинский проект как якобы уже полностью на Украине победивший. Для наций, построенных на основе «гражданского национализма», характерна очень сильная ассимиляционная политика и жёсткие средства утверждения общей идентичности, что в данном случае тождественно политике по этноциду русского народа: его лишают самосознания и общерусской истории. Единственное отличие от украинства — здесь нет и не предполагается введения новой нормы литературного языка. Однако, как уже было сказано, язык оказывается второстепенным фактором в успехе дерусификации.

Вообще, дерусификаторская политика обыкновенно совмещается с признанием (в том числе официальным) правоты антирусских идеологий и идентичностей. Наиболее ранний пример — проект Александра I по восста-

новлению польской государственности и, возможно, возвращению ей территорий в границах 1772 г. (то есть с присоединением Западной Руси). А последнее по времени — это как раз политика по созданию новой российской нации в границах РФ.

Идеологической основой, идейным фоном любых дерусификаторских практик является распространение и утверждение основных мифологем идеологии русофобии. Это делается в первую очередь через систему образования и через влияние на СМИ. Распространение в обществе широкого комплекса русофобских трактовок и стереотипов, осуждение почти всей русской истории имеют следствием особое психологическое состояние общества, когда быть русским становится неприятно и даже стыдно. Русская идентичность лишается престижного социального статуса, становится непопулярной или даже опасной. Такое за XX столетие случалось по крайней мере дважды — в 1920-х и в 1990-х гг. Русским внушалось чувство вины и целый комплекс негативных автостереотипов.

Чувство вины обыкновенно связано с констатацией того, что русские — самый большой народ в государстве и потому исторически притесняет другие. До уровня законченной концепции это довёл В.И. Ленин, постулировавший осуждение «национализма большой нации» и поддержку «национализма малых народов». Так, русский национализм (то есть идеи русского самоопределения) клеймился как «великорусский шовинизм» и подпадал под строгий запрет. Этот запрет был возобновлён в новых условиях постсоветской России в связи с информационной кампанией о «русском фашизме». Отождествление русского патриотизма с фашизмом, то есть с идеологией, имеющей в восприятии большинства преступный характер, стало нормой. Русские видятся как «природные фашисты» — просто потому что являются очень крупным народом, «по

определению» опасным для окружающих малых.

Таким образом русским внушается страх перед самими собой. Типичный аргумент против проекта русской национальной государственности: «да русским только дай власть, они же всех пережут!» Это опасение основано не на осмыслении характерных особенностей русского народа, а на аналогии с немцами. Перспектива стать «как немцы при Гитлере» вполне естественно вызывает страх. Русское самосознание становится боязливым.

Русское самоназвание оказывается негативной идентичностью, то есть для многих его носителей оно становится скорее культурной обузой, чем основой для гордости. А это идеальные условия для его смены — как только она становится возможна. Для этого может оказаться кстати и какой-нибудь нерусский предок, и восприятие новой идентичности при эмиграции или в условиях постсоветского «нового независимого государства», или через восприятие какого-либо альтернативного идентитарного проекта. Негативная идентичность крайне хрупка, от неё всегда хочется отказаться. И главное — она не может стать основой для социальной консолидации.

Всё это привело к тому, что общество выработало особые нормы политкорректности, запрещающие выставлять напоказ русскую идентичность. Манифестации любого иного самосознания поддерживаются представлением о необходимости защищать малые народы и воспринимается скорее как забавная особенность. Но самохарактеристика «я — русский» видится вызовом обществу спокойствию.

Через утверждение русофобской мифологии русским внушается представление об их ненормальности, опасности, а значит и необходимости как-то бороться, подавлять свою русскость. Стать «нормальным» человеком можно только через самоотречение. И тут же предлагаются многочисленные техно-

логии самоотречения — и как личные, и как общественные практики. «Я не знаю, кто я», «у меня нет национальности», «я россиянин», «я украинец», «я землянин» и т.д. — это всё варианты отречения от русского имени, избегания русской идентичности.

К этому добавляется и внушение ряда положительных характеристик, склоняющих к самоотречению: так, «всемирная отзывчивость» как национальная черта оказывается основой для табу на поднятие вопроса о национальных интересах. Нередко предлагается и переключаться на идентичности другого типа, обыкновенно фиктивной природы, например классовые.

* * *

Помимо идентитарных технологий в целях дерусификации действуют и законодательные меры. Для советской системы была характерна т.н. позитивная дискриминация — русские были единственным народом, лишённым собственной национальной республики. При этом и многонациональная РСФСР, большинство населения которой составляли русские, была неполноправной республикой. Эта же дискриминационная система действовала и на партийном уровне.

Запрет на русскую субъектность в социальном и политическом поле сохранён и в современной Российской Федерации. На основе русской идентичности нельзя объединяться. Русские в наши дни остаются единственным крупным народом европейской части света, не имеющим каких-либо институтов самоуправления, даже в культурной области. Некоторые запреты не прописаны законодательно, но применяются на практике: например, формально русские в России имеют право на собственную культурную автономию, но на деле любые попытки её регистрации пресекаются. Старая советская модель национальной политики теперь дополняется новой идеологией и практикой мультикультурализма, также

утверждающей приоритет прав и возможностей меньшинств.

На начало XXI века русская идентичность нигде не имеет официального статуса, она — за несколькими исключениями — не представлена даже в названиях общественных организаций. Это в прямом смысле слова нелегальная идентичность, она полностью вытеснена из публичной сферы.

Такая система недопущения русского самоуправления блокирует любые политические актуализации русской идентичности и препятствует формированию механизмов сопротивления дерусификаторским практикам. Позитивная дискриминация создаёт ситуацию предпочтительности любых иных идентичностей, кроме русской. Быть русским оказывается в социальном и политическом отношении просто невыгодно.

Однако все эти идентитарные и социально-политические техники ограничения русскости были бы невозможны или же неэффективны без прямого физического воздействия. Речь идёт в первую очередь о многократно проведённом в различных регионах геноциде. В XX веке русские испытывали крайние притеснения со стороны завоевателей. Запрет на русскую субъектность действовал на обширных западнорусских территориях межвоенной Польши. Откровенный геноцид был развёрнут на землях, завоёванных немцами во время Второй мировой войны. Многомиллионные жертвы русского народа были связаны не только с ведением военных действий, но и с политикой в отношении русских, которая была основана на русофобской идеологии нацизма, видевшей в русском народе недопустимое расовое смешение. Только отсутствие русской политической власти не позволило после войны поставить вопрос о геноциде русского народа, осуществлявшегося властями Третьего рейха.

Однако геноцидные практики проводились и властями внутри страны.

Во многом к ним можно свести и многомиллионные жертвы Гражданской войны от военных действий интернациональных объединений против русского сопротивления, во многом обескровившей русский народ. И планомерно проведённый большевиками геноцид казачества. Многомиллионная эмиграция, результаты коллективизации, индустриализации, сталинских репрессий принципиально изменили, а точнее сказать — разрушили социальную структуру русского народа. Были уничтожены основные социальные слои — носители русской культуры. Физически истреблено либо выброшено за рубеж дворянство и значительная часть русской интеллигенции, уничтожено духовенство. Под конец XX в. стало определённо ясно, что почти не осталось и главного хранителя русской народности, то есть крестьянства, русской деревни.

Борьба с русским движением шла и методом точечных репрессий. Как уничтожили всех членов, к примеру, дореволюционного Киевского клуба русских националистов или (четверть века спустя) активистов всех русофильских организаций на Галичине, так и несколько позже зачищали партийные органы от сознательно русских элементов в ходе «Ленинградского дела». Запреты русских национальных организаций характерны и для постсоветской России, многие их активисты оказываются за решёткой. Статья 282 о разжигании межнациональной розни получила в народе наименование «русской».

Важным методом дерусификации является также и уничтожение русской среды обитания. За прошлое столетие было снесено подавляющее большинство церквей, почти уничтожена историческая застройка русских городов, огромный урон понесла природа Русской земли. Важно подчеркнуть, что эти практики не остались в прошлом веке, они активно проводятся в жизнь и по сей день.

* * *

Суммируя, можно выделить несколько важнейших технологий дерусификации.

— Запрет на традиционную духовную жизнь русского народа, на деятельность Русской Церкви.

— Внедрение различными методами национальных проектов, призванных заместить русскую идентичность новой, альтернативной, изменить историческую память и самоназвание русского народа, разделить восточных славян.

— Навязывание обществу особого дискурса идентичности, псевдобиологизаторских критериев самоопределения, которые лишают русское самоназвание консолидирующего потенциала и приводят к отказу от него на личном уровне.

— Распространение в народе русофобских идей, исторических трактовок, превращающих русскую идентичность в негативную, навязывание русским чувства вины.

— Прямой запрет на выражения русского патриотизма, на призывы к русской консолидации, на какие-либо проявления русской субъектности.

— Создание системы позитивной дискриминации, когда русские оказываются единственным народом, лишённым национальных прав, а также многих социально-экономических возможностей в пользу других народов.

— Лишение русской идентичности легального статуса на государственном и общественном уровне, прямые запреты на деятельность русских национальных организаций.

— Наиболее грубые технологии дерусификации — физическое истребление целых слоёв русского общества, разрушение его социальной структуры, а также уничтожение среды обитания русского народа, следов его истории и культуры.

Важно подчеркнуть, что начало активного применения дерусификаторских технологий положили польские и австрийские власти, однако действительно масштабное их введение в практику на основной территории расселения русского народа инициировали большевики. И также немаловажно отметить, что почти все эти технологии применялись (а во многом и сейчас применяются) вместе, в единой системе.

В результате к началу XXI века русский народ пришёл в инвалидном состоянии: десятки миллионов лишены русского самосознания, у другой его части оно сомнительное или же сведено к негативной идентичности. Почти уничтожена крестьянская основа народной жизни, а культурная элита преимущественно отказывается от русского имени. У общества нет единой консолидационной идентичности. Русский народ не имеет никаких инструментов самоуправления и самозащиты, существует на нелегальном положении, нет никаких способов выявления его проблем и интересов, кроме разве что статистических. Власти русскую идентичность отвергают. Русские сильнее всего поражены и в политической, и в социальной, и в экономической, и в культурной сферах. При этом перспектив отмены действия дерусификаторских властных практик пока что не видно, равно как и готовности русского народа к сопротивлению и к самоорганизации.

Хотя некоторые перемены, возможно, уже начинают происходить в связи с реакцией на инокультурную миграцию из южных регионов бывшего СССР. Если она приведёт к возрождению русского самосознания на иных основаниях, то у русского народа появится шанс и на частичное преодоление совершённой дерусификации, и на перспективы национального возрождения. Потенциал для этого всё ещё есть, и немалый.

Наталия Холмогорова

«МЫ ХОТИМ СОХРАНИТЬ СВОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ “Я”»

В последние годы среди русских в России нередки споры о положении русского или русскоязычного меньшинства в прибалтийских государствах — Латвии и Эстонии. Об этом можно услышать противоположные мнения.

Официозные СМИ любят рассказывать о страшных притеснениях, которым якобы подвергаются русские в прибалтийских странах — хотя очевидно, что рассказы эти носят прежде всего пропагандистский характер: ведь куда более серьезные притеснения и ущемления русского меньшинства в странах Средней Азии проходят практически не замеченными.

С другой стороны, от национал-демократов, особенно «широпаевского» извода, нередко можно услышать, что никаких проблем у русского населения в Прибалтике вообще нет; что страны Прибалтики представляют собой идеальные «европейские государства», своего рода рай земной, в том числе и для русских. Если же кто-то из местных русских жителей чем-либо недоволен или считает себя ущемленным — это связано лишь с тем, что они, в сущности, не столько русские, сколько «совки», отсталые люди с имперским и прокоммунистическим мышлением, неспособные смириться с тем, что времена СССР ушли безвозвратно.

Выслушивать инвективы в адрес «отсталых» соотечественников всегда неприятно — особенно когда они исходят от наших же товарищеско-националистов. А вопрос о том, как

живут русские в странах бывшего СССР, не попираются ли их права, нужна ли им какая-либо поддержка со стороны русских в России — для русских националистов имеет самый непосредственный, практический смысл.

Поэтому представители РОД отправились в Эстонию, чтобы выяснить этот вопрос на деле — услышать из первых уст позицию русских эстоземельцев.

Представляем вашему вниманию запись беседы с членами общества «Витязь» — общественного и культурно-просветительского объединения русских в Эстонии.

Наталия Холмогорова:

— Расскажите нам, пожалуйста, о русских в Эстонии. Сколько их, какой процент населения они составляют, где живут?

Александр Котов, член правления общества «Витязь»:

— По официальным данным, русских в Эстонии около 25%, но нужно учитывать, что к русской культуре причисляют себя и украинцы, и белорусы, и другие выходцы из стран бывшего Союза. Это люди русской культуры, хотя они могут быть и другой национальности. У нас есть такое понятие, как «русская община» — все они туда входят. Русская община — это не менее 30% населения. Условно ее можно поделить на три составляющие: граждане России, граждане Эстонии и «неграждане». У каждой из этих

категорий есть определенные политические права. Российские граждане могут ездить без визы в Россию, голосовать на выборах в российский парламент, могут служить в российской армии — это по желанию. Но они фактически исключены из местной политической жизни. Единственное, что они могут делать — голосовать на муниципальных выборах. С «негражданами» то же самое. Они не участвуют в политической жизни, у них нет никаких политических прав, кроме права голосовать на муниципальных выборах. В армию их не призывают, на государственную службу не берут, и за границей, в Европе, им сложно работать. Что касается третьей категории, с эстонским гражданством, то это либо эстонцы, либо натурализованные русские, которые родились здесь и получили эстонский паспорт, например, по принципу правопреимства. То есть кто-то из их предков жил на территории Эстонии до 1940 г.

Н.Х. А каково происхождение этих категорий? Как они возникли, как люди попадают в каждую из них?

А.К. Когда разрушился Советский Союз и образовалась независимая Эстония, те из русских, у кого предки жили здесь до 40-го года, получили здешние паспорта. Кто-то успел без проблем натурализоваться по другим параметрам. Кто-то успел получить российский паспорт. Ну а третья категория не успела получить ни того, ни другого. Некоторые ждали, что им дадут гражданство автоматически, а их, напротив, лишили гражданства. В Литве, например, нет «неграждан», потому что республика дала всем гражданство автоматически. У нас такого нет. Даже если ты тут родился, тебе никто ничего не дает. Ты должен доказать, что ты гражданин, что ты лояльный и что ты больший эстонец, чем сами эстонцы.

Анатолий Семенов, член правления общества «Витязь»:

— Например, как я получил гражданство, а я гражданин Эстонии

с 1995 г. В конце 80-х — начале 90-х гг. здесь началась «Поющая революция». Многие русские, жившие в Эстонии, выступили в поддержку восстановления независимости — на первом этапе не было разделения по национальному признаку. Тот, кто поддержал независимость Эстонии, сначала пользовался льготами. А участники голосования за независимость получали гражданство Эстонии. Так обрели паспорта многие из тех русских, кто не владел эстонским языком и не имел длительных внутренних связей с республикой. Но позже правительство взяло жесткий курс на разделение по этнической принадлежности...

А.К. Появился лозунг «очистим площадку!» То есть очистим Эстонию от русских...

А.С. Что в переводе на русский означает «чемодан, вокзал, Россия».

А.К. Многие из русских, выступавших за независимость Эстонии, думали, что мы построим свободное демократическое государство. Но потом они увидели, что это государство не свободное, не демократическое, здесь есть дискриминация, и многие перешли в оппозицию к нынешней власти.

Н.Х. Как именно проявляется дискриминация «неграждан»? Чего эти люди лишены?

А.К. Они лишены политических прав, они не могут участвовать в политической жизни, максимум — голосовать на местных выборах. В Латвии, например, «неграждане» и этого лишены, они не могут голосовать ни на каком уровне.

Н.Х. В бытовых, гражданских правах они тоже поражены?

А.К. В Конституции у нас все идеально. Написано, что все у нас равны. Но в реальности обладателям русских фамилий часто трудно устроиться на работу. В прошлом году Таллинский университет провел исследование, выяснял, легко ли русским найти работу. Работодателям посылались анкеты от имени эстонцев и от имени русских,

равное количество. В русских анкетах были лучшие показатели — лучшее образование, большой опыт работы. И исследование показало, что предпочтение отдается эстонцам, даже если они образованы хуже и опыт работы у них меньше.

Н.Х. Это происходит в государственных учреждениях или в частных компаниях?

А.К. И там, и там. Это часто зависит от начальника фирмы, от того, как он относится к русским.

А.С. Я могу добавить, что это не официальная политика, это осуществляется негласно. Официально — проводится политика интеграции. Государство потратило немало средств на программу интеграции, сближения двух диаспор.

А.К. Эта программа фактически не работает.

А.С. Да, деньги ушли впустую. Много было потрачено на социальную рекламу. Были несколько странные призывы. Мне первым на память приходит слоган «Язык прокормит». В этой рекламе был изображен зашитый рот, подразумевалось, что если ты его разрежешь, то тебе будут доступны все блага республики...

А.К. И на языке эстонский флаг...

А.С. На официальном уровне государство постоянно отрицает существование какой-либо дискриминации. Но я могу сказать, что дискриминации подверглось население старшего поколения, люди предпенсионного или пенсионного возраста. В силу возраста, в силу других обстоятельств пожилым людям трудно выучить новый язык. А это основное требование к интеграции. Молодое поколение, уже выросшее в Эстонской республике, не испытывает таких трудностей. Даже северо-восток Эстонии, Нарва, где практически все население русскоязычное. Здешняя молодежь имеет возможность поступить в Тартуский университет. Люди вполне свободно обучаются, при желании, на эстонском

языке в эстонском университете. Больше всего проблем у людей среднего и старшего возраста.

Н.Х. Я хочу уточнить. То есть на бытовом уровне русских, даже имеющих эстонское гражданство, дискриминируют просто потому, что они русские?

А.К. Тут можно добавить, что дискриминация существует и на государственном уровне. В Конституции записано, что образовательное учреждение национального меньшинства вправе само избирать язык обучения. Этим захотели воспользоваться несколько русских гимназий, решив оставить русский язык обучения. Они провели совещание, составили протоколы, подали заявки в правительство, но заявки были отклонены. Одновременно действует программа эстонизации русских школ — то есть прямо нарушается Конституция, европейские конвенции. Сейчас они судятся, но это фактически бесполезно.

А.С. Не надо забывать, что существует такая организация, как полиция безопасности. Ряд наших русскоязычных политических деятелей, депутатов Рийгикогу, работает в области защиты русскоязычного образования в Эстонии. Это Яна Тоом и Михаил Кылварт, депутат парламента Рийгикогу и вице-мэр Таллина. Они попали в ежегодный список полиции безопасности как люди, проводящие политику, направленную против государства. Хотя цель этих политиков — помочь отстоять русское образование в Эстонии.

Н.Х. К полиции безопасности мы перейдем потом, а сейчас расскажите поподробней о языке, об образовании и интеграции. Итак, эстонский и русский языки. В каких сферах используется русский язык? Неудобна ли сложившаяся ситуация для русских, и если да, то насколько неудобна?

А.К. Эстонский язык — прежде всего официальный язык. Во всех официальных бумагах, отчетах, в общении с официальными структурами, учреж-

дениями, больницами — везде используется эстонский.

Н.Х. Человек заболел, попадает в больницу, с ним врачи и медсестры общаются только по-эстонски?

А.К. Врачи могут общаться по-русски, если они знают русский. Но все документы пишутся на эстонском. Был случай, когда русскоязычный ребенок пришел к врачу, не смог ответить по-эстонски, и врач выкинул его карту в мусорное ведро. Государство подогревает такое отношение к русским. Россия — это чуть ли не главная тема эстонских СМИ. Каждый день пишут о России что-нибудь скандальное, негативное.

Н.Х. Эстонские школы и русские. Можно ли рассказать поподробней о них? Я так понимаю, что эстонские школы — государственные, русские — частные?

А.К. Нет, русские — тоже государственные. Точнее, они муниципальные. Сами эстонцы сравнивают русских с турками в Германии. Они говорят: у турок, которые приехали в Германию, нет своих школ, почему у русских должны быть школы? То есть они даже не хотят вспомнить, что русские школы здесь были еще до революции, им уже больше ста лет. Еще в 90-е годы была принята программа о переводе русских школ на эстонский язык, потом ее отложили в долгий ящик, и, наконец, в прошлом году вступила в силу. Теперь 60% предметов в русских гимназиях читается на эстонском языке.

Н.Х. То есть детям, учившимся по-русски, предложили внезапно овладеть эстонским?

А.К. Да. И для реализации этой программы не было ничего готово — не были подготовлены учителя, литература. Как я сказал, Конституция позволяет сохранить обучение на русском языке, но правительство наши требования отклоняет.

А.С. Очень важный момент. Такая организация, как языковая инспекция,

требует от работников определенного уровня знания языка. Я сейчас не могу точно сказать, но существует градация знания эстонского, категории А, В, С, F. Люди, которые работают в управленческом аппарате (а учителя к нему относятся), должны владеть эстонским практически в совершенстве. Но немолодому человеку, который получил образование в Советском Союзе (средний возраст учителей приближается к 50 годам), нелегко выучить новый язык даже на бытовом уровне. И в таком возрасте практически невозможно освоить его так, чтобы преподавать на нем свой предмет — и вот это проблема. Педагоги с большим стажем часто становятся жертвами жестких решений языковой инспекции, вплоть до увольнения.

Н.Х. Как вы сказали, средний возраст учителей — около 50 лет, а молодежь, получается, не особенно идет в учителя.

А.К. Кадров не хватает...

Н.Х. Мало платят?

А.С. Мало платят, да. Одна из наименее оплачиваемых профессий — это педагоги, правда, не только русские. Вообще вся культура плохо оплачивается.

А.К. Получается, что русскоязычного педагога в русскоязычном классе заставляют говорить с русскоязычными детьми на эстонском. Это нонсенс! При том, что в недавно опубликованный список лучших гимназий Эстонии попали несколько русскоязычных школ, они в первой десятке. Это говорит о том, что и без перевода обучения на эстонский язык детям дают очень хорошее образование, ученики в таких школах хорошо изучают эстонский, поступают в эстонские университеты. То есть принудительный перевод на эстонский язык совершенно не оправдан — или, по крайней мере, не оправданы методы, которыми такой перевод делается. Скажем, та же Нарва, город на северо-востоке, 60–90 тысяч населения, 90% — русские. Даже там все

делать надо на эстонском, там переводят школы на эстонский.

Н.Х. А верно ли, что знание и эстонского, и русского дает конкурентные преимущества при устройстве на работу?

А.К. Это смотря где. В провинциальной Эстонии, может быть, это и не так, а в Таллине, где около половины населения — русские, без русского языка вообще никак.

А.С. В Таллине 50% русскоязычного населения, а в целом по Эстонии — 25–30%.

Н.Х. А молодые эстонцы учат русский факультативно, по собственному желанию?

А.К. Некоторые учат, но это не самый популярный язык. На первом месте стоят другие. Предпочтение отдается английскому, французскому, немецкому, финскому — очень много эстонцев уезжает работать в Финляндию.

Н.Х. Эмиграция большая?

А.К. Большая. Сейчас на самом высоком уровне обсуждается демографическая проблема. Работоспособные люди, молодежь уезжают на Запад, за границу. Работать некому, население стареет, сюда приезжает все больше иммигрантов из азиатских стран. Причем не только официально, но и нелегально. Пока это десятки, может быть, сотни, но с каждым годом этот поток увеличивается.

А.С. Нас спасает то, что социальная программа в Эстонии очень слабая. Если мы возьмем среднестатистическую семью, то пособие на ребенка равняется 20 евро.

Н.Х. Чтобы наши читатели понимали, расскажите, пожалуйста, каков размер средней зарплаты, какие средние цены?

А.С. Минимальная зарплата с 2013 г. составляет 312 или 314 евро. В сфере обслуживания средняя зарплата продавца колеблется от 300 до 400 евро. Такой же оклад работников общепита. Средний повар — я не говорю

про элитные рестораны в пятизвездочных отелях — получает порядка 400–500 евро на руки. Зарплата учителей после прошлогодних забастовок должна равняться 700–800 евро. Я не берусь утверждать, «брутто» это или «нетто», но будем исходить из официальных цифр. Следующая категория — строительство. Строители получают официально зарплату отдельно, а неофициально, в конверте — отдельно (руководители строительных фирм стремятся уходить от налогов). В сумме получка составляет около 1000 евро.

Н.Х. А каковы цены — на жилье, на ЖКХ?

А.К. Я хотел бы сделать небольшую ремарку. В Эстонии самая маленькая зарплата в Европе — может, на третьем месте или на втором. В Греции, которую объявили банкротом, минимальная зарплата — 1000 евро, а у нас всего 300.

Н.Х. А в Латвии и Литве сколько?

А.К. В Латвии примерно так же или даже чуть меньше.

А.С. Я продолжу свой рассказ. Средняя зарплата работников сферы обслуживания или управленческого аппарата — 300–500 евро. Средняя зарплата депутата парламента равняется 3,5 тысячи. Я говорю приблизительно, потому что депутаты получают еще различные доплаты за ту или иную работу. У чиновников на уровне волости минимальная зарплата — 600–700 евро. Но она складывается не только из оклада, туда же входят различные доплаты и компенсации — за транспорт, за топливо, другие доплаты. В разных волостях их размеры разные. Но нужно заметить, что эстонцы занимают все ключевые позиции в управлении государством, это признается уже официально. И средний доход эстонской семьи на порядок больше, чем у русскоязычных.

Н.Х. Русских на эти должности не допускают, даже если они граждане, даже если они в совершенстве знают

эстонский и отвечают всем требованиям?

А.С. Это есть. Но если мы возьмем Таллин, вице-мэр города — Михаил Кылварт, глава администрации крупнейшего района Таллина, Ласнамяэ — Ольга Иванова. В общем, на муниципальном уровне, где участие русскоязычного населения в общественной жизни значительно, некоторые русские проходят наверх.

А.К. Нужно иметь в виду, что сейчас у муниципальной власти в Таллине находится Центристская партия, можно сказать, единственная оппозиционная партия. За нее голосует абсолютное большинство русских. Поэтому хотя ли этого власти или нет, русские как-то поднимаются наверх. В остальных партиях мы не играем никакой роли.

Н.Х. А как все эти зарплаты сочетаются с ценами?

А.С. Из 400–500 евро, средней зарплаты, нужно сразу отнять половину — коммунальные услуги с вычетом электричества, оплаты телефона, Интернета, телевизора. Обычная квартплата, куда входит вывоз мусора, обслуживание дома, отопление, составляет половину зарплаты. Это 200–250 евро в зависимости от района Таллина. Магазины, как и везде, делятся на две категории. Есть магазины для бедных, «эконом-класса». Есть такие сети магазинов, как «Сервер» и «Максимум», — эти магазины немного подороже. В среднем 600 грамм хлеба — батон или булка по-русски — стоит 1–1,5 евро килограмм. Относительно дешевый картофель (в Эстонии кроме картофеля особо-то овощей и не выращивают) стоит 30–60 центов. Морковь — 0,25–1 евро. Молоко — от 50 до 80 центов. Сметана, 400-граммовый пакет — от 1–1,5 евро.

А.К. Фрукты по евро все.

А.С. В зависимости от сезона. Овощи, например, испанские помидоры, стоят порядка 1,5–2 евро, а местные помидоры и огурцы — в два раза дороже.

Н.Х. То есть получается, что если человек зарабатывает 500 евро, он половину отдает за жилье, за коммунальные услуги, а все остальное у него уходит на питание?

А.С. Правильно, поэтому на культуру, обслуживание, одежду у многих семей денег не остается. Официальные данные эстонской статистики: около 60 тысяч детей в Эстонии недоедают.

А.К. При этом нужно иметь в виду, что у русских в среднем зарплата в два раза меньше, чем у эстонцев. И безработица у русских в разы больше, чем у эстонцев. Везде ставят условия: хочешь работать дворником — сдай категорию по эстонскому. Чтобы с метелкой общаться по-эстонски, видимо.

А.С. Но зато Эстония в Евросоюзе на первом месте по уровню образования уборщиц. Ни в одной стране Евросоюза нет такого процента уборщиц со средне-специальным и высшим образованием. Все они русскоязычные.

Н.Х. Как вы ощутили экономический кризис?

А.С. Экономический кризис коснулся, во-первых, производства валового продукта, который определяет любую составляющую бюджета. Я могу сказать по себе: моя зарплата за период кризиса понизилась на 15%. Это была официальная политика государства, политика затягивания поясов.

Н.Х. А вы в какой области работаете?

А.С. Я сейчас пенсионер, а тогда работал в здравоохранении. Скажем, в 2009 г. зарплаты сократили, а инфляция... Вообще, это интересный вопрос, из чего состоит инфляция. По официальной статистике ее уровень в год незначителен — 3–3,5%. Но ведь сюда входят и товары первой необходимости, и то, что мы покупаем редко. Например, телевизор какой-то марки подешевел на 20%, а цены на продукты выросли на 50%. Но общая картина дает эти 3%. Но мы же не покупаем ежегодно дорогие телевизоры, ковры или автомобили. Если цены на эти то-

вары понизились на 20–30%, а цены на предметы первой необходимости выросли, то статистика получается лживой. Основное население тратит деньги на обслуживание своего жилья и питание.

Нужно отметить, что в Эстонии многие молодые люди стали жертвами ипотечного бума — все брали кредиты. Банки раздавали их налево и направо, только бери. И если в докризисный период квартира стоила 1,5–2 миллиона, то теперь она стоит миллион с небольшим — цены упали в два раза. Человек обслуживает кредит, который не совпадает с реальной ценой недвижимости. Людям очень трудно. Многие не могут оплатить ипотеку, и их выбрасывают на улицу. Спасает то, что, чем дальше район, тем цены квартир ниже. В городе Палдиски, который в 50 км от Таллина, квартиры в 2–2,5 раза дешевле, чем в столице. И многие пенсионеры стремятся продать квартиру в Таллине и переехать в пригороды.

Н.Х. Какая-то социальная защита есть в стране?

А.С. Официально — да.

Н.Х. А на самом деле?

А.С. Есть детские пособия, есть пособия в волостных управлениях по поддержке обучения, по социальной поддержке — оплата квартплаты, например. Но все это только на бумаге выглядит красиво. А реально, скажем, детское пособие на одного ребенка — 20 евро. Мы сейчас посидели с вами в кафе, выпили чашку кофе, скушали бутерброд и заплатили такие же деньги. Эта же сумма выплачивается на одного ребенка в месяц.

Н.Х. То есть можно позволить хлебом ребенка обеспечить, и все.

А.С. Да, поэтому я повторюсь, 60 тысяч детей ходят в школу голодными, это официальная статистика. И после девятого класса у нас введена плата за питание.

Н.Х. Как воспринимается жизнь в Эстонии в целом? Хорошо, терпимо,

или, наоборот, плохо и все мечтают поскорей «свалить» куда-нибудь?

А.С. Конечно, число желающих уехать среди молодых людей, которые не видят здесь для себя перспектив, год от года растет. Официально это выглядит как обучение за рубежом, работа в соседней Финляндии или скандинавских странах. Молодежь едет в Ирландию, Великобританию, Германию, в меньшей степени — в Испанию и Францию. Большая часть рабочего класса сейчас находится в Финляндии и в скандинавских странах, там зарплата в 3–4 раза больше, чем в Эстонии. Выполняя ту же самую работу, что и здесь, можно получать не 300–500, а 3–3,5 тысячи. Средний врач в Эстонии получает 1000 евро, а выполняя такую же работу в Финляндии, он получает 6–7 тысяч евро.

А.К. Причем у русской молодежи идея уехать из Эстонии еще более популярна.

Н.Х. Русские едут больше на Запад или в Россию тоже?

А.К. На Запад.

Н.Х. А в Россию едет кто-нибудь?

А.К. Едет, но это не так массово, таких наберется маленький процент.

А.С. Несмотря на то что русский язык ближе этой молодежи, они предпочитают ехать на Запад. Там они социально более обеспечены, и у них не возникает проблем с визами — мы члены Евросоюза, любой гражданин может купить билет и ехать в Европу. Выехать же на восток довольно проблематично.

Н.Х. Каковы отношения между русскими и эстонцами в быту? Чувствуется ли неприязнь со стороны эстонцев, или, напротив, отношения совершенно нормальные?

А.К. Бытовая дискриминация незначительна. Это объясняется очень просто — контакты между русскими и эстонцами минимальны. В быту русские общаются с русскими, эстонцы — с эстонцами.

А.С. Я бы не согласился. Может,

в Таллине это и так, но это проблема большого города. Мы же живем в небольшом городке, в пригороде Таллина.

А.К. В Таллине половина русских, поэтому здесь можно и не иметь друзей-эстонцев. А если ты живешь в Тарту, то там в основном эстонский город, и хочешь не хочешь, будешь с ними общаться.

А.С. Я могу сказать на примере нашей Кейлы. Ты в общем-то можешь говорить на любом языке с людьми, особенно старшего возраста, и тебе ответят. Я не встречал проблем, за редким исключением. В Таллине это, может быть, чувствуется острее.

А.К. Когда дело доходит до принципиальных тем, тогда да — уже встает вопрос «ты русский, так и сиди молча».

Алиса (участница «Витязя»): Не всегда, я учусь в училище, там все русские с эстонцами общаются и даже дружат.

А.К. А ты попробуй поговори с ними на острую тему...

А.С. Да, на бытовом уровне конфликтов нет. Но если речь идет об истории... У нас различные взгляды на историю, на одни и те же вопросы.

Н.Х. Какие темы для вас остры и в чем это выражается?

А.К. Советский период для эстонцев — это зло, оккупация. Не было никакого освобождения, 22 сентября, когда советские войска освободили Таллин, у них чуть ли не траурный день.

Н.Х. Правда ли, что эстонцы культивируют память о своих военных действиях на стороне немцев?

А.К. Это правда. С этим, думаю, все согласятся. Каждый год на Синемяэ собираются ветераны вермахта и СС. Даже на официальном уровне прошла встреча, премьер-министр встречался с участниками Союза борцов за свободу Эстонии, награждал их, говорил торжественные речи. А в этот Союз входят бывшие ветераны немецких армий, СС, лесные братья — для них это герои.

Н.Х. А как же это сочетается с тем, что тема Гитлера и выступлений на стороне Гитлера во Второй мировой войне в Европе не приветствуется?

А.К. Это так мотивируется: якобы эстонцы вступали в немецкую армию, чтобы воевать за свободную Эстонию. Естественно, все прекрасно понимают, что это ерунда. Они давали присягу на верность Гитлеру.

А.С. Не все так просто. Взгляд на историю второй половины XX века у эстонцев и русских различается по нескольким причинам. Все-таки большинство русскоязычных оказалось здесь после Второй мировой войны, они сюда прибыли не как оккупанты, как говорит сейчас часть эстонцев, они прибыли сюда восстанавливать хозяйство. Эстония обезлюдела. Часть интеллигенции, часть управленцев вынуждена была эмигрировать — это факт. Когда сюда пришла советская власть, элита Эстонии была потеряна.

А.К. Президент Эстонии тоже из эмигрантов...

А.С. Поэтому говорить, что люди сюда пришли как оккупанты, нельзя. Как мы уже говорили, людей сюда просто направляли. Здесь не было рабочих, русских рабочих привлекали на строительство заводов, фабрик, жилья. Все наши жилые районы построены специалистами, которые прибыли в Эстонию после окончания институтов и техникумов. Вся энергетика базировалась на специалистах, которых нельзя было подготовить в Эстонии. Потом в какой-то момент они вдруг оказались оккупантами. Конечно, с одной стороны, сейчас официальная власть внушает эстонцам, что была оккупация. С другой стороны, никакие документы не подтверждают, что это была оккупация. Да, может быть, в 40-м году здесь было сделано что-то не так. Все мы знаем: сталинский режим, пакт Молотова–Риббентропа, все это было. Но после войны, если мы посмотрим хронике, если мы читаем документы, то обнаружим, что не ссылали русские

кого-то в Сибирь. Это делали сами эстонцы.

Н.Х. То есть репрессии были, но их проводили эстонцы?

А.С. Да. Моя знакомая эстонка мне открыла глаза на суть этой проблемы. Она сказала: ни у одного народа мира нет такой поговорки: «Лучшая еда для эстонца — другой эстонец».

Н.Х. То, что вы сейчас говорите, это общепринятая точка зрения у русских по стране?

А.К. Да.

А.С. У русских, сказать честно, больше боли. Но эта боль оттого, что Россия нас не поддерживает. Для России мы уже эстонцы. В какой-то степени, наверное, так и есть. И живущих здесь людей выручают русский юмор, русское терпение, поэтому все уже не так болезненно воспринимается. Но на бытовом уровне не существует разделения между эстонцами и русскими. Соседи могут зайти, попросить соли, какие-то мероприятия во дворе — всегда все выходит вместе. Да, бывают проблемы с языком, но это решается довольно просто. Но когда официальная власть отмечает как самый популярный праздник день образования 20-й дивизии СС... В СС шла эстонская молодежь, причем не из-за ненависти. В Эстонии было безземелье, а немцы сказали: если вы вступите, то получите по три гектара, будете там жить и пахать землю. В основном там оказались молодые ребята, 22–25-го годов рождения, от голода. Вообще же эстонцы привыкли к тому, что кто платит, тот заказывает музыку. Но я повторю, что дискриминации как таковой на бытовом уровне почти нет — это случается крайне редко.

Н.Х. То есть в бытовом плане русские и эстонцы достаточно комплиментарны, но государственная политика антирусская?

А.С. Да.

Н.Х. У нас в России можно услышать, что русские в Прибалтике — это люди советских взглядов, «совки», как

у нас говорят. Что они — носители сталинистского мировоззрения. Насколько это верно?

А.К. Это в корне неверно. У нас нет никаких коммунистических партий. Максимум, люди приходят отметить 9 мая как праздник Победы. Может, разве по этому признаку можно судить, а в основном ничего такого сталинистского у нас тут нет.

Н.Х. То есть ваше отношение к советскому прошлому достаточно трезвое?

А.К. Ну конечно. СССР просто воспринимается как наша общая родина.

Н.Х. Хочу вспомнить историю Бронзового солдата. У нас в России она шумно прогремела. Что там, с вашей точки зрения, произошло?

А.К. Правящая партия решила устроить провокацию. Решили убрать «символ оккупации», как они это называли, из центра Таллина. Говорили, что это просто памятник, никакого захоронения нет. Потом оказалось, что там братская могила, причем наш премьер-министр обозвал этих погибших солдат пьяницами, попавшими под танк. Эстонские националистические организации начали устраивать всякие акции, обливать памятник краской, носили к памятнику колючую проволоку, пытались осквернить его. В ответ возникло русское движение «Ночной дозор», его члены по ночам охраняли Бронзового солдата. А потом, в один прекрасный день памятник окружили проволокой, начали раскапывать могилы. Ночью памятник демонтировали и увезли, хотя премьер обещал, что до 9 мая он достоин. Могли сделать все по-человечески, торжественно, с почестями, а получилась грязная провокация. И когда памятник уже окружили проволокой, поставили полицейский кордон, начали собираться люди. К вечеру собралась большая толпа, которая требовала, чтобы памятник оставили. Неизвестно, кто там первый начал, но когда полиция принялась всех разгонять, произошли столкновения

с полицией. Появились провокаторы, работники местной охраны, которые затевали потасовки. Стали бить витрины, потом появился спецназ. Тогда много русской молодежи арестовали, бросили в портовый терминал, потому что тюрьмы были переполнены. Бросали на голый бетонный пол со связанными сзади руками, избивали. У меня очень много знакомых оказалось там. Потом выяснилось, что треть задержанных были эстонцы, но когда задержанный сообщал, кто он по национальности, его отпускали. А говорили, что-де русские мародеры громили Таллин.

Н.Х. А как туда эти эстонцы попали — решили просто поучаствовать в беспорядках?

А.К. Да, это были обычные хулиганы, во время трагедии часто начинается мародерство. Был такой немец, Клаус Дорнеман, журналист, его тоже арестовали под шумок, отвезли в терминал, там хорошенько избивали. Он остаток жизни потом посвятил тому, чтобы добиться от Эстонии компенсации.

Н.Х. Добился?

А.К. По-моему, особо нет. Эта ночь стала отправной точкой. У многих русских молодых людей, интегрированных, лояльных Эстонии что-то перевернулось в душе. В том числе у меня. Мы стали по-другому относиться к государству, более трезво смотреть на его политику и ощущать свою национальность острее. Конечно, снос памятника был кощунством, но фактически правительство сделало подарок русским, оно дало толчок к возрождению национального самосознания. И у нас, как грибы после дождя, начали появляться русские организации и движения.

Н.Х. Расскажите поподробней о русских организациях в Эстонии.

А.К. Национальных организаций как таковых у нас, может быть, и нет — не принято акцентировать, что мы русские. Есть движение в защиту русских

школ, движение «Мир без нацизма». Наш «Витязь», можно сказать, единственная организация, в уставе которой прописано, что нашей целью является сохранение русского национального самосознания у молодежи. И при этом мы сотрудничаем с эстонцами, то есть не разделяем себя, никакого радикализма у нас нет. Но мы хотим, чтобы русская молодежь не ассимилировалась и помнила, кто она.

Н.Х. Получается так, что есть организации, которые отстаивают русские национальные интересы, например, в области языка или каких-то других областях, но они это делают не под флагом русского национализма, национал-патриотизма, а позиционируют себя как-то иначе?

А.С. Я перебыю, тут ситуация сложнее. Дело в том, что русские, проживающие в Эстонии, в меньшей степени себя считают россиянами. То есть мы считаем здесь себя русскими эстонцами.

А.К. Ну я не считаю себя русским эстонцем.

А.С. Это дискуссионный вопрос, ты считаешь Эстонию своей родиной...

А.К. Малой родиной...

А.С. Малой родиной. Вот на этом противоречии завязаны наши многие неразрешимые проблемы.

А.К. И среди русских нет единства. Для кого-то Эстония — это родина, для кого-то вообще ничто, пустое место...

А.С. Ну если мы возьмем людей средних лет или 44-го года, тех, кто здесь родился — они считают Эстонию родиной. Поэтому многое, что эти русскоязычные организации делают для сохранения прошлого русского народа, они делают под флагом Эстонии. То есть мы считаем, что Эстония — это не мононациональное государство.

Н.Х. Вы русских в Эстонии воспринимаете как национальное меньшинство, которое должно иметь права национального меньшинства?

А.С. Совершенно верно.

А.К. Это минимум. Но и этот минимум у нас хромает, его никто не соблюдает. Была правительственная программа по работе с национальными меньшинствами. Там были названы все национальные меньшинства, в том числе «русские староверы»; но собственно русских как будто и нет, нас даже не упомянули.

Н.Х. У вас в последних выборах участвовала партия, которая так и называлась — «Русская партия». Она получила мало голосов, голоса ушли эстонским партиям. С чем это связано?

А.К. Может быть с тем, что инициативу давно перехватили эстонские партии. У них больший ресурс, они среди русских ведут больше работы. А «Русская партия» — это фактически кружок самодеятельности. После последних выборов она добровольно слилась с Социал-демократической партией. Последняя русская партия в Эстонии перестала существовать.

А.С. Я добавлю. В начале 90-х русские избиратели на выборах объединялись вокруг партий, в которых присутствовало слово «русская». Но все эти депутаты, проходившие в Рийгигогу (я не буду называть их фамилии) после выборов больше преследовали собственные интересы, а не национальные. Слово «русская» им нужно было, только чтобы получить мандат, и это стало ясно на следующих выборах. Многие из этих людей сошли с политической арены, потому что ничего они для нас не сделали.

Н.Х. Какова ситуация с этим русским движением? Какова его численность, есть ли какие-то успехи, насколько оно объединено или разрозненно?

А.К. Из успехов можно назвать кампанию «Русская школа Эстонии». Во время кампании был поднята проблема сохранения русского образования, она дала толчок движению за русское образование, его подхватила Центристская партия. Можно сказать, что это успех. Вопрос поднялся на государственный уровень, до этого он

замалчивался. Но в основном русские проявляют активность в квартирных товариществах, в Центристской партии...

А.С. Масштабные мероприятия связаны с православием. Вспомним храм иконы Божией Матери «Скоропослушница» в Ласнамяэ, когда его освящали.

А.К. Да, там собралось 10 тысяч человек на освящение, а на митинг в поддержку русского образования — где-то максимум полторы тысячи.

Н.Х. Чувствует ли русское движение в Эстонии какое-то давление или преследование со стороны власти?

А.К. Несомненно чувствует, это все есть. Даже на депутатов парламента устраивают охоту, пишут дискредитирующие статьи в СМИ, отчеты о какой-то антигосударственной деятельности. За членами «Русской школы Эстонии» была слежка, на двоих участников движения завели уголовное дело, одна из них, Алиса Блинцова, потеряла работу.

Н.Х. Уголовное дело по какой статье?

А.К. Якобы за то, что они подделали протокол совещания попечительского совета гимназии, где говорилось о желании сохранить русский язык обучения. При этом Олег Беседин вообще на тот момент находился не в Эстонии. Но русская община здесь хорошо проявила себя. Был объявлен сбор средств на адвокатов, община собрала эти деньги.

Н.Х. И что сейчас происходит?

А.К. По-моему сейчас еще идет судебное разбирательство.

Н.Х. А вообще русская правозащита развита в вашей стране? Я читала на вашем портале о русских правозащитниках — Семенове, Середенко...

А.К. Да, они специализируются на правозащите, работают с русским населением, причем качественно, успешно. Люди к ним обращаются со своими конкретными проблемами, им оказывают юридическую помощь, зачастую бесплатно, на русском языке.

Н.Х. А кто их финансирует?

А.К. Насколько я знаю, Центр информации по правам человека. Его наполовину финансируют европейские структуры, наполовину российские. Отдельные омбудсмены работают либо от своего имени, либо при поддержке таллинской мэрии. Мы пока лишь вскользь упомянули языковую инспекцию. Ее называют карательной структурой, и не без оснований. Она устраивает рейды по школам, по детским садам, по учреждениям, выискивая тех, у кого нет категории эстонского языка. Если такой категории нет, налагается штраф, могут даже уволить.

Н.Х. А как они это делают, как это выглядит на практике? Допустим, является в детский садик инспекция...

А.К. Да, и проверяет, насколько преподаватель знает эстонский язык. Проверяет, есть ли у него категория, нужная для работы в саду. Если категории нет, отправляет на экзамен. Если человек не справляется, выписывают штрафы. Это особенно больно ударяет по полицейским в Ида-Вирумаа, русскоязычном уезде на северо-востоке Эстонии. Они в основном русские и работают среди русского населения. Их тоже заставляют учить эстонский язык и налагают большие штрафы. Десятки человек в год отправляются на экзамен и штрафуются, об этом можно прочитать в СМИ. И, чтобы не быть голословным, такая организация, как Amnesty International, назвала языковую инспекцию Эстонии карательным органом и посоветовала Эстонии от нее избавиться. Естественно, это сделано не было.

А.С. Власти даже повышают зарплаты эстонцам, чтобы они ехали на северо-восток, занимали административные должности, но они туда ехать не хотят, поэтому полицейский штат не заполнен. Префект полиции официально предложил сделать по-благу, пусть в районе работают специалисты вне зависимости от того,

владеют они эстонским языком или не владеют. Но правительство не пошло на это.

Н.Х. Есть ли какие-то связи у русского движения в Эстонии с официальной Россией?

А.К. Связи больше на культурно-образовательном уровне. Привозят книги для библиотеки... Хотя можно и более конкретный пример привести. Сейчас мэрия Таллина совместно с Русским лицеем и с каким-то университетом из Петербурга организуют центр дополнительного образования на русском языке.

А.С. Культурные связи очень серьезные. Возьмем, к примеру, последний проект таллинской мэрии — построить в одном из районов Москвы парк под именем «Таллин», а здесь, в районе Ласнамяэ, планируется разбить парк под названием «Москва».

Н.Х. А политическая помощь какая-то есть?

А.К. Известно, что у «Единой России» есть договор о помощи с Центристской партией. Ну и все, пожалуй.

Н.Х. Как с вашей стороны вам видится Россия, ситуация в ней, положение русских в России? Что вы об этом знаете?

А.К. Я знаю (я говорю за себя), что русским в России не так уж сладко живется и в чем-то проблемы схожи. Что и там русские не признаются государствообразующим народом, и здесь русские не признаются полноценным национальным меньшинством. И там, и там ущемляются наши права, но известно, что в России это гораздо масшвей и гораздо хуже.

А.С. Я могу от себя добавить — у меня брат живет в Татарстане. Он тоже говорил, что русские в Татарстане...

А.К. Насколько я слышал, там даже дошло до того, что русские требовали сохранить им право на русское обучение.

Н.Х. Да, там в школах обязателен татарский язык, причем для всех, и на него отводится много часов за счет

русского языка и русской литературы.

А.К. Особенно больно читать заголовки новостей о том, что очередной бандит убил или покалечил очередного русского человека. После этого бандита отпускают, и хуже того: могут самого русского обвинить, что это он все затеял.

Н.Х. Да, случается такое. Но, кажется, у вас такого нет. У вас вообще проблем с миграцией нет, или, если есть, то на микроскопическом уровне?

А.С. Мигрантов нет только из-за слабой социальной поддержки. Как только мы по ценам сравниваемся, пусть не со скандинавскими странами, но хотя бы с восточноевропейскими — Польшей, Чехией, Венгрией, Грецией, если социальная политика будет на уровне этих стран, то, конечно, недостаток рабочей силы, который реально ощущается, будет восполняться миграцией. У нас очень не хватает рабочих. Но, поскольку зарплата низкая... Хотя возьмем северо-восток Эстонии. Эстонцы, специалисты, туда не идут работать. Там в медицине, не знаю, каким образом, официально или нет, работают около 40% докторов из России, из других республик, по договору перебравшихся в Эстонию. Это потому, что средняя зарплата в здравоохранении в Эстонии выше, чем в России.

Н.Х. Верно ли, что для русских в Эстонии слово «национализм» имеет скорее отрицательный смысл? Его связывают только с эстонским национализмом.

А.К. Вот, пожалуй, это верно, потому что когда говорят «национализм», подразумевается эстонский национализм, который, как правило, имеет русофобский оттенок.

Н.Х. Знают ли здесь что-то о русском национализме в России? Есть ли какое-то предубеждение против него?

А.К. Как мне кажется, мало кто что о нем знает, все смотрят официальные каналы. Естественно, там об этом не говорится. Если оппозиция — зна-

чит, это какой-нибудь Каспаров, Немцов. А то, что есть и другие оппозиционеры, другие взгляды, мало кто знает.

Н.Х. То есть отношение к России, к тому, что там происходит, формируется российскими официальными источниками?

А.К. Да. В прошлом году организовали акцию в поддержку Русского марша. Прозвучал призыв прийти к памятнику броненосцу «Русалка», собраться, возложить цветы, поддержать как-то. Призыв был напечатан на портале Delfi, самом крупном русскоязычном портале. И по комментариям было видно, что люди воспринимают заметку как провокацию, хотя все это было мирно и ничего такого страшного там не было.

Н.Х. Возможно, вам знакомо по Интернету такое явление, как «широпаевщина». Говоря вкратце, некоторые деятели русского национального движения поддерживают националистов в бывших советских странах, в том числе в Прибалтике. Они говорят, что те правы в своих идеях, что они поступают с русскими правильно, а русские должны смириться с этим. Как вы воспринимаете такие мысли?

А.К. Как предательство национальных интересов русского народа. Да, есть националисты разных народов, но это не значит, что все мы братья. У каждой нации свои интересы, и иногда они могут вступать в противоречие.

Н.Х. То есть вы считаете, что вы здесь отстаиваете именно русские национальные интересы, которые в России должны быть поддержаны?

А.К. Да, несомненно.

Н.Х. Скажите, пожалуйста, как, на ваш взгляд, русские националисты в России могли бы вас поддержать?

А.К. В первую очередь это информационное сотрудничество — нужно избавляться от стереотипов, делать контрпропаганду, когда навязывается, что национализм — это либо какие-то фашисты, либо только эстонские националисты.

А.С. Я дополню. В Эстонии существует программа, которая поддерживается посольством Российской Федерации. Это официальная программа переселения русских в Россию. Насколько я знаю, некоторое количество семей в ней поучаствовало. В последнее время две знакомые мне семьи переселились в Россию. Им там трудно. Менталитет русских в Эстонии немного западный. Мы не привыкли бросать бумажки, плевать, в троллейбусе не режем сиденья, в подъезде не мусорим — по крайней мере, большинство из нас. Конечно, в семье не без урода, но общий фон такой. Когда русские из Эстонии переселяются в Россию, у них на бытовом уровне часто возникают конфликты, проблемы в адаптации к русскому стилю и образу жизни. И иногда бывает больно слышать, что, продав здесь недвижимость и купив там, в каком-то средненьком уездном городке, квартиру, люди становятся изгоями из-за своего поведения в быту. Если у нас будет информация о близких, можно было бы их поддерживать. В этом плане я вижу возможность сотрудничества. Ну а мы возвращаем вам, в великую Россию, хороший генетический фонд.

А.К. Проблема возникает не только с менталитетом, есть бюрократическая проблема. Человеку нужна прописка, без прописки он не может получить работу...

Н.Х. А прописку не дают без постоянного источника дохода...

А.К. И получается замкнутый круг. Оставляют здесь квартиру, семью, жизнь, родных, приезжают в голое поле. Поэтому эта программа не работает.

А.С. Расскажу вам историю девочки Насти. Она уехала в хороший город, Тольятти, к своей бабушке. Ей 25 лет, у нее уже и бой-френд в Тольятти появился. Она готова была стать россиянкой, но через три месяца вернулась со слезами на глазах.

Н.Х. Не брали на работу?

А.С. Такая бюрократия! Как она ни доказывала, что хочет быть там, что у нее там молодой человек, ничего не получилось. В результате она обиделась на свою историческую родину.

А.К. Есть и обратная сторона медали. Чем больше отсюда русскоязычных уезжает, тем меньше становится русская община. Это невыгодно российскому государству. Ну и, может, когда оно станет русским национальным государством, русская община может использоваться в геополитическом плане. Зачем нам покидать свою родину и уезжать куда-то, мы можем здесь укреплять свою общину. Мы сможем заявить, что мы такие же полноправные хозяева, как и эстонцы.

Н.Х. Сейчас в России появляются неформальные националистические организации, которые ставят своей целью помощь переселенцам из стран бывшего СССР. Я одну такую знаю, она в основном занимается переселенцами с Украины. Но, думаю, может заняться и людьми из Прибалтики.

Дмитрий Павлов (НДП): Можно вопрос в общеприбалтийском контексте? Социологические исследования, которые делали серьезные европейские организации, показывают, что уровень дискриминации русских в Эстонии выше, чем в других странах Прибалтики. Я видел цифры 12–25–55. 55 — это в Эстонии. Именно Эстония почему-то выделяется на этом фоне.

А.К. Насчет Литвы — потому что там русские имеют гражданство.

А.С. Их там 12%, поэтому и дали гражданство.

Н.Х. То есть — их там мало, поэтому они никакой проблемы не составляют.

А.С. Да, тем более что они благодарны за Вильновский край, который им подарил Советский Союз. Я близко общался с литовцами по работе — они никаких претензий к России не имеют. А по поводу вашего вопроса, Дима, можно провести социологическое исследование — каждый может сказать, есть ли такое.

Д.П. Хочу задать вопрос каждому из вас: вы, со своим русским происхождением, ощущали какую-либо дискриминацию со стороны властей или со стороны других эстонцев?

Наталия (участница общества «Витязь»): Со стороны других эстонцев не ощущала. Но чисто случайно, быть может, подсознательно я голосовала за эстонские партии, и это мне помогло получить гражданство. Не будь этого маленького кусочка бумажки, я бы гражданство не получила. И хочу, чтобы моих детей не притесняли. Моей старшей дочке (у меня трое детей) 16 уже. Она здесь родилась, и папа эстонец, и все равно я должна была платить за то, чтобы она сдала экзамен. Она сдавала Конституцию, она сдавала закон Эстонии, она знает намного лучше эти темы, чем сами эстонцы.

Н.Х. То есть эти экзамены платные? Получается, нужно еще и платить за получение гражданства? Вы экзамены сдали?

Наталия: Сдала.

Д. П. Тем, кто младше, дают гражданство?

Наталия: Ну да. Я не скажу, что они чистые эстонцы и чувствуют себя эстонцами, но они считают, что это их родина. И чтобы их потом не гнобили, я пошла на такой шаг. И на работе тоже самое, одинаковые должности занимаем, но приходит языковая инспекция и каждый раз начинает проверять.

Н.Х. То есть они одних и тех же людей проверяют по многу раз?

Наталия: Да.

Ангелина (участница общества «Витязь»): Я хочу отсюда уехать. Тут меньше, на мой взгляд, возможностей. Хотелось бы уехать за границу или в ту же самую Россию, потому что с языком будет намного легче.

Н.Х.: Дискриминацию ощущаете?

Ангелина: Да, ощущаю.

Н.Х. А в чем она проявляется?

Ангелина: Лет пять назад, когда начался кризис, моего отца сократили. Его хотели взять на новую работу, но обратили внимание на язык. Он очень хороший сварщик, у него много дополнительных квалификаций, но приняли в результате на работу не его, а молодого парня, который только закончил технический университет. У него не было никакого опыта работы, но он знал эстонский.

А.К. Я ощущаю, но не на бытовом уровне, а как человек, у которого есть активная гражданская позиция. Я сам сталкивался с некоторыми органами, которые за этим всем следят, и понимаю, против кого они действуют. Их политика целенаправленно обращена против русских.

А.С. Я, наверное, нетипичный пример. Смог спокойно адаптироваться, абсолютно самостоятельно выучил язык, никогда не сталкивался ни с языковой инспекцией, ни с другими структурами.

Н.Х. Но при этом вы все равно стали активистом русской национальной организации.

А.С. Просто здесь вопрос не во мне, а в наших детях.

А.К. Мы хотим, чтобы они сохранили свое национальное «я», это самое главное.

А.С. Им тяжелее, чем нам. Я могу сказать, что мои дети прекрасно знают русский язык, знакомы с русской культурой, отлично владеют английским, сносно говорят по-эстонски, знают норвежский: но видят они себя, и в этом немалая моя заслуга, не россиянами, не эстонцами, не «гражданами мира» — а русскими.

Н.Х. Спасибо за беседу. Успехов вам в работе!

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

НЕУДОБНОЕ БОЛЬШИНСТВО

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС РУССКИХ В СССР

Русский ЦИК? Русский Совнарком?
Товарищи, на самом ли деле нам это
надо?

Я не вижу оснований для такого
предложения.

И.В. Сталин

Главный вопрос, на который я попытаюсь ответить в рамках этой статьи, — вопрос о политическом статусе русских как крупнейшего этноса в этнополитической конструкции СССР: в каком смысле русские «существовали» в рамках советского проекта, как изменялся их политический статус в ходе нацстроительства в СССР и насколько советские импликации понимания русских релевантны сегодня.

Другими словами, это вопрос о том, был ли СССР русским государством в смысле национального государства русских, и если нет, то «чьим» государством он являлся.

Теоретический контекст

Реализация советской национально-культурной политики во многом представляла собой попытку адаптации теоретических конструкций, разработанных в рамках дискуссий европейской социал-демократии по национальному вопросу, начиная с Маркса и Энгельса. Для социал-демократических теоретиков начала XX в. империя Габсбургов представлялась в качестве исторически уникальной лаборатории по разработке базового набора институтов и практик, из которого впоследствии должна была вырасти социалистическая федерация национальностей — на пути к вероятному отмиранию всех государств.

Лидерами этой концептуальной работы выступали так называемые австромарксисты: важнейшее значение приобрели труды Карла Реннера («Государство и нация», 1899; «Национальная проблема», 1902) и Отто Бауэра («Национальный вопрос и социал-демократия», 1907). Австрийская социал-демократия стала одной из первых социал-демократических партий, принявшей специальную программу по национальному вопросу — Брюннскую программу (1899), в которой был выдвинут принцип территориального федеративного устройства Австрии. В рамках этой интеллектуальной работы австромарксисты выдвинули теорию культурно-национальной автономии. Также следует отметить работы Р. Люксембург («Национальный вопрос и автономия», 1908–1909) и К. Каутского («Национальность и интернациональность», 1907–1908), с которыми активно полемизировали русские теоретики.

Таким образом, сами концепты «нация», «национальное самоопределение», «автономия» и т.д. разрабатывались и уточнялись здесь в рамках интеллектуальных дебатов о будущем этнополитическом ландшафте Центральной Европы и были связаны с определением судьбы малых европейских — безгосударственных — наций. Их национализмы получили реальный шанс на реализацию в ходе общеевропейской геополитической катастрофы, в которую вылилась Первая мировая война.

Не случайно, что именно проживая в Австро-Венгрии, Ленин и Сталин занимались разработкой национального вопроса перед Первой мировой войной.

Сталин написал здесь свою знаменитую статью «Марксизм и национальный вопрос» (1913), а Ленин — «Критические заметки по национальному вопросу», которые легли в основу резолюции Поронинского совещания ЦК РСДРП по национальному вопросу. В этих работах были теоретически разработаны, конкретизированы и наполнены политическим содержанием многие понятия национальной политики, с которыми позднее работали большевики в рамках собственных попыток решения национального вопроса в советской России.

Интересно, что Ленин в полемике с австромарксистами и бундовцами уже в 1913 г. разработал тезис о двух национальных политиках социал-демократии: отрицательной и «позитивной»: «отрицательная задача» заключалась в «прогрессивном пробуждении масс от феодальной спячки, их борьбе против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации, решительный и последовательный демократизм во всех частях национального вопроса». Ей противопоставлялась аффирмативная политика: *«А дальше ее идти в поддержке национализма пролетариат не может, ибо дальше начинается “позитивная” (положительная) деятельность буржуазии, стремящейся к укреплению национализма».*

То есть «борьба против всякого национального гнета» — безусловно, да. Борьба за всякое национальное развитие, за «национальную культуру» вообще — безусловно, нет.

«Пролетариат же не только не берет на себя отстаивать национальное развитие каждой нации, а, напротив, предостерегает массы от таких иллюзий, отстаивает самую полную свободу капиталистического оборота, приветствует всякую ассимиляцию наций за исключением насильственной или опирающейся на привилегии».

«Никакого закрепления национализма пролетариат поддерживать не может, — напротив, он поддерживает все, помогающее стиранию националь-

ных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций. Поступить иначе — значит встать на сторону реакционного националистического мещанства».

Запомним эти положения Ленина-политэмигранта, теоретизировавшего в Австро-Венгрии по национальному вопросу, чтобы потом сравнить их с большевистской теорией и, самое главное, с практикой национально-культурной политики.

Отдельного интереса заслуживают визионерские представления Ленина о грядущей интернациональной «пролетарской» культуре. При желании в них можно увидеть предтечу дискурса мульти-культы как попытки преодоления гегемонии доминирующей национальной культуры. Довольно смутные интуиции Ленина о существовании в рамках каждой национальной двух культур (буржуазной и социалистической) оказались мало убедительными даже для его коллег по социал-демократическому лагерю. Так, бундовец Либман подверг его мыслительную конструкцию разгромной критике, вызвав в свою очередь публицистическую ярость у Ленина.

О чем шла речь? Полемизируя против представления о некоей интернациональной культуре демократизма и всемирного рабочего движения, представитель Бунда указал Ленину на то, что *«всякий, кто хоть немного знаком с национальным вопросом, знает, что интернациональная культура не есть иннациональная (т.е. анациональная. — О.К.) культура (культура без национальной формы). Иннациональная культура, которая не должна быть ни русской, ни еврейской, ни польской, а только чистой культурой, есть бессмыслица».*

Теория и практика

Во время общеевропейского кризиса наиболее уязвимыми оказались полиэтнические империи с политическими ре-

жими архайчного, досовременного типа — Австро-Венгрия, Россия, а также Турция. То есть процессом националистической мобилизации оказались затронуты не только давно сложившиеся и признанные культурные нации (типа чехов, поляков), но и этносы, которые к таковым никак не относились. Ведь в Российской империи не существовало собственно «наций», то есть политически самоопределившихся народов, способных к самостоятельному государственному существованию. Уже поэтому в России была невозможна прямая попытка использования западных конструктов — поскольку здесь отсутствовали сами «нации» в европейском смысле — т.е. этнически консолидированные группы с уровнем национального самосознания, сопоставимым с чехами, венграми и поляками. Причем это относится не только к населявшим окраины инородцам Российской империи, но и к самим русским, не достигшим к началу XX в. статуса нации в нормативном для Модерна смысле политически самоопределившегося народа и по-прежнему представлявших собой скорее подданных полуфеодальной монархии с элементами абсолютизма, нежели граждан современного правового государства.

Таким образом, парадоксы «национального вопроса» в России связаны в первую очередь с нерешенной проблемой политического Модерна, т.е. с отсутствием современной политической нации равноправных граждан в империи, функционировавшей на принципах военно-сословных лояльностей. В этих условиях процесс этномобилизации российской интеллигенции, противостоявшей имперской бюрократии, проходил в ожесточенной борьбе с фантомами ее собственного производства. Другими словами, «национальный вопрос» в том виде, в каком его пытались разрешить большевики во главе с Лениным, а затем Сталиным, — это одна из химер, порожденных воображением самой левой интеллигенции, которую они превратили

в реальную проблему — в полном соответствии с теоремой Томаса.

В результате перед большевистской национальной политикой сразу же встала ключевая проблема обнаружения самих «объектов» этой политики, т.е. наций. Их фактическое отсутствие вынудило большевиков перейти к политике этнического конструирования сущностей в рамках «национально-государственного строительства» и выстраивания на их основе новых коллективных идентичностей.

При этом русские (великороссы) нацией не считались, а само понятие «национальный» в России применялось по отношению к инородцам, но никак не к доминирующему этносу. Семантические парадоксы подобного рода вообще очень характерны для нашего этнополитического языка, о чем мы еще скажем. Здесь же зафиксируем то, что *«национальный» — в данной языковой игре всегда означает «нерусский»*. А отношение русского большинства и нерусских меньшинств как раз представляло и по-прежнему представляет *нерв национальной политики в России — т.е. отношение русской не-нации к нерусским недонациям*.

При этом императив сохранения контроля над территорией исторической России как базы для грядущей мировой революции вынудил большевиков пойти на союз с местными «националами» — т.е. национал-предпринимателями нерусских народов. Большевики прямо говорили об «историческом компромиссе» с «националами» как важнейшем условии своего политического выживания: *«...освободительная политика нашей партии завоевала ей сочувствие и поддержку широких масс этих национальностей в их борьбе против царизма и империалистической русской буржуазии. Едва ли можно сомневаться в том, что это сочувствие и эта поддержка послужили одним из решающих моментов, определивших победу нашей партии в Октябрьские дни... Едва ли нужно доказывать, что без такого доверия*

русский пролетариат не смог бы победить Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля» (пункты 4 и 5 резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу).

Важнейшим для этнополитики большевиков являлся топос «национальный гнет царизма», столь популярный среди дореволюционной либеральной и левой интеллигенции, — несмотря на то, что он был вряд ли применим к дореволюционной России: имперскую вненациональную и космополитическую элиту в принципе мало интересовали этносы как объекты угнетения как такового, ее интересовала прежде всего их лояльность как условие поддержания стабильности в подвластном ей этнотерриториальном пространстве. Поэтому власти империи старались поддерживать баланс интересов разных этносов, что исключало доведение ущемления каких-то этнических групп до критического предела.

Даже пресловутая русификация являлась скорее административно мотивированной практикой, нежели политически мотивированной стратегией унификации всех и вся (для органов управления гораздо проще иметь дело с людьми, владеющими официальным языком). Для планомерной русификации у властей попросту не было необходимых ресурсов — их не хватало даже для развития школьной системы в самих русских губерниях: если мы посмотрим уровень грамотности населения Российской империи, то, по данным переписи 1897 г., в среднем по России грамотные составляли 22,9%, в Прибалтике — 70–80%, в Польше — 30,5%, на Кавказе — 12,3%, а в Средней Азии — 5,3%. Как говорил В.О. Ключевский, на западе империи представлены «народности, с культурой гораздо выше нашей», а на востоке — с культурой «гораздо ниже». Поэтому в первом случае «мы не умеем сладить с покоренными, потому что не можем подняться до их уровня», во втором — «не хотим ладить с ними, потому что пре-

зираем их и не умеем поднять их до своего уровня»¹.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: поскольку в Европе национальный вопрос интерпретировался (и не только марксистами) как проблема национального освобождения народов эксплуатируемых колоний, для которых характерен антагонизм между угнетающей нацией и угнетенными этносами, то в результате некритической рецепции западного антиколониального дискурса в архаической империи, каковой являлась романовская империя, внезапно появились якобы «жестоко эксплуатируемые колонии» и «угнетаемые народы». Согласно представлениям тогдашних либералов и левых, эти народы подлежали незамедлительному освобождению от «национального гнета», исходившего от российского самодержавия, *a priori* порочного во всех отношениях. Между тем, как пишет исследователь этноконфликтов В.П. Булдаков: «При всех своих пороках российский империализм был далек от образа «тюрьмы народов». Последнее — воображаемая величина: традиционалистским массам в спокойные времена безразлично, кто их «угнетает» — свои или чужие господа. Большинство нерусских народов подошло к эпохе модернизации без собственных культурных элит, а редкие их представители были интегрированы в «безнациональное» тело русской интеллигенции»².

Следующим важнейшим дискурсивным элементом в большевистской концепции национально-культурной политики являлось представление о коллективной вине русских перед инородцами за их угнетение в Российской империи (т.е. топос коллективной вины здесь возник задолго до немецких дебатов, связанных с книгой Карла Ясперса 1946 г.

¹ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 9. С. 361.

² Булдаков В.П. Этнос и хаос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2011. С. 13.

«Die Schuldfrage»): в данной конструкции русские представляли как коллективный угнетатель национальных окраин и душитель их свободы; более того, даже самих большевиков Ленин постоянно обвинял в латентном национализме: *«Поскреби иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста... Он сидит в каждом из нас. И с ним надо бороться».*

Формы этой борьбы были самые разнообразные, однако в целом они сводились к следующему: деятельное раскаяние русских за исторические преступления царизма перед нерусскими народами, аффирмативная политика в их отношении за счет русского большинства, покровительство развитию национальных культур и т.д.

А поскольку аффирмативная политика в интересах одних этносов всегда означает негативную программу по отношению к другим, то основную тяжесть дискриминации пришлось нести именно русским. На XII съезде РКП(б) об этом программном пункте большевистской стратегии совершенно прямо заявил Николай Бухарин, откровенность которого смутила даже Сталина:

«Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям [нерусских народов] и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций».

Таким образом, через 10 лет ответ большевиков на национальный вопрос звучал несколько иначе, чем в 1913 г., когда Ленин и Сталин еще критиковали «позитивную» программу в национальной политике: теперь ими используется дискурс наследия «темного прошлого», «препятствий, доставшихся в наследство», пережитков великодержавного шовинизма. Так, в резолюции XII съезда

РКП(б) по национальному вопросу говорилось о том, что *«разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии».*

Столкнувшись с фактическим, т.е. экономическим и культурным неравенством уже «советских национальностей», большевики пришли к выводу, что правовое равноправие *«не решает само по себе всего национального вопроса»*, поскольку *«ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне».* Что здесь понимается под «извне», очевидно.

То есть ввиду отсутствия самих социалистических наций советское политическое руководство было вынуждено признать необходимость долгосрочной аффирмативной политики в отношении нерусских народов: *«Преодолеть это неравенство в короткий срок, ликвидировать это наследство в один-два года невозможно... Но преодолеть его нужно обязательно. И преодолеть его можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния».*

Ресурсной базой подобной полити-

ки, естественно, могли стать только русские, и они действительно стали ею — как несостоявшаяся и политически не представленная нация, за счет которой и решались на протяжении всей истории СССР задачи выравнивания т.н. «перекосов» в историческом развитии нерусских наций. Таким образом, советская национальная политика потребовала от русских серьезных жертв: помимо амбициозных программ положительной дискриминации нерусских народов, в условиях большевистской диктатуры русские были вынуждены терпеть прямое нарушение своих национальных прав: нерусским республикам передавались территории, заселенные русским этническим большинством, их заставляли изучать языки национальных меньшинств, они изгонялись с должностей, предназначенных отныне лишь для представителей «коренных народов», и т.д. В некоторых республиках власти с одобрения центра изгоняли крестьян-поселенцев славянского происхождения в качестве меры деколонизационной политики (Казахстан, Киргизия).

Более того — сама русская культура была объявлена культурой угнетателей. Именно в рамках борьбы с нею происходил интересный с точки зрения истории и теории культуры процесс латинизации алфавитов нерусских народов, сначала тюркских, но далее с прицелом на полную латинизацию всего СССР, включая русский язык. В рамках второй волны борьбы за интернационализацию несколько статей в поддержку латинизации русского алфавита написал А.В. Луначарский.

Здесь стоит упомянуть одного из главных энтузиастов латинизации и, судя по всему, знатного проходимца Самеда Агамали-оглы — азербайджанского социалиста, привлеченного к работе в правительстве Азербайджанской ССР и даже возглавлявшего ее ЦИК. Он успел посетить умирающего Ленина и якобы получил от вождя благословение своему плану латинизации: *«Латинизация — это великая революция на*

Востоке», что стало для него охранной грамотой.

Однако лучше всего атмосферу борьбы с русской культурой времен коренизации отражает работа подкомиссии по латинизации при Главнауке. Ее глава Н.Ф. Яковлев представил на обсуждение ряд тезисов, вполне применимых ко всей русской культуре:

«2. Русский гражданский алфавит в его истории является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского шовинизма, что особенно проявляется в русификаторской роли этого алфавита по отношению к национальным меньшинствам бывшей российской империи».

Планы Яковлева и Луначарского по латинизации русского алфавита не были осуществлены: по неизвестным причинам 25 декабря 1930 г. Политбюро приняло краткую резолюцию «О латинизации»: «Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита». Однако сама эта история хорошо показывает политико-семантическое пространство возможностей в сфере национальной политики, открывшееся для тогдашних культур-предпринимателей — здесь в виде радикальной русофобской опции, доведившей борьбу с «темным русским прошлым» до абсурда.

Важнейшей стратегией «выравнивания» стала политика коренизации, т.е. выдвижение местных кадров (т.н. нацменов), приоритет национальных языков над русским в образовании и культуре. К чему это привело, стало понятно довольно быстро. Создание советской пирамиды национальных образований с собственными титульными нациями привело к резкому усилению этнических конфликтов, укреплению национального самосознания. В результате политики коренизации возник «русский вопрос» — было непонятно, что делать с бывшей великодержавной нацией, считать ли ее национальным меньшинством на национальной территории другой этнической группы?

Вопрос культурной политики времен коренизации требует отдельного рассмотрения. Здесь я приведу лишь небольшую цитату из выступления Н.С. Хрущева на XIV съезде КП(б)У, в котором он подвел итоги большевистской политики украинизации следующим образом: *«...враги делали все для того, чтобы вытравлять русскую школу из Украины, чтобы вытравлять русский язык из украинских школ... Во многих украинских школах изучали немецкий, французский, польский и другие языки, но только не русский. Враги всячески отрывали культуру украинского народа от русской культуры»*.

Такие вот результаты собственной «ленинско-сталинской» национальной политики были зафиксированы партийным руководством уже в 1938 году!

Главная проблема советской национально-культурной политики заключалась в том, что русские как доминирующий этнос — и качественно, и количественно — просто не вписывались в созданную большевиками конструкцию многонационального государства (а вовсе не интернационального! — как до сих пор считают так называемые интернационалисты из числа постсоветских интеллигентов).

Сама конструкция СССР как федерации национальных государств была создана специально для интеграции нерусских народов в социалистический проект, и именно поэтому русские как крупнейший этнос так и не получили в нем национального представительства на государственном уровне (Русской республики). По различным причинам, в т.ч. числе оппортунистического свойства, большевики не рискнули предоставить русским те же национальные права и институты, что были созданы ими для нерусских народов — причем часто не просто за счет русских, но и самими русскими (например, в сфере науки, образования и культуры, но также промышленности и иных сфер жизни национальных республик).

И хотя в 30-е годы происходит определенная культурная и языковая ре-

билитация русских, официально политика коренизации никогда не была отменена и практически осуществлялась все время существования СССР. Политического представительства как нация русские так никогда и не получили. Взамен русским была предложена символическая компенсация — вместо национального государства им был присвоен метафорический статус «старшего брата», т.е. поддерживающего братьев меньших в силу принадлежности к одной «семье братских народов». То есть их статус донора и спонсора приобрел метафизически-риторическое обоснование в рамках дискурса «дружбы народов».

Примечательно, что сама национально-культурная политика большевиков носила инструментальный характер по отношению к их стратегической цели — организации мировой революции, а территория бывшей Российской империи должна была стать ресурсной базой для глобального эмансипаторного проекта. В этом смысле русские, которых никуда не нужно было интегрировать, стали заложниками трансцендентной по отношению к ним и их этнической территории политике коммунистического мессианства.

И даже когда повестка мировой пролетарской революции оказалось неактуальной и взамен ее был выдвинут тезис о построении социализма в отдельно взятой стране, созданный национально-институциональный дизайн асимметричной федерации оставили практически нетронутым, скорректировав лишь наиболее одиозные практики дискриминации русских в нерусских республиках. В результате проблематика национального самоопределения русских оказалась снята с повестки до самого распада СССР. И здесь ничего не исправило самое серьезное изменение в советской национальной политике, начавшееся после 1933 г. и связанное с реабилитацией русских и русской культуры.

Личное. Я родился и вырос в Северном Казахстане, на целинных землях с преи-

мущественно русским населением (например, в Кустанайском области казахи составляли лишь 12% населения), и там в 70–80 годы реализация принципа коренизации, т.е. казахизации, in concreto выглядела следующим образом: все статусные, представительские и иные социально престижные позиции занимались кадрами из числа «коренного населения», причем явно непропорционально их доле в общей структуре населения региона. Особенно это было заметно в органах власти, а в правоохранительных органах существовал такой дисбаланс, что даже родился анекдот: *в школе проходит День дружбы народов. Учительница требует, чтобы школьники пришли в традиционной одежде своего этноса. На что маленький казах замечает: «А где я возьму такую маленькую милицмейскую форму?»*.

Соответственно представители нетитульных этносов могли рассчитывать лишь на карьеры с более низкой амплитудой: т.е. начальник должен быть казах, а его замом — русский, невзирая на деловые качества обоих. Сегодня подобную — типично советскую — практику дискриминации русских мы можем наблюдать в национальных республиках РФ.

На концептуальном уровне здесь следует отметить «творческое развитие» большевиками базового для Модерна принципа национальности (Nationalitätsprinzip): политически самоопределившийся народ образует нацию, которая, стремясь к национальной независимости, создает свое собственное суверенное государство. Каждая нация должна образовать одно государство, при этом каждое государство должно состоять только из одной нации! То есть национальные границы должны совпадать с государственными. Или, как говорил Мадзини: «Каждой нации — государство, и только одно государство для целой нации».

Таким образом, правилом для западного Модерна является национальное государство (Nationalstaat),

а не государство национальностей (Nationalitätenstaat) — являющееся пережитком прошедших времен — т.е. эпохи до-, вне- и наднациональных империй сословно-феодалных монархий. По словам крупного австромарксистского теоретика национального вопроса Отто Бауэра, с неспособностью различать принципиальную разницу между национальным государством и государством национальностей связана опасная путаница в научно-правовой и политической терминологии.

Русские в СССР

Русский вопрос в СССР невозможно понять вне аффирмативной политики в отношении нерусских народов: «политика по отношению к нерусским народам определяла политику по отношению к русским»³.

Как уже говорилось, по мнению большевистских вождей, русские («великодержавные шовинисты» в терминологии Ленина и др.) находились перед инородцами бывшей Российской империи в неплатном историческом долгу (как угнетатели и колонизаторы), который они должны были выплачивать в ходе советского нацстроительства, выступая в качестве доноров антропологических и иных материальных ресурсов для «вызревания» «братских народов». Большевики требовали от них смириться с неравным национальным статусом — чтобы сплотить вокруг себя многонациональное государство, как пелось в советском гимне. Они должны были взвалить на себя бремя нового имперского проекта, подавив собственные национальные интересы. Взамен им предлагалась символическая компенсация в виде отождествления себя с вненациональной империей.

Само название — «Союз Советских Социалистических Республик» — указывает на денационализацию и даже

³ *Мартин Терри*. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 42

детерриториализацию советского проекта. Как мы знаем, в ходе дебатов на этом настаивал Ленин — чтобы новое государство никоим образом, даже своим названием никак не было связано с предшествующим опытом государственного строительства на территории исторической России.

На это поразительное обстоятельство — на демонстративно нерусский характер названия СССР — обратил свое внимание Жак Деррида:

«(Стоит мимоходом указать на еще один парадокс: как не преминули напомнить в последнее время, когда некоторые республики СССР начали конституционным путем добиваться независимости, — само название СССР является единственным в мире названием государства, не содержащим в себе никакой отсылки к местности или к нации; единственным именем собственным государства, в котором нет имени собственного в обычном смысле слова; СССР — это имя государства-индивида, уникального и сингулярного, которое присвоило — или хотело присвоить — себе имя собственное без какой-либо отсылки к единственности места или национального прошлого). При зарождении оно дало себе чисто искусственное, техническое, концептуальное, абстрактное, конвенциональное и конституционное название, нарицательное, “коммунистическое”, чисто политическое имя. Я не знаю другого аналогичного примера...»⁴.

Само название советского государства говорило о том, что СССР не является национальным государством русских. Ленин даже высказывал идею назвать его «Союз Советских Республик Европы и Азии».

Как заметил Дмитрий Фурман, именно благодаря советской национально-культурной политике все постсоветские народы, «прошедшие через СССР», вышли из него неизмеримо более современными, чем «вошли»: *«Это относит-*

ся не только к таким обществам, как казахское или таджикское, проделавшим в СССР просто грандиозный путь, но даже к таким развитым и относительно поздно вошедшим в СССР, как прибалтийские»⁵.

Однако любая аффирмативная политика означает позитивную дискриминацию одних этносов за счет негативной дискриминации других. Этими «другими» в СССР и стали русские. Так возникла уникальная в мировой истории национального строительства советская конструкция с дискриминируемым этническим большинством! Так возник политически мотивированный и административно регулируемый советский рынок этнических статусов, во многом сохранившийся в РФ.

Так же на этой почве в ходе реализации политики коренизации сразу возник букет дискриминационных практик, о чем неоднократно шла речь как на самих партийных форумах, так и в сообщениях ОГПУ, а также в постоянных обращениях граждан в ЦК и центральную прессу. Здесь очень показательны дебаты 20-х годов среди самой большевистской верхушки именно по «русскому вопросу», которые постоянно вспыхивали на различных уровнях принятия решений, несмотря на однозначную политическую табуизацию темы дискриминации в СССР русского большинства. Так, в 1926 г. на апрельской сессии ЦИК Юрий Ларин сорвал бурную овацию, сравнив стратегию коренизации с политикой Петлюры и заявив о попрании русских национальных прав. При этом Ларин ссылаясь на письма, публиковавшиеся в «Правде». Сталин также сообщал, что получал письма с жалобами на насильственную коренизацию.

Коренизация сопровождалась практикой прирезки русских этнических территорий к национальным образованиям РСФСР, когда те попросту оказыва-

⁴ Жак Деррида в Москве. М., 1993. С. 15–16.

⁵ Фурман Д. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010. С. 160.

лись экономически нежизнеспособными. Таким образом, и здесь к русским и нерусским регионам применялись двойные стандарты — дискурс национального самоопределения отбрасывался, как только речь заходила о русских районах. Тогда республиканские этнократии и центр аргументировали необходимость прирезки этнически русских земель уже соображениями рационального экономического районирования.

Феликс Чуев приводит такой разговор с Вячеславом Молотовым, состоявшийся в июле 1980 г. Молотов признался, что коммунисты так и не смогли решить русский вопрос и определить статус РСФСР и самих русских. На слова Чуева об отсутствии в советской России собственной компартии Молотов ответил, что Особое бюро ЦК по делам РСФСР создавалось дважды: в 1936–1937 и в 1958–1965 гг., причем оба раза без особого успеха. «Мы не забыли создать [Компартию РСФСР], — объяснил Молотов. — Просто для нее не было места»⁶.

В этой связи исследователь советской аффирмативной политики Терри Мартин замечает, что для и русского народа в рамках советского проекта никогда не находилось достойного места: «Русские в Советском Союзе всегда были “неудобной” нацией — слишком большой, чтобы ее проигнорировать, но в то же время и слишком опасной, чтобы предоставить ей такой же институциональный статус, какой был у других крупных национальностей страны»⁷.

РСФСР также не являлась «русской республикой», повторяя матрешечную структуру СССР: в ней также существовали национальные образования — автономные республики и области как локусы национального самоопределения нерусских народов, тогда как сама РСФСР оставалась этнически нейтральной, как бы национально индифферент-

ной республикой «для всех». Русские не упоминались не только в союзных конституциях 1924, 1936 и 1977 годов, но и в конституциях РСФСР 1918, 1925, 1937 и 1978 годов!

Это ситуацию хорошо объяснил Сталин в письме Д. Бедному (1930): «...говорили о Русской партии, однако у нас фактически нет Русской республики. Имеется Российская Федеративная Республика. Она не Русская, она Российская».

Позже проблему институциональной слабости РСФСР признал Н. Хрущев: «Следует признать, товарищи, что до самого недавнего времени Российская Федерация не имела надлежащей полноты прав, соответствующих ее значению и месту в государстве. После 20 съезда КПСС это ненормальное положение было исправлено. Создано Бюро ЦК по РСФСР. Это оперативный орган Центрального Комитета, который занимается всеми делами Российской Федерации, осуществляет руководство всеми областями партийной, хозяйственной и культурной жизни РСФСР»⁸.

«Здесь поднимался вопрос об организации Союза писателей Российской Федерации. Думаю, что это предложение нужно поддержать и создать Союз писателей Российской Федерации. Нельзя считать нормальным, что писатели Российской Федерации сейчас не имеют своего Союза, в то время как в других союзных республиках существуют союзы писателей»⁹.

Итак, русским, которые в начале XX в. не представляли собой нации в современном смысле слова, т.е. политиче-

⁸ За тесную связь литературы и искусства с народом. Сокращенное изложение выступлений на совещании писателей в ЦК КПСС 17 мая 1957 года, на приеме писателей, художников, скульпторов и композиторов 19 мая 1957 года, на партийном активе в июле 1957 г. // Хрущев Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. М.: Правда, 1963. С. 21.

⁹ Там же. С. 51

⁶ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 208–209.

⁷ Мартин Терри. Указ. соч. С. 542.

ской нации эпохи Модерна, в рамках советского проекта было отказано в национальном самоопределении. Им предстояло стать основой абстрактного советского народа, идеальными носителями советскости, тогда как русскость могла быть реализована в лучшем случае в культурно-этнографическом и фольклорном смысле ансамбля «Березка» и хора имени Пятницкого.

При этом не может не удивлять асимметричность советской национальной конструкции: дискурс «национального освобождения», «национального самоопределения вплоть до отделения» применялся лишь к нерусским народам, многие из которых не только не достигли стадии этнической консолидации, сопоставимой с нациями той же Центральной Европы, но и попросту не существовали ни с точки зрения наличия развитого национального самосознания, ни с точки зрения развития институтов национальной культуры.

Советское наследие в РФ

Нынешняя РФ сохранила в себе основные черты советской конструкции: русские — в отличие от титульных наций национальных республик — по-прежнему не являются политической нацией, составляя деэтнизированное «население», абстрактных граждан РФ. Они не упоминаются в основных политических документах РФ. Их политическое назначение — по-прежнему составлять основу (связывать, «сплачивать навеки») новой исторической общности («российский народ») вместо старой — «советский народ».

То есть сегодня положение русских практически не изменилось: они должны стать деэтнизированной биомассой для строительства нации так называемых «россиян», конструируемой властями РФ на протяжении последних двадцати лет по модели «советского народа». Искомые «россияне», таким образом, являются искусственным соединением двух принципиально различных субстратов, поскольку в их рецептуру

входят и национально самоопределившиеся в рамках своих национальных государств (этнократических республик) нерусские народы, и замерзшие на донациональной стадии этнические русские в фольклорно-этнографическом, неполитическом смысле.

Активные попытки действующей власти сохранить донациональный статус русских в существующей конструкции означает, что решение задачи национального самоопределения русских будет осуществлено в иных институциональных рамках, нежели нынешняя РФ.

Следует сказать несколько слов о путанице в научно-правовой и политической терминологии, о которой еще 100 лет назад говорил Отто Бауэр. Подобную путаницу у нас можно наблюдать до сих пор. Например, в конституции РФ речь идет о «многонациональном российском народе», т.е. о народе, состоящем из многих наций(!), что в принципе невозможно в рамках представлений политического Модерна о нации как политически самоопределившемся народе-суверене.

Или же у нас может существовать министерство по делам национальностей (например, министром национальностей РФ был В.А. Тишков), тогда как «национальность» — это не этническая группа типа народа, а национальная принадлежность, т.е. не энтia в смысле социальной онтологии, а категория идентичности в смысле коллективного самоотожествления определенной группы людей. Таким образом, в РФ возможно такое удивительное ведомство, как министерство по делам национальной принадлежности. Понятно, что эта традиция также идет от раннего СССР. Напомню, что наркомом по делам национальностей был И.В. Сталин.

Характеризуя существующую сегодня этнополитическую кашу в головах, также следует указать на довольно распространенный феномен постсоветских «интернационалистов», готовых сражаться с призраками русского национализма, который воспринимается ими

не как нормативная по меркам Модерна теория и практика политического самоопределения русских, но исключительно в компании с такими дискурсивными страшилками как шовинизм, расизм, антисемитизм и обязательно — фашизм. Сама проблематизация нынешнего статуса этнического русского большинства РФ как несостоявшейся и политически не представленной нации, сама проблематизация перспектив образования этим большинством собственного национального государства, — т.е. банальной и давно реализованной во всех странах Европы задачи политической модернизации, диффамируется ими как признак приближающейся нацистской угрозы.

Здесь примечательно то, что эти духовные наследники всерьез восприняли только интернационалистскую риторику СССР и по-прежнему не в состоянии концептуализировать реальный опыт советской национальной политики, которая заключалась в реализации именно принципа национализма, — с той оговоркой, что это были нерусский национализм. На этом основании они отказываются признавать существование в СССР «русского вопроса». При этом они успешно не замечали существование национальных государств нерусских народов в СССР, ставших двадцать лет назад независимыми ровно по тем границам, что были прочерчены большевиками. А сегодня они демонстративно не замечают реализацию принципа национального самоопределения нерусских народов нынешней России — национальных протогосударств в виде нерусских этнократий Поволжья и Северного Кавказа. Пока в рамках РФ...

Дмитрий Фурман говорил в этой связи о существовании двух различных представлений о России, которые неправомерно смешивают в единое целое:

Россия как государство в границах нынешней РФ и Россия как русская этническая территория, которые не совпадают. При этом Российское государство в качестве имперского наследия включает в себя страны с культурами, сильно отличающимися от русской. Поэтому нельзя исключить, писал он, что «в ситуации какого-то острого и глубокого кризиса некоторые из них “отвалятся” и станут независимыми государствами. Однако это не будет распад России в собственном смысле слова, поскольку распад этнически русской России на множество жизнеспособных русских государств невозможно себе представить практически, поскольку история не знает примеров распада этнически гомогенной территории».

В заключение остается лишь указать на существенную связь между современным русским национализмом, его успехами в создании русского национального государства и перспективами демократизации России. Без конституирования современной русской демократической нации мы рискуем провести еще бесконечно долгое время не в качестве граждан свободной страны — членов сообщества равноправных компатриотов, а по-прежнему в качестве подданных архаичной власти досовременного типа, относящейся к собственной стране как к колонии или ресурсной базе. А чем будут обосновать подобное господство демократически нелегитимных анациональных и антинациональных элит постимперского разлива — всемирной отзывчивостью русских, советскими обязательствами перед теми, кого приручили, или светлым евразийским будущим — это не так уж важно. Сегодня среди провластных пропагандистов Евразийского союза все больше популярен аргумент общего наследия Золотой Орды...

Сергей Коростелев

Российский футбол как арена межэтнической борьбы

Осенью прошлого года отечественная футбольная общественность была взбодорена идеей проведения объединенного чемпионата России и Украины. Полемика продолжается до сих пор, и в ряду аргументов «против» создания нового турнира, которые, кажется, превалируют над аргументами «за», возник тезис о некоей «национальной несовместимости» русских и украинцев.

Так, в эфире одной из московских радиостанций ведущий заявил, что объединенный чемпионат России и Украины невозможен хотя бы потому, что «вспышки национализма» как с одной, так и с другой стороны, впервые появившиеся еще в последние годы СССР, теперь будут еще ярче. Какие, мол, поднимутся волнения, если вдруг в матче двух украинских команд, к примеру, «Ворсклы» и «Динамо» Киева, русский арбитр допустит ошибку?! И что, если ошибка эта будет не в пользу гранда, то есть Киева, и она сыграет на руку российскому гранду, борющемуся с Киевом за чемпионство?! Массовые беспорядки, перевернутые автомобили, поджоги и чуть ли не требования объявить России войну — наверное, именно такой ужасник должен был родиться в воображении слушателей.

Опасения ведущего имеют под собой основу, и всё-таки его слова меня глубоко возмутили. Во-первых, потому, что русские и украинцы — славяне, и мне больно и обидно думать, что они не смогут найти общий язык. Более того, противопоставление русских и украинцев как двух *совершенно разных* народов, мягко говоря, преувеличено. Пора кон-

чать со старой пропагандой австрийцев, насаждавших в Галиции русофобские настроения. Во-вторых же и в-главных, если объединенный чемпионат России и Украины носит сейчас гипотетический характер, то «объединенный чемпионат» русских регионов и Кавказа давно уже стал реальностью. Получается, с Кавказом мы миримся, а с Украиной нам никогда не ужиться? Хотя межэтнические противоречия с кавказцами гораздо острее и хотя, если уж заговорили о судействе, «странное» поведение арбитров в кавказских городах никого уже не удивляет.

И хорошо, если бы речь шла только о предвзятости судей и договорных матчах — этого «добра», надо признать, в российском футболе хватает и без Кавказа, — но, к сожалению, кавказская тема связана у нас и с околофутбольными столкновениями, и с всевозможными скандальными и даже трагическими событиями.

Клубы из национальных республик

Первый чемпионат России был проведен в 1992 г. «Арагат» (Ереван) и «Нефтчи» (Баку)¹ выступали уже в своих национальных первенствах, но одна кавказская команда в российской Высшей лиге

¹ Футбольная федерация независимой Грузии была основана 15 февраля 1990 года, поэтому грузинские клубы вышли из чемпионата СССР раньше остальных. Уже в сезоне 1990/91 состоялся первый розыгрыш национальной лиги, хотя чемпионат СССР проводился еще в сезоне 1991 года.

всё-таки была представлена: по итогам чемпионата второе место в турнирной таблице занял «Спартак» (Владикавказ). В 1995 г. клуб из Северной Осетии, подкорректировавший название и ставший «Спартаком-Аланией», добился наивысшего достижения в своей истории (и пока что в истории всех кавказских клубов России) — завоевал золотые медали. За тем так называемым «водочным» чемпионством² до сих пор тянется шлейф из различных слухов, связанных в том числе с честностью спортивной борьбы, в которой это чемпионство добывалось. В 1996 г. команда, называвшаяся уже просто «Аланией»³, была близка к победе второй год подряд, но в золотом матче в Санкт-Петербурге уступила московскому «Спартаку» 1:2. И до сезона 1999 г. включительно «Алания» была единственным представителем Кавказа в Высшей лиге российского первенства.

...30 октября 1999 г. на поле стадиона «Динамо» в Махачкале после победы над «Ладой-Симбирск» из Димитровграда со счетом 3:1 футболисты и болельщики местного «Анжи» танцевали лезгинку: за два тура до окончания чемпионата России в Первом дивизионе дагестанский клуб обеспечил себе выход в Высшую лигу. Можно сказать, что с этого и началось «наступление» кавказских клубов в элите российского футбола.

² «...успех команды связывался прежде всего с большими спонсорскими деньгами, которые неожиданно свалились на клуб. Причем, как говаривали злые языки, деньги эти были получены от реализации серого, реализованного в обход налоговых сборов алкоголя. До сих пор чемпионство “Алании” 1995 года болельщики других клубов называют не иначе, как водочным» (*Балакирев А. Путин нашел спонсора для «Алании» // Газета.ру, 09.07.2012*).

³ Движение от «интернационального» названия «Спартак» к сугубо национальному названию «Алания» было весьма характерно и символично. В *просто «Аланию»* владикавказский клуб трансформировался за 2 года.

С 2000 по 2002 г. включительно в Высшем эшелоне⁴ с переменным успехом выступали два кавказских клуба — «Алания» (Владикавказ) и «Анжи» (Махачкала). А в 2003 г. грозненский «Терек», будучи командой Первого дивизиона, добился наивысшего достижения в истории кавказских команд в Кубке России, завоевав этот почетный трофей. В 2006 г. в Премьер-лигу пробился кабардино-балкарский клуб «Спартак» (Нальчик).

Наибольшее представительство в сильнейшем российском футбольном дивизионе кавказские клубы имели в 2010 г.: 4 из 16 (то есть целая четверть) команд Премьер-лиги базировались на Северном Кавказе («Спартак-Нальчик», «Анжи», «Терек» и «Алания»). Правда, тогда же «Алания» вылетела в Первый дивизион. Но уже через сезон — летом прошлого года — вернулась в элиту⁵.

Замечу, что, помимо вышеназванных кавказских клубов, за всю историю проведения чемпионатов России в сильнейшем дивизионе команд *не из русских регионов*, а из национальных республик было всего четыре: «КАМАЗ» (Набережные Челны, Татарстан — 1993–1997), «Уралан» (Элиста, Калмыкия — 1998–2000, 2002–2003), «Рубин» (Казань, Татарстан — 2003 — по наст. вр.) и «Мордовия» (Саранск — 2012/13). Этническая подоплека в выступлениях этих команд если и присутствовала, то в несоизмеримо меньшей степени, чем у кавказских.

⁴ В 2001 г. было создано некоммерческое партнерство «Российская футбольная Премьер-лига» — организация, объединяющая нелюбительские футбольные клубы России высшего дивизиона и, начиная с сезона 2002 г., координирующая проведение чемпионата России по футболу.

⁵ Фанаты московских клубов радовались, однако, что Премьер-лигу в сезоне 2011/12 покинул «Спартак-Нальчик», и количество кавказских клубов не увеличилось. О том, почему фанаты вычеркивали Нальчик из календаря своих «выездов» с таким облегчением и удовольствием, см. ниже.

Особенности кавказского футбола

Политика властей в отношении Северного Кавказа во второй половине 2000-х гг. нашла отражение в футболе как в безусловно самом популярном и престижном виде спорта. Рост амбиций кавказских клубов сопровождался давлением на судей, отчего работа рефери на Кавказе стала изобиловать разнообразными «чужацествами», резким ухудшением обстановки на трибунах и около стадионов, активным проявлением антирусских настроений и даже столкновениями между приезжими фанатами из русских городов и местным населением.

Вот краткая хронология основных скандальных происшествий и «странных» судейских решений в матчах с участием кавказских команд.

7 августа 2007 г. Нальчик. После матча местного «Спартака» с ЦСКА (1:1) толпа нальчикских болельщиков забросала автобус гостевой команды камнями, булыжниками, кусками асфальта⁶. По счастливой случайности стекла выдержали и никто из игроков, тренеров и персонала ЦСКА не пострадал. Бесчинства творились и на стадионе. Во время разминки с трибун в футболистов ЦСКА летели камни, банки, бутылки. Красочный репортаж под названием «Увидеть Нальчик — и выжить» написал для газеты «Спорт-экспресс» (09.08.2008) очевидец нальчикского «ада» А. Мартанов. Вот что он, в частности, пишет о поведении нальчикских

⁶ Годом ранее такому же нападению подверглись не футболисты, а фанаты ЦСКА. См.: Тимофеев А. Ты уже не мальчик, если едешь в Нальчик // Мир новостей. 2008. № 18 (748): «Давно известна проблема приезда московских футбольных фанатов в Нальчик. Одичавшие кавказские фанаты обычно как минимум забрасывают москвичей камнями и бутылками. И всё происходит при безразличном отношении со стороны сотрудников милиции. Что, впрочем, неудивительно: менты ведь тоже кавказцы...»

журналистов: «При каждом спорном эпизоде или свистке в пользу армейцев местные журналисты вскакивали на ноги, размахивали руками и извергали площадную брань в адрес арбитров, игроков и тренеров гостей. Все они поочередно были причислены к сексуальному меньшинству. А особо рьяные призывали спартаковцев покончить с негодными: “Убей его, убей!” Повторяю: это происходило в ложе прессы. Теперь представьте себе, что творилось в секторах, где расположились рядовые болельщики, не обремененные необходимостью соблюдать хоть какой-нибудь нейтралитет».

5 апреля 2008 г. Грозный. В этот день Чечня отмечала годовщину вступления в должность президента республики Р. Кадырова. И, к несчастью, именно на этот день был назначен матч чемпионата России «Терек» — ЦСКА. «В перерыве в судейской комнате произошли интересные события. Согласно записи Александра Гвардиса [главного арбитра] в судейский протокол, “в перерыве матча в судейскую комнату зашел неизвестный нам человек, болельщик команды «Терек», и в очень грубой форме оказывал психологическое давление (угрозу) на судейскую бригаду”. Как сообщил... очевидец, находившийся в этот момент в раздевалке, неизвестный обещал найти судейскую бригаду “если не здесь, то где-нибудь в России точно”⁷. Общественное неизвестное с судьей возымело действие, и во втором тайме «Терек» забил единственный в матче гол. «Игроки ЦСКА кинулись к Гвардису оспаривать гол — мол, Сердюков [автор голевой передачи] нарушал правила в борьбе за мяч. Но судья остался непреклонен. На этот эпизод, а также на последовавшее через несколько минут падение в штрафной “Терека” вы-

⁷ Лисин А. «Чтоб такое было в последний раз!» Что хотел сказать этой фразой тренер ЦСКА Валерий Газзаев? // Советский спорт, 07.04.2008.

шедшего на замену Рыжова [нападающего ЦСКА]⁸ ЦСКА подал жалобу.

13 июня 2009 г. Грозный. На глазах президента Чечни Кадырова «Терек» добился победы над «Крыльями Советов» (Самара) — 3:2. После просмотра матча специалистов и простых болельщиков стали терзать «смутные сомнения». Букмекеры отметили чрезмерно высокие ставки, сделанные на победу «Терека». Многие пришли к выводу, что матч этот носил договорной характер. Одним из первых о «странностях» матча в Грозном заговорил эксперт Ю. Сеvidов: «То, что творили “Крылья” на поле в конце матча, не поддается логическому объяснению. Игроки не просто встали — они как будто специально оставили коридор к воротам»⁹. Матч имел большой общественный резонанс. 6 июля телеканал «Спорт» сделал повторный показ этой встречи, причем без комментариев и только с интершумом, чтобы каждый телезритель мог составить собственное мнение о характере спортивной борьбы. В «Литературной газете» вышла моя заметка на эту тему¹⁰. Несмотря на то что никаких мер ни со стороны Российского футбольного союза (РФС), ни со стороны правоохранительных органов не последовало, а может быть, именно благодаря этому, матч «Терек» — «Крылья Советов» стал своеобразным олицетворением сомнительных матчей в российском футболе.

10 мая 2010 г. Владикавказ. Перед матчем «Алания» — «Спартак» (5:2) футболисты московского клуба посетили Мемориал в честь погибших в Беслане и школу, которую захватывали террористы¹¹. А после игры — видимо, в ответ на этот акт солидарности — местные

болельщики по «доброй» нальчикской традиции забросали автобус гостевой команды камнями.

7 мая 2011 г. Нижний Новгород. Гостевая победа «Анжи» над нижегородской «Волгой» 2:1 вызвала у общественности и некоторых специалистов набивший оскомину вопрос о договорном характере матча. Даже сам собственник «Анжи» С. Керимов¹² обратился к тогдашнему президенту РФС С. Фурсенко с просьбой о том, чтобы эту игру специально рассмотрел Комитет по этике. Многие, правда, восприняли это как блеф и пыль, бросаемую в глаза. Разумеется, Комитет не выявил никаких «нарушений», хотя «люди, которые посмотрели игру... отметили в ней поочередно несколько странностей — от необычного поведения тренеров до удивительного состава; к этому прилагаются ссылки на забитые голы, которые смотришь, как анекдот»¹³.

27 мая 2011 г. Москва. «Локомотив» уступил «Анжи» 1:2. После матча президент «Локомотива» О. Смородская отправила в отставку главного тренера Ю. Красножана, фактически обвинив его в сдаче матча. Несколько лет до этого Красножан тренировал «Спартак-Нальчик», который, с одной стороны, выступал довольно успешно, а с другой стороны, приобрел одну характерную особенность. В первой части чемпионата Нальчик играл, как правило, здорово, набирал много очков, в том числе с грандами, высоко поднимался в таблице. Однако во второй части следовало медлен-

¹² Подробнее о владельце дагестанского клуба см. ниже.

¹³ Уткин В. О скандальном матче «Волга» — «Анжи» // Советский спорт, 10.05.2011. Любопытно, что тогдашний главный тренер «Волги» О. Тетрадзе извинился перед болельщиками за второй тайм: «Всю вину за поражение беру на себя. Видимо, не смог *правильно настроить* (курсив мой. — С.К.) игроков в перерыве» (Литвак С. Тетрадзе извинился перед болельщиками // Спорт-экспресс, 10.05.2011).

⁸ Там же.

⁹ BaltInfo.ru, 16.06.2009.

¹⁰ Коростелев С. «Договорняк». No comments // Литературная газета. 15–21 июля 2009 г. № 29 (6223).

¹¹ См. Просветов А. Таковую «Аланию» стоило принимать в Премьер-лигу // Спорт-экспресс, 11.05.2010.

ное, но верное падение в турнирное «болото» — невыразительно проведенные матчи, безвольные поражения...

Этот российский футбольно-управленческий парадокс известен. Перед началом сезона в качестве стимула небогатые клубы, как и положено, устанавливают премиальные, но если собственные игроки вдруг начинают выступать *незапланированно* удачно, денежный лимит оказывается исчерпан. И футболисты во второй части чемпионата, когда премиальных за победы ждать уже не приходится, вынужденно, как у нас считается, идут зарабатывать себе «на хлеб насущный» другими путями. Ведь есть еще много богатых клубов, решающих серьезные задачи, но чьи футболисты по каким-либо причинам пока не слишком преуспели! В «кухонных разговорах» болельщиков и журналистов Красножан снискал славу специалиста по всевозможным «распилам» и «договорнякам».

«Локомотив», находящийся в собственности ОАО «РЖД», к небогатым клубам, конечно, не отнесешь; речь шла об огромных амбициях «Анжи», и Смородская, видимо, заподозрила Красножана в том, что он решил применить свой богатый нальчикский опыт... Пожалуй, впервые в истории российского футбола руководитель клуба так явно и прозрачно обвинил своего же тренера в сдаче матча. Официальную же формулировку, с которой из «Локомотива» был уволен Красножан, знает ныне любой уважающий себя болельщик, — «за допущенные упущения в работе»¹⁴.

21 августа 2011 г. Махачкала. «Анжи» победил московское «Динамо» 2:1. Как это часто случается в матчах на Кавказе, футболисты и тренеры гостей остались недовольны судейством. Но в анналы истории отечественного футбола — «бессмысленного и беспощадного» — игра эта вошла по другой причине. В перерыве матча разъяренный глав-

ный тренер «Анжи» Г. Гаджиев и один из его помощников А. Акаев ворвались в судейскую комнату, выбив ногами дверь. «В перерыве матча... была сломана дверь в коридоре, ведущая в судейскую комнату и комнату делегата», — такая запись попала в протокол матча¹⁵. «Что делали местные полицейские? Они в этот момент, видимо, смотрели в другую сторону или были заняты чем-то более важным. В общем, ничего не видели, не слышали и не пытались что-либо сказать, дабы уберечь подтрибунное помещение от пусть и незначительного, но всё же урона»¹⁶. Руководство «Динамо» было в курсе того, что произошло в перерыве. «Мы знаем, что данный инцидент имел место, — заявил исполнительный директор бело-голубых Р. Дьяков. — Более того, его свидетелями стали не только сотрудники клубов, но и официальные представители РФС»¹⁷. Символично, что именно во втором тайме — после «беседы» главного арбитра Безбородова с Гаджиевым и Акаевым — «Анжи» и забил победный гол¹⁸. 31 августа Контрольно-дисциплинарный комитет (КДК) РФС дисквалифицировал Гаджиева на 4 матча, а Акаева — на 6¹⁹.

¹⁵ Бобров А. Постучались в судейскую // Спорт-экспресс, 23.08.2011.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Мартанов А. «Динамо» готово предоставить видеозапись // Спорт-экспресс, 23.08.2011.

¹⁸ Судейство на Кавказе вообще имеет ни с чем — даже по российским меркам — не сравнимые особенности, которые должен учитывать любой арбитр, приезжающий туда работать. Так, «несколько лет назад <...> «неизвестное лицо» в перерыве матча в Махачкале не одну минуту сжимало мощной рукой причинное место известного арбитра. Судья стерпел — только задержал начало второго тайма. Как ему после такого рукопожатия судилось, знает он сам» (Бобров А. Постучались в судейскую...).

¹⁹ Акаев в том сезоне уже получал дисквалификацию на 4 матча за удар защитника ЦСКА В. Березуцкого.

¹⁴ См., напр.: <http://tursoft.ru/2011/06/07/lokomotiv-dopushhennye-upushheniya.html>

6 сентября 2012 г. Нальчик. Вылетевший в сезоне 2011/12 из Премьер-лиги в ФНЛ²⁰ нальчикский «Спартак» поставил себе цель вернуться в элиту российского футбола уже через сезон. Очевидно, любой ценой. В домашнем матче с московским «Торпедо» Нальчик вырвал победу 2:1 благодаря мячу, забитому с пенальти на 100-й (!) минуте матча. Арбитр В. Анисимов добавил к основным 90 минутам 5, но фактически команды сыграли больше 9 минут. Играли до тех пор, пока арбитр не нашел повод назначить пенальти и не исполнить свои «обязательства» по отношению к хозяйской команде: «...когда шла уже 10-я (!!!) добавленная минута, гости сфолили в центре поля. С подачи защитники справились, последовал еще один навес, и мяч оказался у вышедшего на замену Дани [футболиста «Спартака-Нальчика»], который ловко подставил корпус Газинскому [оппоненту из «Торпедо»], последний слегка задел его... и этого было достаточно, Дани рухнул на газон — пенальти... Пенальти уверенно реализовал Марат Шогенов, принеся своей команде *нужные как воздух 3 очка* (курсив мой. — С.К.)»²¹.

В октябре 2012 г. глава Департамента судейства и экспертирования при РФС Р. Розетти заявил, что В. Анисимов теперь еще долго не получит назначения на матчи. Однако вопрос о подкупе арбитра даже не рассматривался, и Анисимов был «наказан только за то, что добавил “5+4” минуты к основному времени матча. У него не было для этого оснований. Я ни разу в жизни не добавлял столько времени [Розетти в прошлом — известный итальянский арбитр]»²². Обо-

зреватель «Советского спорта» Е. Ловчев в эфире «Часа футбола» заявил, что «судья просто убил “Торпедо”»²³.

27 ноября 2012 г. Пермь. После победы «Анжи» над пермским «Амкаром» 2:1 глава совета директоров «Анжи» К. Ремчуков был огорчен тем, что была поднята целая «кампания насчет того, что матч “Амкар” — “Анжи” носил договорной характер»²⁴. Едва ли не главным мотивом для усомнившихся в честной борьбе в этом матче стало поведение букмекерских контор, прекративших принимать ставки на победу «Анжи». Несуразными, по мнению многих, выглядели действия защитников «Амкара» во втором тайме: игроков «Анжи» как будто приглашали забивать и тем самым до конца разыграть запланированный «спектакль». По всей видимости, «Анжи» не прочь время от времени «включать ускорения», обыгрывая в странных матчах маленькие клубы. Сценарий, уже, похоже, ставший классическим: «Анжи» выступает на выезде, первым пропускает, но затем сравнивает счет и, наконец, в «драматичной» борьбе вырывает победу во втором тайме. В 2011-м так же обыгрывали в Нижнем Новгороде «Волгу».

17 марта 2013 г. Грозный. «Терек» сыграл вничью с «Рубином» 0:0. Сначала судейская бригада справедливо не засчитала гол «Терека», так как забит он был из положения вне игры, а затем — в концовке встречи — главный арбитр М. Вилков удалил игрока «Терека» Р. Уциева за вторую желтую карточку: «на 60-й минуте матча в Грозном... Рыбус [нападающий «Терека»] выскокил один на один с Рыжиковым [вратарем “Рубина”] и технично отправил мяч в ворота. Алексей Харламов [боковой арбитр. — С.К.]... сумел увидеть, что в момент передачи поляк находился за

²⁰ ФНЛ — Футбольная национальная лига. Так с 2011 г. называется Первый дивизион.

²¹ Абаев А. «Спартак-Нальчик» — «Торпедо» — 2:1. Пенальти на 10-й добавленной минуте (<http://home.onedivision.ru/articles/type-4/item-375217-spartak-nalchik---torpedo---21>).

²² http://www.euro-football.ru/article/29/1021599_rozetti_arbitr_matcha_spartak-nalchik_-_torpedo_neskoro_vernetsya_k_sudeystvu

²³ <http://onedivision.ru/news/type-1/item-375545-evgeniy-lovchev-sudya-prosto-ubil-torpedo#ligue-1>

²⁴ Константинов В. В «Анжи» отвергают обвинения // Спорт-экспресс, 28.11.2012.

линией офсайда, — главный судья Михаил Вилков гол не засчитал. В конце матча Вилков... решил показать вторую желтую карточку Уциеву. Нервная игра, нервное судейство, напряженная концовка встречи — все это привело к тому, что на весь стадион прозвучало усиленное громкоговорителями оскорбление в адрес судьи»²⁵. Присутствовавший на матче Кадыров так разгорячился, что решил наведаться в дикторскую кабину.словно князек эпохи раннего феодализма, Кадыров захотел напасть на «провинившегося» судью. Никто, разумеется, не посмел удерживать президента Чечни, когда он подошел к микрофону и произнес: «Судья продажная, козел ты!». «На 87-й минуте матча... из динамиков стадиона, обычно используемых для звукового сопровождения и оповещения зрителей, раздался оскорбительный выкрик, суть которого сводилась к обвинению судьи в продажности»²⁶. После игры Кадыров отправился в судейскую. В течение пяти минут, пока глава Чечни вел «разговор по душам» с Вилковым, охрана Кадырова не пускала в комнату инспектора и делегата матча, что и было отражено в их отчетах.

Поведение Кадырова вызвало бурную реакцию в СМИ и особенно в Интернете, большинство пользователей которого сошлось во мнении, что Вилкову еще повезло, что его всего лишь прилюдно оскорбили, а не «замочили в сортире» прямо на грозненском стадионе²⁷. 20 марта КДК РФС вынес свой вердикт в отношении «Терека»: «100 тысяч рублей [штрафа] — за использование системы оповещения для поддержки принимающей стороны. Еще 100 тысяч и матч на нейтральном поле — за присут-

ствие посторонних в судейской комнате. 0 рублей 0 копеек — за слова Кадырова в адрес судьи Михаила Вилкова. Он ведь болельщик. А меры к болельщикам принимает не КДК — клубы. “Терек” своего почетного президента и благодетеля абонемент не лишит и отлучением от футбола не накажет»²⁸.

Убийства фанатов

Физическое и психологическое воздействие на судей, договорные матчи, подкупы, агрессия со стороны трибун и угрозы расправы²⁹ — всё это на протяжении нескольких лет с тех пор, как кавказские клубы в большом количестве появились в Премьер-лиге, создавало негативный фон для фанатов из русских регионов, и прежде всего Москвы. Национальные противоречия, плодившиеся политикой государственной власти, стали проецироваться на футбольные противостояния. Да и сам приезд фанатов

²⁸ Дзичковский Е. Вчера КДК РФС наказал «Терек» за нарушения, допущенные в ходе домашнего матча 21 тура с «Рубином» // Спорт-экспресс, 21.03.2013.

²⁹ Невозможно не вспомнить и о дурной славе, идущей об особо рьяных — на беду вратарей — кавказских нападающих. 18 августа 2001 г. в Махачкале в столкновении с форвардом «Анжи» Будунном Будуновым тяжелую черепно-мозговую травму получил украинский вратарь ЦСКА — 23-летний Сергей Перхун. Сначала казалось, что травма средней тяжести. Но по дороге в аэропорт Сергей впал в кому, повлекшую клиническую смерть. Несмотря на все старания врачей, Перхун скончался. Будуннов же не только выжил, но и вернулся в большой футбол.

26 апреля 2011 г. в матче «Терек» — «Ростов» сербский вратарь гостей Деян Радич столкнулся в борьбе за мяч с нападающим Зауром Садаевым. Радич получил разрыв почки, которая позже была удалена. По мнению защитника «Ростова» А. Буссаиди, Садаев сознательно пошел на контакт с Радичем: «Я был рядом и видел, что Садаев специально пошел в стык» (<http://www.championat.com/football/news-794726.html>).

²⁵ Бобров А. Мешков ошибся, не назначив пенальти в ворота «Анжи» // Спорт-экспресс, 18.03.2013.

²⁶ Арбитра назвали «продажным» на весь стадион // Там же.

²⁷ О том, как однажды в Грозном «пересчитали ребра» футболисту «Краснодара» С. Гогниеву, см. ниже.

в любой из кавказских городов, будь то Грозный, Махачкала, Нальчик или Владикавказ, где по улицам порой расхаживают люди в гражданской форме с оружием, где твой автобус или автобус твоей команды могут забросать камнями, где находящийся в «состоянии аффекта» арбитр засудит любимый клуб, — такой приезд заставлял переносить национальную вражду на футбольную почву. Похолоданию и до того, мягко говоря, не слишком теплых отношений между русскими и кавказскими фанатами способствовал также ряд инцидентов, не имевших прямого отношения к футболу или, по крайней мере, произошедших за пределами футбольного поля.

В ночь на 10 июля 2010 г. на Чистопрудном бульваре в Москве трое чеченцев напали на молодую компанию. Ударом ножа в сердце был убит 23-летний ассистент режиссера телеканала «Россия 2», болельщик «Спартак» Юрий Волков³⁰. Фанаты нескольких футбольных клубов провели массовые акции памяти Волкова.

А уже 6 декабря того же года в Москве произошло еще одно поистине роковое событие, вышедшее далеко за рамки фанатских противостояний и чисто футбольного антуража, — убийство выходцами из Дагестана спартаковского фаната Егора Свиридова.

11 декабря состоялся скандально известный митинг на Манежной площади, относительно которого имеется много противоречивой информации, связанной с участием или неучастием в митинге фанатов, действием провокаторов, беспорядками и т.д. Этот вопрос, выходя уже на чисто политический уровень, требует отдельного, скрупулезного рассмотрения. В этой статье я не хотел бы далеко уходить от собственно футбольной (или околофутбольной) составляющей.

Убийство кавказцами фаната «Спартак» привело к редкому единению

фанатов различных московских клубов, проявившемуся даже за пределами России. Из-за пиротехнического шоу, устроенного фанатами «Спартак» в словацком городке Жилина 8 декабря, начало матча группового этапа Лиги чемпионов 2010/11 было задержано на 20 минут. А ровно через неделю в Праге на матче Лиги Европы фанаты ЦСКА все 90 минут игры скандировали нелицеприятные речевки в адрес Кавказа. Это был последний матч ЦСКА в году, и любопытно, что едва ли не единственным игроком команды, кто не подошел к трибуне и не бросил туда по традиции свою футболку, был, по рассказам очевидцев, недовольный поведением фанатов осетин А. Дзагоев.

Уже несколько лет многие СМИ формируют крайне непривлекательный образ фаната в массовом сознании. И, конечно, многие поступки фанатов действительно заслуживают порицания. Но и откровенное очернительство недопустимо. Например, организованные *именно фанатскими объединениями*³¹ демонстрации стали весьма достойным ответом на убийство Егора Свиридова. Фанаты доказали, что они являются одной из, к сожалению, немногочисленных групп русского населения, способных активно выражать свою позицию и чувство национального негодования. Во многом именно благодаря резонансным акциям фанатов дела об убийствах Волкова и Свиридова не были «спущены на тормозах» и их убийцы получили реальные сроки.

Бойкот: за Премьер-лигу без Кавказа!

В январе 2011 г. новым владельцем «Анжи» стал дагестанский миллионер Сулейман Керимов. В российском футболе началась новая эра: если раньше грандиозные траты на приобретение новых игроков мог позволить себе только

³⁰ См. *Антипин В.* Есть ли национальность у убийцы // Эксперт, 22.07.2010.

³¹ Ни одно из фанатских объединений московских клубов не принимало официально участия в митинге на Манежной.

питерский «Зенит», имеющий спонсора в лице всемогущего «Газпрома», то в 2011-м тем же путем пошел «Анжи». В феврале контракт с дагестанским клубом подписал 37-летний бразилец Роберто Карлос — экс-защитник мадридского «Реала», первый в истории российского футбола чемпион мира (2002). Зарплата Роберто Карлоса в «Анжи» составила почти 7 млн евро в год. А в августе «махачкалинский «Анжи» приобрел у миланского «Интера» одного из лучших нападающих современного футбола — камерунца Самуэля Это'О»³². В «Анжи» он стал самым высокооплачиваемым футболистом мира: жалование Это'О составляет 20,5 млн евро в год³³.

Керимов приучил «Анжи» жить на широкую ногу. Это почувствовал и Роберто Карлос, получивший в подарок на день рождения эксклюзивный спорткар французской марки Bugatti Veuron, оцениваемый примерно в два млн долларов³⁴, и фанатское объединение «Анжи» «Дикая дивизия». Для нее Керимов организовал бесплатные чартерные авиарейсы в Москву на матчи с участием «Анжи». Бойкая и борзая дагестан-

ская молодежь, наряженная в пеструю желто-зеленую символику «Анжи», — эта картина, наблюдаемая в самом центре Москвы, стала привычной. Таков был кавказский «подарок» русским фанатам после всех событий конца 2010 г.

В первой половине 2011-го живо обсуждался бойкот, объявленный фанатами ЦСКА матчам, в которых их любимый клуб встречался с кавказскими командами. Эта форма протеста была направлена «против засилья кавказских команд и агрессивного поведения их болельщиков»³⁵.

Бойкот завел фанатов достаточно далеко — аж до финала Кубка России 2010/11, в котором ЦСКА играл с «Аланией». В преддверии матча в Интернете появилось «Обращение активных болельщиков ЦСКА», где говорилось, что, «поскольку никаких событий или изменений ни в стране, ни в отечественном футболе с момента опубликования предыдущего обращения не произошло, а значит и изначальные цели... достигнуты не были», поход на стадион на финал Кубка России нужно расценивать как саботаж «не только идеи бойкота, но и самой возможности позитивных изменений в отечественном футболе». Фанаты выражали обеспокоенность тем, что вносится «раскол в... наметившееся позитивное сотрудничество с другими российскими клубами по... общим вопросам и проблемам»³⁶.

Ни значимость трофея, который ЦСКА в итоге и завоевал, ни то, что матч проходил не где-то на Кавказе, а в Ярославле, ни фигура В. Газзаева, занимавшего пост президента «Алании», а в 2005 г. приводившего ЦСКА к историческому триумфу в Кубке УЕФА, — ничто не повлияло на решение части фанатов бойкотировать финал Кубка³⁷. На госте-

³² Мельников А. Оплачен'О. Самуэль Это'О перешел в «Анжи» за рекордную зарплату (<http://lenta.ru/articles/2011/08/24/etool/>).

³³ Грозненский «Терек» отстаивать от «Анжи» не хотел и по мере сил отвечал своими пафосными и дорогостоящими приобретениями. 9 февраля 2011 г. на пост главного тренера был приглашен в прошлом знаменитый футболист, победитель Евро-1988 в составе сборной Голландии Р. Гуллит. Правда, на этом месте голландец не продержался и полугодом, будучи уволенным уже 15 июня после поражения от «Амкара» 0:1 за неудовлетворительные результаты, которые показывал при нем «Терек». По слухам, Гуллиту мешало в работе то, что руководство «Терека» якобы требовало от него выставлять в стартовом составе команды энное число чеченцев и поддерживать тем самым национальную чеченскую идею.

³⁴ <http://subcar.org/news/3058/>

³⁵ Трушин Е., Калинин А., Демидов С. Фанаты объявили кавказский бойкот // Газета.ру, 20.05.2011.

³⁶ http://www.gazeta.ru/sport/rfc/2011/05/a_3624317.shtml?p=incut&number=1

³⁷ Не сыграло роли даже то, что Север-

вых книгах армейских фанатов распространялся призыв приехать в Ярославль, однако оставить команду без поддержки на самой арене. «Смотри в баре!», «Не иди на стадион», — гласили лозунги организаторов акции, которые ратуют за «Премьер-лигу без Кавказа».

«Мы по-прежнему считаем, что активное лоббирование футбольным руководством интересов северокавказских команд губительно для российского футбола и оскорбительно для российского общества, — писали далее активные болельщики ЦСКА, намекая на участвовавшие поездки тогдашнего президента РФС С. Фурсенко на Кавказ. — В связи с этим мы вновь призываем болельщиков как ЦСКА, так и остальных российских клубов бойкотировать все игры с участием команд с Северного Кавказа. Для нас этих команд не существует! Людям, пробивающим “золотой” сезон [необходимо посетить все официальные матчи любимого клуба], эти выезды будут идти в зачет без посещения»³⁸.

Фанаты использовали бойкот, чтобы показать, что им «не безразличны... команда, футбол и наше будущее! Это отличная возможность по-настоящему обратить на эту проблему внимание общественности». Фанаты отказывались впредь ехать на Северный Кавказ (даже при «ярославском варианте» с непосещением самого стадиона), так как «это угрожает здоровью и жизни каждого болельщика. Данное обращение не яв-

ная Осетия-Алания — республика не мусульманская, а православная. Интересно, что на уже упоминавшемся выше матче «Алания» — «Спартак» в 2010 году владикавказские фанаты вывесили баннер, гласивший, что только они на Кавказе едят свинину (*Теллингтер* Г. Инциденту во Владикавказе способствовал непрофессионализм милиции // Спорт-экспресс, 11.05.2010). В этих словах был также ироничный намек на «мясное» прозвище всех спартаковцев.

³⁸ http://www.gazeta.ru/sport/rfc/2011/05/a_3624317.shtml?p=incut&number=1

ляется призывом к разжиганию межнациональной розни и ксенофобии»³⁹, — значилось в конце обращения.

Руководство ЦСКА оперативно ответило на заявление фанатов, не поддерживая его. И надо признать, что акцию протеста не поддержало и большинство фанатов ЦСКА, однако вовсе не потому, что они не разделяли идеи инициаторов бойкота, а потому, что «сочли неправильным лишать команду поддержки в важном матче»⁴⁰.

Логическое продолжение история с бойкотом получила 10 августа того же года. Во время товарищеского матча Россия — Сербия (1:0), проходившего на стадионе «Локомотив» в Москве, состоялось то, чего «никогда... — ни в советские времена, ни в нынешние — не наблюдалось... Часть зрителей, не самая, надо сказать, незаметная... по-хамски встречала каждое действие на поле одного из лучших... футболистов страны Юрия Жиркова. Было такое ощущение, будто игрок... вчера предал родину. Как только он получал мяч, на трибунах возникал гул, публика улюлюкала, раздавались грубые выкрики»⁴¹.

Юрий Жирков проделал стремительный путь от никому неизвестного провинциального паренька, выступавшего за заштатный тамбовский «Спартак» во Второй лиге, до полузащитника ЦСКА, забившего в 2005 г. победный гол в финале Кубка УЕФА, и до игрока сборной России, блиставшего на таком успешном для нас чемпионате Европы 2008 г. Приглашение в лондонский «Челси», полученное Жирковым летом 2009-го, отечественные любители футбола встретили с оптимизмом и восприняли как должное. Вряд ли, конечно, кто-то всерьез рас-

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Трушин Е., Калинин А., Демидов С.* Фанаты объявили кавказский бойкот...

⁴¹ *Горбунов А.* Агрессия фанатов по отношению к Юрию Жиркову возмутила всех (<http://ria.ru/sport/20110811/415771234.html#13630043687643&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>).

считывал, что Жирков станет звездой мирового футбола, но, зная дисциплинированность и высочайший профессионализм Юрия, мало кто сомневался, что контракт с «Челси» Жирков отрабатывает достойно. Но этого не случилось. Летом 2011-го конкурентной борьбе за место в составе одной из лучших команд мира Жирков предпочел гарантированное место на поле в футболке «Анжи». Столь неожиданное падение из «князя в грязи» повергло болельщиков в шок. Фанаты ЦСКА (да и других клубов) расценили переход Жиркова в «Анжи» за «длинным рублем» как предательство. Пожалуй, никогда еще русский футболист столь высокого уровня, столь любимый и уважаемый, не переезжал играть на Северный Кавказ.

Лично я осуждать Юрия не могу, ибо не считаю себя вправе это делать, однако в глазах многих Жирков, безусловно, упал. Такая же участь постигла и голландца Гуса Хиддинка, который снискал, казалось, всенародную любовь как главный творец русского футбольного чуда на Евро-2008 и которого в шутку все тепло называли Гусом Ивановичем. После же назначения на пост главного тренера «Анжи» в феврале 2012-го Хиддинк, как мне кажется, перестал вызывать столь положительные эмоции⁴². Злые языки величают его теперь не иначе как Гусом Магомедовичем.

Дальше — больше: керимовский «Анжи» стал не только привозить в Москву дагестанских фанатов на матчи против столичных клубов, но и решил

проводить в Москве *домашние* матчи. По итогам сезона 2011/12 «Анжи» пробыл в Еврокубке, но принимать соперников в Дагестане запретила УЕФА. «Анжи» вынужден был арендовать стадион «Локомотив» в Москве, что вызвало бурные протесты фанатов одноименного клуба, не желавших делить арену с выскочками с Кавказа. Фанаты «Локомотива» были отчасти спровоцированы, на мой взгляд, как минимум неуместным, а как максимум — издевательским обращением болельщиков «Анжи» к ним:

«23 августа футбольный клуб “Анжи” сыграет с “АЗ-Алкмар” на стадионе “Локомотив” в Москве. В связи с этим клуб болельщиков “Анжи” “Дикая Дивизия” обращается к болельщикам ФК “Локомотив”».

Дорогие болельщики и болельщицы футбольного клуба “Локомотив”!

Все мы знаем, что вы умеете громко и слаженно поддерживать свой клуб. К сожалению, в этом сезоне “Локомотив” не участвует в международных соревнованиях. Но, несмотря на это, стадион в Черкизово не останется без еврокубков. Вашей арене *выпала честь* (курсив мой. — С.К.) принимать домашние матчи “Анжи” в Лиге Европы... В связи с этим 23 августа в 20:00 приглашаем всех поклонников и поклонниц “железнодорожников” прийти на родную арену и поддержать российский футбольный клуб “Анжи” в матче против голландцев. Покажем всей Европе, насколько единственным и сплоченным может быть *российский* (курсив мой. — С.К.) народ!⁴³.

В ответ на это матч «Анжи» — «АЗ-Алкмар» фанаты «Локомотива» попытались сорвать. На призыв «Дикой дивизии» они откликнулись пиротехникой, которая запрещена на матчах, проводимых под эгидой УЕФА, и использование которой карается европейскими футбольными властями: «Огромное количество омонцовцев, куча полицейских “пазиков”, группы кучкующихся по

⁴² Российский футбол уже, наверное, причул нас к тому, чтобы время от времени разочаровываться в людях. Фильмы с участием Ж. Депардье, после того как этот человек стал россиянином и едва ли не личным другом В. Путина и Кадырова, уже не будут столь любимы нами, как прежде. Когда же Депардье объявил себя болельщиком «Терека» (см. <http://onedivision.ru/news/type-1/item-394719-jerar-deparde-stal-bolelschikom-tereka>), он, уверен, нарвался на неприязнь еще и со стороны фанатов.

⁴³ <http://lokomotiv.info/blogs/170812/55760/>.

окрестным дворам молодых людей в капюшонах, грохот — не то от петард, не то от выстрелов из травматических пистолетов. Клуб из Махачкалы, проводящий домашний матч в Москве, — такая затея не могла не обернуться проблемами... Те московские фанаты, которые сумели попасть на стадион, несмотря на довольно жесткий фильтр со стороны правоохранительных структур, активно болели против “Анжи”, его болельщиков, а также лично президента “Локомотива” Ольги Смородской, предоставившей клубу из Дагестана поле. Этого следовало ожидать — разговоры, что матч пройдет во взрывоопасной атмосфере, ходили давно»⁴⁴.

4 ноября 2011 г. на стадионе имени Билимханова в Грозном во время матча молодежных составов «Терека» и «Краснодара» осетинский игрок гостей Спартак Гогниев был удален за две желтые карточки. Уходя с поля, Гогниев на эмоциях несколько раз толкнул главного судью в грудь. Сразу после этого у боковой линии поля, затем в подтрибунном помещении, а затем — в оперативной машине Гогниев был избит грозненскими полицейскими и охраной стадиона. Футболисту сломали два ребра, нанесли множественные побои, в том числе закрытый перелом носа и сотрясение мозга. Гогниев попал в больницу, из которой был выписан 11 ноября.

Матч, в котором «Краснодар» к 73-й минуте вел со счетом 3:0, не был доигран. У оператора клуба «Краснодар» на стадионе были изъяты видеоматериалы игры. 12 ноября представители «Терека» во главе с полпредом Чеченской республики в Краснодарском крае С.-Х. Хамзатовым встретились с Гогниевым. По словам футболиста, ему были принесены извинения от лица руководства республики и ФК «Терек». Гогниев также добавил, что «со своей стороны конфликт считает полностью исчерпанным», и попросил журналистов впредь

по этому поводу его не беспокоить и дать ему возможность сосредоточиться на футболе⁴⁵.

16 ноября состоялось заседание КДК РФС, на котором было принято окончательное решение по инциденту. Гогниева оштрафовали на 50 000 рублей и дисквалифицировали на 6 матчей молодежного первенства. Молодежный состав «Терека» был оштрафован на 500 000 рублей, а также 2 домашних матча сыграл на нейтральном поле. При этом глава КДК В. Катков заявил тогда, что дело об избииении Гогниева не будет рассматриваться прокуратурой, так как у КДК нет полномочий на то, чтобы туда его передать. Инициатива должна была исходить от «Краснодара» и самого Гогниева, но инициативы этой не возникло⁴⁶.

Казалось, что подобная история никогда не должна была повториться. Но не прошло и полутора лет, как на том же стадионе имени Билимханова случилось новое избииение. 28 апреля 2013 г. после матча молодежных команд «Терека» и «Амкара» прямо на поле пострадал 18-летний игрок пермяков Илья Кричмар. Силу на этот раз применили не полицейские, а боковой судья Муса Кадыров. Первые же новостные сайты, сообщившие об инциденте, едва ли не крупным шрифтом подчеркивали, что судья не является родственником главы Чечни. И это воспринимается как очередной анекдот, ведь в Чечне, как известно, все так или иначе друг другу родственники.

Но что же произошло? Недовольный работой бокового арбитра, который, по мнению пермской стороны, подсуживал хозяевам, Кричмар в течение матча несколько раз вступал с ним в словесную перепалку. После же финального свистка Кадыров не выдержал.

⁴⁵ Официальный сайт ФК «Краснодар» (<http://www.fckrasnodar.ru/main/news/ct1/55642.html>).

⁴⁶ <http://www.sports.ru/football/131385776.html>

Вот как в интервью порталу «Sports.ru» описывает случившееся сам пострадавший: «Прозвучал финальный свисток, я снимал щитки, поворачиваюсь, а у меня судья за спиной. Толкнул меня, я упал. Он бил ногами по телу, в бок — по печени, наверное. Нанес три удара... Игроки “Терека” рванули ко мне, хотели меня ударить. Они даже вцепились в меня — кто за горло хватал, кто еще чего-то делал... У судьи была такая версия, что я оскорбил его мать. Хотя такого не было. Понимаете, эти боковые судьи — из Грозного, судейство было, мягко говоря, не очень хорошее. Не обратил внимания, заступился ли за нас кто-то из правоохранительных органов — мне как-то не до этого было. Я просто голову закрывал, главное — чтобы не попало. Потом в раздевалку зашел милиционер, не знаю, кто именно там был — просто человек в форме. Он говорил с тренером... Со мной никаких разговоров никто не вел. Прощения никто не просил... Игроки “Терека”... грубо играли, они все так играют. Судьи им помогали. Допустим, на поле два мяча, я обращаю на это внимание бокового, а он мне отвечает: “Ну и че? Дальше играем”. По идее, это же остановка игры. Боковые вообще сразу матом крыли... Этот боковой [Муса Кадыров] много чего говорил... Говорил, что убьет»⁴⁷.

Как признался делегат матча А. Спирин, сомнения в квалификации арбитров возникли у него еще до начала игры. Дополнительный отпечаток наложило еще и то, что на трибунах присутствовал не-родственник Мусы Кадырова Р. Кадыров, а потому молодежка «Терека» *уж очень хотела проявить себя*, и «ассистенты судьи помогали им в этом: про-

пускали явные офсайды, придумывали какие-то фолы, даже с аутами какие-то поблажки для “Терека” делали. Главный арбитр не справился, не смог остановить этот судейский беспредел. Всё шло достаточно спокойно, “Терек” выиграл — 2:1»⁴⁸.

...Мне сложно представить, что футбольная Украина способна преподнести нам нечто еще более ужасное, чем то, что произошло с Гогниевым или Кричмаром в Грозном...

* * *

С середины 2000-х в российском футболе буквально витают идеи глобальных политпроектов. До прихода *больших* денег в «Терек» и *гигантских* денег — в «Анжи» флагманом отечественного футбола и самым популярным клубом страны был наречен «Зенит» из города высшей государственной власти — Санкт-Петербурга. Чемпионство же, на которое с сезона 2012/13 всерьез нацелился «Анжи», — это уже даже не вызов, брошенный мятежными колониями в адрес ненавистной метрополии. Налицо смещение акцентов во всем нашем футболе, ведь богатые и очень амбициозные клубы на Северном Кавказе — это тоже политпроект, который в перспективе не уступит политпроекту питерскому.

Заветная кавказская мечта, похоже, всё больше воплощается в жизнь: русские Ваньки работают и горбятся, чтобы кормить Ахмеда, Ибрагима и Мурада. Однако хлеба наши кавказские друзья получили уже, видимо, достаточно. Теперь они жаждут зрелищ. Это О, Роберто Карлос и другие звезды мирового футбола должны будут им эти зрелища обеспечить.

⁴⁷ Воронин В. «Судья говорил, что убьет меня». Как напали на игрока в Грозном // <http://www.sports.ru/football/148595712.html>

⁴⁸ Там же.

Сергей Петров

«...Потомки Золотой орды...

ДИКИ, ЗЛЫ И НЕНАВИДЯТ РУССКИХ»

Восстание, вспыхнувшее в Туркестане в июле 1916 г., в основном подавленное к осени того же года, но в отдельных местностях продолжавшееся вплоть до падения императорской власти в России в феврале 1917 г., представляет чрезвычайный интерес во многих отношениях. Здесь мы предполагаем обсудить его в контексте национальной политики властей последних лет Российской Империи применительно к отношениям между ее русскими подданными и азиатскими туземцами и сравнить эту политику с пришедшей ей на смену национальной политикой большевистских властей.

Поводом для восстания послужил правительственный указ от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». Первоначально русские власти планировали мобилизовать для тыловых работ в прифронтовых районах порядка 250 тыс. человек инородческого населения Туркестана в возрасте от 19 до 43 лет. Среди туркестанских инородцев эти планы породили слухи о скрытой мобилизации на фронт для уничтожения туземного населения и заселения освободившихся земель русскими.

Глубинной же причиной для восстания послужила колонизационная политика властей Империи, включавшая изъятие лучших земель у туркестанских инородцев и передачу их

в собственность русским колонистам: «В 1916 году русских переселенческих поселков насчитывается в Туркестане 941. Это население занимало около 2 миллионов десятин самой лучшей пахотной земли (долинной, хорошо орошенной и т.д.). Что это составляло к посевным площадям тогдашнего Туркестанского края? Эти два миллиона десятин составляли 57,6% общей посевной площади края, иначе говоря, на каждого русского переселенца приходилось 3,17 дес., а на каждого туземного жителя (киргиза, узбека, туркмена) приходилось 0,21 дес., или в 15 раз меньше, чем на русского переселенца. В то время туземное население (узбеки, киргизы, туркмены) составляло ко всему населению Туркестана 94%. Эти 94% занимали всего 42,4% посевных площадей, а 6% русского населения занимали 57,6% посевных площадей»¹.

С самого начала русская колонизация имела ярко выраженный милитаристский характер. Уже в 1880-х гг. военный губернатор Сыр-Дарьинской области генерал Н.И. Гродеков заявлял: «Каждый новый поселок в Туркестане равносителен батальону русских войск». С этого же времени правительство начинает снабжать русских колонистов оружием — первоначально под предлогом потребности в охоте и защите от диких зверей. Наибольших успехов колонизационной политике удалось добиться в Семиречье, где Российское государство

¹Исакиев Б. Киргизское восстание 1916 года. Киргизиздат, 1932. С. 5.

приобрело крепкую опору в лице семиреченских казаков и зажиточных крестьян-кулаков.

Восстание 1916 г. началось 4 июля в городе Ходженте Самаркандской области, откуда распространилось почти по всему Русскому Туркестану. Пользуясь тем, что большинство русского мужского населения было призвано на войну, на нужды которой было также реквизировано почти все оружие, восставшие нападали на русские деревни, сжигали их, грабили русское имущество, а в некоторых местах (особенно в Семиречье) поголовно истребляли или угоняли в плен русских поселенцев.

17 июля Туркестанский военный округ был объявлен на военном положении. Для подавления восстания были направлены правительственные войска, которым содействовали местные казачьи и поселенческие ополчения. Летом–осенью 1916 г. войска потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 259 человек. Погибло 7 русских и 22 туземных чиновника. Больше всего пострадали русские колонисты в Семиречье — 1905 убитых и 1105 пропавших без вести — и в районе восстания киргиз (Пишпек и Пржевальский уезд) — более 2000 убитых и 1299 пропавших без вести. Общее число пострадавших русских семей достигло 8 тыс., из них 6 тыс. потеряли все свое имущество. По просьбе А.Н. Куропаткина, назначенного генерал-губернатором Туркестана 22 июля 1916 г., правительство выделило помощь пострадавшим в размере 502 тыс. рублей, что составило около 60 рублей на семью.

К концу лета 1916 г. восстание было подавлено в Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областях, к началу октября — в Семиречье, в январе 1917 г. — в Закаспийской области. Бои в степях центрального Казахстана с восставшими казаками, осадившими уездный административный центр Тургай, продолжались до середины марта 1917 г., когда русские вой-

ска были отозваны Временным правительством. Большинство казахских повстанцев во главе с их вожаками Амангельды Имановым и Алиби Джангильдином впоследствии присоединились к большевикам.

Судебные процессы над участниками восстания продолжались до конца февраля 1917 г. Было арестовано более 3 тыс. человек, из них около 350 приговорены к смертной казни (приговор утвержден и приведен в исполнение в отношении 51 человека). В конечном счете на тыловые работы удалось мобилизовать ок. 123 тыс. человек.

По настоящее время наиболее полной коллекцией документальных свидетельств об этих событиях остается сборник документов «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», изданный в Москве в 1960 г. К сожалению, ряд документов в сборнике имеет купюры — в частности, везде опущены описания зверств, которые совершали над мирным русским населением восставшие туземцы: «Ежедневно прибывали крестьяне окрестных сел, из их рассказов можно было установить, что киргизы сначала ограничивались тем, что, выгнав жителей, завладевали их имуществом и скотом, зажигали их села, но из жителей убивали лишь тех, которые сопротивлялись; впоследствии же стали избивать всех застигнутых врасплох, не исключая и грудных детей... (Опущены некоторые подробности совершенных жестокостей)»²; «Каракиргизы и особенно дунгане проявили к незащитным русским поразительную жестокость... (Опущено описание совершенных жестокостей)»³; «Картина нападения почти везде была одинакова. Киргизы, вооруженные пиками и ружьями, нападали на селения, избивали мужчин, старых женщин и детей, не могущих следовать с киргизами, причем

² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М., 1960. С. 357.

³ Там же. С. 375.

убийства сопровождалась страшными зверствами... (Далее опущено описание совершенных жестокостей)»⁴ и т.д.

При этом документы, описывающие ответные жестокости, совершенные русскими над туземцами, в указанном сборнике 1960 г. цитируются без всяких купюр: «1917 г. января 8. — Телеграмма помощника генерал-губернатора Туркестанского края М.Р. Ерофеева и.о. военного губернатора Семиреченской области А.И. Алексееву с предложением срочно представить объяснения по поводу проявленных жестокостей при подавлении восстания в Семиреченской области в связи с запросами в Государственной думе. Из Ташкента в Верный... Отряды истребляли планомерно и систематично женщин и детей, загнанных в ущелья, обреченных на голодную смерть, желавших только одного — бросить старую родину и уйти в Китай; в с. Беловодском из 500 привезенных киргиз большая часть палками и камнями уничтожена, остальных везут в Пишпек, где вечером на соборной площади добивают на глазах начальства под звуки музыки кинематографа; в Токмаке начальник карательной экспедиции, посланной с приказом уничтожить все киргизские аулы и все население, в присутствии всей русской интеллигенции гордился тем, что блестяще выполнил приказ начальника и даже его молодцы заложников мирной волости, киргизов, пришедших добровольно, потопили, переходя одну речушку; в с. Луговом отряд солдат оцепил толпу киргизов, погнав безоружных выстрелами, нагайками к утесу, внизу которого была река, и сбросил их туда. Имеются ссылки на “Семиреченские областные ведомости”: “Войсками перебито много тысяч киргизов, все мятежники загнаны в горные районы, они вскоре, вследствие голода и холода, в полной мере почувствуют последствия своего

безумного восстания, но войскам приказано не давать врагу пощады”»⁵.

Как видим, политика одностороннего замалчивания некоторых обстоятельств конфликтов русских с инородцами с целью «не разжигать» является не плодом современной политической ситуации, а советским наследием. Однако, к счастью, в нашем распоряжении имеются другие документы, которые позволяют восстановить полную картину событий 1916 г. в Туркестане, например, воспоминания отца Евстафия Малаховского, настоятеля Покровского храма в селе Покровском в тридцати пяти верстах от Пржевальска, на южном берегу озера Иссык-Куль:

«В 1916 году в Семиреченской области вспыхнуло восстание киргизов. Киргизы, воспользовавшись тем, что Россия была втянута в мировую войну, и оправдываясь тем, что государственная власть стала призывать их к тыловой службе, подняли восстание. Пренебрегая тем, что Россия в значительной степени улучшила за эти годы их положение, они предпочли в трудный для страны час жестокий грабеж и безграничный разгул страстей мирной, созидательной жизни.

10 августа киргизы внезапно, одновременно (значит, у них был заговор) напали на беззащитные русские селения всего уезда, угнали скот, который был на пастбище (село Покровское потеряло около 15 тысяч голов скота), и начали избивать работавших на полях; в селе Преображенском, по словам местного священника, убито в поле около двухсот человек. 11 августа они напали на селения, начали избивать жителей и жечь дома... Пощады русским не было: их резали, избивали, не щадя ни женщин, ни детей. Отрезали головы, уши, носы, детей разрывали пополам, натывали их на пики, женщин насиловали, даже девочек, молодых женщин и девушек уводили в плен.

⁴ Там же. С. 397–398.

⁵ Там же. С. 709.

Стали появляться лица, которым с Божией помощью удалось избежать насильственной смерти. Некоторые из них были жестоко изранены. Ужасом веяло от их рассказов. Киргизы не щадили даже маленьких детей. Времена злой татарщины воскресли в моей памяти, но все, что когда-то читалось об этих временах, бледнело пред бывшей действительностью... 30 августа явилась ко мне жена разъездного диакона, пятнадцать дней пробывшая в плену, и рассказала, что киргизы на них напали в селе Барскаун. Они все спасались в доме; вечером 12-го киргизы подожгли дом, они выскочили: одних убили, а она, священник Иоанн Роик с женою и детьми были взяты в плен; она случайно нашла пятилетнего сына, а дочь и сын остались в плену, киргизы обрили отца Роика, убеждали перейти в мусульманство, и, получив отказ, они убили отца Иоанна...

В таком напряженном состоянии духа доехали до села Иваницкого, то есть 15 верст. Вдруг обоз остановился и спереди послышались крики. Значит, подстерегли... Слышны рыдания женщин и молитва... Но, благодарение Создателю, — того, чего ждали, не случилось. Оказалось, израненные и полуживые остатки жителей села Иваницкого, заслышав шум обоза, выползли к дороге, и их стали подбирать на телеги. По всему селу Иваницкому перекликались петухи, но мы знали, что в нем нет ни одной живой души. Обоз наш тронулся дальше... вот уже до города верст восемь. На пути стало попадаться много изуродованных трупов убитых русских людей, как взрослых, так и детей.

Целую книгу можно написать о зверствах киргиз. Времена Батыя, пожалуй, уступят... Достаточно того, что на дороге попадались трупы десятилетних изнасилованных девочек с вытянутыми и вырезанными внутренностями. Детей разбивали о камни, разрывали, насаживали на пики и вертели. Более взрослых клали в ряды

и топтали лошадьми. Если вообще страшна смерть, то подобная смерть еще страшнее. Жутко становилось при виде всего этого»⁶.

* * *

Примечательно, что не один отец Евстафий Малаховский вспоминает в связи с событиями 1916 г. в Туркестанском крае о золотоордынских временах. Так, в одном из донесений о действиях русских войск в Тургайском уезде (нынешний Казахстан) читаем: «Начальником экспедиционного отряда, вследствие собранных здесь значительных сил отряда, признано необходимым использовать таковые для усмирения Тургайского уезда, где киргизы, потомки Золотой орды, дики, злы и ненавидят русских»⁷. В данном случае упоминание о Золотой Орде не является лишь риторической фигурой. У казахов (а именно они имеются здесь в виду под киргизами) Тургайского уезда золотоордынские времена были вполне свежи в памяти, потому что закончились за полвека с небольшим до 1916 г.

Казахское ханство возникло в 1460-х гг. на юго-западных землях Улуса Джучи, правившие им ханы были потомками сына Джучи Орды-Ичена. К началу XVIII в. Казахское ханство распалось на три части — Старший жуз на юго-востоке в Семиречье, Средний жуз в центральном и северном Казахстане и Младший жуз на западе. Тогда же началось постепенное подчинение Казахского ханства русской власти.

В 1801 г. часть султанов Младшего жуза во главе с Букеем Нуралиевым перешла через Урал на волжское левобережье, в результате чего возникла Внутренняя (Букеевская) орда в составе Астраханской губернии. В 1812 г.

⁶ Священномученик Евстафий (Малаховский) // http://www.kotlovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2752

⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 621–622.

Букей был вызван в Омск и назначен ханом части Среднего жуза, наряду с правившим там Вали. После того как Букей умер в 1817 г., на престоле Букеевской орды его сменил его сын Жангир. Однако когда в 1819 г. умер хан Среднего жуза Вали, русской администрацией было принято решение об упразднении ханской власти:

«Не позднее 1819 г. августа 17. — Выписка из журналов главного управления Западной Сибири о нецелесообразности оставления ханской власти в Среднем жузе в связи со смертью хана Валия. Слушали. По донесению командира Отдельного сибирского корпуса в списке, мне от Вашего сиятельства сообщенного, о кончине Средней киргизской орды хана Валия честь имею уведомить, что в проекте нового образования сибирских линий, в свое время от меня представленном, звание хана, ясно бесполезное, упразднить. Хотя проект сей не получил еще решительного утверждения, но дабы на затруднять его исполнения в случае, когда он будет утвержден, я полагал бы нужным предписать ныне пограничному начальству: 1. Избрание нового хана до времени отклонить, первое, потому что свойства сына хана Валия и обстоятельства его семейства не только здесь, но и на месте, как из самого донесения видно, недовольно еще начальству известны, второе, потому, что ни в коем случае не должно допускать, чтобы султаны и старшины сами собою без дозволения и без руководства нашего приступили к выбору хана. Противный сему пример 1781 г. означает только послабление бывшего тогда линейного начальства. Попущение таковое может иметь то важное неудобство, что если выбор падет на недостойного, тогда начальство поставлено будет в некоторое состояние с той партией султанов, которая будет участвовать в выборе; третье, наконец, потому, что нельзя предполагать, чтобы выбор, составленный на поминках покойного хана среди обыкновенных

степных пиршеств, мог быть основателем, и чтоб могли в нем принять участие все султаны и старшины Средней орды, из коих многим в отделении, на восточной стороне степи кочующим, и сам Вали-хан едва ли по имени был известен. 2. Поручить командиру сибирского корпуса отклонить всякий приступ к выбору. Между тем и узнать с достоверностию как о членах семейства Вали хана, так и о тех султанах, кои по праву родства, по семействам их и по влиянию в орде могут заслужить доверие нашего начальства...»⁸.

Вышеприведенный скромный документ провинциальной русской администрации интересен тем, что он по сути дела ставит точку в многовековой истории ханской власти Джучидов. В 1821 г. султаны Среднего жуза избрали своим ханом сына Вали Губайдуллу, но он был тут же арестован русскими властями и сослан. С 1822 г. в Среднем жузе была введена русская администрация по «Уставу о сибирских киргизах», разработанному Михаилом Сперанским. В 1824 г. за Средним последовал и Младший жуз, который стал управляться по «Уставу об оренбургских киргизах». Последний хан Младшего жуза Сергазы был вызван в Оренбург и оставлен там на постоянное жительство. Заманчиво провести параллель между последней датой и 1224 г., когда предположительно был основан Улус Джучи, в результате чего на власть джучидских ханов приходилось бы ровно шесть столетий.

Однако в Букеевской орде хан Жангир продолжал править вплоть до своей смерти в 1845 г., а в Среднем жузе недовольные русскими порядками султаны поднялись на борьбу за восстановление ханской власти. Эту борьбу возглавил султан Касым со своими сыновьями Саржаном и Кенесары.

⁸ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы) (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964. С. 182–183.

В 1841 г. Кенесары был избран своими сторонниками ханом Среднего жуза и всех казахов. После ряда военных успехов он к 1846 г. был разбит русскими войсками и вытеснен из Среднего жуза. В 1847 г. во время похода в Киргизию Кенесары был взят в плен киргизами и обезглавлен, а его голова — отправлена в качестве трофея русским властям в Омск. В ходе войны против Кенесары в 1845 г. на земле Среднего жуза и было основано оренбургским отрядом под командованием майора Томилина укрепление Тургай, округа которого стала очагом наиболее ожесточенного сопротивления русским войскам в 1916–1917 гг.

Приведем еще несколько выдержек из книги «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», касающихся мер, принятых русскими властями в ответ на действия мятежных туземцев. Из телеграммы начальника Пишпекского уезда Г.Ф. Путинцева военному губернатору Семиреченской области М.А. Фольбауму о необходимости прекращения дела об убийстве пленных киргизов в г. Пишпек и с. Беловодском: «Дело о переколотых конвоем в Пишпек 138 и убитых в Беловодске 517 киргиз[ах], как мне сказал прокурор палаты, [он] не оставит и привлечет виновных (к ответственности). Доношу до вашего сведения по случаю беседы с прокурором палаты, что русское население сильно возбуждено против киргиз[ов], то же замечается и в войсках. Поэтому полагал бы, во избежание выступления со стороны русского населения и войск, осторожно и осмотрительно прибегать к репрессиям в отношении крестьян, тем более, что из действующей армии в связи с киргизским мятежом поступают запросы о благополучии семей и даже, на почве защиты своих семей, есть побеги солдат из частей — это с одной стороны, с другой, — уничтожение 517 бунтовщиков сразу положило конец начинающемуся в Беловодском уч[астке] мятежу, иначе, несомненно, постра-

дали бы русские люди и села (Здесь и далее курсив в цитатах мой. — С.П.)»⁹.

Из телеграммы военного губернатора Семиреченской области М.А. Фольбаума начальнику карательного отряда Слинко о выселении казахов и киргизов, участвовавших в восстании: «Первое, на северный склон Александровского хребта, кроме 450 кибиток Тынаевской вол[ости], никто из киргиз[ов] никогда пропущен не будет. Эта часть Чуйской долины от Дмитриевки до Джыль-Арыка и вся долина Кебин, равно как все северное и южное побережье Иссык-Куля и долина Текес отныне будут чисто русскими районами»¹⁰.

Из телеграммы генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина военному министру Д.С. Шуваеву с изложением требований, предъявляемых киргизам и казахам при их возвращении из Китая в Россию: «Определяю следующие требования, при выполнении коих киргизами-мятежниками рода атбанов и каракиргизами других мятежных волостей, разрешаю им возвращение [в] пределы России: первое, они должны выдать всех русских пленных; второе, должны выдать оружие; третье, должны выдать главарей; четвертое, должны изъять полную покорность, раскаяние, обязаться выполнить все требования по поставке рабочих и лошадей; пятое, должны приготовиться к тому, что *те из находящихся в их пользовании земель, где была пролита русская кровь, будут от них отобраны в казну*»¹¹.

Из протокола совещания под председательством генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина о переселении киргизов и казахов, принимавших участие в восстании 1916 г., в Нарынский край и о передаче их земель русским переселенцам:

⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 675.

¹⁰ Там же. С. 677.

¹¹ Там же. С. 684.

«Рассмотрев карту, его высокопревосходительство генерал-губернатор высказал, что считает необходимым отобрать от киргиз[ов] все те земли, где пролита русская кровь, а так как в районе оз. Иссык-Куль и по Текесской долине взбунтовавшимися киргизами разрушено и сожжено свыше 1000 домов, убито около 2000 душ русского населения, то естественно, что все эти земли должны быть изъяты из пользования киргиз[ов] и обращены под водворение русских. Нужно стремиться создать обособленную от киргиз[ов] территорию с русским населением не только в границах этнографических, но и географических, поэтому его высокопревосходительство предложил провести границы по горным хребтам как с северного берега Иссык-Куля, так и южного... Таким образом, из всей территории, намеченной совещанием под водворение казаков и русских переселенцев, т.е. части Джаркентского уезда, долины р. Текеса, Чолкуде-су, Каркаринское плато, части Пржевальского уезда, образовать особый уезд — Пржевальский — с чисто русским населением, с двумя приставствами»¹².

Из телеграммы генерал-губернатора Туркестанского края А.И. Куропаткина военному министру Д.С. Шуваеву об итогах восстания в Пржевальском уезде Семиреченской области и ходе мобилизации населения на тыловые работы: «Вместе с военным губернатором и чинами Министерства земледелия обсудил, какие земли там, где пролита русская кровь, должны быть отняты от киргиз[ов] и зачислены в казну. Это наказание необходимо, кроме суровой казни главарей»¹³.

Из письма канцелярии начальника Закаспийской области и.д. пограничного в Персии комиссара Михайлову с изложением резолюции П.К. Калмакова о предстоящей аннексии территории Персии, на которой происходило

восстание туркмен: «Сообщить полковнику Михайлову, что его взгляд на отобрание оружия неправильный. Русское правительство до тех пор разрешало иметь оружие иомудам, пока они были лояльны, но когда они это оружие подняли против русских же, то тем лишили себя права иметь таковое в будущем... Все иомуды и гокланы должны быть подчинены русской власти, стать подданными русского государя. Не будет ни персидских подданных, ни двухподданных. Кто не покорится русской власти — пусть уходит, избегнет; тем больше останется свободной земли. Для нас будет лучше, если мы заселим ее беспрепятственно русскими»¹⁴.

* * *

Процитированные документы свидетельствуют, что в своих действиях во время Туркестанского восстания 1916–1917 гг., как и в целом в эпоху колонизации Туркестана, власти Российской империи руководствовались исключительно интересами русских колонистов и не шли ни на какие компромиссы с туземцами, которые могли бы этим интересам нанести ущерб. Подобная политика является прямой противоположностью политике советских властей в Туркестане, наиболее ярким проявлением которой стала «земельно-водная реформа» 1921–1922 гг. в Семиречье: «Основной целью “реформы”, кроме всего прочего, было окончательное решение “русского вопроса” в области путем существенного ограничения гражданских прав славянского населения, превращение его в людей “второго сорта”, внедрение в его сознание мысли, что Семиречье — чужая, нерусская земля и они на ней “захватчики” и “колонизаторы”»¹⁵.

¹⁴ Там же. С. 707.

¹⁵ Ушаков А.Ю. Русский Ульстер: Семиреченская земельно-водная реформа 1921–1922 годов // <http://elan-kazak.ru/al->

¹² Там же. С. 685–686.

¹³ Там же. С. 687.

В циркулярном письме большевистских властей Туркестана от 1922 г. заявлялось в частности, что «никакого возврата к прошлому ЦК РКП(б), санкционировавший Семиреченскую земельную реформу, не допустит, равно как даст беспощадный отпор попытке создать в Туркестане русский Ульстер, т.е. колонизаторскую фронду национального меньшинства, рассчитывающего на поддержку “центра”». ЦК РКП(б) потребовал отказа от «всякого шовинизма... на основе последовательного проведенного отказа русского меньшинства от позорных привилегий “господствующей нации”, установленного царизмом и русской буржуазией»¹⁶.

В апреле 1921 г. был издан Декрет «о возвращении трудящимся киргизам земель, переданных царизмом Сибирскому, Уральскому и Семиреченскому казачьим войскам». В 1921 г. в Семиречье было ликвидировано 127 «кулацких» хозяйств, в 1922 г. — 1341 «кулацкое» хозяйство. У казаков Семиречья и соседней Сыр-Дарьинской области было изъято и передано киргизам 160 000 десятин земли. Всего в 1921–1922 гг. в ходе «реформы» у русского населения было изъято 460 000 десятин земли.

«По директиве ЦК ВКП(б), когда еще работал Владимир Ильич, в 1920 году была проведена земельно-водная реформа во всей Средней Азии, особенно в Джеты-Су (Семиречье. — С.П.)... Земельно-водная реформа 1920–1921 гг. была исключительно направлена на разрушение остатков колонизаторской политики в Джеты-Су. Только благодаря этой реформе были возвращены обратно киргизам-трудящимся отобранные у них земли, только благодаря этим мероприятиям были землеустроены киргизы-беженцы... Это была реформа, которая оправдала свою задачу с точки зрения разрушения позиции колонизаторов в Джеты-Су... *Революция 1917 года решила те задачи, которые поставило перед собой восстание 1916 года*»¹⁷.

manakh-1-2009/ushakov-ayu-russkii-ulster-semirec

¹⁶ Там же.

¹⁷ Исакеев Б. Ук. соч. С. 41, 43.

НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКИМЕНЬ»

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

БЕССТРАШИЕ МЫСЛИ

К 90-летию Игоря Ростиславовича Шафаревича

Константин Крылов, главный редактор журнала «Вопросы национализма»

Пиетет. Чувство, редкое в наши дни и мне совершенно не свойственное. Я испытал нечто подобное минуты за три до момента знакомства. Эти были что-то вроде почтительного беспокойства: я ждал встречи с человеком, которого считал и считаю — не учителем, конечно, нет, такое было бы с моей стороны нелепо и бестактно, — но образцом соединения ума, нравственной силы и безупречной преданности своему народу. И боялся разочарования — хотя бы случайного, от какой-нибудь неловкости, неверно взятого тона или неудачного впечатления, на которые в наше паскудное время как-то особенно везёт.

Когда открылась дверь, я увидел высокого старика с русским лицом. Он кивнул и протянул руку — сухую, крепкую, убедительную. Я её пожал и как-то сразу успокоился.

Всё было правильно — так, как должно быть.

* * *

Игорь Ростиславович Шафаревич родился в Житомире в 1923 году — времена укромные, теперь почти былинные. Отец был человеком «раньше времени»: добезцаря окончил МГУ, преподавал теормех, дисциплину эзотерическую и требующую умственной гигиены. Это, наверное, как-то повлияло на сына — я, впрочем, не спрашивал. Но что точно повлияло — это сохранившаяся от деда библиотека настоящих, несоветских книг, с ятями и фитой и чистой русской речью: сказки, былины, исторические сочинения. О них Игорь Ростиславович вспоминает и сейчас, когда рассказывает о себе. Как и о другом — о русских людях,

бредущих, пошатываясь, под конвоем. О том, кто эти люди и куда их вели, он узнал позже.

Математикой Шафаревич занялся ещё в школе. Это было увлечение на всю жизнь, возможно, связанное именно с тем, что в математике не было и не могло быть никакой лжи. Не существовало специальных марксистско-ленинских уравнений, кроме корявых нелепиц через чёрточку: «товар—деньги—товар». Честные математические функции сходились или не сходились к пределу вне зависимости от того, что набрехали большевики на своём очередном съезде.

Первые работы по теории чисел Шафаревич написал в девятом классе — его заметил профессор Делоне, разглядевший в мальчике будущую звезду. Потом он экстерном сдал экзамены на мехмат, сразу на последний курс. Вскоре после войны защитил докторскую, поступил на работу в Математический институт Академии наук СССР, членом-корреспондентом которой он стал в 1958 году. На следующий год он получил Ленинскую премию по математике — единственную, может быть, непостыдную премию с таким названием — за открытие общего закона взаимности и решение обратной задачи теории Галуа. Полный список научных достижений Шафаревича занимает страницу, для математика это более чем.

В шестидесятые Игорь Ростиславович занимался чистой математикой и преподаванием — он стал заведующим отдела алгебры Математического института, у него появились ученики. Впоследствии, когда имя Шафаревича стало одиозным, из них пытались выдать хоть какие-нибудь компрометирующие сведения: не был ли их учитель пристрастен по

национальной части, не зажимал ли евреев. К их чести, ни один ничего подобного не подтвердил, несмотря на давление. Шафаревич был безупречно честен всегда и со всеми — что, собственно, и привело его к диссидентам.

Заметное участие Игоря Ростиславовича в советском правозащитном движении начинается с конца шестидесятых. Он делает публичные заявления в защиту Православной Церкви и протестует против советской карательной психиатрии. Второе сближает его с либеральными диссидентскими кругами, в том числе с академиком Сахаровым, первое — от них отдаляет. И то и другое он принимает как факт, но своих взглядов не меняет ни на йоту, просто потому, что не считает возможным поступиться хоть частью того, что считает истиной.

В феврале 1974 года он пишет и подписывает своим именем письма в поддержку Александра Солженицына — «Арест Солженицына» и «Изгнание Солженицына». Я, пожалуй, пожертвую кусочком отведённой мне страницы, чтобы воспроизвести хотя бы первое: оно того стоит.

«Истекают последние часы, отпущенные нашему государству на проверку: способно ли оно на “политику мира” — с Правдой. Есть ли у него другой ответ, кроме насилия и жестокости, — не на взрыв и убийство президента, не на убийство судьи, даже не на демонстрацию — а на правду, сказанную великим писателем.

Это испытание и всего мира. Заседали в общих комиссиях с Вышинским (какая несправедливость к Эйхману!), любезно встречали министра здравоохранения (не в насмешку ли так названного?), санкционировавшего заключение неугодно мыслящих в сумасшедшие дома... Неужели не хватит мужества остановиться на этом пути?

Но больше всего это проверка нам — соотечественникам Солженицына. Некогда Иосиф Виссарионович Сталин назвал нас всех “винтиками” и любовно поднял тост за здоровье “винтиков”.

Истекает время убедиться: может быть, Мудрый Вождь был прав, выше винтиков нас назвать и нельзя, была бы только хорошая смазка — и будем вертеться до износа».

Оцените слова и тон. Так разговаривать тогда мало кто мог себе позволить, и уж тем более интеллигент, живущий в СССР, зависящий от государства и его милостей. Как, впрочем, и сейчас — ну просто вообразите, что письмо адресовано нынешним властям от имени сколь-нибудь известной публичной персоны. Чем это было тогда, знают те, кто помнит то время.

В 1974 году выходит сборник «Из-под глыб», очередное продолжение «веховской» традиции. В нём, помимо всего прочего, опубликованы статьи Шафаревича «Обособление или сближение? (Национальный вопрос в СССР)» и «Есть ли у России будущее?». Это первые работы Игоря Ростиславовича, посвящённые советскому нацвопросу. Он спорит и с советской идеологией, брешущей про «советский народ, новую историческую общность», и с диссидентской ложью о якобы имеющей место в СССР «русификации». Шафаревич видит совершенно иное — советское разгуливание, раскармливание разнообразных «лиц национальностей», в ущерб и за счёт подавляемого и унижаемого, уничтожаемого русского народа. Впрочем, тогда он высказывается на эту тему не столь определённо, как в поздних своих сочинениях, — не потому, что боится осуждения и остракизма, а потому, что не хочет ошибаться.

В 1975 году, после пресс-конференции, данной для иностранных журналистов по поводу сборника, Шафаревича изгоняют из МГУ. Больше он не преподавал.

В 1977 году во Франции выходит книга «Социализм как явление мировой истории». Это пример сочинения, с которым сейчас сложно соглашаться — я, во всяком случае, считаю именно так, — но которое совершенно невозможно игнорировать, по крайней мере, в рамках полемики по вопросу генезиса социа-

лизма. Сейчас некоторые положения этой книги — например, последовательно проводимое сравнение социалистических порядков с империями латиноамериканских индейцев — стали общими местами, приводимыми без ссылки на автора: форма признания, стоящая иных фанфар и лавров.

Примерно в то же самое время наметились и расхождения Игоря Ростиславовича с диссидентским мейнстримом. Шафаревич стал замечать, что диссидентское движение в некоторых важных вопросах не столь уж расходится с советской властью, и в особенности это касается русского вопроса, а именно — темы неполноценности, ущербности, несостоятельности русского народа. Это его не только оскорбляло, но и заставляло искать объяснение. Он его нашёл.

«Русофобия» была задумана в 1978 году. К тому времени сложилась и основа концепции. Сам Игорь Ростиславович, с его интеллектуальной честностью, не считает её оригинальной, а возводит к кошеновской теории «малого народа» — агрессивного антинационального меньшинства, ненавидящего и презирающего национальное большинство и видящего свою миссию в ниспровержении органичных для него порядков. Оригинальным, по мнению автора, является только связка идеологии «малого народа» с амбициями агрессивных нацменьшинств, что сыграло свою роковую роль в истории России.

Тут, наверное, не обойтись без обсуждения пресловутой «антисемитской» темы. Сам Шафаревич к антисемитизму как всеобъясняющей конспирологической теории всегда относился презрительно-скептически — не «страха ради иудейского» (называемого ныне «политкорректностью» и «мультикультурностью»), а именно как честный исследователь вопроса. Помню, как он ответил на вопрос об отношении к «Протоколам сионских мудрецов». Вместо обычных в таких случаях рассуждений о «фальшивке» или «гениальном предсказании» он просто перечислил основные

положения «Протоколов» и их соответствие с тем, что произошло на самом деле. «Очень слабое соответствие», — констатировал он и добавил, что не понимает, почему эта книжка до сих пор популярна... Но при этом не замечать еврейского вклада в русоедские теории и соответствующую практику Шафаревич тоже отказывается — из той же самой интеллектуальной честности. Слишком много свидетельств поставляет жизнь — что тогда, что сейчас.

«Русофобия» была закончена в 1982 году, и тогда же автор стал распространять копии текста, на сей раз безо всякой надежды на публикацию, даже за границей — по более чем понятным причинам. Часть текста (с обширной купюрой, посвящённой еврейскому вопросу) появилась в 1989 году в журнале «Наш современник». Это, впрочем, не помогло — тогдашние «хозяева дискурса» устроили чудовищную по тем временам истерику, начавшуюся с публичного письма-анафемы, подписанного цветом тогдашнего интеллектуалитета — в том числе Афанасьевым, Лихачёвым, да и тем же Сахаровым. Дальше начался настоящий шабаш ведьм с доносами по инстанциям, в том числе иностранным: например, была проведена специальная кампания, в результате которой Национальная академия наук США (которая в своё время зачислила Шафаревича в свои ряды) обратилась к нему с трогательной в своём идиотизме просьбой добровольно покинуть её ряды (так как процедуры исключения из академии не существует). Игорь Ростиславович ответил как математик — поскольку он никогда не просил о членстве в этой почтенной конторе, то считает вопрос о своём дальнейшем членстве внутренней проблемой самой академии, а обвинения в свой адрес считает лживыми и наглыми. Примерно в том же духе он отвечал и на все прочие наезды, клеветы, изгнания из рядов и иные акции устрашения, регулярно учиняемые «малым народом». Каковой, надо отметить, всё никак не может успокоиться: достаточ-

но вспомнить «раввина Шифаревича» в книжке т.н. «Акунина», выпущенной аж в 2003 году... Что называется, людей пробрало — до сих пор никак не отойдут от икотки.

С начала девяностых перед диссидентами — бывшими и настоящими — открылась возможность участия в политической жизни. Шифаревича стали звать в разного рода патриотические организации с русским уклоном. Ни в одной из них Игорь Ростиславович надолго не задержался, как из-за их идейной шаткости, так и малой живучести. В конце концов он принимает решение сосредоточиться на идейной и литературной работе — что, в общем, понятно и обоснованно.

Последние книги Шифаревича — не столько итоги, сколько уточнения и дополнения. Например, тема «социализма» развилась в ряде статей, начало которых положено знаменитыми «Двумя дорогами к одному обрыву» (текст, с которым я категорически не согласен, но который нельзя просто отбросить), а практически навязанная ему «еврейская» тема оформилась в «Трёхтысячелетнюю загадку», которая, на мой взгляд, гораздо интереснее аналогичного солженицынского сочинения.

Не промолчу и вот о чём. В отличие от многих национал-патриотов, так и оставшихся душой в прошлом веке, Игорь Ростиславович заметил новый русский национализм и отнёсся к нему с благосклонным интересом — в частности, согласился войти в редсовет журнала «Вопросы национализма» и поддержал ряд наших инициатив. Но даже если бы этого не было, моё отношение к нему вряд ли поменялось.

Ибо другого Шифаревича у нас для нас — нет.

Марк Любомудров, вице-президент Международного фонда славянской письменности и культуры

Об И.Р. Шифаревиче и его трудах я впервые узнал в конце 1970-х от своего московского друга Игоря Кольченко.

Он передал мне несколько ксерокопий, в том числе работы «Социализм как явление мировой истории». Они поразили меня глубиной, оригинальностью и бесстрашием мысли. Но еще более я удивился тому, что, как оказалось, Шифаревич не в тюрьме, не в лагере, а свободно живет и даже работает в Москве. Это казалось невероятным: автор воинствующе антисоветских произведений избежал репрессий. Как позднее пояснил мне сам Игорь Ростиславович, он — будучи выдающимся математиком — находился под негласной защитой мирового, очень сплоченного и авторитетного математического сообщества. КГБ опасалось международного скандала.

Позднее появилась знаменитая «Русофобия», которая сразу стала сенсацией. Могу сообщить, что в 1988 г., когда совдеповская цензура ослабела, руководимый мною издательский отдел кооператива «Родник» опубликовал эту книгу отдельным изданием (впервые в России) тиражом более 10 тысяч экземпляров. Спрос на нее оказался феноменальным. До такой степени, что даже у меня не осталось ни одного экземпляра того памятного издания.

Возникшие тогда наши хорошие отношения с Игорем Ростиславовичем продолжаются и по сей день. Я с неизменным интересом вчитываюсь в его новые исследования по русской политической истории, в которых всегда присутствует объемный анализ судьбы нашего народа, оказавшегося в XX веке под властью еврейско-большевистской диктатуры.

Огромная эрудиция, научный характер и непредвзятость оценок и суждений, актуальность проблематики создавали и укрепляли тот непререкаемый авторитет автора, к трудам которого возник возраставший читательский интерес. Шифаревич едва ли не первым на исходе XX века (наряду с митрополитом Петербургским и Ладужским Иоанном) поставил во всей полноте Русский вопрос. И настойчиво искал на него свои ответы.

Меня всегда привлекало то, что Игорь

Ростиславович ясно видел и подчеркивал неразрывную связь русского вопроса с вопросом еврейским. Этой проблеме посвящена большая часть его книг и статей. После одной из личных встреч я записал в дневнике: «Суждения и мысли спокойные, взвешенные, по-своему беспощадные, порой саркастические. Например: “Наша власть говорит, что готова защищать нацию, но не говорит какую”... Есть в Шафаревиче благородный аристократизм, интеллектуальный блеск... В приватной, камерной беседе общение с ним — наслаждение». Однако по некоторым вопросам я никогда не соглашался с Игорем Ростиславовичем — с его упорным отрицанием конспирологических аспектов исторического процесса, который якобы имеет неизменно спонтанно-стихийный характер.

Настоящей сокровищницей актуальнейших мыслей стало недавнее и отчасти итоговое издание юбиляра, для которого он выбрал краткое, но емкое название — «Мы и они». Здесь собраны важнейшие предостережения и напутствия автора русскому народу. Речь идет о необходимости в условиях русофобии и антирусской власти «сохранить свое национальное лицо». А также — и нам сегодня это все более очевидно — о том, что «народы, следуя инстинкту самосохранения, должны стремиться вытолкнуть хищных паразитов из позиций, существенных для жизни нации. Они должны охранять нацию от проникновения “чужаков”».

Поздравляю Вас, дорогой Игорь Ростиславович, с замечательным юбилеем. И пусть Господь и Ваша личная Воля даруют Вам много лет, крепкого здоровья и неиссякаемого творчества. На благо нашего многострадального, ограбленного и униженного, но непокоренного Русского народа, которому мы принадлежим.

Владимир Бондаренко, главный редактор газеты «День литературы»

Александр Солженицын писал: *«Две тысячи у нас в России людей с мировой*

знаменитостью, и у многих она была куда шумней, чем у Шафаревича (математики витают на Земле в бледном малочислии), но граждански — все нули по своей трусости, и от этого нуля всего с десяток взял да поднялся, взял — да вырос в дерево, и среди них Шафаревич. Этот бесшумный рост гражданского в нем ствола мне досталось, хоть и не часто, не подробно, наблюдать... Вход в гражданственность для человека не гуманитарного образования — это не только рост мужества, это и поворот всего сознания, всего внимания, вторая специальность в зрелых летах... (притом свою основную специальность упуская, как иные, или не упуская, как двудюжий Шафаревич, оставшийся по сегодня живым действующим математиком мирового класса)... А еще Шафаревичу прирождена самая жильная, плотная, нутряная связь с русской землей и русской историей. Среди нынешних советских интеллигентов я почти не встречал равных ему по своей готовности лучше умереть на родине и за нее, чем спастись на Западе... Глубинность, основательность этого человека не только в фигуре, но и во всем жизненном образе, заметны были сразу, предполагали...»

И это верно, Игорь Ростиславович притягивает к себе людей не панибратством, здесь скорее интеллигентность, деликатность, чуткость, уважительность даже в отношениях с оппонентами. Но рядом с этим — принципиальность, определенная резкость, с людьми ему неприятными здороваться по мягкотелости, как делают иные, никогда не станет. Уйдет в знак протеста с любого самого высокопоставленного собрания, если при нем будут оскорбляться дорогие ему люди, исторические ценности. Так было не раз. Зато защищать эти дорогие ему идеи он будет всегда мужественно. За друзей будет драться до последнего. И так было не раз.

Собственно, и в 70-е, и в 80-е, и в 90-е, и в нынешние, совсем уж позорные годы Игорь Ростиславович отстаивает одни

и те же национальные интересы своей страны и своего народа. Он не был ни красным, ни белым, он чувствует себя русским патриотом и другим быть не хочет.

Когда-то в начале 80-х, во время новой волны гонений на все русское, андроповской теории искоренения «русизма» среди интеллигенции, был вновь арестован известный писатель, давний друг и единомышленник Шафаревича Леонид Бородин. Он позднее рассказывал: «Маленькая деталь. В 1983 году следователь, который вел мое дело, в заключительном своем слове при подписании 201-й статьи говорил мне, что еще не поздно раскаяться, и прочее, и прочее... И добавил: имейте в виду, все кончено... Будем сажать. Я могу вам сказать, кто следующий — Шафаревич».

Потом, в 90-е, вся дружная команда из 5-го управления КГБ, искоренявшая «русизм» по команде Андропова, работала у одного из лидеров Всемирного еврейского конгресса — банкира Гусинского, готовила новые программы по искоренению «русизма». Филипп Бобков по-прежнему прислуживал властям, а русский патриот Игорь Шафаревич по-прежнему был на защите добра и нравственности.

Интересно, почему с давних пор именно математическая школа в России отличается высоким патриотизмом? От великого математика Понтрягина до его не менее одаренного сподвижника Шафаревича... Почему почти нет такого патриотического накала в физике?

Может быть, потому что настоящая математика близка поэзии? А поэзия всегда национальна. Истинная поэзия всегда народна. Не случайно Игорь Ростиславович так любит стихи.

Историей Игорь Ростиславович увлекся почти одновременно с математикой. Он и в ней видел свою системность, свою математическую красоту. Как вспоминает Шафаревич, даже раздумывал — не стать ли историком. Но, кроме прочих причин, понимал большую скованность историка тех лет, от-

сутствие свободы исторической мысли. Вот этой свободой первых своих философско-исторических работ — о социализме, о музыке Шостаковича, о национальном вопросе в СССР, да еще в национально-русском преломлении, блестящий математик вызвал огонь на себя.

Второй вызов, может быть, даже более могущественным международным силам, Игорь Шафаревич сделал, когда со своих всемирно признанных высот не просто ученого, но и инакомыслящего правозащитника, соратника Солженицына и Сахарова, генерала Григоренко и Владимира Максимова, позволил себе сначала написать, а потом и опубликовать в патриотическом журнале «Вече», выходящем в Мюнхене под руководством национального русского журналиста Олега Красовского, свою знаменитую, ставшую ныне классической «Русофобию». Это не просто горячая публицистика, не просто актуальная тема, это системный анализ тотальной борьбы с русским народом внутри России.

«Русофобия» Игоря Шафаревича породила позже сотни новых работ, развивающих эту тему. Как говаривали, все мы вышли из гоголевской «Шинели». Так и патриотика последних десятилетий опирается на классический труд Шафаревича. Вначале ее не сразу принял даже Олег Красовский. Ознакомившись, иные именитые друзья советовали вообще при жизни «Русофобию» не печатать. Обкорнали «Русофобию» и в первом варианте в «Нашем современнике». Так жгла эта книга, так казалась невозможной к печати при любых условиях.

Трудно оценить, насколько эта работа подняла русский дух у миллионов наших соотечественников, сколько молодых талантов почувствовало себя русскими, как легче стало другим русским писателям, публицистам, историкам танцевать от этой печки Шафаревича. Пусть ее сейчас уже и оспаривают сами патриоты, и развивают, и уточняют. Это

тот явный пример, когда сначала от ужаса и откровения рот открывают, а трусливые залезают под кровать, затем все признают ее безусловную значимость, и наступает момент, когда всем кажется, что это и так все знают, и ничегошеньки нового в «Русофобии» нет.

«Русофобия» и мне в чем-то развязала руки. Она стала этапом, эпохой в духовной жизни России. Я бы поставил по значимости и влиянию на общество конца XX века рядом с ней только деятельность митрополита Иоанна и наш ранний героический период «Дня»... Три значимых вехи в национально-освободительной борьбе русского народа конца XX века...

Поражает то, что и в обстановке травли в советское время, и в обстановке травли после «Русофобии» Игорь Ростиславович остается таким же деликатным, вежливым, спокойным, чутким человеком. Чутким и к мысли, и к книге, и к человеку. В нем есть принципиальность, но нет ортодоксальности. В нем всегда живая мысль.

И цель его жизни — битва со злом, битва за Россию. Дай Бог Вам, Игорь Ростиславович, здоровья, счастья в Вашей большой семье. Все отлетело лишнее, все наветы улетучились, осталось искреннее уважение, почитание учеников и чувство единства в борьбе...

Рад, что судьба свела меня с Игорем Ростиславовичем, дала возможность сделать с ним в разные годы три беседы. Рад, что живу в России в одно время с этим удивительным, одареннейшим человеком.

Илья Константинов, политолог

С Игорем Ростиславовичем Шафаревичем мне посчастливилось познакомиться в 1992 году.

До этого я, разумеется, много слышал об этом удивительном человеке, читал его статьи и книги, но не очень стремился к личному контакту. Казалось, что этот кабинетный ученый, достигший предельных высот как в математике, так и в общественном знании, общественный дея-

тель, ставший символом интеллектуальной принципиальности, не снизойдет до той политической суеты, в которую мы были тогда погружены.

Но я очень сильно ошибался: Шафаревич не только живо откликнулся на приглашения выступить на различных общественных форумах (Конгресс гражданских и патриотических сил, например), но и с энтузиазмом включился в организационную работу по консолидации национально-патриотического движения.

Идея создания Фронта национально-го спасения (ФНС), насколько я помню, вызвала у Игоря Ростиславовича настоящий энтузиазм: Шафаревич принял самое активное участие в подготовке учредительного съезда ФНС, включился в работу над программными документами, вошел в руководство Фронта.

В тот период мы довольно много общались, и у меня появилась возможность оценить человеческие качества Игоря Ростиславовича: до сих пор, услышав словосочетание «русский интеллигент», я вспоминаю прежде всего Шафаревича.

С тех давних пор мы с Игорем Ростиславовичем не виделись, но я с интересом продолжал следить за его богатой и плодотворной интеллектуальной деятельностью.

В завершение, хочу пожелать этому выдающемуся человеку еще долгих лет жизни, здоровья и новых интеллектуальных свершений.

Владимир Садовников, публицист

Иногда ошибочно полагают, что основной смысл «Русофобии» Шафаревича состоит в чисто обличительной стороне этой работы, посвященной преимущественно обвинениям в адрес «малого народа», т.е. разных отщепенцев и безродных диссидентов. Но это не совсем так. Анализируя и разоблачая русофобскую идеологию «малого народа» самого последнего советского периода, Шафаревич пытается предостеречь общественные силы, жаждущие скорых

и радикальных перемен, от ошибочных предпочтений и ошибочных решений.

Главным предостерегающим выводом своей «Русофобии» (*ещё во время советского режима*) Шафаревич считал чрезвычайно опасное влияние на русскую молодёжь начала 80-х годов разрушительно-руссофобской идеологии «малого народа», которая в самом конце советского периода стала захватывать и достаточно широкие массы простого народа. Старая коммунистическая идеология за брежневский период сгнила на корню, а взамен её изо всех щелей пёрла циничная и нигилистическая идеология «малого народа» вместе с блатными песнями, одесским юмором и похабными анекдотами. Последнее советское поколение молодёжи будет отличаться равнодушием к общественным проблемам, цинизмом и крайним конформизмом. В этой связи вывод Шафаревича был воистину пророческим: *«И перед этой отточенной, проверенной на практике, усовершенствованной долгим опытом техники обработки мозгов растерянная молодёжь оказывается абсолютно беззащитной».*

В процессе начавшейся перестройки молодёжь последнего советского поколения в своей массе будет вести себя скорее политически индифферентно, и по фотодокументам тех лет легко можно будет обнаружить, что подавляющее большинство активных участников уличных акций того времени (1987–1993) будет состоять из лиц зрелого и даже пожилого возраста, обычно именуемых «шестидесятниками», в своей массе принадлежащей к работникам бюджетной сферы (врачи, учителя) или научно-технической интеллигенции многочисленных в тогдашней Москве НИИ самого различного профиля. Строго говоря, и сам Шафаревич являлся ярким представителем этого бунташного поколения, диссидентская карьера которого и началась где-то в начале 60-х.

Но сегодня, после двадцати лет постсоветского периода, всё обстоит прямо наоборот. Та, выросшая в годы пере-

стройки молодёжь, отчасти став в ряды той же бюджетной интеллигенции или же пробившись в слой офисной «буржуазии», ведёт себя по-прежнему в целом пассивно и инертно. Сегодня «бунтует» или, во всяком случае, проявляет какую-то оппозиционную активность уже *новая молодёжь* первого постсоветского периода. Однако мотивацией этой активности является уже не чьё-либо инородное идеологическое влияние, но простое осмысление своего реального социального положения — ибо никакого будущего у современной молодёжи в компрадорской России просто нет. Этот мотив вызван уже отнюдь не зловерным воздействием «малого народа» как внесистемной антиэлиты, но самую логику жизни.

А куда же делся или социально переместился некогда столь влиятельный своим закулисным воздействием «малый народ»? Отчасти понижение его теневой роли можно объяснить массовой эмиграцией евреев в Израиль, отчасти можно объяснить новыми информационными возможностями (Интернет, свобода информации), но чем или какими причинами следует объяснить новые явления в нашей внесистемной общественности, когда многие либералы начинают сочувствовать националистам, а многие националисты с пониманием начинают относиться к либералам (разумеется, неруссофобского типа). Иногда даже некоторые чистопородные либералы начинают занимать почти прорусскую позицию (например, в вопросе с миграцией) и с пониманием относиться к остро стоящему Русскому вопросу. *Чего раньше, как до революции, так в советские и перестроечные годы нельзя было даже помыслить.*

Однако основная причина этого странного феномена сближения столь разнородных течений, как и вообще понижение закулисной роли «малого народа», как представляется, состоит в другом. Ныне отпала нужда в руссофобском андерграунде как влиятельной внесистемной идеологической силе. Сейчас

роль «малого народа» вполне официально берёт на себя правящий истеблишмент, что и вызывает соответствующую общую ответную реакцию у аборигенов разного социального уровня, а подчас и разного этнического состава, — уже без различия идейных расхождений.

В ранних прозрениях Шафаревича имеется ещё одно предсказание, которое он сделал в самый критический и решающий год перестройки — в 1989 году. Как известно, в то время большая часть политически активной общественности была буквально очарована скорой перспективой прощания с ненавистной «командной системой» советского социализма и с вожделием ожидала чудесного «скачка» из царства советского тоталитаризма в царство «западного образа жизни», т.е. в царство западноевропейского капитализма с его якобы необозримыми свободами. Шафаревич тогда очень точно предрёк, что из этой попытки всё сделать точно «как на Западе» ничего хорошего не получится, в лучшем случае какой-нибудь вариант Латинской Америки с её нищетой, имущественным неравенством, коррупцией и криминалом. Об этом предостережении Шафаревича многие, как левые, так и правые, как либералы, так и националисты, очень не любят вспоминать по причине его крайней актуальности.

Но в чём, может быть, наиболее сильно проявляется животрепещущая актуальность идей Шафаревича, — делающая его почти современником (несмотря на почтенный возраст) нового постсоветского поколения, — так это в остром предощущении апокалиптичности всей нашей эпохи, а не только одной русской трагедии.

Вывод Шафаревича, сделанный им в пророческой работе «Россия и мировая катастрофа», однозначен: «Сейчас мир, несомненно, переживает “минуты роковые” — не только наша страна, но и все человечество. Наш кризис — лишь часть мирового, в котором общий процесс проявляется более грубо и обнаженно».

Идейное наследие русского мыслителя И.Р. Шафаревича — несмотря на то, что эпоха, на которую приходится расцвет его творчества, казалось бы, уже прошла, — продолжает оставаться актуальным и злободневным и для нашего постсоветского времени. Более того, если считать ныне общепринятым и центральным местом современного национального дискурса идею о русском «национальном государстве», то не следует забывать, что одним из первых зачинателей этой идеи был «национал-патриот» старой формации академик И.Р. Шафаревич. Ведь именно он, в противовес распространённым тогда русофобским мифам или же добросовестным заблуждениям имперцев всех мастей, стал вслед за славянофилами решительно отрицать мнимый и якобы исконно «имперский» национальный характер русского народа.

Другой вопрос, что концепция русского национального государства, заложенная оригинальными воззрениями Шафаревича, имеет совершенно иные основания, чем у большинства как современных националистов-западников, так и националистов фундаменталистского толка (так называемые «белые»). Эту концепцию «Русского пути» (выражение Шафаревича) можно также назвать и концепцией Третьего пути, ориентирующейся на развитие своих самобытных духовных традиций, но интерпретированных творчески и в соответствии с современными задачами.

Кирилл Титов, историк

Игорь Шафаревич навсегда останется в истории как автор одной книги. Не потому, что он не написал других, не потому, что иные его работы малоценны — нет, они по своей глубине не уступают «Русофобии». Но эта книга вынудила широкую аудиторию обратить внимание на явление, ключевое для понимания русской судьбы в XX веке.

Расизм.

Расизм по отношению к русским. Вот что такое русофобия, заговор

молчания вокруг которой разрушил Шафаревич.

Трагический итог последнего столетия для нас заключается в торжестве принципа, согласно которому русский народ должен быть лишен политических прав в силу своей якобы изначальной неполноценности («неспособности собой управлять», «неготовности к демократии», «реакционности», etc.). Советская система утвердила этот принцип в качестве государственного. Вновь он был авторитетно подтвержден 4 октября 1993 года, когда были ликвидированы остатки стихийной демократии и сформировался современный политический строй.

Вокруг этого принципа существует консенсус между казалось бы несоединимыми сообществами, партиями, национальными и конфессиональными группами. Тут трогательное единство проявляют советчики и антисоветчики, коммунисты и либералы, креативный класс и охранители, просвещенные западники и евразийцы, еврейские активисты и мусульманские фундаменталисты.

Фигура пророка — важная часть русской культуры. Этот дар всегда отличал масштабные личности нашей истории. Что ж, заглянем в «Русофобию» и убедимся, что на счету автора немало уже сбывшихся пророчеств и перед нами современник, достойный уважения, которое мы воздаем выдающимся личностям прошлого. В 1982 году Шафаревич писал, что эта работа создана «в надежде на возможного хоть в будущем читателя», и не ошибся. «Русофобия», пожалуй, самое издаваемое и читаемое произведение русского националиста, может быть, после сочинений Достоевского. Характеризуя актуальность исследования идеологии русофобии, Игорь Ростиславович говорит о том, что «это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада». «Предлагая четкие, простые ответы на центральные вопросы, связанные с нашей историей и будущим, оно в какой-то момент может оказать решающее влияние и на жизнь

нашей страны». Так все и произошло в 1991–1993, этому мы все свидетели. Важной частью современной политической системы является торжество принципов конструктивизма в социальных науках и государственном управлении. Читаем у Шафаревича о «стандартном комплексе представлений “Малого Народа”»: «Вера в то, что будущее народа можно, как механизм, свободно конструировать и перестраивать; в связи с этим презрительное отношение к истории “Большого Народа”, вплоть до утверждения, что ее вообще не было; требование заимствовать в будущем основные формы жизни со стороны, а со своей исторической традицией порвать; разделение народа на “элиту” и “инертную массу” и твердая вера в право первой использовать вторую как материал для исторического творчества; наконец, прямое отвращение к представителям “Большого Народа”, их психологическому складу».

Работа Шафаревича, как любое выдающееся явление в политической и культурной жизни общества, не могла появиться в вакууме, вне соответствующей традиции и среды. Она возникла как более чем десятилетний итог деятельности русского национального движения в СССР.

Самиздат русских националистов возник в Советском Союзе на рубеже 1960–1970-х годов. Первым его манифестом, получившим заметный резонанс, стало написанное в 1970 году «Слово нации» Анатолия Иванова. Родился этот документ в полемике с русофобской «Программой демократического движения в СССР» С. Солдатова. Значительную часть своей самиздатской публицистики посвятил обличению русофобии Геннадий Шиманов. Именно, ему принадлежит первое и самое важное публичное выступление (1971) с критикой авторов сборника статей «Метанойя», — под псевдонимами там скрывались А. Мень, М. Агурский, Е. Барабанов, — которых в своей книге обильно цитирует Шафаревич. А.И. Солжени-

цын метко охарактеризовал этот сборник: «Статьи совершают похороны России со штыковым проколом на всякий случай — как хоронят зёков: лень проверять, умер ли, нет ли, прокалывай штыком и сбрасывай в могильник» (Из-под глыб. Париж, 1974). Н.А. Богданов, А.И. Бородин, С.А. Мельникова, В.Н. Осипов — список авторов русского самиздата можно продолжать и продолжать.

Заслуга Игоря Ростиславовича не только в том, что ему удалось суммировать итоги целого десятилетия самиздатских дискуссий. Он смог сделать это в такой сжатой и одновременно яркой и убедительной форме, что перед его книгой не устояли никакие цензурные и неписанные запреты. Шафаревич смог пробиться к русской аудитории и тем самым сделал актуальным весь полемический и политический опыт своих предшественников.

Если сегодня в России Шафаревича просто предпочитают не вспоминать (это один из канонических вариантов борьбы с инакомыслящими ныне — просто исключить из дискурса), то в западной гуманитарной науке не прекращается шельмование его имени. *Фашист, антисемит, расист* — все эти ярлыки вешаются без всякой попытки разобрать содержательную сторону аргументов Шафаревича. Одна из последних работ в этом духе: *Р. Хорват. Наследие советского инакомыслия: диссиденты, демократизация и радикальный национализм в России (Robert Horvath. The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratisation and Radical Nationalism in Russia. 2005).*

Однако убедительность и страстность аргументации Игоря Ростиславовича завоевала ему сторонников даже на Западе. В 2012 году увидела свет монография финского историка Кристи Берглунд «Сложный случай Игоря Шафаревича» (*Krista Berglund. The vexing case of Igor Shafarevich, a Russian political thinker*). На пятистах страницах автор не только подробнейшим образом разбирает биографию ученого и историю на-

писания всех его публицистических работ, но и с чисто протестантским терпением и скрупулезностью, полностью соблюдая современный политкорректный ритуал с его обязательными экивоками в сторону уникальности холокоста и ужасов антисемитизма, пытается очистить имя Шафаревича от навешанных на него многочисленными «исследователями» и «критиками» ярлыков.

Сергей Сергеев, научный редактор журнала «Вопросы национализма»

То ли в конце 1987-го, то ли в самом начале 1988-го мой друг и соученик по истфаку МГПИИ Сергей Иванников дал мне клеёнчатую тетрадь со своим конспектом «Русофобии», ходившей тогда в самиздате. Конспект был сделан столь добросовестно и подробно, что знакомство с полным текстом в 1989 году мало что прибавило. Несмотря на то что я — постоянный посетитель спецсеминара профессора А.Г. Кузьмина — был для девятнадцатилетнего студента достаточно неплохо подкован в «национальном вопросе», «Русофобия» стала для меня настоящим откровением, я практически заучил её наизусть.

Да, я уже всюду читал тогда того же Кузьмина, В.В. Кожина, Ю.И. Селёзнёва, М.П. Лобанова, С.Н. Семанова, А.П. Ланщикова и других идеологов «русской партии», но тут предо мной открылось совсем другое качество. Наши золотые перья патриотической публицистики, при всех их огромных заслугах и достоинствах, были не вполне свободны в высказывании своих идей, нередко использовали пресловутый эзопов язык, загромождали свои тексты предохранительным частоколом ленинских цитат и т.д. У Шафаревича же сразу поражала и покоряла авторская безоглядная и какая-то абсолютно естественная, непоказная свобода от коммунистического официоза. Это было достойное продолжение русской мысли XIX–XX веков до (и вне) советского пленения, которую я в ту пору увлечённо для себя открывал в спецхране «Исторички». Это был язык

свободного русского человека, именно таким языком хотел бы говорить и я.

Но что ещё важнее, «Русофобия» продемонстрировала высочайший для того времени класс концептуализации исследуемой ею проблемы. Предыдущая патриотическая публицистика по данной теме большей частью состояла из гневных обличений тех или иных злокозненных высказываний русоненавистников и сигналов к вышестоящим инстанциям обратить внимание на это безобразие (данная традиция и по сей день определяет дискурс патриотов-охранителей). Шафаревич же, указанные инстанции игнорируя вовсе, не стал заниматься отражением вражеских атак, а смело перешёл в наступление на территорию противника, нанеся ему удар в самое чувствительное и уязвимое место, можно сказать, нашёл его кощееву иглу.

Вместо оправдательного лепета: «да нет, мы, русские — хорошие и даже великие, не надо нас обижать», Шафаревич корректно, академически и математически точно показал — откуда, из каких недекларируемых источников произрастает экзистенциальная ненависть ко всему русскому людям, нагло напяливших на себя костюмы русских интеллигентов, снятые некогда их отцами с трупов природных русских профессоров и литераторов. Концепция «малого народа» оказалась не только великолепным образцом исторической и политологической аналитики, но и весьма эффективным оружием в идеологической и политической борьбе за права и интересы русского народа.

Шафаревич совершил для русской национальной мысли конца прошлого века нечто сходное с тем, что сделал для неё столетием раньше высоко им ценимый Н.Я. Данилевский в «России и Европе» — придал расплывчатому публицистически-поэтически-мифоло-

гическому комплексу эмоций, интуиций и рассуждений наукообразную систематичность и стройность. Видимо, не случайно, что в обоих случаях для этой операции понадобились люди с негуманитарным образованием — зоолог и математик. Сегодня, на мой взгляд, некоторые положения «Русофобии» нуждаются в уточнении или даже в пересмотре, но это не отменяет её статуса классической работы по заявленной в заглавии теме.

Принципиально важно, что Игорь Ростиславович, являясь одним из духовных лидеров русского национального движения, всегда был и остаётся последовательным русоцентристом, никогда не поддаваясь на всякого рода «наднациональные» соблазны вроде евразийства или «имперского» охранительства, которые захватили в 90-е и «нулевые» многих деятелей «русской партии», в том числе и довольно близких ему. Для Шафаревича интересы русского народа как самодостаточного целого, а не геополитические химеры, высасывающие из него кровь, — главная ценность в социально-политической жизни. В этом смысле он — наряду с А.Г. Кузьминым, С.Н. Семановым, Г.М. Шимановым, М.Н. Любомудровым — представлял собственно националистическое направление в национал-патриотическом лагере, наиболее близкое к национал-демократам. И конечно, его согласие войти в редколлегия «Вопросов национализма» — не случайность.

Моё главное пожелание нашему юбиляру вполне банально: здоровья и долгих лет жизни! Уже сам факт, что рядом с нами живёт человек такого уровня, такой безупречно-авторитетной интеллектуальной и нравственной репутации, имеет гигантскую ценность для русской культуры.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

БУДЕТ ЛИ У РУССКИХ СВОЯ ЭЛИТА?

Наш нынешний политический класс — невысокого нравственного уровня, и не выше того интеллектуального. В нем чудовищно преобладают: и нераскаянные номенклатурщики, всю жизнь проклинавшие капитализм — а внезапно восславившие его; и хищные комсомольские вожаки; и прямые политические авантюристы; и в какой-то доле люди, мало подготовленные к новой деятельности.

Александр Солженицын

Что такое элита? Зачем нужна элита — всему обществу в целом? По каким законам она живет? Каким критериям должна соответствовать?

Эти вопросы особенно актуальны для нас, русских. Ибо русский народ в 1917 году потерял свою элиту, рожденную тысячу лет. Да так пока и не обрел новую. И очень многое в его судьбе зависит от того, сумеет ли он восполнить эту утрату полноценным образом — или так и останется всадником без головы.

Что такое элита?

Как говорил историк Борис Поршнев: «Социальное не сводится к биологическому. Социальное не из чего вывести, кроме как из биологического».

Элита в биологии — совокупность особей, в наивысшей степени наделенных всеми отличительными характеристиками вида и при этом прошедших жесткий, а то и жестокий отбор внутри популяции.

Элита в социологии — биосоциальный экстракт нации, состоящий из наиболее одаренных, образованных и состоявшихся в личном и обществен-

ном плане ее представителей, наделенных ярко выраженным и глубоко осознанным инстинктом национализма¹.

Оглянемся на Природу. Любая стайная общность имеет естественно пирамидальную структуру. На самом верху высокоранговые альфа-особи, «доминанты». Их немного, иногда всего один вожак. Ниже — средневысокоранговые бета-особи, «субдоминанты»; их поболее. Еще ниже — средне-низкоранговые гамма-особи, их еще больше. А больше всех — низкоранговых дельта-самцов и самок.

То же мы видим и в человеческом сообществе. Это те же четыре касты (по законам Ману) или четыре группы общества (по Аристотелю).

По мнению селекционеров, евгенистов и этологов, биологическая элита любой популяции составляет стабильный (от 2 до 4) процент. Всегда, у всех. Не больше, не меньше. У крыс, у обезьян, у поросят, у голубей, у людей...

Никуда от этой структуры, предусмотренной Природой для Общества, не деться, ни с гуманизмом, ни без него,

¹Первым термин «элита» ввел в политологию итальянский мыслитель Вильфредо Парето (1848–1923). Элита, по Парето, — это совокупность лиц, имеющих наивысшие индексы в своих профессиональных сферах деятельности. Понятно, что если мы говорим об элите безотносительно к ее национальной принадлежности (например, о мировой футбольной или шахматной элите), то можно ограничиться и таким определением. Но если мы говорим об элите народа, нации, то в силу биологической природы этих феноменов нам не обойтись без биосоциального подхода.

ни с язычеством, ни с христианством, ни при феодализме и капитализме, ни при социализме и коммунизме.

Нелепо думать, что только люди физического труда есть основа нации, лишь потому, что их абсолютное большинство. Не может популяция состоять только из гамма- и дельта-особей, без альфы и беты. Это будет дефективная, слепоглухонемая популяция, обреченная на гибель.

Не стоит восставать против естественного порядка вещей. Не предъявляйте Природе невыполнимых требований, не пытайтесь гнать Природу в дверь, ибо она влетит в окно. Без альфа-самцов популяция существовать не может: ее некому будет защищать. Да она и не останется никогда без своих альфа-самцов, ибо свято место пусто не бывает, если выбить всех наличных альфа, на их место тут же встанут вчерашние бета: четырехзвенная структура быстро восстанавливается.

Известный ученый-этолог Виктор Дольник в своих трудах подробно описывает образование иерархической пирамиды в мире животных. В частности у обезьян, чьи сообщества так напоминают нам людские коллективы. Он резюмирует:

«Группа предоставленных самим себе людей собирается в подобную иерархическую пирамиду. Это закон природы, и противостоять ему нельзя... В силу инстинктивных программ люди самособираются в иерархические пирамиды, это почти так же неизбежно, как образование кристаллов...

Некоторые этнографы прошлого века представляли себе первобытное общество как общество равных. Но теперь мы знаем, что это не так. Оно могло быть построено и было построено по иерархическому принципу, и жизнь в нем была разной в зависимости от того, какими оказывались иерархи — мудрыми, сильными вождями, свирепыми громилами или бесноватыми колдунами».

От Аристотеля и до наших дней люди

чувствовали и понимали внутреннюю необходимость и оправданность возникновения элит. Поэт и мыслитель, друг Пушкина Петр Андреевич Вяземский писал о том же другими словами:

«В обществе нужна некоторая подчиненность чему-нибудь и кому-нибудь. Многие толкуют о равенстве, которого нет ни в природе, ни в человеческой натуре. Нет ничего скучней томительней плоских равнин: глаз непременно требует, чтобы что-нибудь, пригорок, дерево, отделялось от видимого однообразия и несколько возвышалось над ним. Равенство перед законом дело другое. Но равенство на общественных ступенях — нелепость».

Зачем нужна элита?

В природе нет ничего бесполезного, несообразного. Если у каждой биологической популяции, включая людей, всегда возникает своя элита, значит, это зачем-нибудь нужно. Зачем?

На первый взгляд, существование элит только осложняет жизнь нижних этажей общественной пирамиды. Тот же Виктор Дольник пишет о том, как трудно ведется порой борьба за иерархический ранг, составляющая едва ли не самое главное в жизни самца:

«Борьба эта ведется сурово, с драками, а проигрыш в ней означает постоянное унижение, страх, необходимость отдавать доминантам лакомые куски. Занимающие низкий ранг павианы находятся в стрессе, чаще заболевают, меньше живут. Когда читаешь работы, описывающие все ухищрения, к которым они прибегают для того, чтобы изводить друг друга, временами тошно становится».

Понятно, что низы общества всегда недовольны самим фактом существования верхов.

Но и верхи не так счастливы своим верховенством, как может показаться:

«Достигнув вершины власти, павиан не облегчает себе жизнь. Ему все время кажется, что в стаде нет должного порядка. Сидя на возвышении, он гроз-

но хмурит брови то на одну обезьяну, то на другую. Время от времени приходится грозить кулаком, стучать себя в грудь, скалить зубы, похлопывать себя по гениталиям, подзывать то одного, то другого самца и заставлять принять одну из поз подчинения; опустить голову, пасть ниц, встать в унижительную для самца самочью позу при спаривании. Если кто-то выкопал что-то вкусное или нашел что-то интересное — потребовать себе. Геронты считают самок своей собственностью и не могут допустить, чтобы они спаривались с самцами низших рангов, но самки себе на уме, и следить за ними нелегко. У иерарха нет ни гнезда, ни имущества. Три предмета постоянно заботят его: сохранение и приращение территории стада, удержание самок и власть».

Но в жизни представителя элиты обязательно настанет критический момент, когда, собственно, и происходит проверка его элитарности. Своего рода звездный час, «момент истины».

Этолог Дольник пишет об этом так:

«Геронтов-павианов ждет один из двух финалов: или их свергнут, или они погибнут в схватке с леопардом. Леопард — самый опасный хищник для всех живущих в саванне обезьян. Он охотился и на всех наших предков, охотится на людей и поныне. Павианы боятся его всю жизнь. Но может настать день, когда доминанты переломят в себе этот страх и навяжут леопарду смертный бой».

Именно так обстоит дело и в мире людей. Безусловно, любое человеческое общество нуждается в персонале, способном этим обществом управлять, как-то регулировать его жизнь².

² Функциональность элит как их оправдание выдвигал еще немецкий социолог Карл Маннгейм, который в своей работе «Man and Society in an Age of Reconstruction» (1941) определял элиты как часть системы коллективной ответственности и обязательств, чье существование определяется не волей к власти отдельных индивидов, а общественной

Но главное не в этом. Вождь ты или не вождь, элита или не элита — определяется в момент решающей, смертельной схватки с самым опасным врагом твоей популяции, твоего народа.

В XVI веке во Францию из Америки привезли индейцев тупинамба и показывали их публике. Философ Монтень спросил через переводчика, какими правами обладает их король. «Первым идти в бой и погибнуть» — таким был ответ.

Этот ответ следует считать образцовым, хрестоматийным.

Очень яркий и наглядный пример подобного поведения мы получили в ходе Великой Отечественной войны. В начале: Сталин отказался покинуть Москву в момент, когда к ней подошел «немецкий леопард». И в конце: Гитлер отказался покинуть Берлин в момент, когда к нему подошел «русский леопард». Оба они самым убедительным способом подтвердили свой статус вождей своих народов, истинных альфа-самцов, доминантов: поставили на кон собственную жизнь в беспощадной борьбе.

Вот в чем заключается высший смысл, высшая целесообразность, высшее оправдание элит: в их способности жертвовать собой ради своего народа. Элита должна быть глубоко националистична от природы.

Это главный, все определяющий

потребностью в профессиональном исполнении стратегических функций. Американский социолог Сьюзанн Келлер развила эту позицию: «Понятие элиты относится прежде всего к меньшинству индивидов, предназначенному служить коллективу общественно полезным путем. Элиты — это эффективные и ответственные меньшинства» (*Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. N.Y.: Random House, 1969. P. 21*). На мой взгляд, такой подход идеализирует человеческое общество и напрасно игнорирует его биологическую природу, излишне схематизирует и рационализирует общественные отношения. Но своя доля истины в нем есть.

критерий, квалификационный тест на элитарность.

Способен пожертвовать собой ради своего народа — значит, элита. Не способен — значит, не элита или псевдоэлита, сколько бы ты ни набрал себе власти и имущества, как бы высоко ни вознесся и что бы о себе ни думал.

Посмотрим с этой точки зрения на историю русской элиты: что было и что стало.

I. Была ли на русском теле русская голова?

Была ли у русских настоящая элита, соответствующая вышеприведенному критерию? А если была, то что с нею случилось, куда она делась?

Ответить на этот вопрос легко. Достаточно заглянуть хотя бы в галерею Зимнего дворца, посвященную героям Отечественной войны 1812 года. Там представлен целый класс истинно элитарных персонажей: все они — выходцы из господствующего сословия русского народа, природные хозяева страны, но притом без рассуждения готовые положить свою жизнь за Отчизну и свой народ.

Вспомним, как прославлен в высшем свете был генерал Николай Раевский, о подвиге которого много говорили и писали и даже создавали картины и гравюры. Историк Чекмарев пересказывает этот популярный сюжет так:

«23 июля 1812 года, у деревни Салтановка, корпус Раевского принял тяжелейший бой с пятью дивизиями маршала Даву, французы превосходили русских и в штыках и в артиллерии, но в самый критический момент генерал Раевский повел в атаку Смоленский полк, рядом с генералом были его сыновья, 17-летний Александр и 11-летний Николай. Александр, идя в атаку рядом с отцом, поднял выпавшее из рук раненого подпрапорщика знамя и вырвался вперед. Вражеская картечь попала генералу в грудь, одежда на маленьком Николае была пробита пуля-

ми, но порыв русских войск было уже не остановить. Благодаря подвигу Раевского и его солдат Багратион успел форсировать Днепр и уйти на соединение с армией Барклая, чем привел Бонапарта в бешенство».

Даже если это и небывлица, сочиненная в Петербурге (как считают некоторые), то в высшей степени характерная, показательная.

Вот такой была русская элита. Ни себя, ни своих детей не щадила!

И была она такой испокон веку. Если листать истории боярских и дворянских родов, мы встаем перед фактом: редко кто доживал свой век в поместье и умирал от старости. Чаще — на поле боя или от старых ран. Уж на что неоднозначная личность Малюта Скуратов, а и тот погиб от стрелы в горячем бою, возглавив штурм ливонской крепости!

«Не станет пахотника — не станет и бархатника», — гласит русская поговорка. Она верна. Но верно было и обратное. Не крестьяне, выставлявшие не более одного рекрута со ста семей, а именно русские дворяне, имевшие в каждом роду свой героический мартиролог, были настоящим «пушечным мясом» России и русского народа.

Надо отметить, что высокой жертвенностью отличалась и контрэлита — те же революционеры, начиная с декабристов, которые положили на алтарь Отечества свои жизни, свободу, положение в обществе. Не случайно среди декабристов было немало офицеров, насмерть бившихся с наполеоновским нашествием: просто один вид служения своей стране и народу сменился для них другим.

Особо следует сказать тут не только о русской военной, но и об интеллектуальной элите — ученых, писателях, композиторах, государственных деятелях — наиболее значительная часть которой связана происхождением с социальными элитами: дворянством, священничеством, предпринимательскими слоями.

Эту свою духовную элиту Россия

растила тысячу лет — ни много ни мало. Всеми своими корнями она была связана с Россией, ее историей, ее бедами и победами, поражениями и завоеваниями, радостью и болью. Никогда не отделяли эти люди себя, свою судьбу от судьбы России и своего родного русского народа! Критикуя — порой жестоко, наотмашь — российские порядки, российскую власть, они хотели изменить свое Отечество, но не хотели ему изменять! Они любили Родину, не могли жить без нее.

Особенно ярко проявилось это качество в феномене русской эмиграции первой волны после революции 1917 года. Оторванные поневоле от своей Родины, они не пускали корни в приютивших их землях, а «жили на чемоданах», по выражению Надежды Тэффи, жили Россией и для России, для нее творили, надеясь вернуться «к своим» если не при жизни, то хотя бы посмертно, своим творчеством.

Когда мы говорим об укорененности русской элиты в русской народной жизни, о ее неотрывности от России, следует помнить об одном важнейшем обстоятельстве, отличавшем российскую элиту от элит, скажем, западных стран.

Русское дворянство, благодаря введенной Петром Табели о рангах (1714), было не просто социальной, но биосоциальной элитой русского народа. А это колоссальная разница, отличающая русское дворянство от европейской родовой аристократии.

В течение двухсот лет оно принимало в свой состав все самое лучшее, что только мог предложить русский национальный генофонд. Из этого процесса были выключены (хотя и не вполне) только крепостные крестьяне, черносошные в нем участвовали. Все самые умные, самые инициативные, самые пробивные и целеустремленные, самые одаренные, смелые, а иногда и просто физически сильные русские люди, достигнув по службе или по учебе определенного ранга, получали вначале

личное, а там и потомственное дворянство.

Их численность и удельный вес в составе сословия постоянно возрастали по сравнению с представителями древних дворянских родов; уже к концу первой трети XIX века новым дворянам принадлежало более 60% помещичьих земель, а ведь приобрести землю мог далеко не бедняк. Из дворянских литераторов XVIII века (653 человека) каждый пятый был дворянином по выслуге. Российские вузы, армия, флот, бюрократическая система ежедневно поставляли этому сословию все новые кадры. В 1912 г. выходцами из крестьян были уже 25,7% офицеров. В годы Первой мировой войны доля офицеров из разночинной и крестьянской среды еще более выросла. Все они могли в свой черед претендовать на дворянство.

Ни в одной европейской стране не было такого, чтобы человек, закончивший академию художеств или университет, автоматически получал дворянское звание, а в России было именно так. Элита не отгораживалась от народа, элита пополнялась выходцами из всех сословий за личные заслуги, это очень важная подробность.

Сардинский посланник в России Жозе де Местр, известный своей наблюдательностью, писал графу де Валузу о наших порядках: «Дворянское звание лишь помогает достичь чина, но ни один человек не занимает выдающегося положения благодаря одному лишь рождению; это и отличает сию страну от всех прочих».

Таким образом, к концу царского режима русское дворянство представляло собой в генетическом отношении сливки сливок русского народа. Его БИОсоциальную элиту, двести лет впитывавшую в себя, посредством действия Табели о рангах, лучшие народные соки. Это факт, и малейшему сомнению не подлежащий.

Как ни парадоксально, но русское дворянство было самым народным из

всех дворянств мира. Эта мысль покажется поначалу странной, быть может, но было именно так. «Народное дворянство» — это не оксюморон, а живая реальность российской жизни накануне революции. Дворяне тех лет — это вовсе не сословие угнетателей: крепостного права уже не было более 50 лет, основная масса дворянства были служивые люди, в том числе офицеры, врачи и учителя. Это уже ни в коей мере не были хозяева жизни, хозяева страны. Обеднение, разорение дворянства после Великой Реформы 1861 года развивалось стремительно и неотвратимо. В 1916 году уже не дворяне, а крестьяне засевали 89,3% всех земель на правах собственников и арендаторов и владели 94% сельскохозяйственных животных. Как общественно-экономический класс русское дворянство сошло с исторической сцены задолго до революции.

По мере приближения к роковой черте Октября процесс обрусения и генеалогического сближения с народом дворянства только усиливался. Госаппарат и армейское офицерство становились все более демократическими по способу своего комплектования, а значит, и более русскими по составу.

Однако до конца обрусеть российской военной и административной элите так и не удалось. Беда в том, что после неудачного восстания декабристов русская дворянская элита, полновластно управлявшая Россией с правления Елизаветы Петровны и даже свергавшая и казнившая царей, пытавшихся увести Россию с национального пути (Брауншвейгскую династию, Петра Третьего, Павла Первого), вся в целом попала под подозрение и была отодвинута от рычагов управления, потесненная в основном немцами и поляками. К примеру, немцы составляли очень важную часть императорской власти, временами — до 30% должностей в высшем аппарате, особенно в МИДе, армии и полиции.

Это обстоятельство сыграло свою роль в отчуждении русского народа от российской элиты и послужило одним из катализаторов революции.

Что с русской элитой сделала революция

Если у какого-либо народа отсутствует, резко ослаблена или недостаточно сплочена собственная национальная элита, осуществляющая, в том числе, государственную власть, то ее место обязательно займут представители инородных элитных групп. Они без труда проникают в элитные слои всех ключевых сфер общества, а затем посредством этнического протекционизма, но в ущерб коренному народу становятся господствующей прослойкой элиты. Прежде всего в финансах и экономике, СМИ, творческих профессиях, культуре и искусстве. Во всех этих сферах они играют роль своего рода администраторов, бесцеремонно навязывая всему обществу выгодные только им самим, но чуждые национальным традициям коренного народа общественно-государственный строй, мировоззренческие и культурные нормы и т.д. и т.п.

В СССР все это произошло в первую очередь с русским народом, чья национальная элита оказалась наиболее жестоко и последовательно истреблена или вытеснена из верхнего слоя общества — либо эмигрировала.

Это обезглавливание нации было теоретически обоснованным, подготовленным. Не кто иной как Александр Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» писал: «О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь в отчаянье своем, разбили железом, препятствующим их вольности, главы наши, главы бесчеловечных господ своих и кровью нашей обгаррили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды его исторглись бы великие мужи для заступления избитого племени. Но они были бы других о себе мыслей и лише-

ны права... Не мечта это, но взор пронизает густую завесу времени, скрывающую от очей наших будущее. Я зрю через целое столетие».

И вот через столетие произошло ровно то, что напрозорчил Радищев. Железом были разбиты головы господ...

Большевики (да и не только они) не видели в этом ничего страшного, антигосударственного. Ибо принято было считать, будто биологический ресурс народа бесконечен. Подумаешь, какая разница! Ну, уничтожим мы три процента населения — т.н. элиту — так на ее место встанут другие три процента. И даже не три, а тридцать три, и еще краше, умнее, значительнее и вообще лучше, поскольку все будут из народа и будут исповедовать коммунизм.

Ленин считал, что русский генофонд неисчерпаем, и Сталин считал, что генофонд неисчерпаем: «Этих уберем, на их место придут другие, незаменимых у нас нет». И так всегда считали, глядя на них, все власть имущие в советской России. Все искренне думали, что народ все время может и будет поставлять элитарные кадры. Элитарные, прежде всего, в биологическом смысле: сильные, умные, талантливые и пр.

Вот где был корень колоссальной ошибки! Ибо биологическая элитарность — это свойство наследственное. От осинки не бывает апельсинки, недаром говорит народ. Эта пословица прекрасно обоснована в известном научном труде Фрэнсиса Гальтона «Наследственность таланта».

Если срезать верхний, «черноземный» слой народа, то на его место новый «чернозем» из глубины просто так сам собою не поднимется. Должны пройти поколения, прежде чем он сформируется.

Теоретическая ошибка, которую столь ярко сформулировал Радищев и которую потом вся революционная Россия считала за аксиому, привела к катастрофическим последствиям.

Что же произошло с природной рус-

ской элитой в результате Октябрьской революции, Гражданской войны и советской власти?

От дворянского сословия в современной России остался примерно один процент. Но ведь не только дворяне входили в состав тысячелетней национальной элиты.

Священники, примерно 500 тысяч человек с домочадцами³. Начиная с екатерининских времен церковные должности наследовались: старший сын священника имел право наследовать отцу. И все дети священника (кроме девочек, конечно) имели право поступить и окончить духовную семинарию. У священников, как правило, было много детей. Старший сын, предположим, шел по стопам отца. А куда девались остальные сыновья, окончившие семинарию? Они получали второе образование, становились учителями, врачами, переводчиками. Это сословие непрерывно поставляло почти исключительно русскую по крови (!) разночинную интеллигенцию. Вспомним, что дедом Белинского, как и Достоевского, был священник, а Чернышевский, Добролюбов, Каронин-Петропавловский, Левитин и мн. др. были детьми священников. А ведь это были духовные лидеры русской интеллигенции, начиная с 40-х годов XIX века. И вот этот контингент тоже был уничтожен после 1917 года.

Не забудем причислить к русской элите и русское купечество. По статистике, по последней дореволюционной переписи, чуть ли не 70% российского предпринимательского класса — евреи. Но это цифра лукавая, потому что на самом деле вообще все евреи записывались в какие-то мелкие предприниматели. Только жили они компактно, а за пределами черты осед-

³Если до 1917-го в России служило 360 тысяч священников (из них 100 тысяч приходских пастырей), то к концу 1919-го осталось в живых только 40 тысяч священников. Но избивание клира продолжалось и далее.

лости еврейский капитализм был мало кому знаком. А все держалось — бизнес, предпринимательство, купеческое сословие в целом — на русских Колупаевых и Разуваевых. Возьмем верхние три тысячи самых богатых капиталистов России: примерно половина фамилий там абсолютно русские. И как всегда, чем ниже мы спускаемся с Олимпа предпринимательского, тем чаще мы встречаем русские фамилии. Русский предпринимательский класс был уничтожен под корень, большевики этим хвастались особо.

Мы не можем забыть и о том, что 2,7% занятого населения, по последней российской переписи, это была интеллигенция, люди умственного труда. И интеллигенция в массе своей тоже была русской: до 56% студентов в технических вузах перед революцией были и вовсе дети русских крестьян и рабочих. То есть инженерный корпус был в основном русским, медицинский и педагогический корпуса были в основном русскими. Значительное количество нерусской (еврейской, в первую очередь) интеллигенции концентрировалось в журналистике и критике, определенный процент был в театральной, музыкальной сфере — богеме, одним словом. Но если мы возьмем писателей, художников, то нерусские имена среди тех, кто творил культуру Серебряного века, встречаются достаточно редко, и что-то нерусское обнаружить в их творчестве бывает достаточно сложно⁴. А имен первого ряда среди них и вовсе почти нет. Время Шагала и его круга, время Мандельштама и Пастернака, Багрицкого и др. придет уже после революции.

Примерно 86% населения России составляли крестьяне, а интеллигентская прослойка была крохотной, тоненькой плёночкой на раскаленной магме народного восстания. Удержать эту магму тоненькая плёночка, конеч-

но же, не могла, смешно было бы даже об этом мечтать.

Судьба этой плёночки была очень печальной. Примерно половина эмигрировала, оставшиеся превратились в «лишенцев».

Уничтожена была и крестьянская элита — кулаки и значительная часть середняков. И казачество — от века авангард русского народа.

Истребление русской тысячелетней элиты и возникновение нового правящего слоя сопровождалось даже антропологическими изменениями. Если среди высших чиновных и воинских кругов, иерархов церкви до революции заметно преобладали долихоцефалы (длинноголовые), то советская власть вывела на самый верх сплошь брахицефалов (круглоголовых — Жданов, Хрущев, Маленков, Ворошилов, Жуков и мн. др.). Что стоит за такой антропологией, сказать трудно, но факт налицо.

Еще заметнее были этнические перемены в составе элиты. Вакуум, образовавшийся на месте русской и немецкой политической, военной, экономической и интеллектуальной, духовной элиты, заполнился молниеносно. На долгое время у руля страны оказались евреи (в центре — и на местах), пока их не начал вытеснять Сталин и сталинцы. А в духовной и умственной жизни еврейское засилье не изжито и до сих пор.

Объединить лишенные своих элит народы в «единый советский народ» большевикам не составляло особого труда: ведь нижним классам нечего делить между собою. Можно утверждать, что такое «обезглавливание» народов было естественным и необходимым условием восстановления единой империи на всем былом пространстве России. За исключением, что естественно, Финляндии, Польши и стран Прибалтики, ведь до их элит (в тот момент) дотянуться не удалось.

Однако процесс естественной селекции и кристаллизации элит у чис-

⁴Исключение, пожалуй, братья Бурлюки.

ленно значительных народов трудно остановить насовсем. Постепенно это происходило и у советских народов. Национальные элиты (русская в т.ч.) заново росли на ровном месте и начинали требовать своей доли участия во власти. Что и вызвало повторное уничтожение национальных элит в 1930-е годы.

Еще один такой антиселекционный натиск был произведен в конце 1940-х — начале 1950-х годов, причем на этот раз основной удар был нанесен именно по русской элите, больше всех остальных поднявшейся в годы войны. До евреев у Сталина руки как следует не дошли — умер. А русскую верхушку таки успели перебить.

Была ли русская советская элита?

И да, и нет.

Научная, творческая элита — безусловно была.

А биосоциальная, без которой невозможна полноценная жизнь популяции — нет. Хотя выдающиеся люди, обладавшие властью в обществе и готовые за эту власть (а часто и за это общество) идти на смерть, были в немалом количестве. Взять хотя бы весь офицерский корпус, созданный в ходе Великой Отечественной войны, от лейтенантов до маршалов. Многим из них после войны суждено было стать руководящими кадрами в самых разных отраслях. Смерть ходила рядом с ними и на фронте, и в мирной жизни, но ни военная опасность, ни даже угроза несправедливого суда и расстрела не могла остановить их путь наверх.

Была, безусловно, и естественная селекция, поднимавшая из глубин народной жизни в верхние слои людей, одаренных в большей или меньшей степени каким-то талантом. Если полистать справочники Константина Залесского «Империя Сталина» и «Кто был кто в истории СССР», там приведены более тысячи биографий людей, занимавших видное положение между 1924 и 1953 годами, и не только

в столицах, но и в республиках, в провинции. Подавляющее большинство этих биографий начинается одинаково: родился в таком-то селе такого-то уезда такой-то губернии⁵. И это лишь верхушка айсберга. Форсированное раскрестьянивание, сопровождавшее урбанизацию и индустриализацию, поставляло многими миллионами русских людей из деревни — в город, и не только на физическую работу, но и на ответственные посты в науке, армии, народном хозяйстве, партийном и советском руководстве.

Впечатление такое, что многовековой процесс естественного отбора, шедший своим ходом тысячу лет, вдруг с бешеной скоростью охватил весь русский народ и... выжал его за ничтожные сто лет, как лимон. После чего встал вопрос, что же будет с этой вновьявленной элитой? Какая судьба ее ждет? Укрепитесь, уцелеет ли она — или, как некогда Полиграф Шариков, «обратится в первобытное состояние», сойдет со сцены?

Элита эта ведь не была потомственной (единичные семьи, вроде Михалковых, не в счет), однако стремилась к закреплению социальных привилегий за семейными кланами, стремилась создать то, что Сталин называл «проклятой кастой» и с чем боролся всеми силами. Но ни секретари обкомов, ни директора предприятий и колхозов-совхозов не могли оставить свой пост в наследство сыну. И даже далеко не всегда могли владеть этим постом пожизненно. Быть сегодня на самом вершине общества, а завтра превратиться в лагерную пыль или просто в тело с дыркой в черепе — такая перспектива волей-неволей формировала у основной массы советской псевдоэлиты психологию не хозяев страны, а временщиков.

Надо добавить, что далеко не во всех сферах селекция носила естественный,

⁵ На это обратил мое внимание историк А.Б. Горянин.

как при Романовых, характер, а нередко принимала характер и противоестественный, превращаясь в своего рода антиселекцию. Ибо задействовались критерии вовсе не отличных человеческих качеств, а совсем наоборот, качеств отвратительных, что было связано с проживанием в идеократическом государстве и необходимостью лгать, предавать, подличать, выслуживаться, насиловать свою и чужую душу — как из-за страха репрессий, так и из низких карьеристских побуждений. Не кодекс чести, а кодекс бесчестия был общеупотребителен для многих и многих профессий, особенно связанных с идеологией и управлением людьми. Антиселекция порождала антиэлиту...

После смерти Сталина смертельный риск от пребывания в составе руководства страной упал до нуля, а с ним стало падать и основное качество, делающее элиту элитой, — жертвенность. А вот синдром временщика, наоборот, неуклонно укреплялся, чем во многом и объясняется революция 1991–1993 гг., в которой партийно-хозяйственная элита Советского Союза оказалась кровно заинтересована. Трансформация единого социалистического СССР в россыпь отдельных капиталистических стран (из которых все, кроме пока России, оказались к тому же этнократиями) соответствовала устремлениям этой элиты, о «перерождении», «обуржуазивании» которой написано немало.

Не случайно, как пишет автор книги «Анатомия российской элиты» социолог Ольга Крыштановская, изначально 61% новых предпринимателей, относящихся к группе бизнес-элиты, ранее работали в органах власти, причем из них были на партийной работе 13%, на комсомольской — 37%, работали в исполкомах Советов народных депутатов — 4,3%, на номенклатурных должностях в министерствах и ведомствах — 37%, в других органах власти — 8,6%. Из высшей номенклатуры (то есть с должностей, утверждавших-

ся Политбюро ЦК КПСС) пришли в бизнес 5,0%. При этом, что естественно, работники государственных банков составили костяк новых банкиров (88,2%), а работники производственной сферы создавали частные производственные структуры (42,8%).

Надо отметить, что именно указанная конвертация власти в собственность заложила предпосылки создания в России новой генерации потомственной элиты как биосоциального слоя. Ведь даже среди тех 39% предпринимателей, которые никогда не работали в органах власти, многие были выходцами из номенклатурных семей. Так, у 36,8% отцы являлись номенклатурными работниками, а у 18% — матери.

Советский строй, как сейчас становится понятно, был промежуточным звеном, переходным строем от феодализма к капитализму. Он носил черты социал-феодализма, госпартфеодализма, а на последней стадии — подпольного капитализма со всеохватным рынком нелегальных или полуполигальных товаров и услуг. Чем создал предпосылки к окончательному переходу в капитализм.

Соответственно, «элита» советского периода была текучим, непостоянным формированием, переходным звеном от элиты феодального общества к элите общества капиталистического. Каковой еще только предстоит сформироваться до конца.

Советская элита и национализм

Накануне революции руководство всех социалистических партий России было по преимуществу еврейским. Особенно это касалось большевиков и эсеров. Взяв власть, возглавляемые евреями большевики систематически уничтожили элиты большинства народов, населявших Российскую империю, после чего объединить сами эти обезглавленные народы в единое государство под своей властью было лишь делом техники.

Дальнейшая судьба Советского Союза во многом зависела от процесса восстановления национальных элит. Некоторое представление об этом дает анализ руководящего партократического слоя⁶.

Если взять 193 опубликованные биографии членов и кандидатов в члены Политбюро (Президиума), Оргбюро и Секретариата ЦК КПСС за период 1919–1990 гг., этнический состав выглядит так: 68% русских, 8% украинцев, 7% евреев. Но этот состав не отражает этнодинамику руководства и реальный вес этнических групп. В первую очередь, преобладание евреев в 1920-е и постепенное снижение их влияния (особенно после войны), а также параллельное возвышение русских.

В 1970–1980-е годы высшая партийная власть в СССР неуклонно «русела», как и опорная масса партийцев в целом: составляя 51% населения страны, русские составляли 59% среди членов партии. Такой диспропорции не давал ни один другой народ Советского Союза (правда, евреи имели самый высокий показатель представительства среди членов партии: почти 15% от численности своей этнической группы; но на общесоюзном фоне их вес уже не был столь велик, как изначально). Поразительный факт: на уровне всесоюзного партийного руководства — полное отсутствие на протяжении всей истории представителей ряда крупных народов (таджиков, киргизов, туркмен, эстонцев, литовцев, башкир и т.д.).

Так обстояло дело в центре. Но совсем противоположная картина складывалась в республиках. Управлять значительными этническими областями, не опираясь на местную этниче-

скую же элиту оказалось совершенно невозможно, это большевики в конце концов поняли. Именно к 1980-м годам во всех республиках, кроме РСФСР, выросли национальные элиты, заботливо выпестованные Политбюро КПСС (инструментом такого ращения были республиканские ЦК КПСС и ВАКСМ, республиканские АН, творческие союзы и т.д.). Этим был подписан смертный приговор Советскому Союзу.

В итоге премудрой партийной национальной политики «в союзных республиках компартии выработали свою собственную формулу, по которой складывался этнический облик руководства: первый секретарь и большинство членов Политбюро должны были представлять основную национальность республики (даже если представители этой национальности составляют меньшинство в партийной организации республики), второй секретарь (так называемая рука Москвы) — обычно русский; среди других русских членов Политбюро — это чаще всего командующий военным округом, руководитель КГБ или МВД. Остальные “номенклатурные” места в высшем партийном руководстве, как правило, предназначались коммунистам так называемой коренной нации. Это — Председатель Президиума Верховного Совета республики, Президент Академии наук республики, первые секретари столичного горкома и ряда крупных областных парторганизаций, пара “знатных людей” из рабочих и крестьян⁷.

Неуклонный численный рост национальных политических элит вызвал к жизни диалектические последствия: количество переросло в качество.

Роковые изменения в этническом составе руководства КПСС, накопившись, привели к качественному скачку. В ходе XXVIII съезда партии (февраль–март 1986 г.) был утвержден

⁶ Подробные данные о динамике этнического состава советской политической элиты см.: *Тишков В.А.* Национальность — коммунист? (Этнополитический анализ КПСС) // *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

⁷ Там же.

принцип федеративной квоты для первых секретарей компартий союзных республик при формировании Политбюро. Отныне избиралось всего не более трети Политбюро, а остальные автоматически входили «по должности». В результате в Политбюро из 24 человек вошли представители аж 16 национальностей, в то время как процедуру выборов прошли только семь русских и один украинец.

По сути, произошел антирусский националистический переворот мирными средствами. Резкое, революционное изменение национального состава Политбюро ЦК КПСС имело решающее историческое значение: впервые за свою историю высший орган власти в стране приобрел многонациональный характер. Причем русские, привыкшие быть первыми среди равных, оказались на этот раз в меньшинстве.

Практически одновременно в результате казахского этнического бунта в Алма-Ате и последующего отзыва русского Колбина с поста первого секретаря компартии Казахстана «коммунисты статусных национальностей в республиках обеспечили себе негласное право иметь родного по крови партийного лидера, а Старая площадь в свою очередь рассталась с надеждой оказывать какое-либо влияние на решение этого вопроса... Также и среди работников аппарата ЦК КПСС (за исключением Секретариата) в 1980-е гг. появилось больше представителей из республик, а также представителей других национальностей из числа аккультурированных русскоязычных москвичей». Особую роль в дальнейших событиях сыграли советники, эксперты ЦК КПСС, в значительном количестве представленные евреями.

Отныне СССР был обречен. Воссоздание национальных элит, их прорыв к реальному руководству Советским Союзом — все это привело к бурному росту этноцентристских и сепаратистских настроений в республиках. Произошла настоящая революция национа-

лизмов титульных народов республик, нашедшая затем свое завершение в образовании этнократических государств по всему периметру российской границы.

Тем временем естественный ход событий вел к постепенной национализации политической верхушки и в русской республике РСФСР (т.е. к ее русификации), как ни противился этому предпоследний генсек Юрий Андропов, еврей, боровшийся с «русистами» в свою бытность главой КГБ. К весне 1991 г. в результате перестроечных преобразований в аппарате ЦК КПСС уже не работало ни одного еврея, зато сложилась так называемая «русская партия внутри КПСС И ВЛКСМ». А армейский офицерский состав и дипломатический корпус состояли главным образом из русских и отчасти украинцев.

Однако в целом русские правящие круги Советского Союза публично исповедовали интернационализм и советскую псевдоимперскость, а проповедовали официальную доктрину «советский народ — новая историческая общность людей». До статуса подлинной национальной русской элиты, до понимания проблем русского народа, до самоотверженной защиты его интересов им было бесконечно далеко. Эти люди не были русскими националистами, а значит, были всего лишь псевдоэлитой, в отличие от своих коллег в национальных республиках, конкурировать с которыми за звание элиты русские руководители априори не были способны.

Объективно, по мере формирования национальных элит, дело неминуемо шло к разлому единой страны по национальным граням на отдельные национальные государства. Два встречных процесса: русификация центральной власти и этнизация власти в республиках (при росте местного национализма) вошли между собой в непримиримое, антагонистическое противоречие. Элитам разных национальностей, как

и следовало ожидать, стало тесно в едином государстве. Удержать власть и сохранить СССР в условиях активизации этнических элит русские уже не могли. Да и не очень-то хотели, судя по развернувшимся в 1991 году событиям.

Обреченность союзного проекта ярче всего выявилась в ходе т.н. ГКЧП.

Бросается в глаза, что «теоретики переворота, его организаторы и непосредственные исполнители представляли не просто консервативные силы связанной с Центром и обреченной в ходе демократических преобразований на гибель партийно-государственной номенклатуры. Идеологи, как и кадры путчистов, оказались тесно связанными с русским национал-патриотическим движением и с русскими как доминирующей в государстве этнической группой. На уровне манифеста интересы этих сил были сформулированы в известном «Слове к народу», опубликованном 23 июля в газете «Советская Россия» за подписью двенадцати русских по национальности деятелей культуры и военно-промышленного комплекса. Та же идеология и частично те же люди породили и основной документ хунты «Обращение к советскому народу» от 18 августа 1991 г. Состав хунты — это не просто высшие чины «советского руководства», но и опять же лица русской национальности: из восьми членов ГКЧП только родившийся в городе Калинин Б. Пуго был ассимилированным латышом»⁸.

Истинная цена этой русской псевдоэлиты проявилась в полном политическом бессилии, в неспособности удерживать разваливающуюся страну.

Вполне закономерно, что провал ГКЧП обернулся триумфом национальных элит, триумфом этнократии. Немедленно, уже 26 августа, на сессии Верховного Совета СССР президент Кыргызстана А. Акаев назвал текст подготовленного для подписания Союзного договора неприемлемым пото-

му, что он стал «компромиссом между демократическим движением к свободе и независимости суверенных республик и стремлением центра сохранить свою власть». А время для подобных компромиссов, по мнению этнократов, миновало бесповоротно: настал час их полновластия в своих улусах.

Акаеву тут же подпел президент Казахстана Н. Назарбаев, заявив, что Казахстан никогда не будет «подбрюшным» (неосторожный эпитет Солженицына) ни одного региона и никогда не будет ни для кого «младшим братом». Он назвал выработанную — по его же инициативе! — в Ново-Огареве схему «опасной». Опасность, ясное дело, состояла только в одном: эта схема ограничивала полновластие национальных элит в пользу центра. Они же были полны решимости покончить с центральной властью раз и навсегда. И покончили.

Единственное, что их беспокоило, — это вопрос о территориальной целостности и границах новообразующихся этнократий. Назарбаевым и кравчукам не хотелось расставаться с земельными приобретениями, подаренными им большевиками за счет русского народа. Между тем этот вопрос неожиданно обострился после заявления ельцинского пресс-секретаря Павла Вощанова. Который возьми да и скажи, что в связи с заявлениями ряда республик о выходе из СССР российское руководство оставляет за собой право поднять вопрос о пересмотре границ с соседними государствами.

Да, в тот момент у русских еще была возможность без больших проблем вернуть себе и Южный Урал (восемь населенных русскими областей нынешнего Казахстана), и северо-восточные области Эстонии, и Левобережье Днепра, Новороссию и Тавриду.

Но эта возможность была похоронена Ельциным, который таким образом выкупил собственное беспрепятственное полновластие в рамках обкорнан-

ной, обобранной России. На Украине и особенно в Казахстане на заявление Вошанова последовала жесткая реакция. Российским делегациям пришлось срочно вылететь в Киев и Алматы. Мы не знаем, как проходили там переговоры, чем националы грозили и что обещали Ельцину. Но в результате Россия официально заявила о невозможности пересмотра границ и взаимном уважении территориальной целостности республик.

Русский поезд ушел в никуда. Двадцать пять миллионов наших соплеменников оказались отрезаны от материнской нации и родной земли, преданы ельцинским режимом на произвол («на съедение») этнократам Украины, Казахстана *etc.*

Торжество бывших национальных элит Советского Союза оказалось совершенным и полным. Оно явилось поздним, но закономерным результатом квазиимперского советского политического проекта.

Основная причина, по которой русский народ потерпел, в виде краха Советского Союза, очередное тяжелейшее историческое поражение, состояла в отсутствии у него подлинной национальной элиты, способной понимать, выражать и самоотверженно защищать его этнические интересы.

Такой элиты у русских нет и до сих пор.

Как делают элиту

Биологи утверждают, что для того чтобы восстановить элиту популяции, столь основательно уничтоженную, как у русских, должно пройти не менее пяти поколений. Так что с 1920 года и по сю пору мы — народ без своей национальной элиты. Обезглавленный народ. В этом едва ли не первейшая причина множества наших неурядиц, в том числе отсутствия политической субъектности русских. Ни представлять русский народ, ни защищать его права и интересы сегодня некому.

Свято место пусто не бывает. Иерархическая пирамида так или иначе восстанавливается в стабильном обществе. Подрастают новые элиты даже у потерявших их народов. Народа совсем без элиты быть не может, биологически. Но вот ее качество...

Как нам, русским, вновь обрести свою настоящую элиту?

Обратимся к опыту Англии, где процесс создания национальной элиты имеет целенаправленный характер и опирается на многовековую традицию. У англичан есть чему поучиться в этом плане.

Английская (как и американская) политическая элита веками формируется по клановому принципу. Как считает профессор из Оксфорда Вернон Бодганор, этот принцип оправдан целесообразностью:

«Это закономерный процесс и отнюдь не только британский феномен. Вспомним могущественный клан Кеннеди. Или одного из авторов американской Декларации независимости Сэмюэля Адамса. Два его двоюродных брата — президенты США. Человек, который растёт в элитной и «политически активной» семье, станет видным политиком с гораздо большей вероятностью, чем обычный смертный».

Принцип клановости в первую очередь опирается на общий для «высшей касты» образовательный и воспитательный стандарт: «У всей элиты Соединенного Королевства одинаковая образовательная основа», — констатирует лондонская газета «Санди таймс».

Для примера: Оксфордский университет, причём по специальности «философия, политика и экономика», окончило как близкое окружение предыдущего премьер-министра Гордона Брауна (братья Милбанд, Эд Боллс и ещё с десятков министров), так и тогдашний лидер оппозиционной консервативной партии Дэвид Кэмерон, «теневого» министр иностранных дел Уильям Хейг и ряд их соратников.

Такова непрерывная традиция: за два века до этого точно такое же образование получил, к примеру, прославленный Уильям Питт.

До университета все они учились в «паблик скулз», то есть в закрытых частных школах. Как говорил победитель Наполеона герцог Веллингтон: «Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона». Эта фраза стала крылатой. Она подчеркивает роль частных школ в формировании британской элиты.

Собкор «Литературной газеты» в Лондоне Михаил Озеров раскрывает секрет: «Такая школа воспитывает *джентльмена*, а он ведёт за собой нацию, особенно в пору трудных испытаний»⁹.

Не случайно в подобных школах все подчинено национальным традициям. К примеру, одна из самых знаменитых и престижных «паблик скулз» — Вестминстерская школа — создана еще в IX веке! Трапеза в ней не меняется столетиями: пирог с мясом, кипяченая вода. Школьный устав регламентирует отношения с учителями и соучениками, процесс обучения и досуг, правила поведения в школе и в жизни.

Основной упор в «паблик скулз» делают на гуманитарном воспитании, в младших классах углублённо изучают латинский язык, в программе по литературе — древнеримская классика. Это основа основ, общая матрица. Но есть, конечно, и другие, более близкие к реальной жизни направления: естественно-научное, экономическое и финансовое.

Учеников независимо от их происхождения (будь это хоть наследники престола) возвращают по всей строгости, сурово. Соблюдая прославленный в веках принцип английского воспитания: «Мы должны взять ребенка и влить сталь в его душу». Стиль весьма далекий от русской вседозволенности,

когда дети высокопоставленных особ не стесняются даже с учителями.

Научившись владеть собой, своими чувствами, выпускник английской закрытой школы уже готов для того, чтобы управлять другими, в том числе целыми народами. Нести, как говорил Киплинг, «бремя белого человека». Не случайно Британия некогда овладела половиной мира...

Результативность такого воспитания чрезвычайно велика. Среди выпускников той же Вестминстерской школы — девять глав правительства, пятнадцать архиепископов, огромное количество министров. Практически каждый оканчивает потом Оксфорд или Кембридж — заключительные этапы отбора, после чего на всю жизнь приобщается к правящей касте и занимает высокие должности в государственных ведомствах, банках, компаниях.

Политика в Англии — поприще цензовое, ибо «паблик скулз» — привилегированные заведения. Если в обычных школах учеба бесплатная, то здесь — чрезвычайно дорогая: около 27 тысяч фунтов стерлингов (55 тысяч долларов) в год. Тем не менее попасть туда крайне трудно, и родители записывают ребенка ещё до его рождения.

Самое важное: отбор в элиту ведется поэтапно, последовательно и жестко. Когда ребенку исполняется десять лет, он проходит собеседование. Преподаватели выясняют, соответствует ли его уровень развития требованиям школы. Если да, то в 13–14 лет подросток сможет поступить в ее стены. Если нет — деньги не помогут.

Озеров пишет: «Несмотря на трудности с приемом и безумные цены, родители изо всех сил стараются устроить свое чадо в “паблик скулз”. Ведь перед ним после завершения учебы открываются двери, наглухо закрытые для его сверстников.

Да и условия в “паблик скулз” особые. Классы, в отличие от обычных школ, не переполнены, и в них почти нет детей иммигрантов. Преподава-

⁹ Здесь и далее излагаются материалы из его статьи «Правь, Британия!» (2006).

тели — выпускники Оксфордского и Кембриджского университетов. К услугам учеников — гимнастические залы, бассейны, даже ипподромы. Есть тренеры по верховой езде, стрельбе, теннису, дзюдо. Здесь прививают хорошие манеры, что так ценится в английском свете.

Понятно, что на «фабрике джентльменов» учатся дети «самых-самых» — потомственных аристократов, крупных политиков, финансистов. Эти школы — средство воспроизводства британской элиты. Само их существование свидетельствует об иерархической структуре общества».

Что можно заключить из сказанного?

Политическую власть в Англии крепко держат в своих руках подлинные — и притом потомственные! — хозяева страны, природные англичане, хорошо понимающие значение национальных традиций и устоев, значение классического образования и волевого воспитания. Может быть, поэтому английская элита во все времена и у всех народов пользуется репутацией одной из наиболее националистических элит, действующей всегда в интересах своей страны и английского, а не какого-нибудь еще, народа. Это национализм естественный, сопродный всему английскому политическому классу, он заражает даже немногих случайно попавших в элиту представителей других этносов.

Не случайно знаменитая фраза английского премьер-министра лорда Биконсфильда (природного еврея Дизраэли) «У Англии нет постоянных друзей и врагов — есть лишь постоянные интересы» сегодня многими странами воспринята как образец правильного понимания политики.

Нашу политическую элиту (высший слой бюрократии) готовят пока что по-другому. В «кузницы кадров» — Академию ФСБ или Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Рос-

сийской Федерации — поступают не выпускники специальных сословных школ, закаленные в особом духе, а любой, имеющий справку о полном среднем общем или профессиональном образовании. Никакой преемственности, ступенчатости в производстве управленческой элиты у нас нет. Да и классическим гуманитарным образованием у нас мало кто может похвастать. И вряд ли хоть один представитель наших элит знаком с латынью.

Но хуже всего то, что ни о какой прививке русской национальной традиции (русского национализма) для студентов, предназначенных править русской страной, нет и речи. И ни в одной академии не изучается наука этнополитика — а без этого любая элита есть и будет слепой заложницей могущественных сил.

II. Какую «элиту» мы сегодня имеем в России?

Какой стала русская элита в результате советского 70-летия и постсоветского 20-летия? Что собой представляет по своему составу: образовательному, профессиональному, национальному? Соответствует ли критериям элитарности? Каковы ее перспективы?

Статистическому анализу у отечественных социологов подвергаются лишь две элитные группы: политическая и экономическая. Творческую так не исследуют, увы. Так что разговор поведем только о названных группах.

Собственно, элитой их называют автоматически, не особенно вдумываясь в смысл слов. Перед нами просто правящие круги и верхушка бизнес-сообщества России. Ничего общего с подлинной национальной русской элитой, бывшей у нас когда-то, эти сообщества пока что не имеют. Между тем они уже оказались объектом пристального изучения в книге «Анатомия российской элиты» (2005) директора Центра изучения элит Института социологии РАН Ольги Крыштановской.

На этих материалах в основном строится дальнейшее изложение темы.

Политический класс

Политический класс России радикально изменился с советских времен.

Произошел значительный рост его численности за счет бюрократизации. На государственной службе сегодня находится уже 1 700 000 чиновников, столько, сколько было при Брежневеве во всем Советском Союзе. Более 1100 человек из этого общего числа относятся к элите (в основном госчиновники первого класса категории А).

Несмотря на то что официально люстрация не проводилась и бывших советских и партийных работников никто по данному признаку не преследовал и не «вычищал» из власти, однако представителей советской номенклатуры осталось у руля всего 18 процентов (абсолютное уменьшение этого контингента не так сильно, поскольку вырос весь класс в целом).

Обновление политического класса принципиально изменило многие его характеристики.

В советское время нами правили геронты — облеченные властью старики. Средний возраст представителя элиты был 68 лет. С приходом Путина произошло резкое омоложение, средний возраст стал 52 года. При Медведеве элита еще сильнее омолодилась.

Очень важно: на смену вчерашним крестьянам, порой малообразованным (более половины руководителей партии и правительства были выходцами из деревень и попадали на работу в Москву уже в зрелом возрасте), пришла интеллигенция мегаполисов. Два самых главных города — Москва и Петербург — поставляют большую часть элиты. Причем 100 процентов имеют высшее образование, а 47 процентов — ученые степени.

Какого же рода образованность оказалась востребована в наши дни? В советское время преобладающей группой в элитной среде были люди,

получившие инженерно-техническое образование, технократы. Сейчас их стало резко меньше, зато появилось очень много юристов и экономистов. За всеми этими переменами просматривается не слишком радостный вывод.

Произошла смена типа мышления руководителей государства, цивилизационный надлом. Если раньше у руля стояли творцы, энтузиасты прогресса, люди широкого кругозора и высоких духовных ценностей, то теперь случилась масштабная деинтеллектуализация элиты, ибо на их место встали торгаши, финансисты и их обслуга. Причем и те, и другие, и третьи уже утратили связь и с землей, и с простым народом.

Очень важные перемены представляет также тот факт, что во властные структуры хлынул поток бывших военных¹⁰. Когда в 1991–1993 гг. под видом реформ началась ломка КГБ и армии, в штатскую жизнь оказалось выброшено примерно 300 тысяч старших офицеров и генералов. В результате в скором времени произошло более чем двукратное увеличение доли военных во всех элитных группах (по сравнению с советским периодом, с 1988 по 2002 г., их доля возросла почти в 7 раз). А в высшем руководстве страны произошел двенадцатикратный рост числа военных! На сегодняшний день в России каждый четвертый представитель управленческой элиты — военный (за ними закрепилось понятие «силвики»). Их число продолжает возрастать, сокращая число интеллектуалов во власти, причем не только технократов.

Приход к власти Путина поставил на поток и под контроль центра подобную утилизацию корпуса отставников, сделал указанную «милитаризацию»

¹⁰ Под «военными» здесь следует понимать «людей в погонах» всех типов, офицеров — от армии и военно-морского флота до служб безопасности.

массовой и системной. По данным Крыштановской, особенно заметным приход военных стал в регионах, где их представительство среди глав субъектов Федерации увеличилось более чем в два раза по сравнению с 1999 г. К середине 2002 г. среди 88 глав (без учета Чечни) 9 были военными. По данным исследования «Путинская элита», среди всех заместителей министров, назначенных с 2000 по 2003 г., военные составили 34,9%, а доля военных, назначенных заместителями министров в экономических ведомствах, достигла 7,1%. Наиболее массовый приток военных в экономические ведомства произошел из органов безопасности (ФСБ, СВР) — 45,2% от числа всех военных, назначенных замминистрами в невоенные ведомства; из армейских структур пришло 38,7% новых замминистров; из МВД — 16,1%.

Силовики при Путине превратились в один из трех неформальных центров выработки стратегических решений (два других центра — это группа избранных министров и группа друзей из бывших сослуживцев). Каждую субботу в своем кремлевском кабинете президент собирает совещание силовиков, на котором обычно присутствуют глава его администрации, шеф ФСБ, глава Совбеза, министр обороны, иногда министры МВД и МИДа.

Системообразующая роль силовиков, которую они приобрели при Путине, позволила политологам заговорить о своего рода государственном перевороте, произошедшем в виде трансформации того политического класса, который достался Путину в наследство от Ельцина. Так, Андрей Илларионов, прекрасно осведомленный о внутренних обстоятельствах Кремля, сформулировал тезис об отеснении от рычагов управления силовиками — «сислибов» (системных либералов, руливших при Ельцине). Что и вызвало попытку реванша оных в ходе выборов 2011–2012 гг. в виде массовых протестных акций.

Крыштановская, пусть и другими словами, но пишет о кулуарах путинского Кремля примерно то же самое: «Вспомним, какую новаторскую роль играли экономисты (Е. Гайдар, А. Чубайс и др.) при Ельцине, когда ход экономической реформы кардинально изменил облик страны. Путин лишь продолжает начатый его предшественником процесс “маркетизации”, не меняя его направления и сути. Все путинские экономические шаги носили не стратегический, а тактический характер. Это было поступательное движение по ранее выбранному курсу, а не структурная перестройка экономики. Поэтому можно говорить об изменении баланса сил внутри элиты, связанном с уменьшением стратегической роли экономической элиты и увеличением роли военной элиты».

С моей точки зрения, приветствовать «движение по ранее выбранному курсу» в экономике невозможно, но Путин, опираясь на силовиков, по крайней мере прекратил вакханалию безумных экономических экспериментов над Россией, пресек преступную «новаторскую роль» скороспелых экономистов, «сислибов». Что позволяет оценивать массовый приход во власть «людей в погонах» с оптимизмом, хотя и сдержанным.

Приход к власти Дмитрия Медведева резко изменил баланс, едва не ввергнув страну в очередную катастрофу. Во-первых, за четыре года его президентства число силовиков в нашем истеблишменте сократилось вдвое (с 47% на начало 2008 года до 22% сейчас). Во-вторых, произошло резкое омоложение правящего слоя — в регионах сразу на 14 лет в среднем по стране. То и другое немедленно дестабилизировало обстановку, обострило внутриэлитные противоречия и борьбу, едва не привело к «ползучей» гражданской войне под видом «снежной революции». Скрытым двигателем которой явилась «революция надежд» молодых претендентов на вхождение в элиту, решив-

шихся попросту форсировать данный процесс.

Сорвавшаяся в силу многих причин революция консолидировала путинскую элиту.

По мнению Крыштановской, сегодня лидируют уже не силовики, а консервативная бюрократия, которая желает сохранить свое доминирующее положение в обществе. Она и является гарантом стабильности, ибо дестабилизация угрожает ее привилегиям. Сегодня на ключевых постах государства — 75 человек, из них всего два человека, о которых можно сказать: «медведевцы». Остальные — это люди, которых привел к власти Путин.

Бюрократическая часть элиты, как верно замечает Крыштановская, «и раньше была самым могущественным и богатым слоем нашего общества, но только сейчас у нее появилась возможность трансформироваться в наследственную аристократию. Прежняя система гарантировала все блага только при занятии государственной должности. Сейчас дело зашло довольно далеко. У нас появилось уже первое поколение новой аристократии. Без всяких кавычек».

Эта мысль заслуживает самого пристального внимания.

* * *

Коль скоро речь пошла о восстановлении института потомственной политической элиты, есть смысл сравнить новый политический класс не только и не столько с советским, сколько с дореволюционным правящим слоем. Необходимо понять различие между нынешним чиновничеством и бывшей элитой России.

1. Одним из главных отличительных моментов является национализация правящего слоя. Этот важнейший процесс занял весь советский период нашего развития.

Если до революции русские в значительной степени были оттеснены

от власти немцами, если сама по себе Октябрьская революция означала практически полную и моментальную замену лидирующей немецкой фракции элиты на еврейскую (при почти полном уничтожении собственно русской фракции), то в 1930–1940-е гг. происходит активный рост русской фракции, который, как было сказано выше, продолжался до самого распада Советского Союза, послужив одним из факторов его.

Перестройка и приход к власти Ельцина повлекли за собой быстрый реванш евреев в политике и экономике. Достаточно вспомнить, что в определенный момент семь из девяти советников Ельцина были евреями, исключительно еврейские головы определяли экономический курс России, еврей Козырев творил новую российскую дипломатию, еврей Швыдкой, сменивший женатого на еврейке Сидорова, распорядился российской культурой, первая десятка российских олигархов была почти исключительно представлена евреями, а реальную власть в стране осуществляла т.н. Семибанкирщина — сообщество еврейских финансистов. Разумеется, такие перемены в системе российской власти не остались без последствий, повлекли (и влекут до сих пор) за собой заметный шлейф.

Однако произошедшие при Путине социальные перемены в составе российской элиты, состоящие в ее бюрократизации и милитаризации, имели не только кадровый, но и национальный аспект, поскольку и советская номенклатура, и советское офицерство в поздней РСФСР в основном рекрутировались из русских людей. Именно национализация элит в значительной степени спровоцировала «снежную революцию», которую я тогда же назвал по ее политическому содержанию «революцией сислибов». Она проявила, в том числе, скрытое национальное противостояние внутри российской элиты, поскольку ее еврей-

ская фракция мгновенно мобилизовалась двояко: во-первых, в лице «революционеров» на Болоте имени Сахарова, а во-вторых — за спиной президента Медведева (то и другое олицетворяло антипутинскую альтернативу и подпитывало друг друга). Что, в свою очередь, подтолкнуло русскую фракцию и Путина навстречу друг другу и немедленно проявилось в кадровых перестановках на самом верху¹¹.

У меня нет сомнений в том, что начавшийся процесс практически открытого противостояния национальных фракций российского политического класса будет прогрессировать. Ведь все предпосылки этого процесса сохраняются. Формирование русской политической элиты продолжится (аналогичный процесс протекает и в среде бизнес-элиты, но об этом ниже).

Итак, первое отличие новой российской элиты от дореволюционной состоит в том, что она обрела шанс стать в определяющей степени русской национальной элитой. Чему также способствует массовая эмиграция евреев из России в 1990-е гг., а также широчайшая и глубочайшая компрометация еврейской фракции элиты — благодаря связанным с евреями антирусским реформам в экономике, политике и культуре. Поддержка, оказанная народом Путину на фоне «революции сислибов», ясно указывает на перспективный вектор перемен, в том числе в сфере выстраивания элит, их национализации.

Данное отличие я оцениваю со знаком плюс.

Однако на этом пока позитив и заканчивается.

Особо следует отметить, что национализации общероссийской элиты в смысле ее русификации соответствует процесс национализации элит в республиках, где русских, наоборот, выдавливает из власти и бизнеса пред-

ставители титульных наций, повторяя путь развития позднего СССР, приведшего к развалу страны. Используя сполна данную Ельциным возможность «глотать суверенитет», они добились высокой степени автономности республик от центра и теперь достраивают у себя настоящие этнократии. Оправдывая это, во-первых, лозунгами «возрождения этнической культуры и языка», «возвращения к народным духовным истокам», «национального возрождения как фактора демократизации общества» и т.д.¹². А во-вторых — русификацией общероссийской элиты, например так: «Выборы в Госдуму показывают, что число нерусских депутатов сокращается. Если даже все депутаты “националы” будут голосовать как один, то и в этом случае у них нет никаких шансов провести законопроекты, отвечающие интересам каких-либо из более чем ста народов России или хотя бы заблокировать решение русского механического большинства»¹³. Для чего

¹² *Галлямов Р.Р.* Правящие политические элиты российских республик в современном пространстве власти (на примере Башкортостана и Татарстана) // <http://xreferat.ru/68/45-2-pravyashie-politicheskie-elity-rossiyskih-respublik-v-sovremennom-prostranstve-vlasti-na-primere-bashkortostana-i-tatarstana.html>

¹³ *Абдрахманов Р., Маврина Э.* Республика Татарстан: модель этнологического мониторинга. М., 1999. С. 42. В том же духе предьявляют претензии и другие, например, башкиры: «В целом нерусские национальности не могут оказывать существенного влияния на процедуру принятия решений ни в Государственной Думе, ни в Совете Федерации. Если бы даже представители всех республик (всего 21 республика, включая Чечню) выступали в Совете Федерации единым фронтом, то они могли бы собирать максимум 25% всех необходимых голосов» (*Илишев И.Г.* Национальные меньшинства и государственное строительство в Российской Федерации // Демократия и национальные движения

¹¹ Замена Суркова и Полыевой на Иванову и Володина, замена Нургалиева на Колокольцева, выдвижение Рогозина и т.д.

нужно блокировать некое «решение русского большинства» (?), об этом умалчивается.

Лукавство подобной аргументации нетрудно увидеть, поскольку национализация элит в республиках стартовала, несомненно, с опережением. Националы проснулись прежде русских, это очевидный и непреложный факт. В результате уже в 1990-е гг. в Республике Саха (Якутия), например, якуты, составляя 34% населения, имели 69% должностей в правительственных структурах¹⁴. В Татарстане, по разным расчетам, от 76,5% до 78,1% правящей политической элиты составляют татары, хотя в целом по республике проживает 48,3% титульной, 43,5% — русской и 8,2% — других национальностей¹⁵. Аналогично или даже еще более радикально обстоит дело и в других республиках.

Так что точнее всего было бы сказать, что резкий всплеск местных национализмов (наиболее ярко проявившийся в распаде СССР, а затем в Чечне) вызвал к жизни, разбудил русский национализм. Результатом чего явилась стихийная русификация федеральной политической элиты.

Разделение российской элиты на национальные фракции — абсолютно негативный, но абсолютно закономерный результат противоестественного федеративного устройства России и псевдоимперских претензий Кремля. Этот процесс прогрессирует, приводя к разбалансировке государства, уготовляя ему судьбу Советского Союза.

в современном мире. Материалы российско-американского семинара. 20–22 октября 1999 г. Уфа. Уфа, 1999. С. 90–91).

¹⁴ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности России. М., 1997. С. 121.

¹⁵ Фарушкин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994., №6; Зазнаев О. Республика Татарстан // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. №2.

2. Едва ли не основная наша беда в том, что у нынешних русских чиновников, в отличие от чиновников царского времени, совсем не развито национальное самосознание.

Мы это видим, во-первых, на материалах последних антикоррупционных разоблачений. Понятно, что мы не могли бы требовать защиты русских интересов от Чубайса, Ясина, Гайдара, Мау, Юргенса, Коха и т.п. Но ведь ни Сердюков, ни Васильева, ни Игнатенко, ни Пехтин, ни многие и многие другие фигуранты не отличаются какой-то явной нерусскостью. А при этом активно действуют против русских интересов.

Во-вторых, мы сталкиваемся с нерусской и даже антирусской настроенностью русских чиновников и при голосовании в Госдуме по вопросам, касающимся национальной политики, и в деятельности структур, эту политику разрабатывающих. Взять хоть бы вполне русских по национальности, но антирусских по своим деяниям бывших министров по делам национальностей — Тишкова, Михайлова, Зорина, готовивших недавно принятую «Стратегию государственной национальной политики». А чего стоит принятие Концепции государственной миграционной политики?! А поправки к закону «О гражданстве»?!

Так что тревоги республиканских этнократов относительно «решений русского большинства» в Госдуме нелепы до степени лукавства: эти решения по большей части носят не только не прорусский, но и прямо антирусский характер.

В-третьих, оголтело антирусскую политику агрессивно ведут сегодня представители репрессивных органов, в своем большинстве укомплектованных русскими.

И т.д.

Явная или скрытая массовая русофобия русского чиновничества — ярко проявившийся феномен, еще требующий своего осмысления. К счастью, она не тотальна...

3. Может, чиновник из дворян был не сахар, но пришедший ему на смену партийный бюрократ уж точно был не лучше. Хотя бы потому, что не имел словесного кодекса чести. Этот недостаток унаследован современной политической элитой вполне.

Моральная ущербность современной русской политической элиты обусловлена особенностями ее формирования. Как указывает Крыштановская: «Когда старая советская номенклатура разделилась на две группы, то одна занялась крупным бизнесом серьезным, а другая осталась во власти. Возник дисбаланс. Первые стали быстро-быстро богатеть, а вторые как бы оставались такими же скромными чиновниками. Возникла и ревность, и зависть и желание догнать их — зависть миллионеров к миллиардерам. Люди, которые были во власти, никак не могли трансформировать свое влияние в финансовый капитал, и они пошли по пути коррупции, которая гигантски возросла».

Это многое объясняет.

Наша элита пусть и образованна, но не воспитанна. Она не имеет словесного кодекса чести, безусловно-обязательного для всех сочленов; имеет очень приблизительное понятие о благородстве и зачастую имеет не стремится. Это, конечно, тоже сливочки народа (остатние), но... «второй свежести».

Больше того, многие из них справедливо подозревают, что билет в вагон первого класса достался им не по заслугам и что рано или поздно их из этого вагона могут попросить. Вот и торопятся нажиться, наплевав на все и вся, пока не попросили...

Безнадежно ли такое положение вещей?

Избавиться разом от нынешнего почти двухмиллионного чиновничьего слоя или заменить его на других людей невозможно. А вот переучить, заставить вкладываться всем своим достоянием в родную страну — можно попытаться.

Первые шаги к этому государство в лице Путина сегодня предприняло. Но предсказать, чем кончится для президента война с собственной элитой, я не берусь.

Российская бизнес-элита

Считалось вполне официально, что в Советском Союзе есть только два класса: рабочие и крестьяне, между которыми нет ни отношений эксплуатации, ни антагонистических противоречий. Считалось, что частная собственность, капитализм, эксплуатация человека человеком — это все пережитки прошлого, которым нет места в нашем обществе.

Уничтожив русскую буржуазию, а затем — и самую память о ней, советская власть в дальнейшем всеми силами пыталась убедить нас в том, что капитализм и русскость есть две вещи несовместные.

А что было на самом деле?

Все, кто в сознательном возрасте застал 1970–1980-е годы, согласятся, что уже тогда в СССР существовало гигантское капиталистическое подполье, а черный рынок товаров и услуг был почти всеобъемлющим. По подсчетам американского исследователя Г. Гроссмана, в середине 1970-х гг. от 28 до 33% своих домашних расходов советские люди производили из «левых» источников, а доктор наук В. Тремл (Университет Дьюка, США) считает, что «левый» заработок в позднем СССР имело до 12% рабочей силы.

Несоциалистический сектор экономики демонстрировал живучесть чертополоха и упорно развивался, несмотря ни на что: еще в конце 1950-х гг. в стране количество зарегистрированных кустарных промыслов достигало 150 тысяч, впоследствии эта цифра росла. Но теневое производство (цеховики) процветало по большей части не в русских областях РСФСР, а в южных республиках и на Кавказе. И в 1991–1993 гг., когда свершилась буржуазно-демократическая революция и капи-

тализм вновь обрел все права, стартовые преимущества оказались отнюдь не у русских, а у их южных сограждан, скопивших состояния на «цеховой» и сельскохозяйственной продукции и/или создавших этнические ОПГ. А также у евреев, получивших колоссальную фору за счет зарубежных родственников и друзей, обеспечивших их консультациями, деловыми связями, товарными и банковскими кредитами, готовыми бизнес-схемами (вспомним хотя бы блистательно-скандальную историю с «Бэнк оф Нью-Йорк», связанную с парочкой Гурфинкель — Кагаловская) и т.д.

Вполне практические соображения заставляли начинающих капиталистов спланировать по национальному признаку, «держаться своей банжи» (Исаак Бабель) — именно это обеспечивало успех. К примеру, вот состав основного ядра команды Романа Абрамовича: родной дядя Лейба, В. Ойф, А. Блох, Е. Швидлер, Д. Давидович, Е. Тененбаум (стоит вспомнить, что и с Березовским, выведшим его на высшую орбиту, Абрамович познакомился на яхте у М. Фридмана и П. Авена). Аналогичным образом комплектовались штабы у Гусинского, Березовского, Ходорковского и т.д.

Национал-капитализм на марше

Казалось бы, при таких неравных условиях у этнически русского бизнеса шансов просто нет, русским бизнесменам не выдержать в конкурентной борьбе. И первые десять постсоветских лет именно так и можно было подумать, глядя на вакханалию распродажи страны, вчитываясь в имена ее участников, наблюдая за Семибанкирщиной и прочими явлениями того же ряда.

И что же? То, что сегодня происходит в деловых кругах России, сравнимо с тем, что происходило в правящих кругах СССР с 1930-х гг. Ситуация эта укладывалась в формулу, сорвавшуюся с губ одного из тех, кто уходил с

исторической сцены, уступая представителям неизбежно поднимавшегося национального большинства страны:

— Ванька прет!

Проанализируем, как за последнее десятилетие менялся национальный состав высшего эшелона российского предпринимательства. Благо, такую возможность дают ежегодные списки «Золотой сотни» журнала «Форбс». Не могу поручиться за стопроцентную достоверность некоторых цифр: сбор информации личного характера в России запрещен, а национальность отдельных богачей из открытых источников выяснить не удалось. Но тенденция видна четко (См. табл. 1).

Взяв «Форбс» за 2012 год, в котором опубликовано уже две «золотых сотни», мы находим 124 русские фамилии в списке из 200 человек: чуть более 60%. Это можно считать «контрольным замером», подтверждающим рост русской национальной фракции в общем составе бизнес-элиты — с 50 до 62 процентов.

Не один я пытался разобраться в национальном составе самых богатых людей России. Очень близкие по смыслу данные, полученные при анализе еще более обширной выборки, опубликовал в 2008 году Леонид Радзиховский: «Среди 500 российских “олигархов” — 105 евреев, 20% (к ним я причисляю также и “полуевреев”); 93 представителя иных национальностей, 18%; 302 русских, свыше 60%... Для сравнения, в 2004 году картина была иная: из 154 человек 47 евреев, 30%; 30 представителей других наций, 20%; 77 человек русские, 50%»¹⁶.

Радзиховский делает вывод, который разделяю и я: «Плавное уменьшение доли евреев и других “нацменов” — процесс вполне объективный для российского бизнеса». О плавном возрастании доли русских он умалчивает, но этот факт говорит за себя сам.

¹⁶ <http://www.day.az/forum/lofiversion/index.php/t12176.html>

Национальность	2004 год	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год
Русские	50	51	58	57	60	58
Евреи	35	33	22	22	19	21
Этномусульмане	9	11	11	11	7	10
Иные	6	4	4	7	11	10
Неопределенные		1	2	3	3	1

Табл. 1

К вышеприведенным цифрам, красноречиво говорящим за себя, добавлю следующее соображение. Некогда Борис Березовский заметил, что русские бизнесмены, в отличие от евреев, «не держат удар», не умеют подниматься после поражений для новой борьбы и побед¹⁷. Цифры показывают, что это уже давно и далеко не так. Из 23 бизнесменов, выбывших в кризисном 2009 году из «золотой сотни», русские составляют 12, а из того же числа вошедших в нее — 11 человек (то есть практически столько же), причем, что важно, 8 из них, ранее выбывших из сотни, сумели войти в нее вторично, оправившись от неудач и восстановив свой победный статус. Поистине, перед нами на сей раз уже настоящие «новые русские», взамен «старых евреев» из анекдота 1990-х годов.

Первые сотня-две наиболее богатых предпринимателей — это серьезный показатель. В руках этих людей сосредоточилось нечто большее, чем просто богатство. По подсчетам «Форбс», за 2005 год в компаниях, принадлежащих «сотне», работало 2,5 млн. сотрудников, а на уплаченные ими налоги государство содержало десятки миллионов бюджетников.

Но вот еще один любопытный вывод, сделанный по изучении 20 тысяч держателей карты *Citigold* в России. Так называемые «состоятельные люди» составляют сегодня в нашей стране 1,2 млн. человек (0,8% всего населения). Не так уж мало. На их долю

приходится 30% всех доходов, им принадлежит 40% всех депозитов и 70% активов ПИФ, они контролируют 10% национальной экономики (наиболее доходную часть, заметим).

1 200 000 человек — это уже не сто человек, пусть даже самых богатых. Такое количество, помноженное на роль и место в экономике, вполне укладывается в понятие «класс». Как же выглядит национальный разрез этого контингента? Точно на этот вопрос никто не ответит, ибо подобная статистика не ведется, во всяком случае публично; ведь в РФ сама графа «национальность» ныне упразднена. Однако в свете вышеозначенной тенденции можно строить обоснованные предположения. И тут надо взять в расчет еще одно обстоятельство.

«Золотая сотня» — это самые-самые. Здесь доля русских выросла за шесть лет примерно с 50 до 60%. Но вот в 2008 году тот же «Форбс» обнародовал имена еще полусотни кандидатов в элитный список, тех, кто стоит лишь одной условной ступенькой ниже. И что же? Доля русских составила 68%, заметно выше, чем среди первых ста (именно как среди первых богатей дореволюционной России: две трети). И заметно ниже процент других национальных категорий (См. табл. 2).

Осмелюсь предполагать, что эта зависимость не случайна. Чем ниже мы будем спускаться с террасы на террасу российского капиталистического Олимпа, тем выше будет процент русских среди полукрупного, среднего, полусреднего и мелкого (градации можно разнообразить) бизнеса. Ведь если упомянутые 1,2 млн. «состоятельных» граждан контролируют, однако,

¹⁷ Увы, личным примером Березовский не подтвердил свой тезис. Впрочем, может, это полурусская мама сказала или переход в православие?

Русские	Евреи	Этно-мусульмане	Иные	Неопределенные	Всего
34	5	6	3	2	50

Табл. 2

всего 10% национальной экономики, то кто же, спрашивается, контролирует оставшиеся 90%? Понятно, что немалая часть приходится пока еще на государство, но, возможно, не меньшую часть уже контролируют «малые сии» — миллионы мелких дельцов, не входящих пока в группу «состоятельных», хотя и стремящихся в нее. Зная, что от 40 до 60% российского капитала, по оценкам экспертов, обращается в тени, нельзя считать этот вариант невозможным.

Итак, как убедительно показывают вышеприведенные цифры, русские отлично приспособлены к капиталистическому предпринимательству и конкуренции, даже в стартовых условиях заведомо худших, чем у других. Составляя 80% среди населения в целом, они стремятся достичь и, надо надеяться, достигнут такой же доли среди бизнесменов, а то и перекроют ее. Дореволюционная Россия, уже в конце XIX века начавшая свое раскрестьянивание, явно шла по этому пути.

Что же касается цифры в 1,2 млн. «состоятельных людей», то в нее включены не только предприниматели, но и другие скоробогатые господа, чьи авуары возникли только благодаря переделу социалистической собственности и всем прочим эволюциям новодельного капитализма. Плоть от плоти которого они являются, даже будучи не предпринимателями, а чиновниками, правоохранителями, представителями оргпреступности или шоу-бизнеса и т.д.

Сказанное означает, на мой взгляд, две вещи: во-первых, мы вправе ожидать, что от двух третей до четырех пятых из этих 1,2 млн. человек составляют русские, а во-вторых — это контингент, опорный для укрепления и развития капитализма в России.

Социальный генезис нашей буржуазии

Что собой представляют эти люди статистически?

Из каких слоев они рекрутированы, каков их социальный генезис?

Каков их статус в нашем обществе?

1. Прежде всего, как было сказано выше, изначально 61% новых предпринимателей, относящихся к группе бизнес-элиты, ранее работали в органах власти, причем даже среди тех 39% предпринимателей, которые никогда не работали в органах власти, большинство были выходцами из номенклатурных семей, т.е. уже налицо были зачатки преемственности нового сословия.

Эти бизнесмены от номенклатуры не фокусировались на каком-то одном виде бизнеса; работники государственных банков составили костяк новых банкиров (88,2%), работники производственной сферы создавали частные производственные структуры (42,8%) и т.д.

2. Во-вторых, как и в политическом классе, в бизнес-элите проявляются, чем дальше тем больше, пресловутые «люди в погонах». Крыштановская пишет, что их массовым увольнением в начале 1990-х «воспользовались коммерческие структуры, ставшие основными потребителями услуг офицеров, которые занялись созданием служб безопасности, охраны, экономической разведки, информационно-аналитических управлений. Ценность этих кадров заключалась в том, что они были не просто профессионалами своего дела, но и являлись источниками связей в государственных структурах и правоохранительных ведомствах.

Особенным спросом на рынке труда пользовались выходцы из КГБ, так как их интеллектуальный и профессиональный потенциал считался выше, а «специальные навыки» были особенно ценны. В 90-х гг. каждая уважающая себя частная компания имела в штате хотя бы одно подразделение, возглавляемое генералом КГБ. В крупнейших банках и нефтяных компаниях работали чекисты, ранее занимавшие самые высокие посты в КГБ СССР... Массовый переход военных в бизнес не был плановой операцией государства. Но многолетние исследования показывают, что большинство военных сохраняют свои корпоративные связи».

3. В-третьих, происхождение бизнес-элиты позволяет лишний раз подчеркнуть, что реальным классом-гегемоном в Советском Союзе в 1970–80-е гг. стала интеллигенция мегаполисов (это обстоятельство вовремя не распознала власть, за что и поплатилась). Именно она совершила буржуазно-демократическую революцию. Именно она и получила главные дивиденды от этого события.

Бизнес-элита с конца 80-х годов формировалась из наиболее образованных людей. В 1993 г. в ее рядах находилось 93% тех, кто имел высшее образование. Два высших образования в 1993 г. имели 2,6% предпринимателей; 37,0% были кандидатами и докторами наук.

Эта тенденция с годами только усиливается: к 2001 г. окончили один вуз 96,9% бизнесменов, более одного вуза — 13,4%. Чаще всего второе высшее образование является юридическим или экономическим.

В первую очередь в бизнес рванули инженерно-технические работники (49%). Это неудивительно: именно перепроизводство инженеров было характерно для позднего социализма (их было в пять раз больше, чем в США, — некуда девать!). Но дело не только в этом, а еще и в специфике тру-

да, поскольку за восемь лет с 1993 по 2001 г. гуманитарии (филологи, историки, философы и пр.) из крупного бизнеса практически вообще исчезли, не смогли удержаться: если в 1993 г. они составляли 9,4%, то в 2001 г. их осталось менее одного процента.

Среди крупных предпринимателей окончившие инженерно-технические вузы по-прежнему составляют большинство (таких 53,3%), но выросла доля экономистов и юристов: в 2001 г. — 41,0%, сегодня несколько выше.

Время предъявляет все более высокие требования к интеллекту бизнесмена. Как пишет Крыштановская: «Крупный бизнес в России конца XX — начала XXI вв. зиждется на людях совсем другого типа — не просто формально образованных, но «продвинутых»: знающих иностранные языки, много путешествующих, уверенно чувствующих себя в Интернете и новых технологиях».

До поры до времени основная бизнес-элита оставалась московской группой, поскольку сформировалась на базе столичной молодой номенклатуры. Но после августовского кризиса 1998 г. в составе группы заметно увеличилась доля регионалов, особенно петербуржцев (их доля приблизилась к 10%). Крыштановская комментирует: «Тенденция провинциализации бизнес-элиты, отчетливо наблюдаемая в последние 10 лет, обусловлена изменением структуры самого крупного бизнеса, его территориальной диверсификацией. На место разорившихся в кризисе 1998 г. московских финансистов пришли региональные промышленники».

Таким образом, зарождение элиты будущего происходит сегодня уже повсеместно на всей территории России, но преимущественно в городах.

4. Говоря о статусе бизнес-элиты, надо прежде всего иметь в виду ее зависимость от политкласса. Как отмеча-

ет Крыштановская, «богатым в России позволяет быть власть, которая в политическом обществе использует разрешение богатеть как свой ресурс, как привилегию, которой можно награждать достойных. Тех же, кто позволил себе разбогатеть, не заручившись поддержкой власть имущих, ждут репрессии и разорение».

Может быть, сказано излишне категорично, но что верно, то верно: правила игры устанавливает и меняет по своему усмотрению Кремль. И сливки снимает высокопоставленное чиновничество, это уж точно. А вот влияние бизнесменов на политику достаточно призрачно. Что связано в первую очередь с тем, что политическая элита пока что контролирует ресурсы, несопоставимо более значительные, чем те, что контролируют все вместе взятые бизнесмены.

Путин и бизнес-элита

С приходом Путина в президентское кресло в жизни бизнес-элиты многое изменилось. Прежде всего, скоробогатым господам пришлось отказаться от всяких претензий на власть. Или, во всяком случае, выбирать что-то одно: власть или богатство. Поэтому 6% бизнесменов стали профессиональными политиками и в настоящее время работают на постоянной основе в парламенте либо в правительстве. А целых 10% бизнес-элиты образца 1993 г. предпочли покинуть Россию и обосноваться за границей. Это связано было не только с опасностью подвергнуться «раскассированию» со стороны властных структур, но и с нею тоже.

Те же, кто предпочел остаться на Родине и продолжал делать карьеру в бизнесе, приняли условия, продиктованные Кремлем. Как точно подметила Крыштановская, «люди, входящие в сотню или в две сотни “Форбса”, сегодня не входят в политическую элиту, хотя иногда их влияние чрезвычайно высоко. Таков итог правления Путина».

Надолго ли у нас сохранится такое положение вещей, противоречащее всему мировому опыту, сказать трудно. У России свои традиции, здесь золото никогда не могло стоять выше, чем булат. Таковы особенности русского менталитета, вероятно.

Любопытно, что ход событий, конкурентная борьба постепенно расставляет все по своим местам, устраняя перекосы не только в национальном составе бизнесменов. Так, теперь уже только 28,6% нынешней бизнес-элиты принадлежат к былым времен советской номенклатуре. Иными словами, только половина «советских бизнесменов» сумела сохранить свои позиции, стать профессиональными предпринимателями, а остальных безжалостно поглотил естественный отбор. Преимущества, не обеспеченные умом и талантом, оказались несовместимы с капитализмом (это внушает оптимизм).

Вместе с тем тесная связь между политической элитой России и крупным бизнесом, конечно же, осталась. Поэтому государственные чиновники после отставки нередко становятся топ-менеджерами в крупных корпорациях и других коммерческих структурах.

Интересно и другое наблюдение. Первоначально бизнес-элита была молодой социальной группой. Возникшая в 1987 г. группа «номенклатурных предпринимателей» комсомольского образца имела средний возраст 42,1 года. Однако вскоре началось ее стремительное старение: в 2001 г. ее возраст составил уже 48,6 года. А теперь она все больше наполняется людьми, которым за 50 и даже за 60 лет.

Это говорит о том, что в нее почти перестали вливаться новые силы. Гигантский и беспрецедентный передел собственности закончился. Кто не успел, тот опоздал.

Наконец, важные изменения стали происходить в сфере инвестиций. Если до 1995 г. наиболее могущественная группа бизнес-элиты, контролиро-

вавшая до 80% российских финансов, почти не вкладывала деньги в реальный сектор экономики, то позже это стало привлекательным, обеспечивая не только валютные, но и политические дивиденды. Сегодня можно смело предсказать усиление данной тенденции.

III. Так будет ли у русских своя элита?

Политику не зря причисляют к искусствам. А в искусстве, как известно, количество не переходит в качество. Из тысячи кошек, как говорят китайцы, не сделаешь одного тигра. Множество профессиональных чиновников и бизнесменов — это еще не национальная элита. Сложится ли новая русская элита — зависит от того, начнут ли эти люди связывать свои интересы, будущность, судьбу с интересами, будущностью, судьбой России и русского народа.

Естественный отбор, с особой жесткостью действующий в тех слоях общества, где есть что делить, привел в России к одному любопытному результату: женщин в бизнес-элите просто нет. «Конечно, это не означает, — комментирует этот факт Крыштановская, — что в стране нет успешных и даже влиятельных женщин-предпринимателей. Однако женщины, оставаясь в крупном бизнесе, так и не попадают в узкий круг бизнес-элиты».

Почти полностью аналогично положение дел и в политическом классе. В советское время существовали различные квоты представительства во власти: в частности, доля женщин в представительных органах власти должна была составлять примерно 30%. Но сегодня, в условиях, опять-таки, естественного отбора, их удельный вес там снизился до 8%, а в исполнительных органах власти остался на уровне 2–5%.

Каковы будут последствия таких гендерных пропорций в российской элите?

В России, где генеалогические цепочки всегда выстраивались по отцовству, все это имеет особый смысл. Ибо в принципе каждый представитель элиты, будучи мужчиной, может претендовать у нас на роль основателя, корня династии, устремленной в будущее своею кроной.

Однако будут ли у нас элитные династии, в какой-то степени сопоставимые с дворянскими родами? Вот вопрос вопросов.

Ответить на него непросто, поскольку ситуация противоречива.

С одной стороны, большинство представителей бизнес-элиты поражает своим легкомыслием, психология временщиков, унаследованная от советской элиты, прикипела к ним намертво. По данным опроса UBS и Campden Research, проведенного по заказу газеты «Ведомости», российская бизнес-элита не строит долгосрочных планов и не создает династий. Если верить Ольге Крыштановской, «российский крупный бизнес не любит привлекать к себе внимание как властей, так и общественности, не стремится сделать компанию публичной, не задумывается о передаче бизнеса по наследству и готов его продать, как только предложат хорошую цену. Только треть опрошенных надеются, что дети продолжат их дело, но не настаивают на этом. Подрастающее поколение первых бизнес-наследников приобщено к западным ценностям и лучше родителей разбирается в финансах, оно может направить семейные капиталы в Европу, подальше от российской бюрократии, в зарубежную тихую гавань. Деньги они предпочитают хранить за границей и там же учить детей».

Перед нами модель поведения, в корне отличающаяся от тех стран, где есть давно сложившиеся элиты со своими традициями. Ни о каком, даже зачаточном, патриотизме этих людей говорить не приходится.

Лишь иногда, утверждает Крыштановская, некоторые наши бизнесмены

«поступают совершенно обратно. Забирают детей из этих школ, перевозят их в Россию. И начинают думать о том, как социализовать своего ребенка здесь для того, чтобы он продолжил бизнес, который начат отцом здесь. Его надо учить здесь, чтобы он умел разговаривать со здешним чиновником, со здешним бизнесменом. Я бы сказала, что наиболее умные из бизнесменов, они вот этот путь проделывают». Но самых умных-то ведь всегда лишь единицы.

Итак, новая бизнес-элита оказалась непатриотичной в своей массе. Не говоря уж о нерусских ее представителях, для которых интересы русских не могли ничего значить в принципе, но и «новые русские» без зазрения совести норовят распродать подороже доставшееся им почти даром богатство и затем вывозят капиталы из страны, а не вкладывают в ее развитие, а детей своих отправляют учиться за рубеж с расчетом там и пристроить на будущее.

Представить себе в массовом виде подобный алгоритм в дореволюционной России невозможно. Во многом это связано с изменением характера господствующего класса: на смену дворянству — классу землевладельцев — пришла буржуазия. Дворянская элита естественно патриотичнее буржуазной: ведь земля-то она родная, русская, а деньги — штука международная, безродная.

С другой стороны, именно здесь кроется важное отличие бизнес-элиты от корпуса элиты политической, чиновничьей. Ибо те как раз преимущественно отправляют детей в такие вузы, которые гарантируют карьеру в России. То есть — в отечественные, ведь ни Кембридж, ни Оксфорд, ни Гарвард никакой карьеры здесь гарантировать не могут.

Таким образом, получается, что шанс на создание настоящей — династической, потомственной — элиты в нашей России имеет политический класс, но не бизнес-класс. За од-

ним, среди бизнесменов, исключением: бывших военных. О которых Крыштановская пишет, что хотя по мере обогащения годами вбивавшаяся «советская мифология теряла свою былую власть над их умами», однако на смену ей пришли убеждения не только патриотические, но и славянофильские, русско-националистические (поскольку офицерский корпус традиционно наполняли по большей части русские люди). А это очень важный, все определяющий сдвиг. Воспитанные в традициях служения государству, люди в погонах «сохранили ностальгию по “великой державе”».

Если учесть, что среди управленческой элиты военные также заняли весьма значительный сектор, мы можем предположить, что именно в лице сословия отставников сегодня закладывается фундамент, основное ядро грядущей русской элиты. Что вообще-то соответствует тысячелетней русской традиции.

Впрочем, наша ситуация содержит в себе и другие противоречия, ставит жизненно важные вопросы.

Чем еще отличается сегодняшняя «элита» от дореволюционной?

До революции мы имели соприродную русскому народу элиту, рощенную тысячу лет из самого этого народа, связанную с исторической Россией тысячько нитей, выросшую в традициях любви и почтения к нашей стране, ее истории, к русскому народу. В составе этой элиты русское дворянство как сословие занимало центральное место, было ее стеновым хребтом, воспитывалось ею и воспитывало ее.

Революция не только уничтожила тысячелетний биологический, генетический цвет русской нации, но и прервала, уничтожив сословия, важнейший процесс социальной «возгонки» народа, его непрерывной селекции. Вдумайтесь: если бы Табель о рангах продолжала действовать после Октября, то потомственными дворянами

стала бы уже добрая треть населения России из числа интеллигенции. И ведь это его лучшая часть, вне всякого сомнения!

Однако легко видеть, что в наши дни эта треть, пусть и лучшая, все никак не может стать настоящей русской национальной элитой, ни социально, ни политически, ни нравственно. Не дотягивает до этой высокой планки. Людей, подобных тем же героям Отечественной войны 1812 года или декабристам, мы в ее среде не обнаруживаем.

И дело не только в недостатке национализма, о чем говорилось выше.

Дело еще и в моральных качествах, и в характере образованности, в культуре.

В России не было своего «третьего сословия», породившего европейскую буржуазную элиту. Роль этого сословия у нас сыграла интеллигенция.

Но... В своем абсолютном большинстве это интеллигенция была в лучшем случае всего лишь второго поколения, советской выделки, не потомственно-преемственная. В ее составе налицо засилье нерусского элемента; русское элитарное национальное сознание ей никто никогда даже не пытался привить, а прививали, напротив, интернационализм, западничество (в т.ч. в виде марксизма и либерализма) и эгалитаризм. А хуже всего то, что русских людей поколениями воспитывали в ненависти к «царскому режиму», по существу — к исторической России, которой мы, вообще-то говоря, всем обязаны, как своей матери.

Таким образом, те, кто сегодня с грехом пополам мог бы претендовать на роль отечественной элиты, — либо не элита, либо не русские, либо русские, но без корней.

Прежняя, дореволюционная русская элита (дворяне, церковники, предприниматели, интеллигенция, кулаки, казаки), складываясь и вызревая тысячу лет, представляла собой мощный концентрат истории и духа, была по всем физическим и умственно-

нравственным корням глубоко русской, имела уровень жизни выше среднего и держала в руках бразды правления обществом. А нынешняя «элита» — беспочвенна, легковесна и не имеет прочных устоев, в том числе национальных.

При этом наиболее интеллигентная страта, которая могла бы в ускоренном порядке породить элиту, близкую по качествам к дореволюционной, — вообще не допущена к рычагам власти, во всем зависима от сильных мира сего (не обеспечена, не приподнята над всем прочим обществом материально) и вообще, по большому счету, не элита.

А между тем судьба нации — это во многом судьба ее элиты. Известно, что рыба гниет с головы, но ведь и жить без головы ни рыба, ни кто другой не может. Какая голова, такая и жизнь.

Что же нужно, чтобы перековать современный российский политический класс и верхушку новой буржуазии в русскую элиту пусть не английского, но хотя бы дореволюционного образца?

Во-первых, все-таки, национальная элита должна быть национальной. Она должна быть плотью от плоти своего народа. Иначе это уже не его элита. Если бы современная российская элита вся была не русская по крови, это значило бы просто, что у русских нет своей элиты.

К счастью, это не так.

Лучик надежды подает вышеописанный список «Золотой сотни» России, публикуемый журналом «Форбс» из года в год. Русский хозяин еще не вошел во власть, но уже встает на ее пороге. Национал-капитализм есть неизбежность, и мы его уже зрим воочию.

Аналогичный процесс происходит и в управленческой среде.

Во-вторых, национальная элита должна быть националистична. Не просто патриотична (хотя и до этого в массе еще пока далеко), а именно националистична. Она должна любить

свой народ, из которого произошла, заботиться о своем народе, думать о нем. Представитель национальной элиты не может рано или поздно не осознать, что национальная солидарность представляет ни с чем не сравнимый ресурс в конкурентной борьбе. Возьмите представителя английской элиты: это английский националист. Возьмите представителя еврейской элиты: это еврейский националист. Возьмите представителя казахской элиты: это казахский националист. И т.д. Это не случайность, а закономерность. Естественный национализм — любовь к своему народу, забота о нем — это свойство настоящих элит.

При этом необходимо понимать различие между гипотетической русской элитой и реальным русским чиновничеством. У русских чиновников не развито национальное самосознание. Но ситуация не безнадежна, она поддается коррекции. Можно и нужно своевременно озаботиться русским национальным воспитанием новой элиты, привитием ей русского национализма как модной и органичной парадигмы, ее русской национальной селекцией. Необходимо поднять ее хотя бы до того уровня русского национализма, которым блистало русское дворянство XVIII–XX вв. Вот что мы должны культивировать, пропагандировать и внедрять в интеллигентское сознание нашего вырожденческого века!

В-третьих, в национальной элите должна действовать нравственная выбраковка, должны действовать суды чести, должен действовать кодекс чести, грубое нарушение которого влечет к остракизму, к изгойству.

В дореволюционной России это было. Иногда официально (скажем, кодекс офицерской, дворянской чести), иногда — нет, но во многих профессиях существовали свои такие кодексы. Стать нерукопожатным в дореволюционной России не хотел бы никто, этого боялись. А в сегодняшней

России все со всех — как с гуся вода. Кто из нынешних чиновников покончил бы с собой из-за нравственного урона? В наши дни значение такого словесного кодекса нравственности элиты нетрудно понять и почувствовать, настолько остро ощущается его нехватка!

В-четвертых, у настоящей элиты должно быть чувство настоящего хозяина, который заботится о своем хозяйстве. Настоящий патриотизм, настоящий национализм — это патриотизм и национализм истинного хозяина страны. Если мы посмотрим на нынешнюю «элику» России, то вот как раз этого — заботы о своей стране и своем народе — мы и не увидим. Это объяснимо. Эти люди — скорохваты, говоря словами Солженицына: ненастоящие хозяева, не природные хозяева, они не выросли в итоге вековой селекции. Они не являются биосоциальной элитой. Такой, какой являлась элита дореволюционная.

Естественная селекция происходила тогда во всех высших сословиях, столетиями рожденных. А сегодня такой системы естественной селекции нет, в элиту попадают случайные люди. И таких людей, которые стали «элитой по случаю», больше миллиона. Их элитарное самосознание еще незрелое, в лучшем случае зачаточное.

А российскому дому нужен хозяин. А то Родина-мать у нас вроде бы есть, а вот отца явно не хватает. Вместо него есть какие-то постоянно сменяющие друг друга отчимы, у которых бегают по двору 15 детишек, не своих, не чужих, а непонятно каких. С этим пора покончить и наши умственные усилия нужно направить на создание подлинной национальной элиты.

В-пятых. Можем ли мы, говоря о русской элите, ее воссоздании, ограничиваться лишь судьбой нашего политического класса и бизнес-элиты, забывая о духовной элите нации? Нет,

конечно. Это было бы даже как-то не по-русски.

И тут уместно завершить разговор цитатой из русского философа и богослова о. Павла Флоренского:

«Творческая личность не делается, никакие старания искусственно создать её воспитанием и образованием не приводят к успеху, и мечтать о массовых выводках творцов культуры значит впадать в утопию. Задача трезвого государственного деятеля — бережно сохранять немного, что есть на самом деле, не рассчитывая на волшебные замки в будущем. Творческая личность — явление редкое, своего рода радий человечества, и выискивать её надо по крупицам. Государственная власть должна вырабатывать аппарат для вылавливания таких крупинок из общей массы населения...

Искать подобную личность надо всюду, под покровом всякой деятельности. Только весьма проницательные, опытные и крупные люди могут распознать подлинно творческие потенции, и для этого распознавания должен быть организован особый государственный аппарат, работа которого с лихвой окупится результатами...».

Что нас ждет?

Путин сегодня пытается воспитывать патриотизм в представителях элиты. Делает он это довольно неуклюже, в соответствии с основами марксистской политэкономии, заложенной ему в ум при обучении в советском вузе. А может, ему вспоминается евангельская максима «где будет имущество ваше, там будет и сердце ваше»? Во всяком случае, в российских верхах началась не просто кампания, а настоящая борьба, имеющая целью принудить богатых россиян к размещению своих состояний в отечественных банках и инвестициях, а не в офшорах.

Большинство наблюдателей относится к этому скептически, а напрасно, ведь Путин уже зарекомендовал себя как человек упорный, умеющий

настойчиво добиваться поставленной цели. В частности, чтобы преподать суровый урок «офшористам», Россия не только не стала всерьез защищать их интересы на Кипре, но и использовала кипрский кризис как урок и весьма злорадное назидание: мол, не надо было держать капиталы за рубежом, господа хорошие. Более того, отныне Минфин РФ будет требовать у всех стран, которым РФ предоставляет кредиты, полной финансовой прозрачности во всем, что касается российских учредителей и бенефициаров зарегистрированных на их территории компаний. И подобных системных мер намечено еще немало.

Перевоспитание элиты, несомненно, не ограничится действиями международного характера. Наблюдатели уже говорят о своего рода верхушечной гражданской войне, развязанной Путиным против собственной элиты, выросшей в том числе и за годы его правления. Если в течение первых десяти лет правления Путин по ряду причин не мог позволить себе традиционный для русских самодержцев «перебор людишек» (выражение Ивана Грозного), то теперь настало время «большой зачистки» и отделения овец от козлиц. Но ведь для подобной цели необходимо иметь своих опричников или, на худой конец, лично преданных гвардейцев, спрос на которых резко возрастает и влечет за собой тектонические подвижки внутри элит.

В частности, как подметила Крыштановская, главными отличительными особенностями путинской элиты являются: 1) снижение доли «интеллектуалов», имеющих ученую степень; 2) увеличение представительства бизнеса во властных структурах, связанное с объективным изменением роли новой буржуазии в обществе; 3) «провинциализация» элиты и 4) резкое увеличение числа военных во власти. Если третье и четвертое можно приветствовать, а второе принять как данность, то первое свидетельствует о

том, что Путин разошелся с еврейскими умниками, составлявшими бригаду «политических лоцманов» ельцинской эпохи¹⁸ (что очень хорошо), но не сумел найти им замену из числа русских интеллектуалов (что очень плохо). Почему не сумел? Со стороны судить трудно. Хуже всего, если это обусловлено излишней уверенностью Путина и его ближнего круга в собственных умственных силах. Разрыв Кремля с русской интеллектуальной элитой может очень дорого обойтись стране.

Необходимо отметить и другую опасность. Воспитательные усилия Путина по адресу власть и деньги имущих — это, конечно, хорошо, правильно. Но его правление отличает одна черта, которая может поставить под угрозу такие планы.

Дело в том, что огромные капиталы, сложившиеся у столичной бизнес-элиты и лично у верхушки руководства страны, толкают Россию на путь империализма, пробегая форсированными темпами национал-капиталистическую стадию. Не случайно такие агенты российской капитализации как Анатолий Чубайс и Альфред Кох — нерусские и, по мнению многих, антирусские деятели — заявили концепцию «либеральной империи». То есть вместо военного завоевания бывших советских республик СССР (а там и других) предлагается выстраивание системы «господства — подчинения» между метрополией (Россией) и протекторатами, доминионами, колониями (другими странами) с помощью исключительно экономических инструментов, в частности — экспорта энергоресурсов.

Ситуация — классическая: естественная и ожидаемая (читайте Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»).

Порою кажется, что Путин вдохновляется именно этой идеей. И что он

действительно взялся выстраивать империю, для начала под видом Евразийского союза, в интересах крупного сырьевого капитала (госкорпоративного в том числе). Увы, президент забыл о плачевном историческом опыте двух рухнувших подряд за какие-то семьдесят четыре года нечуждых нам государств: Российской империи и СССР. Он упрямо строит очередную псевдоимперию: государство не русских и не для русских, но за счет русских. Переустройная для начала под эти цели нашу мононациональную Россию.

Но беда в том, что империализм и национализм — две вещи, плохо совместимые. А в условиях демографического упадка — просто губительные для государствообразующего народа. Соответственно, режим воспроизводит уже однажды показавший свою порочность алгоритм: вместо русской националистической элиты складывается имперская элита с ее опасным и бесплодным «безродным патриотизмом» и «великодержавным космополитизмом»¹⁹. Создается правящий класс безнационально-патриотического (по сути, интернационалистского) закваса, ориентированный на фантомную «российскую нацию» — аналог советского народа. Хотя никакой российской нации в природе не было, нет и быть не может.

Чем это кончится — показывает судьба Советского Союза. Но прочесть эту судьбу правильно и извлечь уроки этим людям, как видно, не дано. И не будет дано, пока в России не вырастет наконец новая русская национальная элита. В полном смысле этого слова.

¹⁹ Идеологическим центром этой элиты выступает «Изборский клуб», а идеальным примером, олицетворением служат полутувинец (полуеврей?) Сергей Шойгу и полуманси Сергей Собянин.

¹⁸ К сожалению, в области национальной политики рулят по-прежнему ельцинские лоцманы: Эмиль Паин, Валерий Тишков и др.

АВТОРЫ НОМЕРА

Галкина Елена Сергеевна

историк, политолог, доктор исторических наук, автор ряда книг и статей по социальной антропологии, этнокультурной и политической истории кочевых народов, а также по проблемам современного социально-политического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Дмитриев Тимофей Александрович

(р. 1971), философ, кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ—ВШЭ. Автор книги «Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта» (2007).

Дьяков Виктор Елисеевич

(р. 1951), прозаик, публицист, печатался в журналах «Наш современник», «Москва», «Русский Дом», «Слово» и др.

Жучковский Александр Григорьевич

(р. 1986), журналист, публицист, общественный деятель.

Кильдюшов Олег Васильевич

(р. 1972), независимый аналитик, публицист, переводчик, редактор, политический обозреватель журнала «Сократ».

Клёнов Николай Викторович

(р. 1982), публицист, автор книги «Несостоявшиеся столицы Руси» (2011).

Коростелев Сергей Геннадьевич

(р. 1988), писатель, обозреватель сайта болельщиков ПФК ЦСКА Москва rbworld.org

Неменский Олег Борисович

(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Петров Сергей Анатольевич

(р. 1972), кандидат филологических наук.

Святенков Павел Вячеславович

(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич

(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011), «Дело Тихонова–Хасис. Палачи или жертвы?» (2012) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Холмогорова Наталия Леонидовна

общественный деятель, правозащитник, публицист, директор Правозащитного центра «РОД».

SUMMARY

The 14th volume of VOPROSY NATIONALISMA (STUDIES IN NATIONALISM) opens with a selection of papers on the mutual relations between ethnic Russians (Russkii) and the Russian Federation (Rossiya) as a state. Can we consider the Russian Federation to be a national state for Russians (Russkii)? How can we combine Russian ethnic nationalism and Russian (Rossiyan) patriotism? Classics of Russian national thought Igor Shafarevich and Gennady Shimanov, writer Victor Dyakov and publicist Alexander Zhuchkovsky discuss these questions.

Cover story is Nationalism and War. Political analyst Pavel Svyatenkov reflects irremovability of war from political realm. Publicist Nikolay Klyonov tells the story of the birth of the Tsardom of Russia from the spirit of wars and military reforms of Ivan III. Historian Sergey Sergeev analyzes the impact of the wars of imperial Russia on the evolution of Russian nationalism in 19th-early 20th-century. Philosopher Timothy Dmitriev explores a little-known story of the Great Patriotic War - a bad experience of the Soviet military units created along ethnic lines. Publicist Kabarchi Dzakare describes the history of the struggle of the Irish Republican Army against the United Kingdom. Historian Elena Galkina draws a portrait of Syrian society on the Civil

War background, reveals the reasons that led to it, and predicts the consequences.

Historian Oleg Nemensky dedicated his paper to Technologies of de-Russification from destruction of cultural traditions to genocide.

Journalist and social activist Natalia Kholmogorova publishes her conversation with the leaders of the Russian community in Estonia, devoted to the ethnic situation in the country.

Philosopher Oleg Kildyushov examines the ethno-political status of the ethnic Russians in the Soviet Union and Russian Federation, defining them as “the inconvenient majority”.

Journalist Sergey Korostelyov describes the Russian football as an arena of inter-ethnic fighting, highlighting the North Caucasus factor.

Philologist Sergey Petrov talks about anti-imperial and anti-Russian uprising of the Central Asian peoples of the Russian Empire in 1916.

In the rubric “Jubilee” a selection of materials dedicated to the 90th anniversary of the famous mathematician and socio-political thinker Igor Shafarevich.

The volume ends with polemical article by political writer Alexander Sevastyanov representing his view of the past, present and future of Russian national elite.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 22.06.2013.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.